

А. ПАНКРАТОВА

ФАБЗАВКОМЫ РОССИИ В БОРЬБЕ ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ФАБРИКУ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. Н. ПОКРОВСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КРАСНАЯ НОВЬ»
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТА
1923

А. Панкратова.

ФАБЗАВКОМЫ РОССИИ
В БОРЬБЕ
ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ФАБРИКУ.

Под редакцией М. Н. ПОКРОВСКОГО.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ".
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1923.

Главлит 11.887. Тираж 10.000.

„Мосполиграф“ — 20-я типография „Красный Пролетарий“, Пименовская, 1/16.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие 7

I. Введение:

Возникновение и развитие борьбы за фабричную конституцию.

1) Проблема экономического переворота и историческая роль фабрично-заводских комитетов 9

2) Фабричная система и место в ней фабрично-заводского представительства 13

3) Место фабрично-заводских комитетов в промышленном рабочем праве 18

II. Фабрично-заводское представительство в России до революции 1917 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ:

Борьба между трудом и капиталом в крепостной фабрике.

1) Крепостной режим первой русской фабрики 25

2) Первые попытки борьбы рабочих с фабричным абсолютизмом и первое фабрично-заводское представительство 31

3) Первое фабричное законодательство в борьбе с фабричным абсолютизмом 37

ГЛАВА ВТОРАЯ:

Фабрика пореформенного капитала и развитие в ней борьбы за право голоса рабочих.

1) Фабричный режим пореформенной фабрики 42

2) Борьба внутри пореформенной фабрики и первые конституционные завоевания 46

3) Развитие борьбы внутри фабрики 80—90 г.г. 50

4) Рабочее законодательство о внутреннем строе пореформенной фабрики 53

ГЛАВА ТРЕТЬЯ:

„Полицейская фабрика“ и рост классовой борьбы рабочих.

1) Рост капиталистической фабричной системы и „тревоги“ правительства 58

Стр.

2) Полицейское вмешательство во внутреннюю жизнь капиталистической фабрики 62

3) „Зубатовская конституция“ и ее отражение в русской фабричной системе 66

4) Институт фабричных старост и его роль в борьбе за фабричную конституцию 75

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ:

Буржуазно-капиталистическая фабрика и борьба за фабричную конституцию.

1) Капитализация русской фабричной системы и переход от бюрократической регламентации труда к капиталистической 85

2) Революция 1905 года и завоевание фабричной конституции . 93

3) Борьба за фабричное самоуправление у печатников, металлистов и нефтяных рабочих 110

4) Фабрично-заводское представительство и отношение к нему Советов Раб. Деп. и профсоюзов в революцию 1905 года 119

5) Фабр.-зав. организации в период реакции 1907—11 года . . 124

6) Подъем рабочего движения в годы 1911 — 13 и правовая борьба на ф-ке 136

ГЛАВА ПЯТАЯ:

„Империалистическая“ фабрика и „Военно-промышленный социализм“.

1) Основные изменения в промышленном и социальном строе военного времени 142

2) Фабричный режим военной ф-ки и протесты против него рабочего класса 146

3) Военно-промышленные комитеты и институт старост 155

4) „Военно-промышленный социалист“ и проблема участия рабочих в регулировании промышленной жизни 163

III. Фабрично-заводские комитеты в России в эпоху революции 1917—18 года.

ГЛАВА ШЕСТАЯ:

„Конституционная“ фабрика в период февральской революции.

1) Фабрично-заводские комитеты в борьбе за производство . . . 172

2) Фабрично-заводские комитеты—детище революции 175

3) „Фабричная конституция“ и закон 23 апреля 1917 года . . . 182

4) Нарастание борьбы между трудом и капиталом и первая конференция фабрично-заводских комитетов 188

5) Поход против фабрично-заводских комитетов и борьба за их права 196

6) Борьба за рабочий контроль 215

Стр.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ:

В борьбе за социалистическую фабрику.

1) Участие фабрично-заводских комитетов в Октябрьском перевороте 230
2) От рабочего контроля к рабочему управлению. 236
3) Слияние фабзавкомов с профсоюзами 252

ГЛАВА ВОСЬМАЯ:

Фабрично-заводские комитеты в эпоху диктатуры пролетариата и их дальнейшая роль в строительстве социалистической фабрики.

1) Фабрично-заводские комитеты в период военного коммунизма . 270
2) Участие фабрично-заводских комитетов в производстве . . . 286
3) Фабрично-заводские комитеты и новая экономическая политика 302

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ:

Фабрично-заводские комитеты в Западной Европе и их историческая роль в борьбе за социализм.

1) Общее и различное в русском и западно-европейском рабочем движении фабрично-заводских комитетов 310
2) Западно-европейское законодательство о фабрично-заводских комитетах 315
3) „Промышленная демократия" реформистов и борьба фабрично-заводских комитетов за рабочий контроль 323
4) Борьба между фабрично-заводскими комитетами и профсоюзной бюрократией 333

Приложения:

I. Правительственные акты о фабрично-заводских комитетах:

а) Текст закона 10 июня 1903 года об учреждении старост в промышленных предприятиях 343
б) Постановление Временного правительства о рабочих комитетах в промышленных заведениях 345
в) Положение о рабочем контроле, изданное Советом Народных Комиссаров 14 ноября 1917 года 348

II. Уставы фабрично-заводских комитетов:

а) Устав фабрично-заводского комитета (разработан Центральным Советом фабрично-заводских комитетов в 1918 г.) . . 351
б) Положение о фабрично-заводских комитетах (утвержденное Всероссийским Центральным и Московским советами профессиональных союзов в 1918 году после слияния завкомов с профсоюзами) 365

Стр.

в) Положение о фабрично-заводском комитете (утвержденное ВЦСПС и Наркомтрудом в 1920 году в период военного коммунизма) 370
г) Положение о фабзавкомах и месткомах (утвержденное ВЦСПС в 1922 году при новой экономической политике) . 380

III. **О порядке проведения контроля инструкция Всероссийского Совета рабочего контроля 386**

IV. **Инструкция, выработанная самостоятельно на местах . .**

V. Краткая инструкция и порядок выборов в цеховые и фабрично-заводский комитеты Шайтанского завода 392

5. Положение об управлении национализированными предприятиями 399

6. Библиография 405

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая книжка о фабрично-заводских комитетах не является, в строгом смысле, историей деятельности фабзавкомов.

Она явилась в результате, с одной стороны, тех выводов и наблюдений, которые сделаны были автором в его непосредственной практической работе в области профессионального движения, с другой стороны, — тех обобщений и теоретической работы, которую автор проделал в историческом семинарии М. Н. Покровского в Институте Красной Профессуры. Это последнее дало ему возможность подойти с точки зрения исторической перспективы и принципиальной оценки той громадной революционной роли, какую сыграли первичные фабрично-заводские организации в деле борьбы рабочего класса за социалистическую фабрику.

После победы пролетарской революции строительство социализма стало знаменем, под которым ведет свою героическую борьбу и напряженную работу русский пролетариат. Первым и наиболее трудным этапом на этом длинном и мучительном пути к социализму является преобразование прежней капиталистической фабрики в новую—социалистическую, творцом и хозяином которой является теперь сам производитель—победивший революционный рабочий класс.

Свою борьбу он начал задолго до октябрьской победы в 1917 г. Он ведет ее столько, сколько существует сам, как рабочий класс, осознавший свои классовые задачи и свои социалистические цели.

Фабрично-заводские комитеты—сначала орудия его классовой борьбы, потом органы экономической диктатуры—были наиболее близкими к массе, активными выразителями борьбы рабочего класса за социализм.

Вот почему история этой борьбы представляет такой большой интерес. Знать основные этапы, пройденные на этом пути, должен каждый рабочий, каждый сознательный участник строющейся социалистической республики рабочих и крестьян. Именно это соображение и заставило автора издать эту работу, как первую попытку обозрения уже пройденного пути.

В нашей литературе по рабочему движению отсутствие такого общего или специального обзора деятельности и общего хода развития наиболее близких каждому рабочему организаций, какими являются фабрично-заводские комитеты, является несомненно пробелом. Может быть, предлагаемая работа, при всех ее недостатках, вполне сознаваемых автором, этот пробел несколько восполнит.

Автор.

ВВЕДЕНИЕ.

Возникновение и развитие борьбы за фабричную конституцию.

Проблема экономического переворота и историческая роль фабрично-заводских комитетов.

Широкое массовое движение, известное под именем движения фабрично - заводских комитетов, сопровождало моменты подъема рабочих революций последних лет не только в России, но и почти во всех капиталистических странах Запада. Фабрично-заводские комитеты становились аванпостами пролетариата и его базой в развитии революционой классовой борьбы. Коминтерн и Профинтерн призывали пролетариат превратить с помощью этих фабрично-заводских организаций каждую фабрику и каждый завод в крепость революции. А с другой стороны, именно эти низовые представительные ячейки фабрично-заводского пролетариата Второй и Амстердамский Интернационалы пытались сделать опорными пунктами соглашения с буржуазией, органами „сотрудничества классов".

Реформистские теории Легина и его последователей о создании с помощью фабрично-заводских комитетов „конституционной фабрики" и мирном „врастании" социализма в капиталистическую систему получили в Европе значительное распространение и вызвали большую литературу, особенно в Германии.

Внутри самих фаб.-зав. комитетов обострилась борьба реформистского и революционного течений за преобладающее влияние. Конференции германских фабзавкомов могут слу-

жить ярким образцом той классовой борьбы, которая так широко развертывается сейчас во всех капиталистических странах.

Но ход и развитие классовой борьбы пролетариата до известной степени предопределяют и ее направление, и методы, и даже исход борьбы. С полной очевидностью свидетельствуют они о том, что современное рабочее движение перерастает рамки капиталистического строя, что самим ходом развития производительных сил оно приводит к коренному изменению задач движения, все больше и активнее переходя от лозунгов борьбы за улучшение условий труда к лозунгам решительного переворота самих отношений и способов производства. „Фабричная конституция", понимаемая реформистами, как гармонизация интересов труда и капитала, как попытка построить их взаимоотношения на началах равноправности, откидывается ходом истории, ибо в современной капиталистической системе неизбежно требование ограничения капитализма не только в области условий труда, но и в области производства.

Старая капиталистическая фабричная система, построенная на началах авторитарности и подчинения, обречена на гибель. С каждым днем лозунг социализации фабрики, т.-е. радикального изменения производственных отношений, становится все более боевым лозунгом современного рабочего движения. Сведется ли „демократизация фабрики" к тем „конституционным" формам, какие мы видим в политике, руководимой реформистами, или, наоборот, борьба за „демократизацию фабрики" обозначает активное вмешательство рабочего класса в процесс производства, обозначает революционный переворот в системе экономических отношений?

Так сейчас стоит проблема во всем мире.

Так она стояла перед Октябрем и в рабочем движении России.

На истории развития борьбы между трудом и капиталом внутри фабричной капиталистической системы в России мы можем проследить, как постепенное нарастание революционных настроений в рабочей массе, в связи с процессом эконо-

мического, социального и политического развития России, с неизбежностью должно было привести и привело к экономическому перевороту и замене капиталистических производственных отношений социалистическими.

Уже в недрах все более развивающейся капиталистической фабрики вырастали корни новой социалистической системы, для возникновения и развития которой промышленный капитал создавал объективные условия. Но, с другой стороны, необычайно быстрый рост развития русского капитализма способствовал тому, что рядом с возникновением социалистического пролетариата и крупно-промышленной буржуазии оставались в сожительстве с ними огромные массы пролетаризирующегося крестьянства, идущего на фабрику, и старая хищническая буржуазия, привыкшая к методам первоначального накопления и поддерживавшая тесную связь и дружбу с бюрократией и царизмом.

Эти своеобразные условия развития русского капитализма приводили к резкому и открытому, порой бурному, столкновению классовых антагонизмов. У нас не было почвы для развития легальных организаций и мирных средств борьбы. Тем более не было места в русской капиталистической фабричной системе „конституционному“ укладу и сотрудничеству классов.

Штурм капитала рабочий класс России начал с первых шагов своего классового оформления. Всю силу своего сопротивления, а потом и нападения на капитал он сосредоточил в наиболее близкой к нему фабрично-заводской ячейке.

Здесь он начинает свою историческую борьбу против фабричного абсолютизма, добиваясь на первых порах хотя бы неполной и несовершенной фабричной конституции.

Отсюда он переходит к борьбе за свое экономическое и правовое освобождение в государстве.

В моменты подъема борьбы—в периоды нарастания революции—рабочий класс уже не ограничивается завоеванием фабричной конституции, а расширяет рамки своего самоуправления до пределов управления завоеванной фабрикой, т.-е. до активного вмешательства в процесс производства и

в перестройку производственных отношений в социалистическом направлении.

Так совершился экономический переворот в октябрьские дни, и русские фабрично-заводские комитеты, как классовые боевые организации, сыграли в нем громадную революционную роль.

Для России проблема решилась полным и категорическим отрицанием „конституционной“ фабрики, как способа к мирному внедрению и врастанию социализма в капиталистическую систему.

Наоборот, русский рабочий класс завоевывает фабричную конституцию, чтобы превратить ее в орудие борьбы за полное овладение фабрикой, за создание новой социалистической фабрики. Таков естественный ход исторического развития борьбы за „демократизацию“ фабрики в России, исключающий самую возможность постановки проблемы так, как ее ставят реформисты Западной Европы.

Он же предопределил и план предлагаемой работы.

Мы хотели дать в беглом очерке социально-экономическую динамику русской капиталистической фабрики, эволюцию способов производства и производственных отношений и роль в этой эволюции „субъективного“ фактора, их революционизирующего, т.-е. рабочего класса, вырастающего вместе с ростом капитализма, но уже с первых шагов своего бытия стремящегося к организации новых социалистических способов и отношений производства.

С другой стороны, нам нужно было показать, что рабочие организации—и в первую голову рассматриваемые нами фабрично-заводские—в этом историческом процессе играют роль б о е в у ю и р е в о л ю ц и о н н у ю, какими бы формально-юридическими рамками ни замыкали их деятельность административно - государственный и капиталистический произвол.

Историю фабр.-зав. комитетов, с нашей точки зрения, нельзя рассматривать, не проследив в сжатом вводном очерке происхождения и объективного значения их в современной капиталистической системе производства и не определив места этого института в промышленном рабочем

праве. Без рассмотрения этих факторов многие моменты борьбы за социалистическую фабрику будут непонятны, особенно в своеобразных русских условиях.

Фабричная система и место в ней фаб.-зав. представительства.

Фабрично-заводские комитеты, равно как и профессиональные организации, могли появиться лишь на определенной стадии развития капиталистической промышленности и сопутствующего ей роста рабочего класса. Лучшее, наиболее полное выражение капиталистического способа производства и построенных на нем отношений между трудом и капиталом мы находим в той вполне завершенной и отчетливой системе отношеиий, которая известна под именем фабричной системы и которая предопределила общий характер и содержание фабрично-заводского института рабочего представительства.

Эта капиталистическая фабрика представляет собою не только техническую и экономическую систему, организацию труда, но и вытекающий из нее целый комплекс социально-трудовых отношений, антагонистичных по своему существу и меняющихся в зависимости от соотношения сил внутри этой социальной фабричной системы.

Фабрика—это тот невинный собирательный термин, которым прикрылась вся чудовищная власть капитала над современным рабом, продавшим ему свою рабочую силу.

Откуда исторически произошла современная фабрика? Она появилась в результате промышленной революции 18 века, из недр „мануфактур“ на Западе, соединивших в одно место людей и орудия производства под руководительской ролью собравшего их здесь капитала. Введение на „мануфактурах“ машин повело к созданию фабрик, мастерских, основанных на машинном производстве, зависящих уже не столько от личной ловкости, силы и уменья собранных в мастерской работников, сколько от автоматической системы машин, выполняющих весь процесс производства фабриката и нуждающихся лишь в управлени и известном надзоре за ходом производства. А это последнее повело к тому, что рабочий, еще в мануфактуре сохранявший некоторую тень независимости и самостоятельности,

окончательно и целиком прикрепляется к машине, к фабрике и к владельцу ее—капиталисту-собственнику. Фабрика, по словам неоднократно цитируемого Марксом д-ра Ure—этого „Пиндара“ и философа капиталистической фабрики,—это „огромный автомат, составленный из многочисленных механических и сознательных органов“, а вторая составная часть фабрики—занятые в ней рабочие, наблюдающие за „системой производительных машин“—не более, как придаток этой системы, подчиненный вместе с нею центральной двигательной силе. Так из примата машины над сознательным трудом живого человека выросло его подчиненное положение, создаваемое техникой новой фабричной системы. Центральная машина становится не только автоматом, но и автократом-самодержцем, создавая для современного рабочего, по выражению Маркса, „пожизненную специальность“ управления частичным орудием и превращая его самого в „часть частичной машины“. Но порядок, созданный машинной техникой, сам по себе необходимый и присущий каждому производственному процессу, при капитализме превратился в рабство для наемного рабочего. Ведь капиталистический процесс есть не только процесс труда, но и возрастания прибавочной стоимости, единственным источником которой является наемный рабочий; сами орудия производства служат только средством наиболее успешного и рационального извлечения этой прибавочной стоимости. Именно в этой второй части капиталистического процесса производства неизбежно вырастает господство капитала над рабочими, продавшими ему свой товар—рабочую силу, и капиталист считает себя не только собственником рабочих рук, но и самого владельца их. „Управление капиталиста,—говорит Маркс,—есть не только особая функция, возникающая из самой природы общественного процесса труда и входящая в состав этого последнего, она есть в то же время функция эксплоатации этого общественного процесса труда и, как таковая, обусловлена неустранимым антагонизмом между эксплоататором и сырым материалом его эксплоатации“.

Внутри фабрики, благодаря команде капитала, создается

своеобразная фабричная иерархия, ибо „как армия нуждается в иерархии военных командиров, точно так же для массы рабочих, объединенных совместным трудом под командой одного и того же капитала, нужны промышленные обер-офицеры, унтер-офицеры, распоряжающиеся во время процесса труда от имени капитала" (Маркс).

Такова сущность капиталистической фабричной системы, дающая основание и для установления такого распорядка внутри ее, который можно охарактеризовать именем фабричного абсолютизма. Власть капитала распространяется на рабочего не только во время процесса труда, но и на всю его общественную личную жизнь, лишая его фактически индивидуальной свободы.

И чем более ранний период развития этой системы мы возьмем, тем откровеннее и грубее проявление этого деспотизма в области правового положения рабочего класса; тем обнаженнее и свирепее его действие, чем менее рабочий класс способен к сопротивлению. Свое самодержавие капитал наиболее полно осуществляет в созданном им фабричном режиме, в той казарменной дисциплине, которая до мелочей регламентируется специальным для каждой фабрики „дисциплинарным кодексом"—„правилами внутреннего распорядка". И миллионы людей подчиняются этому порядку, беспрекословно признавая его обязательность. Корни этого подчинения лежат еще в той стадии развития промышленности, которая создала строй, известный под именем „фабричного феодализма". Хозяйская власть считалась принадлежащей владельцу предприятия в силу его социального положения собственника орудий производства. В „право хозяина в своем доме" не должны были вмешиваться „посторонние"—будет ли это государство или иная организация. Тем меньше права имел в области установления внутреннего режима фабрики сам рабочий. Государство целиком предоставило регламентацию внутреннего строя хозяйственного предприятия капиталисту, как собственнику и владельцу, считая эту роль хозяина скорее бытовым, чем правовым явлением, предоставляя ему самому определять и расширять рамки своих прав по отношению к рабочим.

Остатки старых традиций ремесленного строя влияли на характер этих „патриархальных“ отношений, оправдывая обычаем и „правом“ хозяйский произвол. Ни о каком „праве голоса“ рабочего не могло быть и речи. Тяжелое бесправие было уделом рабочего в этой ранней стадии существования фабричной системы. Потребовался длинный путь развития капиталистического производства и роста наемного труда, чтобы ограничить этот абсолютистский режим на фабрике. Возмущение и протест против него возникли вскоре после начала промышленного развития и прошли целый ряд фазисов. Через преступление, воровство, уничтожение машин, разрушение фабрик проходил рабочий в поисках других, более целесообразных и действительных способов борьбы со все возрастающим гнетом капитала и созданным им правопорядком внутри фабрики. Но вскоре он понял, что в одиночку, будучи просто изолированным „свободным“ продавцом своих рабочих рук, он противостоять капиталу не может. Самый факт скопления рабочих в одном месте и однородность условий существования подсказали иные методы борьбы. Экономическая необходимость заставляла рабочих одной фабрики выступать, как одно целое, прежде всего в заботе о сохранении заработной платы от понижения. Стачка была наиболее острым моментом этой борьбы внутри фабрики, а руководители стачек—первыми представителями фабрично-заводской массы рабочих. Но эпизодические приемы борьбы оказывались недостаточными. Экономический прогресс ухудшал положение рабочих, держа их под угрозой безработицы, голода и нужды. Естественно и неизбежно приходил рабочий класс к необходимости объединений. Но это было уже тогда, когда рабочий класс осознал себя, как класс, который не может и не хочет мириться со своим рабским положением.

Тогда-то фабричному абсолютизму рабочие противопоставляют требования фабричной конституции. Они требуют признания за рабочими права вмешательства в условия труда и быта их в предприятии и ограничения хозяйского произвола. Они хотят контролировать выполнение условий договора найма и условий труда. Они требуют своего уча-

стия в установлении правил внутреннего распорядка, приема и увольнения рабочих. Но так как разрозненными усилиями рабочим труднее добиться осуществления своих требований, они требуют этих прав для своих организаций, требуют признания фабрикантами и правительством своих представителей—профессиональных союзов и рабочих комитетов.

С. и Б. Вебб в своем известном труде „Промышленная демократия" (рус. перев. Ильина наз. „Теория и практика тредъюнионизма"), характеризуя развитие рабочей демократии и борьбу ее за свои права, так описывает этот этап возмущения рабочего класса против фабричного абсолютизма: „Для нее (рабочей массы) бесконтрольная власть собственников средств производства, позволяющая лишить рабочего всякой возможности существования, если только он не соглашается на их условия, обозначала гораздо более действительное лишение свободы, порождала гораздо более острое ощущение личной зависимости, чем официальная юрисдикция судьи и далекое, мало ощутимое владычество короля. Промышленные короли, подобно королям прошлых времен, совершенно искренно не способны понять, почему нужно ограничивать их власть. И те и другие нисколько не затруднялись приведением доказательств того, что сохранение этой власти необходимо для общества. Против этой автократии в промышленности наемные рабочие все сильнее и сильнее протестовали в течение всего столетия. Агитация за свободу союзов и за фабричное законодательство была, в сущности, требованием конституции в царстве промышленности".

Совершенно естественно, что на первых порах абсолютные монархи промышленности встречали с величайшей враждебностью всякие попытки к раскрепощению. Слишком чужда им, как правильно отмечают Веббы, самая мысль о возможности толковать с рабочим, как с равным. Вся фабричная система, которой они командовали, как будто противоречила этому стремлению „рабов" выйти из повиновения. Но когда появились первые ростки рабочей самодеятельности и организованности, свидетельствующие о пробуждении и росте его классового самосознания, капиталист-

абсолютист поспешил сам организоваться для борьбы с рабочим классом и отстоять тот фабричный кодекс, в котором до сих пор в частно-правовом порядке, без разделения властей и без представительной системы формулировал он, по выражению К. Маркса, свое самодержавие над рабочими.

Так, в исторически сложившейся структуре современного предприятия еще силен элемент хозяйского абсолютизма. И чем ближе по своей технической и экономической организации фабричная система к отошедшему ремесленному и мануфактурному производственному строю, тем „патриархальнее“ отношения между трудом и капиталом, тем меньше в ней места голосу рабочего представительства, тем явственнее следы фабричного абсолютизма и тяжелее бесправие рабочего.

Лишь с развитием вместе с крупно-промышленным производством крупно-промышленного пролетариата рабочее представительство и, в частности, фабрично-заводское заняло прочное место в старой абсолютистской фабричной системе. Упорной борьбой в жестоких схватках с капиталом, шаг за шагом утверждал себя в ней пролетариат в качестве равноправной стороны.

Место фаб.-зав. комитетов в промышленном рабочем праве.

Историческая борьба рабочего класса во всех капиталистических государствах за изменение внутреннего строя предприятия и за установление в нем демократического правопорядка развилась в двух направлениях: с одной стороны, за уменьшение хозяйской власти в составлении самого договора личного найма, с другой—за желательное для рабочего класса направление фабричного законодательства, ограничивающего хозяйский произвол. По природе своей современное промышленное предприятие, напротив, обнаруживает тенденцию к автономному, внезаконодательному созданию своего внутреннего распорядка, и только благодаря давлению извне—сопротивлению рабочего класса, конкуренции, государственному вмешательству и т. п.—оно постепенно делает уступки в области устроения внутреннего порядка при содействии рабочих организаций (коллективный рабочий

договор). Мы уже говорили, что фаб.-заводские представительные организации могли появиться и приобрести влияние на ход борьбы труда с капиталом внутри предприятия в результате уже высокого развития капиталистической промышленности, олицетворенной в так наз. фабричной системе. Сейчас мы хотим показать, что фаб.-зав. комитеты свидетельствуют, с другой стороны, о росте самосознания и боевой готовности пролетариата, т.-е. о наличности не только объективного, экономического, но и субъективного фактора грядущей революции. Это, впрочем, две стороны одного и того же процесса, нараставшие почти одновременно. Роль этого „субъективного“ фактора в борьбе с капиталом выявлялась также исторически, в особенности, в борьбе за рабочий договор. Борьба эта началась еще в период расцвета ремесла, когда мастера настаивали на единоличном или цеховом (хозяйском) регламентировании ремесленной деятельности, на сохранении патриархального строя отношений. Подмастерья же, становившиеся все более экономически-несамостоятельными, наоборот, стремились к улучшению своего экономического и правового положения путем усиления договорного начала при определении условий труда. Развитие мануфактурной и фабричной промышленности, лишая цеховую организацию ее регламентирующего характера, разбивая корпоративную замкнутость, тем не менее, не только не сопровождалось вначале правом рабочих самим регулировать свои отношения с хозяевами, но ввело даже строгую регламентацию государства во все детали промышленной жизни предприятия. В этот период „фабричный феодализм“ получал свою юридическую и моральную санкцию со стороны государства, связывающего своей всесторонней опекой и бдительным надзором не только рабочих, но и самих хозяев. Но уже с конца XVIII и начала XIX века экономическое развитие большинства капиталистических стран требовало коренного изменения хозяйственной политики и широкого предоставления простора, личной инициативы развивающемуся капиталу. Вмешательство государства в „частно-правовые“ отношения между работодателями и рабочими стало считаться вредным и

недопустимым. Конкуренция—вот основная движущая сила и основной фактор, определяющий всю экономическую жизнь, все общественные отношения. „Свобода договора"—вот единственный регулятор отношений между трудом и капиталом. Таковы были принципы „экономического либерализма". Но фактически они почти не задели положения рабочих, ибо экономическое неравенство сводило к нулю словесную „свободу личного договора". Даже наоборот: решительно отказываясь от регулирующего воздействия государственной власти, капиталисты-предприниматели и не думали отказаться и изменить ранее изданные законы и регламенты, касавшиеся внутреннего строя промышленных предприятий и подчинявшие рабочих теперь уже бесконтрольному самодержавию капитала. „Свобода договора" сводилась к свободе установления неограниченной власти собственника и к безнаказанной эксплоатации экономически зависимых от него рабочих. Во Франции, например, эти „свободные договоры" так и назывались „договорами подчинения".

Правда, все растущее сопротивление рабочего класса и тяжелые боевые столкновения труда с капиталом заставляли искать правовых способов улаживания конфликтов.

Уже в начале XIX в. возникают проекты подчинения порядка, устанавливаемого самоличной предпринимательской властью на фабрике, некоторому контролю. В 1801 году французский проект фабричного закона, предлагающий признавать регламент лишь после ознакомления с ним рабочих и властей; в 1848 г. германский проект, принятый Франкфуртским парламентом, о необходимости утверждения правил внутреннего распорядка „фабричными совещаниями" из представителей фабрикантов и рабочих; в том же году проект швейцарского юриста Блунчли, определяющий объем и границы карательной хозяйской власти,—вот наиболее ранние и оформленные попытки установления института фабричного регламента, имеющего целью ограничение хозяйского абсолютизма и контроль над ним. Но до участия в этом контроле свободного рабочего представительства, в особенности фабрично-заводского, еще далеко.

Капитализм сам создал основные условия нового порядка: развитие техники приводило к уравнению условий труда, ибо массовое производство, с одной стороны, обезличивало труд фабричных рабочих, с другой—вносило единство в условия найма, делая возможной замену личного договора общим, коллективным.

Массовое появление коллективных договоров составляло новую фазу в развитии хозяйственной жизни и в движении пролетариата, знаменующуюся признанием легального существования рабочих организаций и их участием в установлении правовых норм во внутренней жизни предприятия. По мере того, как профессиональные организации принимают все более правовые формы, хозяйская власть все больше утрачивает характер личного усмотрения. Да и сам индивидуальный предприниматель все больше растворяется в акционерных и т. п. собирательных капиталистических руководящих группах, передавая фабричной администрации хозяйские полномочия внутри предприятия. Патриархальный характер отношений навсегда исчезает. На защиту правовых интересов рабочих выступают различные рабочие организации—полномочные представители рабочего класса, говорящие от его имени. „Свободный договор“ заменяется сделкой двух договорных сторон, двух коллективов, и содержание этих сделок определяется исключительно соотношением сил.

Так приобретает правовой и законный характер рабочее представительство. Не будучи в состоянии помешать его возникновению, капитал делал попытки использовать его в своих интересах, давая ложное направление деятельности рабочих организаций. Договор найма налагает на обе стороны права и обязанности, вытекающие из специфического положения каждой стороны в производстве. В обязанности рабочих представителей входит охранение прав и интересов рабочих, а не наблюдение за исполнением рабочими установленных хозяевами правил или за соблюдением ими дисциплины. Это дело хозяина или хозяйской администрации. Выборные от рабочих не могут брать на себя этих функций, так как к ним перешла бы тогда и принудительная власть капиталиста. Оставаясь на почве защиты интересов пред-

ставляемых ими рабочих, фабричное самоуправление имеет свои границы, точно определяемые условиями капиталистического производства. Хозяева, впрочем, как мы увидим это на примерах рабочих комитетов в Германии и в России (автономные комиссии печатников), нередко толкали на путь расширения полномочий представителей от рабочих, снабжая их прерогативами хозяйской власти и спокойнее орудуя за спиной своих невольных помощников.

Остается еще сказать несколько слов о другом направлении борьбы рабочего класса за изменение внутреннего строя предприятия—о борьбе за благожелательное для рабочего класса фабричное законодательство. Буржуазия вначале упорно боролась против коалиций рабочих, используя государственную власть и законодательство в своих интересах. И государство, лишь под давлением социально-экономической необходимости, вмешивалось в неприкосновенную власть предпринимателя и до известной степени регулировало те острые углы в их отношениях, которые грозили нежелательными конфликтами, стачками и потрясением существующих порядков. Призванное по своему классовому смыслу служить интересам господствующего класса, государство все свое законодательство о наемном труде направляло в сторону облегчения и предоставления буржуазии „законной“ возможности эксплоатации рабочих. И тем не менее и рабочие, и первые социалисты, и даже „либеральная“ буржуазия добивались решительными способами вмешательства государства во взаимоотношения труда и капитала, регулируемые произволом предпринимателя и изменчивыми условиями рынка.

Маркс и Энгельс, хотя и признавали малое практическое значение фабричного законодательства, тем не менее горячо поддерживали борьбу рабочего класса в этом направлении. Рассматривая фабричное законодательство, как первую скудную уступку, вырванную у капитала, К. Маркс писал (Капитал I. 481): „фабричное законодательство — это первое сознательное и планомерное воздействие общества на стихийно сложившийся строй процесса его производства“. Так только под давлением рабочих и под влиянием конкуренции

допускали капиталисты вмешательство государства (даже идущее им навстречу) в свои эксплоататорские права. Особенно противились они каждому законодательному моменту в области регулирования заработной платы, ибо здесь было явное вмешательство в самую „святая святых“ капитализма—в область прибыли.

Точно так же и регулирование рабочего дня достигается лишь в процессе длительной и упорной борьбы, и уже настоящая гражданская война по всему фронту между классом капиталистов и рабочим классом происходит на почве вмешательства во внутренний строй фабрики и во взаимоотношения ее основных социальных элементов. Естественно, что фабричное законодательство всегда запаздывало, санкционируя завоевания рабочего класса лишь после того, как убеждалось, что отнять их уже невозможно.

Вот почему так скудно и законодательство о фабрично-заводских комитетах. На Западе и в России оно получает более или менее оформленный вид лишь после победы революции. Все же законодательные прообразы фаб.-заводских комитетов до революции носили чрезвычайно урезанный и жалкий характер, и только название их напоминало о том, что они должны были бы служить органами самоуправления рабочих.

Таким образом, мы пришли к следующим выводам:

1) Фабрично-заводские комитеты—результат развития капиталистической промышленности и сопровождавшего его роста рабочего класса—получают общий характер и содержание, в зависимости от особенностей развития капиталистической фабричной системы, построенной на авторитарных отношениях. Лишь в упорных классовых боях пролетариат утверждает себя в ней в качестве равноправной стороны.

2) Правовую легализацию и законное место в промышленном рабочем праве институт рабочего и, в частности, фабрично-заводского представительства получает также после длительной борьбы пролетариата, оформившегося, как класс.

3) Борьба за коллективный рабочий договор, за признание рабочих организаций, за право установления на фабрике

определенного правопорядка, борьба за желательное направление фабричного законодательства,—все это различные формы единой борьбы против предпринимательского самодержавия, борьбы за фабричную конституцию—пока в области условий труда.

4) Границы фабричной конституции определяются самими условиями капиталистического производства. Водораздел идет по линии противоположных экономических интересов собственника-капиталиста, стремящегося извлечь максимум прибавочной стоимости, и наемного пролетария, сопротивляющегося капиталистической эксплоатации.

Эти общие выводы на конкретной обстановке борьбы за русскую фабричную конституцию получают не только свое живое подтвержение и углубление, но и заставляют рабочий класс учитывать уроки истории, использовывая учтенный опыт для дальнейшей борьбы.

Фабрично-заводское представительство в России до революции 1917 года.

ГЛАВА I.

Борьба между трудом и капиталом в крепостной фабрике.

Крепостной режим первой русской фабрики.

Русская фабричная система долгое время существовала в условиях крепостного права и принудительного труда. На всем строе ее лежал яркий отпечаток хищнического хозяйствования, свойственного периоду первоначального накопления промышленного капитала, закладывающего фундамент своего будущего могущества путем усиленной эксплоатации рабочих. Вот почему первая русская фабрика является классическим образцом абсолютизма в созданных всей ее системой отношениях между трудом и капиталом. Ее режим вытекал из того экономического и социально-политического положения, в котором находилась только начинавшая развиваться русская крупная промышленность.

В России не было типичного для Запада развития городской ремесленной промышленности с крепкой, но замкнутой цеховой организацией. Развитая уже в XVI—XVII в. торговля и торговые капиталы обращаются охотнее на закупку продуктов труда мелких производителей, хотя и находящихся в экономической зависимости, но не превращающихся в наемных рабочих,—чем на организацию самостоятельного производства. Для удовлетворения же спроса на

предметы роскоши часто приглашались мастера из-за границы. Ремесленные и мануфактурные предприятия до Петра I развивались медленно, случайно и почти не регулировались государством. В законодательных памятниках до-Петровской эпохи почти нет постановлений, касающихся внутренней организации или регламентации фабрично-заводской промышленности. Первою причиной, побудившей Петра I заняться промышленным переустройством России, была необходимость поставить себя в более экономически независимое положение от Ганзейских городов, Голландии и Англии, откуда получались необходимые для обслуживания нужд войны солдатское сукно, полотно, оружие и порох. Принужденный с развитием торгового капитала вести войны с западными соседями Петр стремился не только создать в России регулярное войско и флот, но и производящие все необходимое для армии, артиллерии и флота фабрики. После попыток непосредственно казною заведывать новыми фабриками и заводами Петр стал широко практиковать отдачу фабрик частной предприимчивости, всячески содействуя развитию и совершенствованию фабричных предприятий и широко идя навстречу предпринимателям. Но крупных капиталистических предприятий, основанных на наемном труде, создать не удавалось, вследствие отсутствия свободных рабочих рук, благодаря закрепощенному состоянию сельского населения. Переход к принудительному труду становился неизбежным, и уже указом 18 января 1721 года было дозволено покупать к заводам деревни. Так была создана новая категория крепостных, так наз. фабричных крестьян. Благодаря дешевому труду крепостных, которым могли пользоваться, главным образом, крупные фабриканты, у нас, вместо капиталистического производства с вольнонаемным трудом, водворилось крупное производство с принудительным трудом. Этот своеобразный процесс развития русской промышленности, естественно, наложил свой отпечаток и на характер отношений труда и капитала внутри первой русской фабрики. По свидетельству Туган-Барановского, могущего считаться летописцем русской фабрики, „наша фабрика приняла характер рабочего дом, в котором

порядок поддерживался суровой дисциплиной, а поощрением к труду служили тяжелые наказания". Вопрос о поддержании дисциплины среди „подлых" фабричных людей и характер этой дисциплины зависели, конечно, от того, что крепостные отношения узаконивали юридически и фактически полное и безапелляционное право распоряжения не только средствами и орудиями труда, но и рабочей силой. Поскольку главной заботой и правительства и игравшего в петровской политике роль „души" купечества, торгового капитала, заинтересованного в промышленном развитии,— было отыскать хотя бы „суррогаты свободного труда" и удовлетворить потребность в рабочих руках, постольку и рабочий состав первых русских фабрик был случаен, пестр и разнообразен: арестанты, бродяги, нищие, беспризорные, жены солдат и матросов и, наконец, прикрепленные к заводам крестьяне. А такой состав внушал правительству и администрации убеждение, что иными мерами, помимо суровых мер жестокости и дисциплины, его к рукам не приберешь. Наказ, данный в 1706 году старосте Тульского казенного завода, приводит целый перечень дисциплинарных мер: „А буде кто из мастеровых людей станет пьянствовать или каковые являться будут ленивцы, от чего чиниться будет делу ружья мешкота и непоспешение, и таковым пьяницам и ленивцам чинить наказание, в первые батоги и пени шестнадцать алтын четыре деньги, а буде и потом творить учнут таковая же, чинить наказание батогами жесточее и брать пени по вышеуказанному и держать на чепи и в железах дни по два и по три".

Подвергая строгой регламентации и постоянному надзору всю промышленную жизнь, Петр в своих регламентах указывал также и на то, что в предприятии должен быть установлен твердый режим. Так в своем важнейшем законодательном акте 3 декабря 1723 г. об издании для „мануфактур" Регламента он подробно излагает все обязанности мануфактур коллегии не только в области организации производства и управлениях, но и в области порядка использования рабочей силы.

П. 14 Регламента говорит: „Коллегии надлежит „накрепко"

смотреть, чтобы фабриканты порядочно содержали мастеровых и учеников и чинили им награждение по достоинству". В 15-ом и 16-ом пунктах Регламент делает указания о необходимости подвергать работников систематическому испытанию и судить мастеров и учеников в случае провинности. Регламент Адмиралтейства в 1722 году устанавливает особых дозорщиков, обязанных смотреть за работой.

Подобную строгую регламентацию промышленной жизни мы находим и у преемников Петра, в общем, продолжавших его систему. Но вся эта регламентация больше имела в виду поднятие благосостояния русского купечества, чем ограничение эксплоатации рабочих. Так известный „Генеральный указ о всех фабриках", обнародованный в царствование Анны Иоанновны 7 января 1736 г., признал всех находившихся на фабриках рабочих вечными крепостными фабрикантов, которым была предоставлена неограниченная власть над всеми „обретающимися на их фабриках".

„Вечно отданных к фабрикам,—говорит п. 5 Указа:—которые сбежат на прежнее жилище или в иные места, велено нигде не принимать и не держать, а поймав приводить и объявлять воеводам, а им, учиня наказание, отсылать на те же фабрики, откуда бежали... А буде кто из вышеписанных ныне на фабрики явятся невоздержные и ни к какому учению не прилежные, о тех самим фабрикантам, по довольном домашнем наказании, объявлять в Камер-коллегии или в конторе, откуда по свидетельству фабрикантов, за такое их непотребное житье ссылать в ссылки в далекие города или на Камчатку в работу, чтоб другим был страх, а ежели в ссорах или драках или пьяные где взяты будут, тех не держать нигде ни одного дня и не убытка отсылать на фабрики и оным ф а б р и к а н т а м с а м и м ч и н и т ь и м н а к а з а н ь е п р и д р у г и х и х б р а т ь и".

Но, пожалуй, самым замечательным документом, характеризующим внутренний строй крепостной фабрики, являются знаменитые „Работные Регулы" и „Регламент" Анны Леопольдовны, явившиеся 2 сентября 1741 года в результате работ специальной „комиссии для рассмотрения суконных фабрик".

Эга комиссия, обследовавшая состояние суконных фабрик пришла к выводу, что на суконных фабриках распространились „непорядки“, потому что у них нет „Регламентов никаких, по которым работным людям поступать“. Исходя из этой мысли, комиссия выработала обстоятельные постановления, касающиеся всей до мелочей внутренней жизни предприятия, обязанности фабрикантов и мастеровых, надзирателей и „работных людей“. Рекомендуя фабричных людей своих, когда по должности своей надлежаще исполняют, ни в чем не обижать и не оскорблять, но по всякому христианскому достоинству добро и хорошо содержать, комиссия признает тяжелое положение крепостных рабочих и нужду их, какую ей пришлось констатировать: „поныне срамно было видеть, что большое число мастеровых и работных людей так ободрано и плохо одеты находятся, что некоторые из них насилу и целую рубаху на плечах имеют“. Необходимость составления „Работных Регул“—этой первой бюрократической попытки самоличного установления „правил внутреннего распорядка“—комиссия мотивирует довольно любопытно: „понеже поныне разные, как интересу, так и точному самых фабричных содержателей намерению противные и весьма вредительные непорядки, великое своевольство и чрезвычайная продерзость у мастеровых и работных людей в большом числе суконных и каразейных фабрик к немалому разорению вкоренилось: того раза крайняя нужда требует помянутым людям, для предупреждения всяких впредь худых следствий, нижеписанные о должности и мерах их регулы, для точнейшего исполнения написать“.

Содержание этих „регул“ касается точного установления времени работы, обеда, отдыха, случаев и размеров штрафов и наказаний и т. п. правил, точно устанавливающих, что можно и чего нельзя. Интересен п. 7, касающийся взаимоотношений между фабрикантами и рабочими: „Все споры между принадлежащими к фабрике надзирателями, мастеровыми и работными людьми должны быть представляемы фабричному содержателю для разбора“. „Ежели же случится, что фабрикант на фабричных людей своих или они на фабриканта жалобу какую произнести имеют, то они

повинны сперва обиды свои представителям их учтиво объявить, и когда случившиеся погрешения способно отстаивать не могут, то, сообщась с надзирателями своими, они должны явиться к фабричному содержателю со всяким надлежащим почтением и о добровольном отрешении их обид просить". Это разрешение всех споров и „обид" при помощи „фабричного содержателя"—многим публицистам-крепостникам давало в прежние времена повод говорить о „патриархальности" отношений у нас между работодателями и рабочими. По п. 8 тех же „Работных регул" совершенно открыто подчеркивает, что в крепостной фабрике ни о каких „патриархальных" отношениях говорить не приходилось: за непочтение и непослушание фабриканту или другим начальникам следовало наказание кнутом и денежный штраф". А ежели кто начальников своих дерзнет рукою, то при всех фабричниках наказывать их жестоко кошками и полгода кормить одним хлебом с водой" [1]. И в дворянских, вотчинных фабриках (дворянские фабрики особенно развиваются с конца XVIII в.) и в так наз. посессионных фабричный режим был ярким отражением того крепостнического состояния, в котором находилась вся страна. Особенной силы достиг крепостной гнет в правление Екатерины II, манифестом 17 марта 1775 г. установившей свободу открытия предприятия „всем и каждому, не требуя на то иного дозволения", и узаконившей принцип конкуренции. Не стесняемые ничем, в погоне за максимумом прибыли и подгоняемые конкуренцией, фабриканты создали совершенно нечеловеческие условия труда и жизни для крепостных рабочих. Семевский в своей известной работе „Горнозаводские крестьяне во второй половине XVIII в." дает много ярких картин условий быта и борьбы посессионных рабочих в царствование Екатерины II. Горнозаводская промышленность на Урале, державшаяся исключительно принудительным трудом, предъявлявшая громадный спрос на рабочие руки, повела к закрепощению вольных поселенцев Урала, превра-

---

[1]) К. Писсёлович. История фабрично-завод. законодательства Российской империи. СПБ. 1883, т. 1, стр. 71.

тив крестьян-хлебопашцев в подневольных горнозаводских мастеровых. Процесс этого превращения протекал болезненно, да и произвол заводчиков доходил до невероятных размеров. И. Сигов в своем исследовании „Народ и поссессионные владения на Урале“ [1]), обрисовывая крепостной режим уральских заводов, рассказывает, что народ передает случаи, когда по приказанию заводского начальства людей живыми бросали в доменные печи или топили в пруде. Жаловаться же на притеснения заводчиков было не безопасно, ибо каждого такого челобитчика ожидали батоги или плети и отдача в рекруты.

Постоянные притеснения однако вызывали жалобы, волнения и бунты со стороны горнозаводских рабочих и крестьян. Посланный Екатериной на заводы Урала князь Вяземский обрисовал тяжелое положение фабричных крепостных, и Екатерина приказала, чтобы, „если от заводского управления какое непристойное мучение или удержка в заработной плате происходить будет, то рабочим предоставить право бить челом в судебных местах от миру, послав нарочно челобитчиков, коих никому ни под каким видом не притеснять“.

Это было все, что в области правовой можно было ожидать от дворянско-крепостнического правительства.

Но рабочий, будучи даже в состоянии полного закрепощения, не мог мириться со своим положением. Он неустанно протестует и борется против своего бесправия и унижения, и этот его протест и первые требования своего голоса в устроении собственной судьбы мы уже отчетливо видим даже в эту эпоху рабства рабочего, когда его классовое самосознание почти еще не было выявлено и оформлено.

Первые попытки борьбы рабочих с фабричным абсолютизмом и первое фабрично заводское представительство.

Борьба рабочих против крепостного режима принимает особенно широкие размеры при Екатерине II. К этому времени фабрика полновластно входила в обиход русской жизни: по данным Рожкова в его очерке экономической истории России „Город и деревня“,

---

[1]) „Рус. Богатство“ № 3 за 1899 г.

к концу царствования Петра в России было 233 фабрики, а при Екатерине II, в 1762 г.—984 и в 1796 г.—3.461. К концу XVIII в. суконное, механическое и горное производства имеют сотни тысяч рабочих. И уже эти вотчинные дворянские и посессионные фабрики и заводы знают свой „рабочий вопрос“. Материальное положение рабочих на казенных заводах, как оно ни было тяжело, было все же устойчивее, чем на частных, но бесправие было одинаково у всех. Частные рабочие не раз требовали для себя такой же заработной платы и таких же уроков, какие были нормой для казенных заводов. Продолжительность рабочего дня в горнозаводской и фабрично-заводской промышленности устанавливалась как правило от зари до зари. В Регламенте, изданном Петром 5 апреля 1722 года, предписывается звонить в колокол за час до восхода и спустя час по заходе солнца. Штрафная обстановка, казарменный режим, бесчеловечные наказания, притеснения со стороны фабричных мастеров и высшей администрации дорисовывают картину невыносимого положения рабочих. Тяжелые условия труда вызывают непрерывные волнения и бунты, усмиряемые зачастую военной силой.

Мартов („История Рос. соц.-дем.“) приводит сведения о непрерывной цепи таких волнений фабричных крепостных: в 1796 году происходили беспорядки среди фабричных рабочих в Казани, в 1797 году в Московской губ., в 1798 и 1800 г.г. опять в Казани, в 1806 г. в Московской и Ярославской губ., в 1811 г. в Тамбовской губ., в 1814 г. в Калужской губ., в 1815 г. в Ярославской губ., в 1816 г. в Петербургской губ., в 1817 г. снова в Ярославле и Казани, в 1819 г. в Казани, в 1821 г. в Воронежской и Калужской губ., в 1823 г. в Владимирской и Московской губ., в 1829 г. в Казани, в 1834 г. в Казани, в 1837 г. в Тульской губ., в 1844 г. в Московской губ. и в 1851 г. в Воронежской губ.

Семевский и Сигов в упомянутых выше трудах своих дают сведения о многочисленных волнениях уральских и сибирских горнозаводских рабочих, присоединявшихся к волнениям „приписных“ крестьян и составлявших ядро Пу-

гачевской повстанческой массы. Эти постоянные рабочие волнения, особенно если они сопровождались эксцессами насильственного характера, подавлялись административными и полицейскими властями самым жестоким образом. „Сей дух буйства, недоверенности к начальству и ослушание беспримерного распоряжения вышнего начальства совершенно смирить и уничтожить едва ли будет возможно“, докладывал новгородский губернатор по делу о 9 мастерах, приговоренных к смертной казни „за неповиновение начальству“ [1]). Каковы же эти „примерные распоряжения“ начальства против недовольства рабочих? Аудиториатский Департамент не утвердил постановление губернатора о повешении 8 бунтовщиков и расстреле одного и постановил: „Трех подсудимых, подавших более повода к дерзости и возмущению фабричных мастеровых, исключая из сего звания, вместо смертной казни бить кнутом по 25 ударов, вырезать ноздри и, поставя указанные знаки, сослать, остальных 6 подсудимых прогнать шпицрутенами через тысячу человек по 6 раз, а затем отослать в Архангельск на тамошний прядильный завод“.

Борьба, иногда очень упорная и ожесточенная, происходила главным образом потому, что рабочие, особенно из поссессионных, признавали себя свободными людьми и не соглашались признавать неограниченную власть хозяина. „В нынешнее время (в мае 1858 года),—писал приказчик Абаимов из Юрюзанского завода,— очень стало трудно управляться, мужичье-дураки ничего не понимают, и как до сих пор живут на цепи, то и желают сорваться, как обыкновенно срываются цепные собаки“. Дальше, описывая рост возмущения и недовольства среди рабочих, приказчик указывает, что „из зла к нему были зажиги (поджоги). Но если такого рода проявления протеста были накануне „освобождения“ от крепостного права, когда вообще крепостной труд отмирал, то в более ранние времена (век Екатерины), борьба рабочих принимала са-

[1]) „На Московско-Новгородской парусной фабрике“, стр. 5. „Дела Аудиториатского Департамента, 23 мая 1816 г.—См. Архив истории труда № 2.

мые разнообразные формы от „челобитных“ до настоящих массовых бунтов.

Несмотря на противодействие со стороны властей, рассматривающих жалобы рабочих, как результат „своевольных мыслей“ и „буйного духа“ рабочих, фабричные крепостные неустанно отправляют своих „ходоков“ и „поверенных“—первых рабочих представителей—к губернатору, министру и нередко к самому царю с жалобой на притеснения и плохие условия жизни. Нередко подобные жалобы грозили тяжелыми наказаниями и даже смертью прежде всего самим уполномоченным от рабочих. В делах того же Аудиториатского Департамента мы находим, например, факт предания военному суду рабочих Лебедева и Вшипова, отправлявших жалобу рабочих на фабричные порядки. Суд нашел их „виновными в самовольной отлучке от команды“ и в согласии „писать затейливые просьбы и утруждении не токмо его императорского величества, но даже всей царской фамилии“ и признал их „подлежащими смертной казни через повешение“. В 1816 году военно-судная комиссия приговорила 10 работников за подачу прошения государю к „битью кнутом, вырезанию ноздрей и ссылке на вечную работу на галеры“ [1]).

Массовые проявления рабочими своего недовольства и попытки изменения своего положения после восстания декабристов, вызвавшего явно сочувственное отношение рабочих, стали казаться правительству опасной угрозой общественному порядку и привели к созданию в 1826 г. такого учреждения, как 3 отделение собственной его величества канцелярии, уделившей первое внимание рабочим волнениям и беспорядкам внутри фабрик.

Архивные материалы, извлеченные из 3 отделения, дают многочисленные факты волнений фабричных рабочих в период с 1824 по 1860 год, дорисовывающие общую картину борьбы крепостных рабочих [2]). И уже в это время мы

---

[1]) См. Архив истории труда № 2 ст. 6.

[2]) Извлечения из этого архива помещены в сб. „Архив истории труда в России“, кн. 2 ст. 86 и сл.

видим упорную борьбу внутри фабрики не только за увеличение заработной платы или уменьшение рабочего дня, но и за правовое положение и прежде всего за освобождение от фабричного крепостничества.

Из отдельных фактов этой борьбы мы можем отметить, как наиболее интересные, прежде всего борьбу рабочих Фряновской поссессионной фабрики (в Богородском уезде) в 1800 году, борьбу рабочих Осокинской суконной ф-ки в Казани, Хлебниковской ф-ки и ряда других [1]).

Для нас интересны результаты этой борьбы и ее достижения в области правовой.

Именно эта упорная борьба и постоянные волнения, жалобы, ходатайства через уполномоченных, та энергия, с которой эти первые фабричные представители искали „управы от притеснителей", заставляли правительство издавать „положения", регламентирующие труд и взаимоотношения с фабрикантами, и даже заставляли признать первое рабочее представительство. Правда, добытое борьбой право голоса через своих представителей было совершенно ничтожно при фактическом и юридическом закрепощении рабочих, но здесь важен самый факт появления рабочего представительства и борьбы за него на заре зарождения и первых шагов рабочего класса.

Рабочие Фряновской фабрики просили, чтоб „за порядками на фабрике и за платежом им денег смотрели 6 человек, выбранных ими самими из своей среды". Сенат после долгой и упорной борьбы рабочих утвердил положение о Фряновской ф-ке, в котором § 15 удовлетворял просьбу фабричных о выборных. Функции этих первых рабочих старост определялись в § 15 таким образом: „Должность старосты заключается в следующем: 1) Он обязан наблюдать, чтобы контора при выдаче мастеровым задельных денег не производила несправедливых вычетов, 2) каждый день должен быть при фабрике дневальный староста, который и обязан — 3) своеручно свидетельствовать на ярлыке, что вписанные в них количества материалов суть те самые, кои

---

[1]) Туган-Барановский, „Русская фабрика". Стр. 96 и далее. Поссе: „Рабочие стачки".

мастеровым действительно выданы, и что мастеровому задельная плата произведена исправно и несправедливых вычетов за хлеб, дрова и проч. не сделано, 4) в выборе старосты должно участвовать все общество.

В этом любопытном „положении“ мы находим и первые, своеобразно направленные зачатки рабочего контроля (п. 3) и такую широкую „демократическую“ основу (п. 4) „участвует все общество“, какой не имел даже закон о старостах 1903 г. Но крепостной фон, служивший рамкой этой „демократизации“, не позволяет, конечно, преувеличивать ее реального значения.

Еще более исключительный пример первого рабочего управления фабрикой можно найти в факте соглашения, которого достигли после неоднократных столкновений с фабрикантом рабочие Красносельской бумажной фабрики близ Петербурга, принадлежавшей Хлебникову. По этому соглашению рабочие, подчиняясь уполномоченному фабриканта, сами через своих выборных мастеров наблюдают за всем ходом работ, за выплатой жалованья и т. п. За сохранение этого договора рабочие Хлебниковской фабрики вели долгую трудную борьбу и с новой владелицей ф-ки, которая, конечно, не могла примириться с „неслыханным своеволием“ рабочих и неотступно жаловалась Министру Внутр. дел, что „мастеровые отпали от всякого повиновения, составили между собой общество, которое ими управляет, отклоняя всякое над собой начальство“.

Правительство иногда назначало комиссии „для расследования“ причин волнений и недовольства рабочих; понятно, что комиссии эти никогда не находили справедливыми жалобы рабочих и считали, что недовольство их „проистекает не столько от нужды, сколько от подстрекательства к неповиновению и своевольству просителей фабричных“. „Доколе“, писал в своем донесении Бурнашев, командированный на „бунтующие фабрики“, Министерству Внутр. дел, департаменту мануфактур в 1818 г., фабричные не будут обращены в повиновение своему владельцу, доколе они не оставят ложного мнения, в уме их поселившегося, о свободе и доколе не истреблен будет в них дух своеволия“,—до тех пор нельзя надеяться на спокойствие и порядок внутри фабрики.

Первое фабричное законодательство в борьбе с фабричным абсолютизмом.

Борьба рабочих с фабричным крепостничеством не только подрывала его корни снизу, путем революционного, хоть и неустойчивого, выдвижения права своего голоса в вопросах труда, но она же вынуждала и верхние слои крепостного режима шаг за шагом изменять крепостнические отношения. Мы уже указывали, что в материальном и в правовом отношении рабочие вотчинных и посессионных фабрик находились вне охраны закона, в полном и бесконтрольном распоряжении своих владетелей-фабрикантов.

По закону 1803 года фабрика могла быть за злоупотребления со стороны ее владельца с рабочими отобрана в казну, но фактически получалось обратное: рабочие, жаловавшиеся на злоупотребления, отдавались на полное усмотрение фабрикантов, как это было, напр., с ходоками Яковлевской ярославской ф-ки, высеченных за то, что добивались „правды и своих прав". Если вмешательство со стороны властей во внутреннюю жизнь крепостной фабрики было, то оно исходило главным образом от Министерства Внутренних дел и помимо М-ва Финансов, в непосредственном ведении которого находились фабрики. Но выступления иной раз в защиту рабочих дворянско-аристократических представителей царского правительства объяснялись не соображениями гуманности и не стремлением улучшить положение рабочих, а своими собственными классовыми выгодами. Дворянство враждебно встречало рост и влияние торгово-промышленного класса в России и охотно поддерживало все, что тормозило развитие капитала, в том числе и некоторые притязания рабочих, где они не грозили „недоразумениями" самому правительству. Вначале государственного законодательного регулирования взаимоотношений рабочих и фабрикантов не было, если не считать тех регламентов Петра и его преемников, которые фактически закрепостили личность рабочего, подчиняя его фабриканту-помещику. Но уже с начала XIX века, когда рядом с крепостным принудительным трудом растет и вольнонаемный труд (из 90.000 рабочих 45.625 чел. были в начале XIX в. вольнонаемными),

когда прежние феодальные отношения усложняются ростом капиталистических отношений, когда усиливается одновременно и борьба рабочих против крепостного состояния, прежний „патриархальный“ строй был уже невозможен, и необходимость вмешательства законодательной власти в самодержавие фабрикантов становилась уже очевидной.

Уже с 1818 г. Министерству Внутр. дел представляется докладная записка, которая волнения на посессионных фабриках объясняет тем, что „со стороны правительства не сделано никакого положительного постановления, как в рассуждении взаимных отношений и обязанностей владельцев посессионных фабрик и мастерских, так и насчет производства задельной платы. Поныне назначение задельной платы зависит от произвола хозяина фабрики, который, не быв обязанным давать по сему предмету отчет правительству, естественно, действует более в свою пользу. Сие делает мастеровых к работе небрежными, штрафы и наказания, за то на них возлагаемые, приводят их к необходимости вопиять о такой несправедливости перед правительством, почему и настоит крайняя и необходимая нужда в сочинении для всех посессионных фабрик положения“.

В результате вот такого взгляда правительства были введены на нескольких крупных фабриках „положения“, аналогичные рассмотренному нами „положению“ Фряновской мануфактуры. В этих первых законодательных попытках интересны для нас уже отмеченные зародыши совершенно новых способов регулирования и установления взаимоотношений между трудом и капиталом—первые робкие намеки на узаконенное много позднее фабрично-заводское представительство. Несомненно, в условиях крепостного режима и полной неоформленности рабочих, как класса, говорить об этом отдаленном прообразе фаб.-заводского представительства („старосты“ Фряновской м-ры), как классовой и боевой организации, совершенно не приходится, но что это первый шаг на пути к ограничению хозяйского самодержавия, отметить нужно.

Любопытно, что идею выборных от рабочих поддерживал московский ген.-губернатор князь Голицын, выступивший в

1832 г. с „либеральным“ проектом улучшения рабочих и „ограничительными“ правилами для фабрикантов. Но М-во Финансов и Внутр. дел, а равно и совет министров „не признал возможным“ вмешиваться в фабричные порядки. Проект князя Голицына (по существу довольно безобидный и требовавший от фабрикантов таких „ограничений“, как введение расчетных книг на ф-ке и выдачи выписок из из них рабочим и т. п.) был признан „прямо оскорбительным для почтенного сословия хозяев мануфактур“.

В результате проект был изменен до неузнаваемости и исправлен мануфактурным советом в 1835 году в желательном для фабрикантов смысле.

Так возникло 24 мая 1835 года „положение об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму“.

Это был первый шаг правительства в области фабричного законодательства для наемных рабочих. Но он же был и первым актом, свидетельствующим, что в столкновении между рабочими и предпринимателями правительство всегда становилось на сторону последних, какие бы страхи ни испытывал господствующий дворянский класс перед усилением буржуазии, идущей ему на смену. К этому побуждали экономические причины, заставлявшие способствовать „процветанию мануфактуры“. Уже закон 1835 года, запрещавший рабочим покидать фабрики до срока договора, одновременно дававший право хозяину увольнять рабочего в любое время, показывал, что чем дальше, тем больше фактическим господином не только у себя на фабрике, но и в стране становится промышленный капиталист.

Вводя „положения“, правительство видело в них „средство прекратить взаимные претензии содержателей на крестьян фабричных и сих последних на содержателей“ и предполагало, что „чем скорее намерение таковое будет приведено в исполнение, тем скорее будут пресечены существующие на фабриках раздоры“.

Но даже „благожелательное“ вмешательство государства („посторонних“) во внутреннюю жизнь фабрики вызывало резкий отпор фабрикантов.

Фабричные „положения“ подвергались ожесточенным нападкам и критике. „Положения сии не только не полезны, но даже вредны для мануфактур, ибо через оные дается фабричным повод думать, что кроме изложенного в „Положении“ никаким уже содействием не обязаны они фабрикантам, отчего власть фабриканта теряет в их глазах всякий вес... „Таковые положения предписывают содержателям поссессионных фабрик правила управления мастеровыми и дают повод считать себя независимыми“ [1]).

Такова роль этой первой попытки бюрократического регламентирования взаимоотношений труда и капитала внутри фабрики. При чем нужно заметить, что среди факторов, заставлявших правительство итти на вмешательство в фабричную жизнь, далеко не последнее место занимали мотивы, так сказать, полицейско-политического характера. Уже с 30 гг. появляется в правительственных кругах мысль, что фабричные рабочие являются элементом социально-опасным. Революция 1848 г. во Франции и ее отзвуки в других странах заставили правительство еще более укрепиться в этом мнении и принять меры предосторожности. Не только организованность рабочих внушала правительству суеверный страх, но и самое развитие фабричных предприятий, самый факт скопления в них рабочих.

„Для охранения тишины и благоденствия, коими в настоящее время пользуется одна Россия,—писал в обширной докладной записке царю московский ген.-губ. Закревский—правительство не должно допускать скопления бездомных и безнравственных людей, которые легко примыкают к каждому движению, нарушающему общественное и частное спокойствие“. Закревский предлагает запретить дальнейшее расширение производства. И это вовсе не был единичный взгляд. Как иллюстрацию, можно привести появившийся в 1849 году новый „проект правил для фабричных рабочих“, который предлагает „вход фабричным рабочим в трактиры, рестораны и харчеван запретить“ (ст. 9). В случае нарушения правил или просто непослушания, рабочих отсылать

---

[1]) Цитировано по Туган-Барановскому: „Русская фабрика“, стр. 124.

для наказания при полиции (ст. 7). Полиция должна смотреть за немедленным удалением из города всех рабочих, отпускаемых в деревню (ст. 10). Поступить на фабрику можно только с согласия начальства или помещика (ст. 1) и т. п. Словом, в этих „правилах“ политические полицейские страхи правительства совершенно очевидны. Этим объясняются и противоречия в действиях правительства по отношению к рабочему классу. С одной стороны, вводятся старосты и вырабатываются „положения“ для фабрик, с другой—жестоким образом подавляются всякие попытки рабочих выйти из своего бесправного положения, а избранные ими старосты и ходоки секутся и наказываются.

„Положения“ вводятся на 3 наиболее неспокойных фабриках: Яковлева, Осокина и Лазарева, но под давлением фабрикантов и департамена промышленности и торговли, увєрждавших, что все выгоды „положения“ на стороне фабричных, фабрикантам ж остаются одни убытки,—„положения“ отменяются.

Так, в рабочей политике дореформенного правительства переплетаются самые различные и порой противоречивые соображения, в общем итоге не вносившие в положение рабочих и в их правовую обстановку заметного облегчения. И несмотря па довольно энергичную борьбу рабочих и на первые робкие попытки вмешательства фабричного законодательства, внутренний строй русской дореформенной фабрики оставался долгое время нерушимым и незыблемым, сохраняя в общем основные черты фабричного абсолютизма во всей фабричной системе, юридически подкрепленной крепостничеством.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Фабрика пореформенного капитала и развитие в ней борьбы рабочих за право голоса.

Фабричный режим пореформенной фабрики.

Уже в течение первой половины XIX в. развитие крупной индустрии принимает явно капиталистические формы, все более вытесняя кабальный (крепостной) труд трудом вольнонаемным. Еще в 1809 г. всех фабрик насчитывалось 2.423 с общим количеством рабочих 95.202, из которых 45.265 чел. вольнонаемных. В конце 40 годов уже было 10.000 фабрик.

Педантичная регламентация производственной жизни поссессионных фабрик, тормозившая технический прогресс, малопроизводительный кабальный труд, непрерывные волнения поссессионных рабочих, конкуренция выросшей рядом капиталистической фабрики с наемным, более выгодным и продуктивным трудом и более совершенными техническими способами производства,—все эти технические, экономические и социальные моменты заставляли фабрикантов и правительство переходить от принудительного труда к наемному. Закон 1840 года оформил эту тенденцию, побуждая фабрикантов к переходу к новым формам производства, и к началу 60 гг. большинство крупной промышленности имело в качестве ядра уже фактически свободных рабочих.

Политическая реформа лишь санкционировала экономически необходимое мероприятие, проведенное самой жизнью.

Гораздо медленнее и труднее совершался переход во внутреннем строе и во взаимоотношениях труда и капитала, как они выросли в крепостной фабрике. Все расширяющееся вхождение фабрики в русскую жизнь вызывало в дворянских, особенно славянофильских, кругах тревогу и стремление придать развивающейся фабричной системе, вместо капиталистических черты патриархального строя.

„Фабрикант — отец, рабочие — его дети", такова была наивно-идеалистическая формула, которой думало крепостническое дворянство прикрыть рабский режим на старой фабрике. „Введение фабричной системы отнюдь не необходимо для России",—так думало дворянско-помещичье общество и в лице своих идеологов [1]) рекомендовало организовать русскую промышленность на „национальных основах" и реорганизовать „фабричные ассоциации по образцу русской общины". Однако объективный ход развития страны толкал Россию на путь быстрого капиталистического переустройства промышленности. Машина входила в обиход, вытесняя кустаря и ремесленника, и фабрика, независимо от желания отдельных кругов николаевского дворянского общества, все больше преобразовывала на капиталистический лад и свой внутренний облик и всю общественно-экономическую систему России.

„Все те логические последствия введения машинного труда и неразрывно связанной с ним фабричной системы, которые испытывает и от которой старается избавиться Европа, мы видим у себя в полном расцвете",—так констатировал Дементьев в своем известном исследовании „Фабрика, что она дает населению и что она у него берет". Он приводит целый ряд объективно-красноречивых цифр и фактов, показывающих обычную для капиталистической фабричн. системы картину: тяжелый и материально необеспеченный труд рабочего с постоянной угрозой понижения и без того нищенской заработной платы, эксплоатация жен-

---

[1]) Из них особенно любопытной фигурой надо признать прусского чиновника, пользовавшегося большим фавором у русского правительства, барона Гакстгаузена.

ского и детского труда, невероятные жилищные и продовольственные лишения рабочих и т. п. [1]).

Что же касается развития организованности в рабочем классе России, то на нем отражалось медленное изживание крепостнической психологии и слабый рост классового самосознания.

„Дух солидарности и объединения, сознательности и протеста с большим трудом проникает в такую среду", замечает Пажитнов, проследив в своей работе: „Положение рабочего класса в России" различные стороны положения рабочих после реформ 60 гг.. „Наш рабочий класс долгое время носил на себе следы „деревенского" происхождения, и это многое объясняет нам в тех порядках, которые господствовали на фабриках и заводах" (стр. 144). В другом месте он конкретизирует это положение: „Взаимные отношения обоих сторон—предпринимателей и рабочих складывались на почве свободного договора, не стесняемого контролем со стороны государства. Все ужасы первоначального, неурегулированного капиталистического фазиса нашли себе здесь выражение, ибо свобода договора служила лишь идеологической оболочкой, которой прикрывался необузданный произвол капиталистов при эксплоатации рабочих".

„Контракты", как излюбленная, примитивная форма русского „свободного" договора, приводили рабочих к полной эксплоатации и зависимости и создавали новые кабальные отношения в юридически свободной фабрике. Экономическое положение на фабрике с вольнонаемным трудом нисколько не улучшилось. За исключением очень небольшой группы особо квалифицированных рабочих, у остальных наблюдается сильное понижение реальной заработной платы (например, у иваново-вознес. механич. ткачей заработок понизился до 41%). Применение сверхурочных работ удлиняет фактически рабочий день до 18—20 часов; ужасные гигиенические условия в период 60 гг. и постоянный риск,

[2]) Дементьев дает преимущественно цифровые данные обследования фабрик в 3 промышленных районах Московской губ., но и их совершенно достаточно для яркой характеристики русской капиталистической фабрики.

вследствие отсутствия ограждений, умереть или остаться калекой и быть выброшенным при полной необеспеченности, — все эти факты говорят о том, что экономическое положение рабочих в пореформенной фабрике далеко не благополучно. Но уже совершенно невыносима правовая сторона фабричного режима пореформенной фабрики.

Весь пореформенный строй сопровождается чрезвычайным развитием системы штрафов [1]. Штрафование надо рассматривать не только со стороны материального ущерба для рабочих и выгод для фабрикантов, у которых штрафные капиталы составляли солидную статью их дополнительного дохода, но и с его правовой стороны.

Это было орудие борьбы в руках у фабриканта, имевшего возможность, благодаря детальнейшей регламентации применения штрафов, принижать рабочего до крайних пределов, давать ему на каждом шагу чувствовать свою хозяйскую власть.

И русский рабочий, забитый нуждой и бесправием, действительно долгое время принимал с тупой покорностью и „контракты“, и эксплоатацию, и всю систему угнетающих распорядков фабричного режима, мало чем отличавшегося от крепостного.

Вероятно, такая психология и полная распыленность рабочего класса способствовали распространенному в то время мнению, что в России нет ни рабочего класса ни рабочего вопроса в зап.-европейском смысле. Представление о „добродушном деревенском парне“, вместо пролетария с достаточно четким классовым самосознанием, долгое время жило в наиболее консервативных кругах буржуазии, чуть ли не до революции 1905 года занимавшихся подобного рода самоуспокоением.

Жизнь однако не скупилась на факты, решительно опровергающие маниловские представления о рабочем классе.

---

[1]) См. цифровые данные у Туг.-Баран., стр. 434, у Пескова: „Фабричный быт Владим. губ.“ и у Пажитова: „Положение рабочего класса в России“.

Борьба внутри пореформенной фабрики и первые конституционные завоевания.

Внутренние противоречия капиталистического строя скоро проникли в жизнь и сознание рабочих, пробуждая их к активному и сознательному протесту в борьбе. Рост стачек, содержание и характер „требований“ в период этих стачек выразительно подчеркивали всю несостоятельность предположения об отсутствии в России рабочего класса.

Он был и даже поднимал громкий голос протеста против произвола и насилия.

Первые два десятилетия после реформ 1861 года его голос еще слаб. Но уже к 70 годам изменяется характер и формы его протеста.

Элементы классовой солидарности все чаще обнаруживаются в требованиях неорганизованных еще масс. В его стачках и забастовках выставляются рядом с экономическими требованиями (повышение зар. платы, сокращение рабочего дня, улучшение жилищных условий и т. п.) требования правового характера: отмены телесных наказаний, жестокого обращения, прекращения издевательства над женщинами, права свободных выборов мастеров и фабричных старост и т. п.

Первые шаги пореформенного капитализма сопровождаются крупными и серьезными стачками, протекавшими иногда очень бурно.

Стачечное движение 70 годов охватывает сначала петербургские заводы и фабрики, а затем переносится в другие промышленные центры. Мы коснемся его лишь постольку, поскольку одним из главных моментов его было требование решительного изменения старых крепостнических отношений внутри новой фабричной системы.

Первая стачка, поставившая вопрос не только со стороны узко-экономических требований, но и правовых, была известная стачка на Невской бумагопрядильне, по своему историческому значению считающаяся первой стачкой в истории рабочего движения. 22 мая 1870 г. прядильщики потребовали повышения заработной платы, при чем рабочие во время забастовки выбрали из своей среды депута-

тов для переговоров с фабричной и местной администрацией. Уполномоченные от рабочих руководили стачкой, выработали и представили директору проект расценки труда и, вообще, придали стачке небывалый еще по организованности характер. Эта стачка вызвала большую тревогу и толки об опасности, ибо разрушила басню об отсутствии в России рабочего класса и рабочего вопроса. „И у нас случилась стачка, и нас не уберег Бог", так патетически-сокрушенно начала свою информацию о стачке такая газета, как „Новое Время" (22 июня 1870 года № 168).

Преданные затем суду выборные были, как зачинщики, приговорены к аресту на 7 дней. Но этот первый протест в сфере фабричного труда не остался без подражания: в том же 1870 году произошли забастовочные движения среди Кронштадтских докеров и на одной из варшавских фабрик. И уже через два года, в августе 1872 г., происходит новая стачка на Кренгольмской мануфактуре, по своей правовой подкладке представляющая значительный интерес. Фабрика управлялась на основании особого полицейского устава, дававшего фабричному управлению полицейскую власть. Эти „рабочие правила мануфактуры"—обычное слепое и нелепое творчество бюрократической регламентации—совершенно закабаливали рабочих. Так, п. 1 устанавливал, что „рабочие обязаны беспрекословно подчиняться постановлениям мануфактуры и работать до окончания года". Далее устанавливалась длинная серия штрафов за всякие нарушения порядков, установленных „правилами". § 20 даже доходит до такого перла: „каждый, без различия пола, отвечает своим имуществом и лицом за все здесь не поименованные убытки—ущербы мануфактуре". А § 25 закабаляет рабочих даже в их домашнем (казарменном) быту, подчиняя их власти вахтеров: „В жилых покоях каждый без исключения должен повиноваться установленным правилам мануфактуры. Домоуправления, старосты, вахтера и караульные должны строго наблюдать, чтобы рабочие вели себя смирно, не ссорились с соседями и наблюдали чистоту. Кто не повинуется сим правилам, подвергается штрафу". Рабочие восстали против режима закабаленности, который

создавался подобными „правилами“, превращающими фабрику в тюрьму, выбрали делегатов и направили их к губернатору с требованиями улучшения своего экономического и правового положения. И особенно добивались депутаты выполнения п. 8 своих требований, гласившего: „старосту Петра Сека сменить и разрешить на будущее время выбирать старосту всем обществом фабричных“. [1])

Последствия этой стачки обычны: выборные арестованы, стачка усмирена солдатами.

Для характеристики произвола фабрикантов любопытен небольшой штрих: „Правила“, которые будто бы давали предпринимателям судебно-полицейские права, на самом деле не были никем утверждены, а для повиновения рабочих были сочинены самими хозяевами и напечатаны незаконно.

После 1876 г., в связи с промышленным застоем, стачки принимают оборонительный характер, но с подъемом 1788 г. движение вновь оживает.

Одна из наиболее важных забастовок была в этот период (1878 г.) на Новой Бумагопрядильне в Петрограде. В ней было до 2.000 участников, обратившихся 27 февраля к градоначальнику с просьбой вмешаться в фабричные дела и повлиять на фабричную администрацию, объявившую о понижении расценок. Но когда рабочие убедились, что обещания градоначальника ложны, они выставили свои требования: сокращения рабочего дня на 2 часа, отмены штрафов и т. п. Интересна мотивировка п. 4: „Мы требуем непременно отмены штрафов за дурное поведение, так как хозяин или его наемные халуи не могут быть беспристрастными судьями нашей нравственности“. Здесь уже звучит явное сознание своего человеческого достоинства и независимого положения перед хозяином—недавним крепостником.

Рабочие, в поисках защиты и отстаивания своих прав, еще верят в возможность помощи свыше. Они отправляются ко дворцу наследника с петицией, в которой заявляют:

---

[1]) О жизни рабочих на Кренгольмской мануфактуре имеются сведения в сб. „Архив истории труда в России“, № 2.

„Мы обращаемся к вам, как к отцу. Если не будут удовлетворены наши справедливые требования, то мы тогда будем знать, что нам не на кого надеяться, что никто не заступится за вас, и что мы должны положиться на нас и на свои руки". Несмотря однако на то, что петиция осталась без последствий, а стачка была задавлена на 10-й день силой, рабочие до самого 9 января 1905 г., когда они отправились „к Государю-батюшке" с подобной же петицией, продолжали надеяться, что „кто-то заступится".

Но сама жизнь толкала рабочих на путь революционной классовой борьбы, выковывая в ней самосознание и боевой закал рабочего класса.

Стачка на Новой Бумагопрядильне была известным поворотом в рабочем движении и вызвала ряд стачек на других фабриках. Стоит отметить, что рабочие Новой Бумагопрядильни во всех своих забастовках периода 1878—1879 г. рядом с экономическими требованиями неизменно требовали участия своих выборных в разрешении вопросов фабричной жизни. Точно такие требования заключали в себе постановления делегатского собрания выборных от ткачей фабрики Шау: признание выборных от рабочих, которые должны присутствовать при выдаче материала и при приприеме сработанного товара.

За период всего 3 лет (1878—1880 гг.) произошло до 29 стачек с 30—35 участниками [1]).

Эти цифры свидетельствуют в такой же мере о росте классового самосознания и классовой солидарности пролетариата в пореформенную эпоху, как указанные раньше пункты его забастовочных программ (правового характера) об его зрелости и понимании задач рабочего класса. Конечно, здесь приходится оговариваться: перед нами только начало, первые шаги этого исторического роста и созревания пролетарского боевого ядра.

---

[1]) По данным Мартова см.: „Развитие крупной промышленности и рабочее движение до 1892 г.", изд. Гранат „История России в XIX в.".

Развитие борьбы внутри фабрики в 80—90 гг.

„Поднимем завесу с фабричного мира России, с быта в нем рабочего, положения его труда и отношения к нему фабриканта. Мир этот в обычную пору жизни представляется герметически закрытым от нас высокими каменными стенами фабричных корпусов со вделанными в них железными решетками“.

Эта характеристика сущности внутреннего строя русской пореформенной фабрики совершенно верна. Действительно, в „обычную пору“ редко узнавались внутренний быт и взаимоотношения фабричного социального организма. Только стачки и конфликты и другие выдающиеся события в нем обнажали глубокий антагонизм в самих его недрах,—вековой спор труда и капитала.

Стачки 80 гг., начавшиеся почти одновременно в разных концах России, раскрыли, насколько еще сильны в русской фабрике пережитки и следы крепостнических отношений и в каком еще бесправии находится рабочий [1]). „Хозяин фабрики—неограниченный властелин и законодатель,—пишет проф. Янжул [2]),—которого никакой закон не стесняет, и он часто им распоряжается по своему. Рабочие ему обязаны беспрекословно повиноваться, как гласят „Правила“ одной фабрики“.

Восьмидесятые годы были периодом не только жестокой правительственной реакции, но и реакции в положении рабочего класса внутри фабрики. Вообще нужно отметить вполне естественное соответствие между политическим режимом в стране и фабричным режимом на фабрике. Правовая фабрика может быть только в правовом государстве. В 80-х годах беспощадно преследовались правительством какие бы то ни было зачатки общественного сознания и организации. Усилились и репрессии со стороны капиталистов-предпринимателей. Но задавить пробудившийся рабочий класс уже было нельзя. И, по выражению Каткова,

---

1) Подробности стачки см. у Плеханова „Русский рабочий в револ. движен.“.

2) Янжул „Фабр. быт в Моск. губ.“, стр. 83.

Морозовская стачка в 1885 г., „как салют возвестила urbi et orbi о нарождении у нас революционного рабочего класса“. В истории борьбы за изменение абсолютизма капитала на фабрике эта стачка имеет особое значение, и нам придется на ней несколько остановиться. Ей предшествовала целая полоса стачек на Хлудовской, Кренгольмской, Вознесенской, Жирардовской мануфактурах, носивших бурный характер и особенно захвативших русский Ланкашир—район Ярославской и Владимирской губерний с такими центрами, как Иваново-Вознесенск и Орехово-Зуево. По словам фабричного инспектора Дементьева, „в 1884 и 1885 гг. во Владимирской губ. стачки участились и приняли такой бурный характер, что улучшение положения рабочих сделалось прямо необходимым. Внешнее спокойствие достигалось только при помощи военной силы“.

Историческая забастовка на Никольской мануфактуре Саввы Морозова в Орехово-Зуеве нашла благоприятную и подготовленную почву, и сама, в свою очередь, явилась „запалом“ для последующих забастовок. Стачка подготовлялась на небольших собраниях выборных от рабочих, из которых в качестве руководителей особенно выделялись Моисеенко и Волков.

Рабочие выступили с требованиями, формулированными ими в особом проекте, названном ими „требованиями по общему согласию рабочих“, подчеркивая, повидимому, таким заглавием общее единодушие и солидарность в рабочей среде.

Сущность этих требований чисто правового характера сводилась к тому, чтобы рабочий был поставлен в условия, подобающие свободному и равноправному с хозяином человеку; рабочие добивались: 1) „полного изменения условий найма между хозяевами и рабочими и 2) свободного выбора старосты в артелях“ и „чтоб староста не мог служить более 3 месяцев, в виду того, чтоб не усвоить для хищения сбыта“, 3) „производить ежемесячно учет, 4) уволить от должности тех служащих и мастеровых, которых найдут нужным рабочие“. Но хозяева чувствовали себя настолько прочно в своем самодержавии, что даже не поже-

лали вступать с рабочими в переговоры, а обратились прямо к центральной власти за содействием при помощи военной силы.

Когда войска арестовали уполномоченных и руководителей рабочих, вся фабричная масса рабочих с кольями и железными прутьями пришла на выручку своим депутатам, требуя освобождения своего „выборного человека Василья“. Известно, что с рабочими расправились с помощью войск и ареста нескольких сот человек (выслано было 800 рабочих). Но хотя видимая победа была не на стороне рабочих, фактически же нельзя считать эту стачку безрезультатной, так как тетрадь с „Требованиями“ была использована правительством при издании фабричных законов, явившихся в результате стачечного движения 80-х гг.

Морозовскую стачку можно считать рубежом в до сих пор стихийно развивавшемся рабочем, главным образом, экономическом движении пролетариата. Этот рубеж, по нашему мнению, отделяет также и два периода развития капиталистической фабричной системы в России: период фабрики пореформенного, сравнительно слабо развитого, промышленного капитала сменяется настоящей капиталистической фабричной системой в зап.-европейском смысле.

В это время пышного расцвета достигает при помощи иностранного капитала крупная промышленность в Лодзи, Варшаве, Домброве и других центрах Западного края, а также быстро вырастает и другой центр крупной промышленности, тоже созданный иностранными капиталами—на юге России. Именно эти два центра развития крупно-капиталистического производства, а также Петербург становятся очагами революционной борьбы рабочих в 90-х гг. Одна стачка сменяется другой; из города в город, с фабрики на фабрику перебрасывается волна забастовок, в которых оттачивал свое оружие против капитала русский революционный рабочий. Социалистические кружки 1874--1879 гг., первые соц.-дем. союзы и группы помогают одновременно оформлению его классового сознания. В недрах фабрик и заводов все более и все быстрее развивается и растет новая сила—боевой рабочий класс, уже умеющий противостоять капиталу, как грозная, хотя еще и не равная сила.

Рабочее законодательство о внутреннем строе пореформенной фабрики.

Мы уже говорили, что русская пореформенная фабрика, особенно в первые десятилетия после реформы, по существу представляла такой же образец „абсолютной монархии", как и до реформы, с той только разницей, что прежний „крепостной рабочий дом" с юридически закрепленными и зависимыми рабами-рабочими превратился в формально свободный, узаконенный „дисциплинарный батальон".

Все статьи „Устава о промышленности", равно как и последовавшие в 1885—1886 гг. законы, регулирующие взаимные отношения и условия договора найма между рабочими и фабрикантами, фактически ставили над рабочими чисто-полицейскую власть в лице заведующих фабриками. Законы, которые должны были регулировать отношения между трудом и капиталом внутри фабрики, превращались в средства замаскированного закрепощения рабочих. В выработке „фабричной конституции" рабочий еще не участвует, только в период борьбы, посредством стачек, выдвигает он своих депутатов и уполномоченных, роль которых кончается вместе с концом рабочих волнений. Регламентирующие жизнь фабрики условия труда и взаимоотношения его с капиталом „правила" составляются бюрократическим путем, без всякого участия рабочих, лишь под давлением и угрозой стачечного движения. Проведение законов, касающихся рабочих, обходится без их представительства и контроля, под бдительным оком фабричной полиции или сведенной к такой роли фабричной инспекции.

Таков реальный смысл „законодательного ограничения" фабричного абсолютизма пореформенной фабрики. Он станет еще менее значителен, если прибавим к этому, что „опека у нас шла об руку с репрессиями: попечение нужно было для того, чтоб поддерживать веру в заботливость начальства" и сделать ненужной для рабочих и их собственную самодеятельность, а меры строгости—чтоб подавить недовольные рабочие элементы и задержать рабочее движение. В этом и заключалась вся мудрость „рабочей политики" бюрократии.

Указанные черты бюрократического законодательства особенно резко обнаруживаются на тех правительственных постановлениях, указах и законах, которые касаются регламентации внутреннего строя пореформенной фабрики. Это объясняется тем, что правительство шло на регламентацию отношений между трудом и капиталом внутри фабрики или под давлением требований снизу, подкрепляемых стачками, или под давлением собственных страхов, какие внушало полицейскому государству такое „опасное скопление“ ненадежных и буйных людей, как фабрика. Правительству приходилось лавировать, по возможности, не задевая капиталистов и делая вид, что кое-что оно дает и рабочим. Эта тактика, получившая свое развитие в полицейской фабрике начала 900-х гг. и развившаяся в целую систему „полицейского социализма“ („Зубатовщина“), имела свое применение уже в пореформенной фабрике.

Мы говорим об единственной, допущенной правительством фабрично-заводской организации пореформенной фабрики,— „горно-заводских товариществах“.

Если присмотреться к их задачам, строению и деятельности, то эту полицейскую нить можно от них повести через всю пореформенную фабрику, через Зубатовские организации к так называемому Институту старост, созданному бюрократическим режимом 10 июня 1903 г.

Можно ли видеть в горно-заводских т-вах один из прообразов позднейших фабр.-зав. комитетов?

Рассмотрим этот Институт поближе.

Созданные в „эпоху либеральных реформ“ (8 мая 1861 г.), эти горно-заводские т-ва носили некоторые внешние черты либерализма. Таковы: признание права голоса во взаимных отношениях рабочих и хозяев, признание членами всех мастеровых и рабочих, заключивших договор не менее чем на год. Во главе т-ва стоял горно-заводский попечительный приказ, своего рода исполнительное бюро, состоявшее из 4 выборных от рабочих и председателя, назначенного от заводоуправления. Этим законом, созданным „в видах упрочения связи между заводами и работающими в оных людьми“, преследовались задачи „успешнейшего

разбора возникающих по работам несогласий". Ведению приказа подлежали: 1) „Рассмотрение и разрешение споров и недоразумений, могущих возникнуть между заводоуправлением и рабочими относительно исполнения работ, удовлетворения за оные жалованием или задельною платою, следующих на основании договора вычетов и штрафов и 2) заведывание вспомогательной кассой". „Приказы", конечно, никакого участия в выработке условий найма не принимали, а лишь рассматривали и разбирали недоразумения и споры между заводоуправлениями и рабочими, налагая на последних даже штрафы и вычеты, а находящиеся при о-вах кассы выдавали нуждающимся пособия и пенсии. Таким образом, горно-заводские т-ва должны были одновременно выполнять функции рабочего представительства в сношениях с хозяевами и нести функции пенсионного и ссудно-вспомогательного характера. Конкретная же обстановка работы горно-заводских т-в и результаты ее говорят о том, что и правительство и промышленники стремились не только „обезвредить", но и заставить их служить интересам капитала: на них перекладывались административно-полицейские функции властей (наблюдение за установленными самими фабрикантами правилами внутреннего распорядка, взимание штрафов, применение наказаний и т. п. функции надзора).

Таким образом, „либеральные" черты закона не только остались на бумаге, в виду общей бесправности и придавленнности пролетариата, но и обратились во вред рабочим, внося раскол и разделение в их среду и подчиняя рабочих еще более власти капитала.

Малейшее проявление самодеятельности и активной самостоятельности с их стороны немедленно влекло дальнейшее ограничение прав, а то и полную ликвидацию столь „опасной" рабочей организации. Так случилось с Златоустовским т-вом в 1896 г. и с рядом других горно-завод. т-в, сведенных сначала к разбору несогласий только между рабочими, а потом и совершенно уничтоженных.

Началом развития русского фабричного законодательства можно считать 80-ые годы. Вопрос о необходимости регла-

ментации отношений между наемными рабочими и капиталистами становится в порядок дня высших сфер и тем определеннее, чем шире и сильнее развивается стачечная борьба рабочих, требующих улучшения своего экономического и правового положения.

Но все правительственные попытки в этом направлении со стороны фабрикантов, особенно центрального промышл. района, который на первых порах держался исключительной по своей жестокости эксплоатацией рабочих, встречали упорное противодействие.

Особенную оппозицию вызвал проект введения фабричной инспекции, рассматриваемый капиталистами, как прямое посягательство на их „права хозяина в своем доме“.

„Фабрика,—писали по этому поводу тверские фабриканты,—есть дом трудолюбия. Ночная ревизия фабрики похожа на следствие и может подать повод к всевозможным притеснениям со стороны ревизора“.

Но угроза со стороны все разраставшегося рабочего движения была сильнее нежелания правительства вступать в конфликт с предпринимательским капиталом, и правительство в интересах охраны „порядка“ должно было поторопиться с законами, регулирующими взаимоотношения капиталистов и рабочих. Об этом откровенно писал министр внутренних дел, гр. Толстой, министру финансов в 1885 г.: „Исследование местными властями причин стачек рабочих обнаружило, что они грозили принять размер серьезных волнений и произошли, главным образом, вследствие отсутствия в нашем законодательстве общих постановлений, на основании коих могли бы определиться взаимные отношения фабрикантов и рабочих. Такой пробел в законодательстве, обусловливая разнообразные порядки на фабриках, открывал широкий простор произвольным, клонящимся к ущербу рабочих распоряжениям фабрикантов и ставил первых в крайне тяжелое положение“.

То же констатировало и заседание соединенных департаментов в гос. совете, рассматривавшее проект закона 3 июня 1886 г.: Указывая на раскрытые специальной комиссией „крайне неприглядные стороны фабричного быта“, комис-

сия подчеркивала, что „такие ненормальные формы могли появиться лишь на почве практиковавшейся долгое время узурпации прав слабейшей стороны" [1]).

Впрочем, и этот „спасительный" закон 1886 г. о „найме и взаимоотношениях между фабрикантами и рабочими", почти все 60 статей которого были продиктованы, по верному замечанию Лунца, „наполовину полицейскими соображениями правительства, наполовину материальными интересами капитала", не внес в охарактеризованные самим правительством отношения „узурпации" и „произвола" капиталистов заметного облегчения рабочим.

„Закон предоставил инспекции свидетельство, но не изменение условий найма, воспретил расплату не деньгами, взимание с рабочих платы за врачебную помощь, за освещение и орудия производства, предписал расплачиваться один или два раза в месяц",—вот и все существенное. Зато капиталисту он предоставлял громадную власть над рабочим посредством расчетных и паспортных книжек, право увольнения по самому ничтожному поводу „за дерзость или дурное поведение" и т. п." [2]).

Впрочем, малые практические результаты фабричного законодательства, регламентирующего внутреннюю жизнь и взаимоотношения труда и капитала внутри пореформенной фабрики, естественны. Все русское фабричное законодательство есть результат борьбы рабочего класса и роста его, как класса, несущего новые способы производства. В этот же период он еще слишком слаб и не организован, чтобы влиять в желательном для себя направлении на законодательное вмешательство государственной власти. Но он уже достаточно силен, чтобы добиться хоть какого-нибудь вмешательства власти в до сих пор почти незыблемый абсолютистский строй растущей капиталистической фабрики.

---

[1]) Русский закон и рабочий. Записка мин. фин. о пересм. статей закона, карающих за забаст., и об установлении раб. организ. в целях самопом.

[2]) Более подробную характеристику см. Лунца—„Фабричное законод".—Раб. ежегодник 1906 г.—Литвинов-Фалинский—„Фабр. законодател. и фабр. инспекция в России", 1900 г.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

«Полицейская фабрика» и рост классовой борьбы рабочих.

Рост капиталистической фабричной системы и „тревоги“ правительства.

Мы указывали, что русская фабричная система уже с конца XIX века принимает вполне капиталистический характер. Промышленный подъем 1893—1899 г.г. нарастает с неслыханной силой. Привлеченные высокой нормой прибыли, иностранные капиталы способствуют промышленному оживлению страны. Отечественные капиталы из сферы торговли и сельского хозяйства также охотнее, чем прежде, ищут приложения в промышленности, охраняемой правительственными таможенными пошлинами и снабжаемой казенными заказами и субсидиями.

Толчок росту промышленности дают и усиленное железнодорожное строительство, форсированная постройка военных судов, быстрое строительство городов, вызывая рост железоделательной, нефтяной и т. п. промышленности. С 90—900 годов металлическая промышленность вырастает в 9 раз, химическая в 8 раз, горная в $4^1/_2$ раза [1]).

Концентрация промышленности, свидетельствующая о росте в России промышленного капитализма обычного зап.-европейского типа, достигает в этот период значительных размеров.

Но параллельно росту капитала растет и его извечный антагонист и будущий могильщик—пролетариат: за период

---

[1]) См. подробный обзор промышленного подъема 1893—1899 г.г. у Финна-Енотаевского: „Современное хозяйство России“ (1890—1910 г.г.).

1865—1890 гг. рабочий класс возрастает с 706.000 до 1.432.000, в период 1890—1900 гг. с 1.500.000 до 3.000.000, т.-е. вдвое. Естественно, что рост технической и социально-экономической структуры фабричной капиталистической системы противоречил режиму бесправия, угнетения и эксплоатации периода начального накопления, какой оставался доминирующим еще и в пореформенной фабрике. Это противоречие находило себе выражение во все возраставшем движении рабочего класса, выступившего на путь активного противодействия капиталу и борьбы за экономическое и правовое улучшение своего положения.

Годы 1896—97 были кульминационным пунктом в развитии рабочего движения этого периода.

Официальные данные говорят, что за эти два года стачками было охвачено 263 предприятия, а общее число стачечников достигало 89.000 ч. Мартов („Рост крупной пром. и раб. движ." Изд. Гранат) считает, что их было не меньше 170 тысяч, при чем стачками были затронуты, гл. образом, крупные промышленные предприятия [1]).

Борьба велась в большинстве случаев еще в пределах отдельной фабрики или завода. Одновременное выступление рабочих одного производства еще не было частым явлением, и тем не менее борьба впервые носила характер общеклассового движения и впервые была направлена к изменению социальных условий положения пролетариата. Интересно, что правовые мотивы и требования становятся все чаще поводом к стачкам и забастовкам. Это быстро распространявшееся стачечное движение, сопровождающееся подъемом сознания классового и человеческого достоинства в рабочей среде, заставляло хозяев и фабричную

---

[1]) Мартов приводит сл. табличку, иллюстрирующую его вывод, что большая часть стачек падает на крупные капиталистические фабрики:

Для предприятий	с числом	до 20	рабочих	2,7%
„ „	„ „	„ 21— 50	„	7,5%
„ „	„ „	„ 51— 100	„	9,4%
„ „	„ „	„ 101— 500	„	21,5%
„ „	„ „	„ 591—1000	„	49,9%
„ „	свыше	„ 1000	„	89,7%

администрацию итти на смягчение господствующего „патриархального“ режима пореформенной ф-ки. Следующая табличка, которую мы заимствуем из указанной работы Мартова, показывает, каковы были эти результаты борьбы рабочих за изменение угнетающего их фабричного режима:

	в пользу рабочих	в пользу предпр.	компром.
Стачки из-за штрафов и вычетов	23,07%	69,23%	7,69%
Действия фабрич. администрации	27,27%	58,44%	14,28%

Эти цифры говорят, что преобладающее число стачек еще кончалось победой предпринимателя-капиталиста, но ведь это были только первые, сравнительно уже осознанные и оформленные, шаги рабочего класса в области правовой борьбы, и процент (23—27%) выигрываемых рабочими сражений уже нужно признать довольно значительным.

Правительство, столкнувшееся с фактом роста рабочего класса, уже не могло утешать себя сказками о „мирной идиллии“ и „патриархальности“ в отношениях между рабочими и фабрикантами. Оно должно было с грустью признать, что „нынешние фабричные рабочие уже далеко не те, какими они были 10—20 лет тому назад“. „За последние 3—4 года“,—сказал по поводу причин частых забастовок рабочих кн. Святополк-Мирский,—„из добродушного деревенского парня выработался своеобразный тип полуграмотного интеллигента, почитающего своим долгом отрицать религию и семью, пренебрегать законом, не повиноваться власти и глумиться над нею“.

Правительство совершенно верно отметило процесс превращения „добродушного деревенского парня“ в фабричного пролетария: по данным, собранным фабричным инспектором Московского округа за период 1883—1893 гг., в 1263 фабриках рабочих, не имеющих земли в деревне и круглый год работающих на фабрике, насчитывалось 82%, а уходивших летом на полевые работы—всего 18% [1]).

---

[1]) Более подробные цифровые данные см. у Погожева: „Учет численности и состава рабочих в России“ и у Дементьева: „Фабрика“, что она дает и пр.

Дементьев на основании изучения фактов и причин превращения прежнего земледельца в фабричного рабочего делает подобный же вывод: „перед нами, следовательно, пишет он („фабрика“, 45—46): „уже сформировавшийся класс рабочих, не имеющих своего крова, не имеющих фактически никакой собственности,—класс, ничем не связанный и живущий изо дня в день“. Само собою разумеется, что этот отрыв от деревни еще не обозначал, что в русском рабочем этого периода не оставалось никаких следов его крестьянского происхождения. И теперь, как и после, состав рабочего класса неоднороден: есть элементы, о которых говорит кн. Мирский, с уже оформленным классовым самосознанием (их сравнительно немного), и есть элементы, если не экономическими корнями (вследствие обезземеливания), то по психологии уходящие в крестьянскую гущу.

Но в целом мы все же имеем перед собой образование рабочего класса, подобно созданному капиталистическим процессом производства на Западе, и этот класс с первых шагов своего осознанно-классового бытия стремится к социалистическим целям. Вот почему не столько сам по себе рост рабочего класса внушал тревогу и опасения правительству, сколько этот происходивший в нем процесс классового оформления, делавший новый класс социально опасным для старого режима. И не сами по себе опасными казались „фабричные бунты“, а именно то „потрясение основ“ самодержавия, которое они приносили, угрожая каждый раз „охранению порядка“, отождествлявшегося в глазах бюрократии с общественным благополучием. Правительство было хорошо осведомлено о связи рабочего движения с первыми соц.-дем. группами, о работе революционных рабочих кружков на фабриках, о распространении при их помощи социалистических листков и воззваний, конкретно вскрывавших злоупотребления и непорядки на отдельных фабриках и указывавших способы борьбы с ними, словом, о всей той работе, которая подготовляла рабочий класс России к переходу от чисто-экономической к политической борьбе. Именно это обстоятельство и внушало правительству наибольшую

тревогу: „Поставив себе конечной целью“, говорит тот же Святополк-Мирский: „создать из рабочих организованные массы для борьбы с правительством за осуществление своих идей, агитаторы, к сожалению, значительно успели в этом“. Нужно было как-нибудь помешать этому „опасному“ стремлению рабочего класса к организованности, самодеятельности и к „политике“, нужно было выбить почву у „агитации“ и одновременно уменьшить поводы к хлопотливым, а главное, убыточным стачкам и волнениям, дезорганизующим нормальный ход работы промышленных предприятий. За эту задачу взялось правительство, оттеснив на время единоличный произвол хозяев и поставив на его место произвол полиции. Так капиталистическая фабрика временно превратилась в „полицейскую“ фабрику, с своеобразным полицейско-капиталистическим внутренним режимом.

Полицейское вмешательство во внутреннюю жизнь капитал. фабрики.

Вмешательство полиции во внутренний строй жизни русской фабрики, завершившееся целой системой т. н. „полицейского социализма“, происходило постепенно и прошло целый ряд фазисов.

Вопрос о вмешательстве полиции во взаимоотношения капиталистов и рабочих в его практической и принципиальной постановке стал перед правительством еще в начале 70 г.г.

В записке по делу шибаевских рабочих, составленной 3 отделением и доложенной государю, этот вопрос ставился так:

„Положение, как местной полиции, так и высшей полицейской власти“, сообщалось в „записке“: „крайне затруднительно. На какую сторону встать? Поддерживать рабочих против фабрикантов, внушая им на будущее время строптивость, так же трудно, как и принуждать их строгими мерами к продолжению работ на условиях, которые на их взгляд несправедливы и действительно могут оказаться несправедливыми. Нельзя упустить из виду и то, что если упомянутая забастовка и не была результатом агитации в духе так наз. „рабочего вопроса“, то, во всяком случае, рабочее население, находящееся в возбужденном состоянии

против своего нанимателя-капиталиста, представляет восприимчивую среду для агитаторов" [1]).

Эта „записка" и ее нерешительный тон весьма характерны для „рабочей политики" правительства, вообще. Опираясь и чем дальше, тем больше, на все усиливающуюся промышленную буржуазию, боясь стеснить ее в хозяйских правах правительство, с другой стороны, находилось под угрозой политического взрыва снизу,—со стороны рабочего класса. Нужно было найти какую-то равнодействующую, найти способ, который помог бы и сохранить мир с капиталом и обезопасить себя от „агитации" и „беспорядков" рабочих.

Такой способ вначале был найден в виде ожесточенных репрессий против рабочих. Массовые аресты и высылки рабочих, попытки силой заставить стачечников работать (например, во время Петербургской стачки в 1896 г. после коронационных дней, когда полиция врывалась в фабричные казармы и насильно гнала рабочих на фабрику), внушение и нажим на рабочих через их специально вызываемых к властям депутатов, рядом с воззваниями к рабочим (по образцу Виттевского в 1896 г.), избиение рабочих нагайками и прикладами (такими способами заставляли вернуться к работам забастовавших ткачей Новой Бумагопрядильни), массовые увольнения и пр.—подобными мерами административно-полицейского воздействия предполагало правительство справиться с рабочим классом на первых порах и сломить все растущее рабочее движение.

Однако, это оказалось невозможным, пришлось переменить тактику: страх перед рабочими оказался сильнее страха перед капиталистами, пришлось итти на уступки в виде, правда, робких и несовершенных, с оговорками и ограничениями, попыток регулирования „рабочего вопроса" при помощи фабричного законодательства.

Каждый акт его рождался в муках: акушерами были сами русские промышленники, приглашавшиеся для предварительного обсуждения законопроектов правительством, а так

[1]) „Материалы для истории стачек в начале 70 г.г.". Архив истории труда, кн. 5, ст. 19.

как интересы их не всегда совпадали (как, например, это было у всегда расходившихся по „рабочему вопросу“ Петербургских и Московских промышленников), то многие законы долго не получали своего завершения.

Только буквально прижатое к стене рабочим движением, в интересах „порядка“, решалось правительство на законодательное вмешательство.

Вот почему русское фабричное законодательство, помимо замаскированных, но значительных уступок капиталу, носило на себе печать полицейско-политических тенденций правительства. Но одного полицейского законодательства оказалось недостаточно, понадобились органы надзора, свой глаз и свое ухо внутри фабрики, и мы видим проекты создания фабричной полиции и все большее стремление подчинить тем же целям фабричную инспекцию.

В своих секретных циркулярах правительство предлагало чинам полиции, а равно и фабричным инспекторам строго внушать рабочим, что „даже стремление к осуществлению законных прав, но насильственным или незаконным путем“ будет преследоваться и наказываться (цирк. 5 дек. 1895 г.).

В другом циркуляре от 12 августа 1897 г., даже без согласования его с Мин. Финансов, дана целая программа полицейского воздействия на стачечников [1]).

В стремлении уничтожить рабочее движение полицейскими мерами правительство доходило до того, что запрещало фабрикантам итти на уступки рабочим, даже если они сами это считали необходимым.

Таким образом, регламентация во всей внутренней жизни фабрики, регулирования взаимоотношений между рабочими и фабрикантами, предотвращение и ликвидация конфликтов на фабриках,—очутились в руках полиции.

---

[1]) Полное изложение „секретной полицейской политики“ пра—ва с подробными текстами циркуляров читатель найдет в книге Озерова: „Политика по рабочему вопросу“. М. 1906 г.

Как относились фабриканты к такому неожиданному вторжению в их права?

Они мирились и шли навстречу полиции, но лишь до тех пор, пока им было выгодно с помощью полицейской силы укрощать и эксплоатировать рабочих. Развитие стачечной борьбы в 70—90 гг. приносило много хлопот и убытков фабрикантам, и они, стремясь к поддержанию падающей прибыли, не отказывались от услуг полиции, еще надеясь с помощью репрессий восстановить „порядок“ на фабриках. Но когда это полицейское вторжение в фабричный капиталистический строй не только не парализовало рабочего движения, но способствовало его расцвету, когда система полицейской провокации опутала всю фабрику и делала невозможным „нормальный“ ход производства, промышленники дружно перешли в открытую и резкую оппозицию, которая особенно ярко вылилась в протесте против „Зубатовщины“. Кроме того, промышленная буржуазия, в особенности новая, создавшая предприятия с лучшим техническим оборудованием, заводившая у себя на фабрике современные зап.-европейские порядки, уже и не нуждалась в помощи силы извне, наоборот, вмешательство этой силы препятствовало установлению чисто-капиталистических отношений на фабрике. Борьба между промышленниками и полицейской властью за степень влияния каждой из групп на установление желательного фабричного строя нашла свое отражение и в старом споре между ведомствами: М-вом Финансов, представляющим промышленников и М-вом внутрен. дел, за спиной которого говорила полицейско-чиновничья бюрократия и помещичье-дворянские элементы царского общества.

Не останавливаясь на анализе и характеристике этой борьбы, следует все же отметить, что постепенные уступки, которые отвоевывались у М-ва внутр. дел, и увеличение влияния М-ва Финансов на сферу не только промышленной, но и политической жизни страны, являлись в крупном масштабе отражением расцвета капиталистической фабрики, освобожденной от всякой регламентации и победы ее над остатками „фабричного феодализма“.

„Зубатовская конституция“ и ее отражение в русской фабричной системе.

План полицейского овладения рабочим движением возник, таким образом, в процессе естественного развития вмешательства полиции в жизнь фабрики с целью полицейского укрощения рабочего класса.

Уже 8 апреля 1898 года московский обер-полицеймейстер Трепов в своем докладе (написанном, между прочим, Зубатовым) по охранному отделению развил мысль о вмешательстве правительства в урегулирование рабочего вопроса: „не следует ли правительству“, так ставил вопрос Трепов: „как можно скорее вырвать это благодарное для революционеров оружие (т.-е. агитацию на почве повседневных нужд) из их рук и взять исполнение всей задачи на себя. Пока революционер проповедует чистый социализм, с ним можно справиться одними репрессивными мерами, но когда он начинает эксплоатировать в свою пользу мелкие недочеты существующего законного порядка, одних репрессивных мер мало, а надлежит немедля вырвать из-под его ног самую почву“ [1]).

Доклад этот предлагает правительству, с целью обезоружить социалиста-агитатора, „указать рабочему законный исход из затруднительных случаев его положения“, стремясь одновременно отколоть более пожилую и консервативную часть рабочих от общего рабочего движения, увлекая ее на „законный путь“ достижения своих требований. „Чем занят революционер, тем обязана интересоваться и полиция“, — вот формулировка программы „полицейского социализма“. „Разделяй и властвуй“,—такова тактика для осуществления этой программы, рекомендуемая полицией.

В том же 1898 г. выступил с проектом социальной реформы и шеф жандармов ген. Пантелеев, предлагая озаботиться улучшением санитарных условий жизни рабочих, а для надзора над рабочими организовать особую фабричную полицию [2]).

---

[1]) Доклад Трепова имеется в книге Лядова: „История Р. С. Д. Р. П.“ Ч. II, стр 234—235.

[2]) Записку по рабочему вопросу см. у Озерова. стр. 148—151. „Политика по рабочему вопросу“.

Осуществлению полицейских проектов способствовала и все возраставшая в рабочем классе потребность в организации, ибо экономическая борьба рабочего класса углублялась и требовала постоянного организованного руководства. Нелегальные организации захватывали лишь малую часть рабочих. Почти ни одна стачка не проходила без требования признания избранных рабочими уполномоченных. Насколько сильна была в рабочей массе тяга к организации, насколько назрела потребность их в „фабричной конституции", можно судить по тому, как быстро, легко и охотно шли рабочие массы на собрания, организуемые зубатовскими агентами в Москве и других городах.

Сами рабочие в записках, которые они подавали во время лекций Озерову и другим московским профессорам, устраивавшим организационные совещания и лекции для механических и прочих рабочих, просто и выразительно рассказывали о своем стремлении к организации. „Депутаты",—жаловались они,—„слово, которого фабричная администрация признавать не хочет и даже не хочет признавать нас за людей".

„Один рабочий никогда не добьется удовлетворения",—писал в записке к Озерову какой-то рабочий: „и мы собираемся всем цехом и заявляем свою жалобу, но так как нельзя всем говорить, то из нас выбирают, кто поопытнее и покрасноречивее, который, так сказать, зуб за зуб. Но вот эти-то люди и остаются виновными, их в скором времени рассчитывают. Почему? Да потому, что вы де много знаете, нам таких не надо".

Другой рабочий описывал так же незатейливо и правдиво: „При недоразумениях администрация дает знать по телефону полиции, и нас прямо гонят на работу, как раньше крепостных. А кто станет доказывать, что он тоже человек, то его забирают в участок и говорят, что он социалист. И так от дворян нас отняли и к купцам приписали".

„Депутаты",—пишет в записке третий рабочий,—первые увольняются, но если мы выбираем депутата поздравить заводчика с днем его рождения, да еще депутаты идут с подношением, то этих депутатов принимают со вниманием и с почетом, а других депутатов считают за бунтовщиков".

Бесправная атмосфера фабрик усугубляется произволом низшей фабричной администрации: „мастера над нами—Бог".

В чем же видит выход из такого положения спрошенная об этом непосредственно рабочая масса?

Часть рабочих высказывается за создание советов от рабочих с контрольными функциями. „Рабочий и капиталист теперь—это карлик и великан, но когда мы соединимся в одну семью, то мы сравняемся с ним".

Впрочем, большинство рабочих записок выражает сомнение, согласятся ли предприниматели иметь дело с выборными от рабочих. „Разве тогда согласятся, когда их принудит к этому закон. Надеяться же на появление такого закона нам вряд ли возможно", заключают рабочие самым пессимистическим образом. „Еще на мелких заводах можно обращаться к хозяевам. Бывает, что и договариваются и делают уступки, но в больших учреждениях, в акционерных обществах трудно найти хозяина. Здесь какие-то невидимые силы поглощают все наши силы, убивают наше здоровье, так все обставлено, что не знаешь, к кому обратиться" [1]).

Мы нарочно выбрали из массы ответов рабочих на организационных собраниях о-ва механических рабочих в Москве наиболее типичные, чтоб иллюстрировать то настроение в фабричной массе и ту атмосферу обычного бесправия и произвола, какой насыщена фабричная обстановка в этот период выступления „зубатовщины" на активное поприще среди рабочих. Это настроение учел и Зубатов, пригласивший в Москве в трактир Тестова несколько десятков фабрикантов и произнесший перед ними речь с изложением своей программы „полицейского социализма" [2]).

---

[1]) Все эти и многие другие записки приведены в книге Озерова: „Нужды рабочего класса".

[2]) Речь Зубатова, как и вся его деятельность освещена в кн. Григорьевского „Полицейский социализм в России", напечатанной в 1909 г. в Сборнике статей Лунца. „Программа" Зубатова, напечатана в „Русском деле" за 1905 г., № 3—5, в статье „Как устраивали в Москве рабочий вопрос".

В ней Зубатов совершенно откровенно развивает перед промышленниками план создания „Полицейской фабрики“ и установления в ней своеобразной „конституции“.

Документ этот настолько характерен и настолько очевидно и ярко определяет и дальнейшие пути правительства в области политики, касающейся фабричной конституции, что нам следует на нем остановиться.

Указывая, что только „в видах соображений государственной важности“ (каких именно Зубатов не говорит) охранное отделение „решилось принять на себя ту часть обязанностей фабричной инспекции, которая обнимает взаимоотношения хозяев и рабочих“, охранное отделение ставит себе задачу более глубокого проникновения во внутреннюю жизнь фабрики. „Не знакомое со всеми особенностями фабрично-заводского быта, охранное отделение приняло все меры к тому, чтобы проникнуть в глубину этих новых своих обязанностей и, по исследовании их, оно пришло к непоколебимому убеждению, что единственным средством, могущим предотвратить погромы капиталов и частной собственности, является расширение прав фабричных рабочих, но отнюдь не в законодательном порядке, как на этом настаивает г. министр финансов, представивший недавно законопроект о свободе стачек и о представительстве рабочих, а в порядке, так сказать, внезаконном, нелегальном“.

Таков центральный пункт этой „Зубатовской конституции“, принимающей и соответствующие организационные формы, о которых говорит следующий пункт: „Расширение прав фаб.-зав. рабочих (вопреки устава о предупреждении и т. п.) должно состоять в объединении рабочих каждой фабрики в отдельное целое, имеющее свой комитет, состоящий из членов, добровольно выбираемых из своей среды рабочими обоего пола. Эти комитеты имеют намечать желательные для рабочих изменения в расценках, таксах, распределении рабочего времени и вообще в правилах внутреннего распорядка. Хозяин имеет ведаться впредь со своими рабочими не непосредственно, а через комитеты отдельных фабрик, состоять между собой в общении в видах достижения однообразия действий. Общий надзор за комитетами сосредота-

чивается в охранном отделении, которое назначает в сих целях особых агентов из среды опытных и благонадежных рабочих, умудренных долгим опытом в искусстве управлять народными громадами".

Таким образом, идея фабрично-заводского представительства, столько времени зревшая в недрах рабочего класса, неожиданно получила свое организационное оформление в полицейской „конституции", которой правительство думало подменить рабочие организации. Нечего, конечно, и говорить, что фактически не только равноправия, но и просто возможности выявления своего голоса эта „конституция" рабочему не давала. Рабочие комитеты должны были стать полицейской ловушкой или средством переложения недовольства рабочих капиталистами на своих представителей. Зубатовский проект рабочих комитетов нисколько не скрывал истинной физиономии и действительных намерений полицейской власти. Но рабочие не сразу разгадали провокационный смысл допускаемых правительством, вопреки ст. 116—117 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, рабочих организаций. Часть из них, более отсталая или менее искушенная и политически не созревшая, пошла в эти полицейские организации в Москве, Минске и Одессе. Сначала они искренно верили, что начальство, действительно, пойдет навстречу их желанию обсудить с ними экономические и общественные нужды рабочих. Озеров, один из непосредственных участников и организаторов Москов. „Совета рабочих механич. производства", рассказывает, что „рабочие стали скоро смотреть на свой совет, как на прибежище от притеснения на фабриках и заводах, и сюда они стали подавать жалобы на нарушения фабричных законов, дурные санитарные условия и т. п. Григорьевский („Полицейский социализм в России") приводит факты, когда рабочие-зубатовцы с открытыми листами от полицеймейстера входили на фабрики, вопреки запрету владельца и фабричной инспекции, и вступались за рабочих перед фабричной администрацией, действуя от имени „Союза Московских рабочих". Результатом этой деятельности, говорит Григорьевский, был „целый ряд забастовок,

число коих в настоящем 1902 году в весьма значительной степени превышает обычную норму, огромное небывалое количество коллективных заявлений о недовольствиях, число коих с течением времени увеличивается все более и более" (стр. 11).

Почти то же мы видим и в провинции.

„Пролетарское дело", орган одесской группы РСДРП, рассказывает, как в памятные одесскому пролетариату кровавые июньские дни 1903 г. выборные, большей частью зубатовцы еще верили, что могут обойтись без политики, а свои обязанности понимали совсем в духе полицейских внушений: „Рабочие должны сами руководить своими делами", говорили они на собрании уполномоченных в заводе Гена: „Среди нас не должно быть посторонних. Вы сами должны следить за тем, чтоб никто не разбрасывал прокламаций, не выкидывал красного знамени, не кричал „долой самодержавие" [1]).

Но стихия развернувшегося стачечного движения уже через несколько дней опрокинула эти благонамеренные речи и осторожные подходы. „Зубатовцы" давали толчок и легальную возможность выхода зревшему в недрах рабочего класса протесту, не учитывая последствий. Нередко забастовки, вызванные самими „зубатовцами", становились искрой, вызвавшей пожар в накаленной атмосфере бесправной фабрики.

Воззвания и листовки, распространяемые ими на фабриках, с указанием целей борьбы против капитала, в результате своем побуждали не только к борьбе с капиталом, но и с поддерживавшим его политическим строем.

„Зубатовская" конституция приближала сознание рабочих к необходимости вообще рабочей конституции. „Зубатовские" выборные, уполномоченные, старосты свидетельствовали о целесообразности и необходимости вообще института выборных рабочих.

Призывы „зубатовцев" к защите прав и неприкосновен-

[1]) „Зубатовцы и с.-д. в июньские дни". „Пролетарское дело", № 1 за август 1905 г.

ности личности своего депутата пробуждали рабочих к борьбе с бесправием рабочего класса вообще.

Какое, например, действие могло оказать следующее обращение „независимой рабочей партии“ (одесских „зубатовцев“) к рабочим по поводу забастовки из-за увольнения старого рабочего завода Рестеля?

„21 апреля рабочие завода Рестеля прекратили работу“, так начиналось „извещение независимой рабочей партии“ по поводу Рестелевской забастовки: „остановились железные машины, замолчал гудок, умер завод.

Это рабочие запротестовали против рабства, которое их окружает на заводе, это рабочие люди потребовали восстановления своих нарушенных прав, это рабочие, как один человек, стали на защиту изгоняемого товарища, 20 лет трудом своим на заводе засвидетельствовавшего свое право на работу... на хлеб“ [1]).

Июньские и июльские события в Одессе, обращенные уже не против одного Рестеля, а против экономического и правового угнетения рабочих капиталистами,—таков был ответ на подобные „извещения“.

То же самое происходило и в других городах. Крах „зубатовской“ политики был очевиден. Рабочее движение перерастало ставившиеся ему полицейские границы, а зубатовские организации, призванные быть органами „порядка“, превращались в свою противоположность.

И это было естественно: организация рабочих в условиях бесправия и эксплоатации может жить только, как боевая классовая организация, если она хочет быть подлинно рабочей.

„Свод отчетов фабричных инспекторов за 1902 год“ дает множество красноречивых цифр, свидетельствующих о росте в этот период правового самосознания рабочих. Рабочий уже не прежний забитый раб. В нем пробуждено чувство собственного человеческого достоинства и классовой солидарности. Он протестует против грубого обращения и про-

---

[1]) Это одна из типичных листовок „независимцев“ к рабочим, найденных нами в архиве Одесского Истпарта.

извола фабричной администрации, как никогда раньше. Еще в 1901 году число жалоб на грубое обращение было не больше 161, а в 1902 г. жалобы достигают числа 2.146, т.-е. больше чем в 13 раз. „Рабочие,—говорит по этому поводу окружный инспектор,—под влиянием упоминавшегося выше движения стали строже относиться к поведению заведующих заведениями и их владельцев и начали приносить жалобы на такие их действия, которые в прежнее время оставлялись ими без внимания“ (Свод отчетов, ст. XVIII).

Русский рабочий класс начинал с этого момента требовать себе равного места в капиталистической системе отношений, свои требования в течение всего этого периода (1900—903 гг.) он подкреплял внушительными демонстрациями, стачками и забастовками.

Правительство, метавшееся между промышленниками и рабочими, искало нового способа обуздать рабочих.

Осекшееся на открытой „зубатовщине“, оно перешло к ее скрытым формам. В результате появилась новая разновидность полицейской „заботы“ о рабочем—закон об институте фабричных старост.

Методы „охранного отделения“ переставали действовать. Шпионы, сотнями посылавшиеся на фабрики, фабриканты и мастера, особыми распоряжениями обращенные в полицейских и соглядатаев, отдельные рабочие, поддавшиеся на подкупы полиции, не могли больше сдержать рабочего напора и дискредитировали себя в глазах рабочих, требовавших полномочно и свободно избранных представителей. Нужно было изменить тактику.

„Всего этого оказывалось мало, чтоб остановить движение. Поэтому решено разделить его и взять по частям“,— так оценивает перемену правительственной тактики „Рабочая мысль“ [1]). В „Искре“ этот момент перехода к новой тактике, выражением которой явился закон 10 июня 1903 г., изображен так: „Стачка на фабрике Гужона в Москве 1902 г. явилась предостережением. Многолетний союз капитала с

„Раб. мысль“, № 15, 1902 г.

властью дал первую заметную трещину, и московские промышленники отправили протест министру финансов: „Если в предоставленной им (рабочим) известной организации,— писали они,—имеется в виду отвлечение их от участия в антиправительственной политической деятельности, то не менее опасным оказывается допущение их к деятельности антикапиталистической“, тем более, прибавляли они, „что справиться с массами, увлеченными каким-либо успехом в этом отношении может впоследствии оказаться чрезвычайно трудным, если даже не совершенно невозможным“. „Промышленники,—заключает „Искра“,—были правы. Эксперимент Зубатова и Шаевича окончился неудачей. Но лавина пролетарского движения катилась, и у правительства не было ни малейшей возможности остановиться в своем курсе. Оно хваталось за все и исходило в потугах законодательного творчества, и в результате злополучной двухлетней работы получился итог—фабричные старосты“ [1]).

Закон о фабричных старостах был новой попыткой заменить растущую самодеятельность рабочих правительственной опекой, но, имея в виду интересы промышленников, все больше недовольных государственным вмешательством, он должен был отвести значительное место и власти капитала.

Правительство и капитал должны были подать друг другу руки и совместно пойти против рабочих. Полицейская конституция, по образцу данной московским рабочим механического производства, должна была замениться конституцией, отводившей место мирному сотрудничеству капитала и власти, объединенных одной целью—подчинить рабочий класс.

Таков был объективный смысл закона 1903 года. Таковы были тайная подоплека, лежавшая в его основе, и внутренние пружины, двигавшие при составлении закона его сочинителями и творцами.

Обратимся теперь к закону 1903 г. и к создавшей его обстановке поближе.

---

[1]) „Искра“, 1905 г., № 88, „Капитал бунтует“.

Институт фабричных старост и его роль в борьбе за фабричную конституцию.

Что представляла собой фабрика, которую правительство облагодетельствовало „полицейской конституцией“ 1903 г.?

Хроника социалистических газет, русских и заграничных, за 1901—903 гг., корреспонденции с фабрик и заводов в газетах „Рабочая мысль“, „Рабочее дело“, „Борьба“ и др. дают нам живую и верную характеристику положения внутри фабрики. Жалобы на полный произвол хозяев, на понижение зар. платы, увольнения рабочих, штрафы и т. п. повторяются во всех корреспонденциях.

„Нас уверяют, что мы свободны, работаем по свободному договору, свободны его нарушать, если он нам не нравится,—пишет один рабочий с завода Гольдберга,—на словах—да, а на деле наша свобода за замком у капиталиста да в цепких лапах его покровителя—царского правительства. Правда, мы свободны умирать с голоду“.

На Обуховском заводе после подавления известной стачки, чтоб уничтожить всякое волнение внутри завода, расставлены матросы по 2, по 3 возле каждого мастера, при чем матросам строжайше запрещено вступать в разговоры с рабочими. „Начальство во всем старается отомстить рабочим за стачку,—пишет корреспондент,—говоря: „покажу я вам, как бунтовать“.

В Охтенском судостроительном заводе увольняют токаря только за то, что он от имени рабочих заявил, что попортилось точило и больше не годится для точки зубцов. Хозяин, не выслушав, закричал: „Если вы будете много говорить и собираться, то я вас вышлю из Петербурга, как бунтовщиков“.

С Трубочного завода сообщают, что завод принял совершенно дисциплинарный строй. „Везде на стенах развешены различные правила, даже в столовой для рабочих—и там расклеены правила о тишине и спокойствии“.

„Наш завод,—пишет рабочий с Колпинского Ижорского завода,—находится сейчас чуть ли не в осадном положении: вокруг завода ходят день и ночь вооруженные матросы“ [1]).

---

[1]) Эти корреспонденции выбраны нами из январьских №№ газ. „Рабочая мысль“ за 1902 г.

Эти отдельные штрихи рисуют общую картину того режима, который был при помощи полиции и войска установлен почти на всех фабриках. Немудрено, что рабочие непрерывно волновались и бастовали. Петербургские стачки и волнения в мае 1901 г., когда стачка из одной фабрики переносилась в другую, в 1902 г. были перенесены уже в другие промышленные центры. Ростовская всеобщая стачка 1902 г., июльская стачка 1902 года в Одессе, волнения на Кавказе, Урале и других промышленных городах России были только активным и ярким выражением общего протеста, общего подъема правосознания русского рабочего, который больше не мог и не хотел мириться с угнетением и произволом, давившим его на фабрике. „Даже поражение нас учит многому,—писал рабочий Обуховского завода после подавления стачки,—как покоренные чуждым народом, так и мы чувствуем себя ближе друг к другу, а единение дает нам силу, которая так нам необходима“ („Рабочая мысль“, № 14).

То же отмечали и наиболее дальновидные представители капитала. Так, например, обследовавший Балтийский и 10 других крупнейших Петербургских заводов А. Н. Чиколев, в докладной записке „по рабочему вопросу“ делает такое откровенное заключение (октябрь, 1901 г.): „Раз руководителям волнений удалось под разными заманчивыми предлогами расшевелить инертную массу рабочих, то в последующие разы сделать это будет еще легче, тем более, если общий промышленный кризис, лишающий рабочих заработка, будет продолжаться, и, в частности, если различные заводы некоторыми предупредительными мерами не отнимут почвы для возникающих волнений, так как причина возбуждения их не общие более или менее утопические социальные требования, а частные, сознаваемые самими рабочими данного завода“ [1]).

Чиколев предлагает установить однообразные порядки на заводах и смягчить царящий произвол в предприятиях. К

1) „Условия труда рабочих на Петербургском заводе по данным 1901 г.“, „Архив истории труда. № 2“.

подобным же заключениям пришел и кн. Святополк-Мирский после расследования петербургских волнений 1901 г.

Уже в апреле 1901 г. образовавшееся при министерстве финансов особое „совещание о мерах к обеспечению на фабриках и заводах спокойствия", в составе таких авторитетных представителей власти, как тов. мин. фин. Ковалевский, мин. внутр. дел Святополк-Мирский, директор департамента полиции Зволянский, „в целях устранения поводов к недоразумениям", признало полезным, чтобы рабочим была предоставлена возможность избирать из своей среды старост, которые могли бы об общих пожеланиях и нуждах рабочих обращаться с заявлениями к заводоуправлениям и чинам инспекции. Порядок избрания, права и обязанности старост должны были определиться совместно мин. внутр. дел и министерством финансов.

Так еще в начале 1901 года правительство поставило вопрос о создании—„для сношений с заводоуправлениями" и полицией—института старост, и вплоть до лета 1903 года этот проект не мог осуществиться. Промышленники сознательно тормозили его издание, видя в новом институте посягательство на свои права.

Лишь в марте 1902 года комиссия сенатора Оболенского при министерстве финансов, после долгого торга с представителями фаб.-зав. и горной промышленности, выработала проект положения „об учреждении старост и о порядке совместного обсуждения рабочими данного промышленного заведения дел, возникающих на почве договора найма или условий быта".

Характерна мотивировка этого проекта в устах министерства финансов [1].

Указывая, что прежняя политика по отношению к рабочим „не соответствует возникшим сложным условиям промышленной жизни" и что „в интересах охранения порядка и общественного спокойствия" необходимо изменить старые запретительные законы, „в смысле допущения некоторых

---

[1]) См. циркуляр об учреждении старост в промышленных заведениях. Озеров. „Политика по раб. вопросу". М. 1906, стр. 272.

видов организации фабр.-зав. рабочих", мин-во финансов прибавляет:

«Установление в законе таких норм в этом отношении тем более необходимо, что местная административная власть, под давлением жизни, вынуждена была выйти из пределов действующего закона и допустить рабочие организации и собрания профессионального и даже классового характера, вмешивавшиеся во внутреннюю жизнь отдельных фабрик".

И словно извиняясь перед „почтенным сословием фабрикантов" за вынужденное вмешательство правительства в хозяйские распорядки на фабриках, мин. финансов приводит доказательства и прямой выгоды для них подобного вмешательства: „Во всех этих случаях (неблагонадежность старост), по выяснении подобных обстоятельств, управление не всегда могло бы в силу договора найма уволить такого старосту из заведения до срока, на который он избран. Опасение нарушения добрых отношений с рабочими вынуждало бы иногда заводоуправление отказаться от этого, и деятельность старосты вместо пользы принесла бы существенный вред. По сим соображениям в законопроект включается постановление, по коему губернскому начальству предоставляется в тех случаях, когда по дошедшим сведениям рабочие, избранные в старосты, не удовлетворяют своему назначению, устранять их от исполнения обязанностей старост и до срока, на который они были выбраны".

Итак, первая законодательная попытка ввести „фабричную конституцию", которой добивались рабочие в стачечной борьбе последнего десятилетия, была ничем иным, как бюрократическим опытом усмирения в союзе с капиталом рабочего класса.

Для чего же все-таки понадобилось представительство рабочих? Об этом отчет Гос. Совета также говорит с достаточной определенностью: „С одной стороны, не только работодатели, но и власти бывали поставлены в затруднительное положение в виду необходимости вести переговоры с беспорядочной и недисциплинированной толпой, с другой стороны, рабочие, не имея права действовать скопом, лишены были возможности законным образом заявлять о своих

общих нуждах. Поэтому при возникновении беспорядков на почве экономических вопросов о размерах зараб. платы, числе рабочих часов и т. п., выдвигаются, обыкновенно, наиболее беспокойные личности, а этим обстоятельством политическая агитация пользуется для своих целей".

Можно ли институт фабричных старост считать органом фабричного самоуправления?

Даже при беглом чтении этого документа [1]) можно решительно утверждать, что старосты 1903 года ни с какой стороны и ни в каком случае не могут быть признаны формой коллективной самодеятельности рабочих, ибо ведь никакому представительству рабочих закон места не дает.

Порядок выборов сводится к назначению старост предпринимателями. Ст. 202 дает право выбирать в старосты только безвредных и угодных властям кандидатов. Ст. 203 с этой целью устанавливает для кандидатов 25-летний возрастный стаж. Предпринимателю закон (ст. 208) поручает определять все важнейшие условия, обеспечивающие „надежного старосту", порядок выборов, способ подачи голосов, срок полномочий, порядок работы и т. п.—словом все „указания относительно старост, которые окажутся необходимыми по местным условиям". Иными словами, ст. 208 предоставляет право самим владельцам вырабатывать основы „фабричной конституции", имеющей целью ограничить их же собственный абсолютизм в фабричном строе.

Ст. 209 отдает, с другой стороны, такого „выбранного" старосту в распоряжение полицейской власти, которой, как мы знаем, дается право удалить старосту с фабрики „в любой момент, в случае признания его «неблагонадежным»".

Итак, закон ставит рабочих между предпринимателем и полицией. Что же он дает рабочим?

Об этом говорит ст. 204, возлагающая на старосту обязанность делать заявления управлению о нуждах рабочих или „по делам, касающимся исполнений условий найма, а

[1]) См. текст закона „Об учреждении старост в промышленных предприятиях" (зак. 10 июня 1903 года). Устав о пром. труде. Свод закон. т. XI, изд. 1913 г. ст. 202—210.

также быта рабочих в данном заведении или промысле". Наблюдение и обсуждение вопросов исполнения, но́ отнюдь не участие в выработке условий найма,—вот и весь объем функций, определяемых этим „конституционным" законом.

Закон 10 июня 1903 г. выдержанно-полицейского характера. Он говорит скорее о стремлении использовать „рабочее представительство" в интересах сохранения „спокойствия на фабриках", чем о намерении создать какие бы то ни было условия рабочей самодеятельности.

Вполне правильную оценку закону дает почти современник его, П. А. Шевалев [1]), указывая, что закон 1903 г. „лишь повидимому расширяет права рабочих, но, в действительности, увеличивает права фабрикантов, давая им возможность выбирать „десятских" из среды рабочих".

„В этом законе право на стороне фабриканта: право допущения на фабрику старост всецело зависит от его воли, право составления правил о старостах—тоже, право надзора и руководство выборами—тоже его, право утверждения старост—тоже его". Естественно, что такие старосты больше напоминают дворников и сторожей, чем свободно выбранных рабочих, и потому не могут пользоваться доверием рабочих.

Но даже в таком „обезвреженном" виде закон о старостах казался опасным известной группе капиталистов. Они понимали всю иллюзорность и обманчивость надежды создать в рабочей среде организации, назначение которых—осуществлять полицейские проекты давления на рабочих.

В докладной записке, поданной в Гос. Сов. о-вом фабрикантов и заводчиков—в числе 36, под председательством Глезмера, указывается на рискованность и нецелесообразность нового закона: „Старосты, восприимчивые к воздействию полиции, немедленно утратят доверие рабочих".

Дальше они совершенно верно утверждают: „Довериться мечте, что рабочая организация будет оставаться в каких-либо предписанных ей грани-

[1]) „Вестник фаб. законод." 1905 г., т. III.

цах, было бы большой ошибкой. Развитие ее будет совершаться стихийно в том направлении, какое оно примет первоначально. И чем дальше, тем труднее будет регулировать мощную волю организованных и сильных своею организованностью и замкнутостью рабочих масс, искусственно слитых в одно целое“.

Того же взгляда держалось и бывшее против закона меньшинство членов Гос. Сов.: „Старосты не могут предотвратить недоразумения между фабрикантами и рабочими, а напротив, способны скорее умножить случаи подобных недоразумений и создать почву для крайне нежелательной организации рабочей среды, через которую широко проникнут в народные массы разрушительные учения“.

Опасения капиталистов шли так далеко, что им представлялась уже возможность проникновения в рабочую среду, благодаря представительству, „влияния международных идеалов, полезность чего для России еще не доказана“ (см. „Записку“). И, вероятно, из страха перед такой грозной опасностью петербургские фабриканты предлагают правительству—как это ни звучит курьезно—вместо старост ввести „приходскую организацию“, „чтоб не отрывать рабочих от остальных слоев населения“.

Эту характетную черту панического страха перед организацией рабочего класса мы можем подметить и в решительном, так сказать, „принципиальном“ обосновании протеста против самой идеи рабочего представительства.

„Вопрос о представительстве рабочих,—говорится в той же докладной записке Глезмеровской группы,—стоит в противоречии с основными условиями промышленной жизни. Фабрикант нанимает рабочих, но не союз рабочих, а потому он не обязан признавать представительство рабочих. Нет вопросов, которые надо фабриканту обсуждать со старостой, так как нельзя же допустить, чтоб такому обсуждению подлежали вопросы о продолжительности рабочего времени и о заработной плате“.

Этот фиктивно „конституционный“ закон не получил, за исключением немногих случаев, практического осуществле-

ния. Прокопович, ссылаясь на результаты комиссии Коковцева, указывает, что старосты были введены в 30—40 предприятиях, а Дмитриев насчитывает 39 губерний, где закон не был применен ни разу.

Отношение рабочих к закону о фаб. старостах ясно. В качестве любопытной иллюстрации, приведем разговор по этому поводу между главой Одесской полиции Лопухиным и депутатом от рабочих Райхом, вызванным для беседы о рабочем движении и мерах к умиротворению рабочих после июльской стачки. Передаем этот диалог, как он изображен в листовке одесской с.-д. группы, под заглавием: „Как они изворачиваются".

— „А скажите, пожалуйста, что вы думаете о новом законе о фабричных старостах? спросил Лопухин".

— Меня было хотели выбрать старостой, да вдруг подгадил циркуляр харьковского губернатора. Наши мастеровые почти все читают газеты, и этот циркуляр, вменяющий в обязанность старостам ловить подметчиков прокламаций и, вообще, вредных людей, сразу же поднял всех мастеровых и везде стали толковать о старостах-шпионах. Я поспешил снять свою кандидатуру.

— Какой же циркуляр? Я ничего не слыхал, недоумевал растерявшийся Лопухин. Буду в Петербурге, непременно все узнаю. Нет, такого циркуляра не должно быть. Я сам заседал в комиссии, которая вырабатывала закон о старостах, и там я настойчиво предлагал не возлагать на старост полицейских обязанностей. Я в комиссии говорил, что фабрикант может воздействовать на старосту деньгами, чтоб староста делал то... Мы этим законом, спохватился Лопухин: „хотели облегчить рабочим начало их самоуправления, а эти крайние партии извращают смысл закона"...

Нам думается, что приведенный диалог не нуждается в комментарии.

Но иногда полиции все же удавалось использовать старост в своих целях. Другая листовка Одесского комитета РСДРП „О фабричных старостах" приводит такой факт: „Не успел он (закон) еще народиться, как уже во вред рабочим проявился". В Николаеве в разгар стачки на фран-

цузском заводе в июне м-це градоначальник предложил рабочим выбрать старост. Консервативная часть старост (это все люди, получающие от 2 до 4 рублей в сутки) желают прекратить стачку и мирно взяться за работу. При последнем объяснении с директором старосты вели себя очень нехорошо и чуть ли не сами просили разрешить стать на работу.

По окончании стачек многих старост и других рабочих, наиболее проявивших себя во время стачки и обнаруживших свою политическую зрелость и сознательность, торопливо рассчитывали [1]).

Газета Николаевских рабочих „Наше дело" писала по этому поводу: „Заводская администрация прямо считает, что в старостах она приобретает не защитников рабочих, а своих инструкторов и новых шпионов".

Закон о старостах большинством рабочих в России—сознательно или по классовому чутью—бойкотировался. Нередко бывало, что, несмотря на фильтрацию, в старосты проходили революционно настроенные рабочие и причиняли администрации и полиции много хлопот. В Орехово-Зуеве, напр., во время стачек старосты стали во главе движения, были центрами стачечных организаций, через них распределяли пособия, через них вели переговоры с администрацией и т. п. [2]).

Партийные и первые профессиональные организации отнеслись к закону различно.

Второй съезд с.-д. рекомендовал использовать этот институт, принимая участие в выборах старост и проводя крепких и революционных представителей. Но после неудачных попыток в этом направлении в провинции (Николаев, Киев и др.) места отнеслись к ним отрицательно.

Мы остановились столь подробно на этой первой законодательной попытке полицейско-буржуазной власти ввести „конституцию" на фабриках, чтобы показать, что закон 10 июня 1903 г. не внес и не мог внести в фабричную си-

---

[1]) Листовки находятся в архиве Одесского Истпарта.

[2]) „Рабочий союз" № 10, стр. 12.

стему никакой „конституции“, что капитал лишь с величайшим трудом допускает „самоограничение“, и что видимость участия рабочего представительства он признает лишь в моменты особенно острых столкновений, когда «социальный мир» диктуется ему выгодами непрерывного производственного процесса. „Фабричная конституция“ приобретается ценой борьбы рабочего класса с самодержавием капитала в области экономической и политической. В ней вопрос победы—вопрос силы борющихся сторон.

Революционный 1905 год ввел конституцию на фабриках без законодательной санкции, ибо в тот момент высшей санкцией—была воля восставшего пролетариата.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Буржуазно-капиталистическая фабрика и борьба за фабричную конституцию.

Капитализация русской фабричной системы и переход от бюрократической регламентации труда к капиталистической.

Так, в результате естественного развития производительных сил, фабрика пореформенного капитала превратилась в буржуазно-капиталистическую, типичную для Западной Европы.

Процесс капитализации накануне революции 1905 года был почти завершен. Промышленный кризис 1900—2 гг., впервые испытанный Россией с такой небывалой силой, был признаком капиталистической зрелости русской фабричной системы. Но царский режим всем своим строем шел наперекор этому естественному развитию буржуазно-капиталистических отношений, держа промышленников, с одной стороны, в „покровительственных" пеленках, с другой—в полицейской узде. Нигде традиции протекционизма не сковывали по рукам и ногам развитие капитализма в такой мере, как в России. Но поскольку одновременно они не мешали чрезвычайным барышам буржуазии, со стороны последней особенного протеста не было. Основа экономической самостоятельности промышленников находилась в руках бюрократического правительства, поддерживавшего железозаводчиков и мануфактуристов таможенными тарифами, сахарозаводчиков—нормировкой цен на сахар, горнопромышленников и других капиталистов—усиленными казенными субсидиями.

Создавалась взаимная круговая порука, союз промышленников и правительства, в котором разногласия—по существу, небольшие, напр., в методах подавления рабочего класса,—были только легким облачком, не предвещавшим бури.

Проникновение и хозяйничание „свободного“ иностранного капитала, новые технические усовершенствования, приемы и методы „чистого капитализма“ в новых предприятиях, с одной стороны, заставляли „подтягиваться“ русских промышленников, с другой—усиливали их хищническую политику в отношении эксплоатации рабочего класса. Русские промышленники дифференцировались, в зависимости от степени их приближения к типу зап.-европ. капиталистов и от степени их экономической порабощенности „протекционизмом“. В таком же соответствии росла их оппозиция к старому режиму.

Промышленный кризис и рост рабочего движения заставляли русских промышленников острее чувствовать противоречия в промышленном организме, слишком опутанном бюрократически-полицейской опекой. Все чаще заговаривали представители капитала о тягости бюрократического стеснения и о необходимости выработки таких правовых норм, которые могли бы более обеспечить правильные взаимоотношения между предпринимателями и рабочими. Без урегулирования „рабочего вопроса“ промышленность застряла на полдороге в своем развитии и грозила совсем упереться в тупик.

Промышленники (их наиболее передовая часть) уже не только не считали нужным сохранять крепостнически-патриархальный строй отношений, а даже приходили к заключению, что для прогрессивного развития промышленности им нужен „настоящий рабочий класс“. Любопытен в этом отношении доклад научно-технической комиссии общества горных инженеров, представленный в 1903 году Съезду для выработки мероприятий к возможно широкому распространению железа в России.

„Коллективная группировка промышленных рабочих, говорил доклад, является прямым следствием условий их труда и никакими внешними усилиями не может быть устра-

нена. Неустройство рабочего вопроса в русской промышленности вообще и железной в частности, выдвинулось особенно резко в период переживаемого ныне промышленного кризиса. С особенной рельефностью несовершенство постановки рабочего вопроса чувствуется на Урале, пользующемся коренным горнозаводским населением. Горные инженеры прекрасно сознают, что в настоящее время рабочий вопрос является насущнейшим, неотложнейшим вопросом, определяющим всю будущность этой промышленности" [1]).

Это признание есть начало нового пути, на который, правда, медленно и трудно, спотыкаясь и оглядываясь, вступал русский промышленный капитал. Наиболее решительными в этом направлении были бакинские нефтепромышленники, независимый и даже либеральный тон которых объясняется их самостоятельной ролью в нефтяной промышленности, обязанной своим расцветом не казенным заказам и высоким пошлинам, а наличности все растущего внутреннего и внешнего рынка. Ларин сравнивает обстановку этого „царства крупного капитала" с заокеанскими промышленными центрами полу-колониального характера: „Тот же все проникающий дух наживы, демократичность отношений, крупный масштаб во всем, резкие контрасты, чрезвычайная подвижность"... Такой характер промышленного развития обусловил и соответствующие взаимоотношения между трудом и капиталом, регулируемые сражениями или взаимным соглашением сторон, без бюрократического вмешательства. Бакинские нефтепромышленники уже в 1903 году, после известных забастовок 1—14 июля, стали на путь признания рабочих организаций. „Дабы дать рабочим возможность законным путем заявлять о своих нуждах и ходатайствах, пишет в циркуляре т-во бр. Нобель, т-во испрашивает разрешения применять в своих заводах, мастерских и промыслах выс. утвержденный 10 июня закон об учреждении старост для рабочих".

А в 1905 году они первые заговорили о необходимости рабочих собраний, союзов и стачек.

---

[1]) „О рабочих в железной промышленности". 1903 г. стр. 4.

Конечно, „либерализм“ нефтепромышленников в значительной мере обязан интенсивности и активности движения бакинского пролетариата.

Наоборот, московские фабриканты, нуждавшиеся в промышленной поддержке правительства, имевшие дело с отсталым, полу-крестьянским пролетариатом, цепко держались за крепостнические порядки, дающие возможность противостоять в конкурентной борьбе с питерскими и лодзинскими промышленниками. Естественно, что эта группа фабрикантов лишь с трудом мирилась с новым капиталистическим укладом фабрики, а борьбу рабочих за свои права считала делом преступным, требующим противодействия всякими явными и тайными средствами. Но даже и их вскоре стала стеснять бюрократическая опека и придирчивая регламентация, практиковавшаяся правительством.

„Предполагаемая строгая регламентация администрации и желание стеснить до такой степени свободу труда и найма не может привести ни к чему хорошему“, так зафиксировал совет съезда горнопромышленников Урала свое отношение к новым проектам законов правительственного регулирования рабочего дня: „Задача руководить и разрешать экономические вопросы, возникающие между рабочими и предпринимателями, не под силу административной организации, потому что они подлежат действию естественных законов, а не усмотрению лиц“.

„Горнопромышленники полагают, что единственный путь для улучшения быта рабочих и правильного разрешения экономических вопросов не в усиленной административной регламентации, а в предоставлении рабочим возможности сообща защищать свои интересы“ [1]).

Эта записка ставит первый вопрос о взаимоотношениях по капиталистически: одновременно с промышленностью растут и развиваются новые общественные классы, со своими особыми требованиями и условиями роста: предоставьте же их собственному соглашению установление своих взаимоот-

---

[1]) „Записка съезда совета горнопромышленников Уральской области по рабочему вопросу на Урале“. Февраль, 1905 г. Отдельный оттиск.

ношений, ибо оба класса выросли из пеленок и хотят ходить самостоятельно.

Такова мотивировка промышленного капитала, не желающего подчиняться правительственной упряжке.

Как относится правительство к такой тенденции капитала к „освобождению“.

Оно еще не хочет упустить вожжей. Да оно и не может этого сделать. Рабочее движение уже давно вышло за пределы отдельного завода или фабрики. Оно волной прокатывается по целым городам и областям.

Стачечным движением в 1905 году охвачено 13.110 предприятий, т.-е. 93,2% общего числа. В движение вовлечено 2.709.695 человек—163,8% всех рабочих, т.-е. каждый рабочий участвовал 1 или 2 раза в стачке или забастовке. Официальная статистика стачек в Европ. России за 1895—1904 гг в обработке Варзара зарегистрировала в пятилетие 1895—1900 гг. 730 предприятий, а во второе пятилетие до 1905 года, несмотря на кризис и застой в промышленности в начале 900 годов—1.021 предприятие, участвовавшее в стачках.

„По силе стачечного движения Россия в 1905 году превзошла в 5 раз Америку и Германию и в 10 раз Францию, а абсолютный подъем стачечного возбуждения превзошел в 2 раза общую сумму числа рабочих, бастовавших, например, в 1900 году в 7 государствах мира с наиболее развитой промышленностью“. (Варзар.)

Пред лицом этого могучего восстания пролетариата должен был старый режим дать ответ. Ясно, что ответ мог быть только вынужденный, опасливый, неопределенный, ответ, который неспособен был никого удовлетворить.

В поисках его правительство нагромождало одну комиссию за другой: комиссию Шидловского—„для безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в г. Петербурге и его пригороде и изыскания мер к устранению таковых в будущем“; комиссию Коковцева—„для обсуждения мер по упорядочению быта и положения рабочих в промышленных предприятиях“ и множество комиссий поменьше, множество совещаний, докладных записок, проектов, особых мнений...

Это—последние судорожные попытки бюрократии не выпускать из своих рук право на регламентацию. Но бесславный и бесплодный конец этих попыток предрешен. Рабочие больше не верят словам и посулам. Из комиссии Шидловского обманутые рабочие-депутаты возвращаются на фабрики и заводы и призывают от слов перейти к революционному делу. Промышленникам тоже сейчас кажется просто невыгодным „верить". Они ссылаются на „нервное настроение" в связи с военными поражениями и уходят из комиссии Коковцева „до более благоприятных обстоятельств".

Свое ироническое отношение к безнадежным законодательным потугам правительства промышленники фиксируют вполне откровенно.

„Лишать взрослого рабочего его свободной воли, ставить свободного рабочего в своего рода крепостную зависимость от буквы, лишенной жизненного содержания, не решалось до сих пор ни одно серьезное законодательство в мире", заявляет директор Юж. Рус. металлург. о-ва Ясюкович, участвовавший в совещании промышленников.

В 1905 году капитал уже признает „свободного рабочего" и даже пытается, обходя закон и вчерашнее пренебрежение, „договориться" с ним.

Враги встретились впервые, как равные. И чувствуя силу друг друга, готовясь к битвам, они спешат организоваться, сплотиться, выступить во всеоружии. Фабриканты промышленного московского района первые вырабатывают „конвенцию на предмет установления для ее участников тех требований, по которым уступки не должны быть допускаемы".

Положение рабочих хуже. До самого 1905 года на их стремление к объединению и организации накладывалась тяжелая рука запрещающего и карающего „закона". Вместо свободно избранных представительных организаций рабочему классу предлагались „законные" старосты, сфабрикованные по известному нам полицейскому рецепту 1903 года. Но и рабочий класс научился обходиться без закона. Сначала общий подъем, классовая солидарность, бурный общий протест заменяли и покрывали недостаток организованности рабочих. Потом, почувствовав себя в борьбе крепче и уве-

реннее, чем раньше, рабочие строили свои рабочие организации, пользуясь каждым случаем, ставя капитал и власть перед совершившимся фактом. Из уроков борьбы с капиталом всех предшествующих лет рабочий класс уже твердо, на веки запомнил одно: легко рабочий ничего не получит, борьбой—все.

Развернувшаяся в годы революции 1905—7 гг. борьба труда с капиталом за фабричную конституцию была сплошной грандиозной иллюстрацией к усвоенной ранее теории борьбы.

Что могло противопоставить этому напору справа и слева царское правительство?

На заседании к-та министров 28 января 1905 года после рокового 9 января, вместе с расстрелянным порохом развеявшим по воздуху последние надежды рабочих на защиту „сверху", по вопросу о том, следует ли организовывать вне закона рабочие союзы, правительство откровенно сознается в своем крахе. В протокол заносится: „Случившееся несчастье непоправимо. Но тем большее значение должен иметь опыт, полученный столь тяжелой ценою, и последствий его должно быть достаточно, чтобы раз навсегда покончить с мыслью о возможности вмешательства полицейской власти в сферу экономической жизни".

Весною правительство под напором рабочего движения вновь (в который раз) возвращается к вопросу о допущении рабочих организаций. Но правительство боится создания настоящей профессиональной организации рабочих. И в центре проекта, представленного Фоминым,—не профессиональные союзы, а „рабочие товарищества", нечто среднее между старостатом 1903 года и фаб.-заводской профессиональной организацией. Проект озаглавлен: „Основные положения организации лиц, занятых в промышленных предприятиях".

Цели рабочего т-ва формулируются уже несколько смелее, чем в законе о старостах: „Рабочие товарищества имеют своей целью совместное обсуждение его членами вопросов, касающихся условий договора найма или быта рабочих в данном промышленном заведении, и изыскание мер к улучшению сего быта, а также защиту интересов его членов".

Рассматривая это новое творчество бюрократии, „Соц.-Демократ“ в № 8 от 24 июня 1905 года находит сходные черты между этим проектом о рабочих т-вах (комитетах) и Булыгинской Думой. Рабочий комитет, подобно Булыг. Думе, состоит при неограниченном властителе (владельце фабрики) и лишь по его требованию „дает свои заключения по вопросам, касающимся условий договора найма и быта работников данного учреждения“. Таким образом он пользуется только правом совещательного голоса и лишь в тех делах и вопросах, по которым сочтут нужным к нему обратиться [1]).

Законопроект Фомина подвергся значительным сокращениям, переделкам и застрял в Госуд. Совете, разъяснившем его с „неожиданной точки зрения“: „Гос. Совет не скрывает от себя, что с осуществлением сих предположений, в действующее законодательство о фаб.-зав. рабочих привнесены будут совершенно новые начала. Издание настоящего узаконения ознаменует собою переход от системы регламентации отношений работодателей к рабочим и административной над ними опеки на новый путь, открывающий фабрикантам и рабочим возможность свободной и в то же время законной самодеятельности в составе особых профес. обществ, имеющих главной своей задачей—согласование и примирение сталкивающихся в промышленной области интересов нанимателя и нанимаемых“.

Но тогда же в Гос. Совете были возражения, указывающие на то, что „определение нормальных условий труда не может быть достигнуто путем добровольного соглашения между предпринимателем и профессиональным обществом рабочих и что, следовательно, правительство не может отказаться и в дальнейшем от регламентации.

Законопроект о „рабочих т-вах“ являлся переходным звеном к последнему акту бюрократического творчества в этой области, завершившегося законом о профсоюзах 4 марта 1906 г. Горнозаводские т-ва, старосты, рабочие т-ва и, на-

[1]) „Соц.-Дем“. 1905 г. № 8: „Свобода стачек и союзов в министерских проектах“.

конец, профессиональные общества—таков путь, пройденный бюрократической законодательной регламентацией взаимоотношений труда и капитала внутри капиталистической фабрики. Но никакая бюрократическая регламентация не могла остановить или изменить естественный ход развития капитализма.

Капиталистическая фабрика сняла с себя путем буржуазной революции 1905 г. полицейско-бюрократические путы. Пролетариат первый разорвал их могучим выпрямлением согнутой спины. Буржуазии оставалось снять с рабочего разорванные им самим веревки бюрократии, но поторопиться надеть на него свои собственные да завязать их на нем покрепче и понадежнее.

Правительству же оставалось санкционировать процесс, прошедший на его глазах, но помимо его желания и даже против его воли. Уже в начале 1906 года оно торжественно отрекается от прежней политики, „основная мысль которой сводилась к возможности поддержать порядок на фабриках и заводах и спокойствие среди рабочих“.

„Искусственные меры“,—сознается в докладной записке министерство торговли и промышленности,—„оказались безуспешными и приводили к потрясению общественного порядка“ [1]).

Правительство торжественно обещало начать „новый курс“ в сторону уменьшения административного вмешательства в отношения промышленников и рабочих и предоставления им необходимой свободы действий через их профессиональные организации.

Революция 1905 года и завоевание фабричной конституции.

„Организуя рабочих в замкнутую сословную группу, надо впредь предвидеть, что эта организация в естественном стремлении односторонне понимаемой защиты своих интересов и в прогрессивном своем развитии обратится против всего того, что этому развитию будет препятствовать“.

[1]) Циркуляр приведен в книге Пажитнова: „Некоторые итоги и перспективы в области рабочего вопроса в России“.

Этим словам представителя петербургской промышленности Глезмера, неожиданно для себя усвоившего сущность диалектического процесса развития рабочей организации, суждено было стать пророческими. Попытки царского правительства „организовать вне закона рабочие союзы и войти в них через особо доверенных агентов и руководителей рабочих по указанию полицейских властей". (Зубатовские и Гапоновские организации), экономические стачки, проводившиеся при попустительстве полиции, собрания и лекции, имевшие целью отвлечь рабочих от „влияния преступной пропаганды"—именно все это давало толчек и легальный выход зревшему движению рабочих, служило источником и очагом движения, и очень часто из этого очага, призванного сохранить и обезопасить старый порядок, выходили его разрушители. Развитие экономической борьбы рабочих приводило к неизменному расширению требований рабочих, росту их классового сознания и укреплению зачатков рабочей организованности.

Знаменитые Гапоновские „собрания русских фабрично-заводских рабочих", с благословения правительства, созданы были в 1904 году с тем, чтобы уже в 1905 г. послужить исходной точкой разлившейся по всей России революционной борьбы, затопившей и Гапона и поддерживавшее его самодержавие.

Начавшись с обсуждения рабочими своих повседневных нужд и с борьбы за экономическое облегчение и закончившись могучим революционным политическим потоком в 1905 году, рабочее движение, организованное вокруг 11 полицейских отделов, превратило их в орудия революции.

В сознание рабочих и в обиход их жизни и борьбы крепко внедрялась необходимость организации, и то, что еще в 1903 году приходилось насаждать (правда, во имя других целей), в 1905 году возникло естественно и неизбежно, как-то само собой, самотеком, стихийно, из инстинктивной тяги массы к самоорганизации. Вот почему в это время легко и быстро, почти во всех предприятиях, вне всяких законом установленных рамок, возникают рабочие представительные фабрично-заводские организации — в лице ли

фабричных старост, заводских или фабричных депутатов, уполномоченных, заводских комиссий или комитетов и рабочих советов.

В какой степени они являлись продуктом рождавшей их революционной обстановки и обостряющейся классовой борьбы пролетариата, видно из того, что эти не всегда достаточно оформленные рабочие ячейки немедленно становились во главе борющихся рабочих своего предприятия и руководителями этой борьбы, выступая от имени стоящей за ними рабочей массы, формулируя и отстаивая ее требования и интересы.

Точно такую же картину, в своем роде, самопроизвольного и стихийного рождения рабочих фабрично-заводских организаций,—мы видели позже, в революции 1917 года, только в гораздо большем масштабе, соответственно масштабу Великой Революции.

Значит, истоки, рождение настоящей рабочей представительной ячейки нужно искать в недрах самой рабочей массы в моменты ее наивысшего напряжения и подъема,—в моменты, связанные с революцией или ее более или менее близким наступлением, ее отдельными вспышками.

Обратимся к происхождению и развитию фабрично-заводских организаций в России в период первой русской революции.

При каких обстоятельствах рождались эти первичные органы фабричного самоуправления?

Возникновение их на предприятиях известно и ранее 1905 г.

Почти всегда они являлись или во время стачек или в результате стачек. Они распадались вместе с ликвидацией стачки и, лишь как исключения получали писанную „конституцию"—положение или инструкцию—являвшуюся результатом частного соглашения фабриканта и рабочих (напр., у бакинских рабочих в 1904 году).

Но как общее правило, до революции 1905 года мы имеем лишь „текучие" организации фаб.-зав. рабочих.

Развитие стачечной борьбы вызвало потребность в ее ор-

ганизаторах и руководителях, и во главе фаб.-завод. массы на более или менее продолжительный срок становятся избранные ею стачечные комитеты, кассы сопротивления, фаб.-зав. партийные ячейки и т. п.

Вот эти боевые группы, выдвинутые рабочей массой в моменты подъема движения, и можно считать, если не предшественниками, то по духу наиболее близкими родственниками фаб.-зав. комитетов, как органов боевого сопротивления рабочего класса.

Но в большинстве случаев эти фаб.-зав. стачечные организации—органы экономической борьбы рабочего класса.

Бесправие рабочего класса не давало им развернуться и достигнуть значительных успехов в этой борьбе. Но экономическая борьба неизбежно становится и борьбой за улучшение правового положения пролетариата. Это в сущности две стороны одного процесса освобождения рабочего класса „своею собственной рукой".

1905 революционный год был годом развернутой борьбы рабочего класса не только за экономическое улучшение, но, главным образом, за правовое оформление рабочего класса. „Права наемного рабочего" становятся фокусом рабочего революционного движения в 1905 году. Из них оно исходит, к ним приурочиваются и требования экономического характера и требования политических свобод.

Вот как об этом пишет „Искра": „Стремясь поднять свой собственный экономический, социальный и культурный уровень, пролетариат заражает той же жаждой улучшения, тем же страстным стремлением выпрямить согнутую спину, почувствовать себя человеком, оградить свое достоинство, добиться человеческих условий существования, огромный слой тружеников, до сих пор пассивно и индиферентно несших тяжелое ярмо подневольного труда. Быть может, нет более выразительного примера этого жадного стремления к „выпрямлению" человеческой личности, чем Виленская забастовка против „хозяек", самых отверженных париев современного о-ва—„несчастных проституток" [1]).

[1]) „Искра" (мен.) № 89, 24 февраля 1905 года.

Рост правосознания рабочих усиливает в 1905 году и борьбу рабочего класса за свои права.

Эта правовая борьба рабочих сказывается и на увеличении стачек, поводом к которым являлись тяжелые условия жизни рабочих: вычеты и штрафы, порядок в предприятиях, действия фабричной администрации и т. п., при чем соотношение между исходом стачек в пользу предпринимателей или в пользу рабочих меняется:

Для заработной платы, требования повышения которой наиболее распространены:

в пользу рабочих кончается . . . . 81% стачек,
в пользу предпринимателей . . . . 19% „

Для требования сокращения рабочего времени:

в пользу рабочих . . . . 79% стачек
в пользу предпринимателей . . . . 20,6% „

Для требований, связанных с порядками и правовыми условиями жизни и труда рабочих:

в пользу рабочих . . . . 63,8% стачек
в пользу предпринимателей . . . . 36,2% „

Кульминационного пункта борьба рабочего класса в области оформления его правового положения достигает в месяцы наивысшего подъема революции: октябрь—ноябрь. Проблема решительного изменения внутреннего строя старой фабрики и регулирования взаимоотношений труда и капитала ставится впервые самими рабочими во весь рост. Разрешения ее рабочий класс ищет по линии превращения прежних „летучих“ представительных организаций, недостаточных в новой обстановке, в полномочные и свободные органы рабочего представительства. Право на самоуправление внутри фабрики—вот как в конечном счете формулируется новая задача.

Борьба начинается по всему фронту: требованиями увольнения нежелательной фабричной (глав. обр.) администрации, участия во всех сторонах жизни предприятия, призна-

ния выборных депутатов и т. п.—предпринимает рабочий класс свой штурм последних остатков крепостнической фабрики.

Проследим этот процесс взрывания старой фабрики в его наиболее характерных моментах.

Впервые он назревает в январьские дни 1905 г. в Путиловском заводе, откуда революционная искра перебросилась сначала на другие заводы Петрограда, а потом уже всероссиским пламенем во все рабочие города России.

Уже 4 января общее собрание рабочих Путиловского завода постановило: „для выяснения нужд забастовавших должно состояться совещание между выбранной самими рабочими депутацией и представителями акционерных о-в Путиловсковских заводов. При совещании рабочие имеют равное число голосов с представителями завода“.

И вечером того же дня депутация завода предъявила администрации, на ряду с требованиями увольнения мастера Тетявкина и введения 8 час. рабочего дня, еще два требования, ставшие потом неизменными пунктами требований всех заводов Петрограда и России, поддержавших Путиловскую стачку. Эти требования гласили: п. 3—„Расценка новых изделий после испытания должна устанавливаться мастерами по добровольному соглашению с выборными рабочими из мастерских и затем должна считаться обязательной. Что же касается старых расценок, то они должны быть вновь пересмотрены на том же основании“.

Пункт 4.—„Должна быть учреждена на Путиловском заводе постоянная комиссия из выборных рабочих, которая совместно с администрацией разбирала бы все претензии отдельных рабочих. Увольнение рабочих не может состояться иначе, как с постановления комиссии“.

И дальше обычные пункты экономических требований (о высоте зар. платы, сверхурочных работах, женском труде, медицинские и санитарные требования и т. п.).

Выделив эти два пункта „Требований“, мы должны прибавить, что именно они легли в основу всех дальнейших проектов „фабричной конституции“, которая являлась, в большей или меньшей степени, только развитием этих основных требований.

Первое свое оформление „фабричная конституция" получает на гапоновском „собрании русских фаб.-зав. рабочих" 5 января, где, по инициативе наиболее активных Путиловских рабочих, принимается резолюция, формулирующая экономические и правовые требования рабочих. Характерна для настроения рабочих этого периода вводная часть этой знаменитой „резолюции рабочих об их насущных нуждах".

„При полном личном бесправии,—говорится в ней:—при поддержке полицейской и правительственной властью интересов капиталистов, вплоть до ареста, высылки и поощрения охранным отделением шпионов и провокаторов, глубоко развращающих рабочую среду, при той несомненной власти, которую имеют капиталисты, благодаря общемировому преимуществу, даваемому капиталу над трудом, и увеличивающемуся покровительству чиновников, при правовой беспомощности трудящихся,—рабочие являются в полном смысле крепостными работодателей—заводчиков и фабрикантов и отданы в полную и бесконтрольную власть целой шайки мастеров и подмастерьев, которые эксплоатируют рабочих в свою пользу и тем уменьшают и без того низкую расценку труда" [1]).

Путиловские „требования" становятся программой революционных действий всего русского пролетариата. Пожар начинается с военных и морских заводов, работающих на „оборону". Поражения на Дальн. Востоке ими чувствуются особенно остро, ибо противоречия и гнилость старого строя им виднее, чем другим рабочим. С одной стороны, они видят чрезмерный рост капиталов, вызванный военными поставками и заказами, премии и награды заводчикам частных и казенных заводов, изготовляющих суда, негодные для дальнего плавания, со свинцовыми заклепками и шпаклевками вместо чеканки, а с другой—совершенно неслыханную эксплоатацию рабочих на этих заводах, находя-

---

[1]) „Резолюция рабочих об их насущных нуждах" отпечатана в загр. изд. с.-д. „Освобождение", № 65, 9 февраля 1905 г.

щихся под двойным гнетом—капитала и полицейской опеки. Сознание собственного достоинства и протест против своего рабского положения рабочие военных заводов обнаруживают раньше других.

7 января 1905 года депутаты от Балтийского судостроительного завода предъявили свои „требования“, тон которых звучит далеко не по-старому.

„Рабочие Балтийского завода требуют, чтобы заводская администрация пошла навстречу их нуждам откровенно, не прибегая к уловкам и обещаниям, которых потом не выполняют, и к содействию полиции“.

Далее рабочие Балтийского завода требуют учреждения при Балт. заводе постоянной комиссии из выборных от рабочих, вежливого обращения с рабочими, увольнения 14 грубых и ненавидимых мастеров и выговора 5 агентам администрации—и „чтоб все выговоры означенным лицам были сделаны в присутствии рабочих“.

„Мастеровые, подмастерья, указчики и вообще вся администрация должны обращаться с рабочими, как с людьми, но не как с вещью, и в разговоре слов лишних не употреблять, как это у нас принято“ [1]).

Перечисляя заводы, примкнувшие к Путиловскому и останавливаясь на формулировке их требований, Прокопович в книге „К рабочему вопросу в России“, изданной непосредственно после всеобщей забастовки в 1905 году, между прочим, замечает: „Мы не имеем подробных сведений о требованиях, выставленных на других заводах и фабриках, но огромное большинство петербургских рабочих, если не все,—присоединились к общим требованиям Путиловцев, дополняя их местными требованиями“ (165 стр.).

Далее Прокопович указывает, что, благодаря некоторой привычке к организации, появившейся в результате Гапоновских „собраний фабрично-заводских рабочих“, и самая стачка после январьских событий носила более организованный характер. 11 отделов этого об-ва служили местом

---

[1]) „Требования рабочих Балт. завода в январьск. дни 1905 года“— см. Архив истории труда № 4.

для собрания рабочих. Члены его вносили известное единство в действия рабочих различных фабрик и заводов. Часто именно члены этой организации у себя на заводе становились во главе самочинно организуемой фабрично-заводской организации, руководившей стачкой в данном предприятии.

Значит ли это, что Гапоновские организации создали рабочее движение в 1905 году и организующие его органы борьбы рабочего класса? Конечно, нет. Они сами, словно осуществляя пророческие опасения Глезмеровской группы фабрикантов, под напором восставшего пролетариата, объективно служили тому, против чего направляли их инициаторы:—революции, рабочему классу, его победе над самодержавием внутри страны и внутри фабрики.

9 января в Петрограде пробуждает правосознание во всей стране. Стачки, уличные демонстрации, политические лозунги, борьба с полицией—это отклики 9 января на рабочей улице во всех городах России. И с революционной улицы рабочий возвращается к себе на фабрику уже не прежним безгласным рабом. Он требует признания за ним права голоса во всех сторонах его жизни.

В Москве раньше всех организуются печатники, потом металлисты, слабее откликаются текстили, классовое сознание которых еще не совсем ушло из плена деревенской покорности и забитости.

Движение захватывает Московский район, переносится в Поволжье, на юг, в Западный край, на Кавказ.

Картина везде одна и та же: рабочие выступают на борьбу против рабства в стране и ее отражения у себя на фабрике.

Требования почти всех забастовавших рабочих однообразны. Путиловская конституция становится всероссийской. Места вносят лишь то, что у них еще особо наболело.

Уже в начале февраля вырабатываются 25 пунктов „Требований“ на фабриках Саввы и Викулы Морозовых. Главное требование—признание избранных рабочими старост и депутатов.

В Иванове-Вознесенске во время майской стачки избран-

ными от каждой фабрики депутатами предъявляются подобные же 31 требование [1]).

В Костроме в июле 1905 года на ф-ке Кашиных по цехам избраны депутаты, которые руководят стачкой. И они поражают фабрикантов, собравшихся на совместное заседание для выработки условий дальнейшей работы, своим полным достоинства поведением. Костромские фабриканты „с удивлением смотрели, как рабочие депутаты, которых они не отличали от рабочего скота, с достоинством отвечали на их возражения и давали отпор на все попытки обморочить рабочих, убедить, что требования их безрассудны и вредны для них же самих".

На втором собрании рабочие демонстративно удалились после того, как председатель фабрикантов оскорбил их представителя. Рабочие решили продолжать забастовку. Продержались около 3 недель и после небольшой уступки со стороны фабрикантов стали на работу, заявив: „Мы берем то, чего добились у вас, но от своих требований мы не отказываемся: мы будем готовиться к новой, более упорной борьбе".

В этой интересной истории, рассказанной в газ. „Пролетарий" [2]), характерным для рабочих этого времени является их значительно выросшее классовое сознание, сплоченность и солидарность в борьбе.

Еще крепче сплотились харьковские рабочие, отстаивая право на самоуправление.

1 февраля 1905 года состоялось первое соглашение между правлением паровозного завода и выборными от рабочих. Оно установило продолжительность рабочего дня порядок расплаты с рабочими, правила браковки и ряда правил, касающихся внутреннего распорядка. Для закрепления „конституции" и наблюдения за ее выполнением в заводе было решено (п. 14 „соглашения") избрать „комиссию уполномоченных (от цехов), число участников коей должно быть

---

[1]) Они приведены в книге Пажитнова: „Положение рабочего класса в России", стр. 278.

[2]) См. „Пролетарий", 1905, № 14 и 26.

установлено пропорционально числу работающих в цехе. Комиссия эта разбирает все нужды и недоразумения рабочих сначала с начальниками цехов, а затем, в случае несогласия с ними, с директором завода". „Комиссия участвует в разрешении вопроса и найма и увольнения, наблюдает за правильным поступлением штрафных капиталов и выдачей пособий из него в пределах, разрешенных уставом"[1]).

Но эта, хотя и очень тщательная (особенно в своей экономической части) регламентация условий труда, при посредстве соглашений фабрикантов и рабочих, еще не то, что нужно рабочим, добивающимся полного фабричного самоуправления. И 19 марта рабочие выносят резолюцию, с какой они „не обращаются ни к какому правительственному учреждению или комиссии, так как находят, что последние ничего рабочим никогда не давали, не дают и дать не в состоянии", а только доводят ее „до сведения т. т. рабочих и всего русского общества". В заключительной части рабочие паровозного завода решительно заявляют:—„К настоящему заявлению о ближайших нуждах рабочих, без немедленного и полного удовлетворения которых невозможен нормальный ход внутренней жизни России, мы считаем нужным добавить следующее: мы твердо убеждены в том, что, пока существует капиталистический способ производства, при котором средства производства сосредоточены в руках капиталистов, не может быть устранена главная причина рабства рабочего класса"[2]).

Эта резолюция, составленная, видимо, под влиянием социалистической организации, свидетельствует не только о росте рабочего классового самосознания, но и о понимании (пусть пока, быть может, немногими передовыми рабочими) настоящих путей, по которым может пойти освобождение рабочего класса и завоевано подлинное самоуправление его. Вот почему повсюду, почти с первых дней революции, экономические и политические требования рабочих так тесно

---

[1]) Полностью текст „Соглашения" приведен в жур. „Профес. союз" 1906, № 14—15 и 16, „Опыты соглашений рабочих с предпринимателями".

[2]) См. „Соц.-Дем." № 5. Март, 1905 г.

переплетаются. Не может внутренний строй фабрики быть отделен от внутреннего режима в государстве.

И когда 29 января правительство в экстренном порядке назначает комиссию Шидловского для урегулирования экономических вопросов, рабочие прежде всего выставляют ряд требований политических. Получив отказ, рабочие выборщики вовсе отказываются от выборов депутатов в комиссию и, в большинстве случаев, остаются в предприятиях представителями интересов рабочих и признаются последними—заводскими депутатами.

К октябрьской всероссийской забастовке 1905 г. рабочий класс приходит, таким образом, если не хозяином фабрики, (до этого еще далеко), то отнюдь не прежним бесправным и угнетенным „живым скотом".

Понимали ли капиталисты смысл нароставших событий, и как на него они реагировали?

Постановления „Комиссии по рабочему вопросу" при московском биржевом комитете на заседаниях в феврале и марте свидетельствуют, что предметные уроки, в виде предшествующих движений рабочих, еще не были усвоены капиталистами. Понадобился всероссийский гром октябрьской забастовки, чтоб заставить их расслышать протестующий голос рабочего класса.

Вот почему не только никаких уступок они не желают делать рабочим, а устанавливают между собой соглашение в важнейших вопросах, по которым уславливаются не допускать никаких уступок рабочим. Вот это соглашение в ответ на требование фабричной конституции:

1. „По вопросу о сокращении рабочего времени—не следует делать никаких уступок, а предлагать рабочим обождать решения этого вопроса путем законодательным.

2. Оплата прогульного времени при забастовках признается невозможной.

3. Участие рабочих в определении заработной платы и правил внутреннего распорядка признается недопустимым.

4. При решении вопросов об увольнении рабочих участие их представителей, хотя бы с правом лишь совещательного голоса, недопустимо.

5. Штрафы рабочих за дурную работу необходимы.

6. Установить наименьший заработок, ниже которого не должна опускаться плата поденным рабочим, нельзя".

Но все же игнорировать окончательно рост рабочего движения уже невозможно, и московские промышленники в заключение постановили:

„Было бы несправедливо и произвело бы дурное впечатление на рабочих, если бы фабриканты, добиваясь организации для себя, не высказались бы в пользу допущения таковой для рабочих, в виду чего предлагается собранию признать организацию фабричных рабочих допустимою".

Итак, ограничив предварительно ее возможные права, фабриканты великодушно допускают „организацию фабричных рабочих".

Но теперь уже рабочие не нуждались в „разрешении" ни со стороны законодательства, ни со стороны предпринимателя, ибо черпали право в сознании своей силы.

Октябрьские (1905 г). завоевания пролетариата эту силу превратили в право.

И два следующие месяца—рабочий класс торопливо строит в пылу революции свои органы самоуправления. И не только строит, но и стойко защищает их от нападения и разрушения. Бюллетени Московск. музея содействия труду дают отчет о первых шагах этого революционного строительства пролетариатом основ своей фабричной конституции.

На собрании 2 октября присутствуют уже 32 депутата от 5 крупнейших профессий. Из докладов их выясняется, какие требования ставят рабочие, и как они осуществляют их.

Требования 8-ми час. рабочего дня, признание депутатов, предоставление помещений для свободных собраний рабочих—являются общими. Депутаты в большинстве производств избраны явочным порядком, еще со времени сентябрьской забастовки. У печатников, табачников, металлистов они остались в качестве постоянно действующих органов. Между ними есть первые женщины-депутатки.

Владельцы не признают депутатов, увольняют их или за-

крывают предприятия. С помощью полиции депутатов арестовывают. Напр., на табачной ф-ке Габай арестовали двух депутатов, рабочие потребовали их освобождения, заявив, что не уйдут, пока не отпустят их выборных. Некоторые представители власти—полицейской и фабричной—встречают борьбу рабочих за самоуправление насмешками и глумлением.

На Покровской м-ре продолжаются крепостные порядки: директор Бордман и его сын механик производят кулачные расправы и порку рабочих [1]).

На Прохоровской м-ре рабочие потребовали признания свободно избранных депутатов, и „старосты", избранные на основании закона 10 июня 1903 г., должны быть упразднены, так как не приносят существенной пользы" [2]).

Собрание московских фабричных депутатов выносит решительную резолюцию:

„Собрание признает необходимым, чтоб рабочие каждого заведения выбрали депутатов, чтоб эти депутаты объединились по профессиям и через своих представителей были представлены в общий совет рабочих всей Москвы. Как посылать, решает каждая профессия особо. Собрание признает желательным и важным, чтоб и депутатские собрания по профессиям и общий совет добились гласности и открытого существования. Для проведения в жизнь этого решения собрание постановляет обратиться к рабочим Москвы с воззванием о необходимости выбрать депутатов и поручает это особо выбранной комиссии".

Так утверждаются сначала в Москве и Питере, потом и во всей России, основы фабричного самоуправления.

Но с первых же дней рабочие должны зорко отстаивать свое завоевание от покушения на него со всех сторон. На этой почве создаются непрерывные конфликты.

Когда, например, администрация Гвоздильного завода в Петербурге потребовала, чтоб рабочими были выбраны ею

---

[1]) „Соц. Демократ" № 6, апрель—май, 1905 г. „Во вражеском стане".

[2]) Все эти сведения взяты из протоколов собрания депутатов г. Москвы. Бюл. Музея Сод. Труду № 1—2.

намеченные депутаты, когда она на другой день увольняет рабочих, участвовавших в октябрьской политической забастовке, рабочие единодушно и дружно дают отпор посягательству на свои права. Они, несмотря на угрозу общего расчета, объявляют забастовку, требуя 1) признания рабочих депутатов администрацией завода, 2) принятия всех уволенных за политическую забастовку, 3) вежливого обращения и улучшения внутренних порядков, 4) полной отмены штрафов, 5) помещения для митингов на заводе, устраиваемых по желанию рабочих, 6) установления 8-ми часового рабочего дня и повышения заработной платы.

Это один пример из тысячи подобных.

Рабочие депутаты ведут отчаянную борьбу с предпринимателями, вырывая каждую их уступку буквально зубами. Широкая масса рабочих дружно и энергично защищает своих представителей от каждого на них покушения.

Особенно острая борьба разгорается вокруг постановления Совета Раб. Деп. о 8 час. рабочем дне, а также вокруг вопроса о свободе собраний.

В ответ на введение революционным путем 8 час. раб. дня капиталисты под малейшим предлогом и даже без него закрывают заводы, выбрасывая на улицу сотни тысяч безработных.

Представители рабочих немедленно реагируют.

Вот резолюция депутатов Семяниковского завода, могущая быть примером одного из сотни подобных протестов:

„Товарищи петербургские пролетарии!

„Заводчики и фабриканты, поддержанные правительством графа Витте, готовятся выбросить на улицу сотни тысяч петербургских рабочих, не желая согласиться на введенный революционным путем 8-ми час. рабочий день. Товарищи, мы рабочие Семяниковского завода первые ввели 8-ми час. рабочий день, и на нас, в числе первых, пал удар капиталистов и правительства. Наш завод закрыт, и мы выброшены на улицу. Товарищи, такая же участь ждет и вас не сегодня, завтра, и мы зовем вас, братья, проявить вашу солидарность и поддержать общую борьбу за 8-ми час. рабочий день“.

Эта резолюция свидетельствует, что рабочие стремятся бороться сомкнутым строем, что единение, сплочение и солидарность в борьбе стали их руководящей нитью, что рабочий класс готов на жертвы,—рабочий класс растет...

Рабочие депутаты отстаивают свободу собраний с таким же мужеством и с бесстрашием, чем бы это им ни грозило. Они выносят резолюции протеста по поводу недопущения собраний или непредоставления помещений для митинга. Иногда, как это сделали рабочие Невского судостроительного завода, они обращаются с открытым письмом в редакцию—к голосу общественного мнения:

„При обсуждении даже самых вопиющих нужд",—пишут они в ред. „Нов. Жизни" № 9:—„самого вопиющего злоупотребления со стороны, как заводской администрации, так и со стороны больших и малых чинов полиции, там на этих собраниях всегда царил полный порядок и примерное уменье пользоваться свободой слова. И вдруг теперь после того, как эта свобода (хоть и нарушаемая часто башибузуками-казаками) стала чем-то в роде, как воздух, необходимым для всех седых и юных рабочих, наш директор Гиппиус захорохорился и упрямо заявляет, что уж больше собираться он не позволит, что уж дольше митингов он не потерпит".

А вот еще случай, характеризующий рост товарищеской солидарности и решительной энергии, с какой действовали в защите интересов рабочих депутатов,—эти первые проводники фабричной конституции.

Директор Питерской карточной фабрики Жемчужников сначала не хотел отвести помещения для собраний работниц, но когда к нему явились депутаты с митинга Обуховских рабочих и потребовали предоставления помещения под угрозой бойкота, он уступил.

Зато с каким доверием относится рабочая масса к своим выбранным депутатам. В упоминавшемся выше Семяниковском заводе правление соглашалось возобновить прерванную забастовкой работу, при условии полного запрещения митингов и собраний и при наличности выборных от мастерских, обязательно утвержденных фабричной админи-

страцией. Собрание категорически постановляет: „вести переговоры уже раз выбранными и зарекомендовавшими себя с самой лучшей стороны старыми делегатами".

Рабочие сознают нежелательность сепаратных действий и всецело полагаются на своих выборных. „Мы, рабочие сапожного цеха — говорится в одной из типичных в этом отношении резолюций,—решили бастовать до тех пор, пока не удовлетворят наши требования и не подходить к фабрике в отдельности проситься, ибо доверяем вести переговоры нашим выборным депутатам".

Одна из наиболее отсталых деревообделочных фабрик Выборгской стороны так изображает перелом, происшедший во всем строе фабрики, когда рабочие борьбой завоевали себе начатки конституции.

„Мы все жили врозь, как подобает несознательным людям. Хозяин издевался над нами, как хотел, а мы терпели. Забастовка нас встряхнула, и работа закипела. Забастовка выдвинула среди нас лучших товарищей,—хозяин их выгнал. И вот, в ответ на хозяйский произвол, мы, обсудив свое положение с товарищами с.-д., решили требовать принятия обратно расчитанных депутатов; расчет рабочего не может производиться без согласия выборных от рабочих; требуем человеческого отношения и т. д. Эти требования были предъявлены нами хозяину, который, встретя в нас организованную силу, уступил по всем пунктам" [1]).

Много подобных фактов рассыпано в рабочей хронике газет, которые в 1905 г. представляли свои страницы беспристрастному отражению того огромного процесса в рабочем классе, который происходил в недрах фабрик и заводов.

Мы их приводить не станем. Они и выводы из них ясны.

Революция всколыхнула неисчерпаемые силы снизу. Творчество их только начало выявляться, как его подрезала реакция. И уже до 1917 года пробужденная жизнь фабрик и заводов не кипела так бурно, энергично и стремительно, как в немногие свободные дни фабричной „конституции",

---

[1]) „Новая Жизнь" 20 ноября 1905 года.

революционным порядком утвердившейся впервые на фабриках и заводах в 1905 году.

Борьба за фабричное самоуправление у печатников, металлистов и нефтяных рабочих.

Чем была и чем могла быть в развернутом виде „фабричная конституция“ в капиталистической фабрике?

Ответ мы получим из анализа борьбы и деятельности в этом направлении трех главнейших и крупнейших промышленных групп рабочих: рабочих печатного дела, рабочих металлистов и „нефтяников“.

Первыми завоевали рабочее самоуправление рабочие нефтяного дела. Нам приходилось указывать, что характер крупно-промышленного капитала в Баку и особенности его развития обусловили и характер взаимоотношений между рабочими и капиталистами.

Бакинский пролетариат задолго до октября 1905 года уже был в боевой готовности: сильному, организованному крупному капиталу мог противостоять только такой же сильный и организованный рабочий класс. Годы 1903—4 были особенно благоприятны для русской нефтяной промышленности.

Естественно, бакинский пролетариат не мог не использовать благоприятной коньюнктуры для предъявления своих векселей растущему за его счет капиталу. Уже июльская всеобщая стачка 1903 г. была первой брешью, пробитой в старых крепостнических, полурабовладельческих распорядках нефтяных промыслов. Но только декабрьское движение 1904 года положило им конец, заставив капиталистов 1—2 января подписать с рабочими первый в России коллективный договор. Но на нем бакинский пролетариат не мог остановиться. Нужно было брешь пробить и дальше. И непрерывным рядом ударов в годы 1905—6 он пробивал эту брешь до тех пор, пока не завоевал свою „мазутную конституцию“.

Что представляла из себя эта „конституция“?

Она явилась дополнением к декабрьскому коллективному договору 1904 года лишь после октябрьской всероссийской схватки с капиталом, когда бакинский пролетариат почув-

ствовал себя одним из боевых отрядов восставшей армии российского пролетариата.

В сущности, в Баку, как и повсюду, автономные рабочие комиссии явились продуктом революционной стихии, очень часто вырастая из забастовочного комитета или иной боевой организации, руководившей стачкой. И только в октябре 1905 года нефтепромышленники подписали дополнение к коллективному договору, заключавшее в себе обязательство для промышленников, чтобы некоторые внутренние распорядки (распределение квартир, предоставление отпусков и т. п.) „выяснить соглашением администрации с рабочей комиссией предприятия“.

Но, тоже как и повсюду, рабочие комиссии скоро вышли далеко за пределы оговоренных в договоре рамок и стали органом всесторонней защиты рабочего класса, добиваясь вмешательства в вопросы найма и увольнения, установления внутренних распорядков и т п.

Ставши центрами рабочего представительства по всем решительно вопросам рабочей жизни, заводские комиссии в Баку прочно завоевали свою автономию и сохранились даже тогда, когда во всей остальной России реакция свирепо уничтожала последние остатки революционных „конституционных“ правил на фабриках.

Самый коллективный договор мог быть проведен в бакинских промыслах и заводах только потому, что заводские и промысловые комиссии были постоянным, бдительным органом контроля над его выполнением на фабриках, заводах и промыслах. Сначала при полном отсутствии профес. союзов, а затем при отвлечении профсоюзов задачами политической борьбы, заводские комитеты брали на себя в полной мере функции профсоюзов.

В холерную эпидемию заводские комисси стояли во главе „холерной“ кампании. Во время непрерывных стачек, перебрасывавшихся с промысла на промысел, заводские комиссии формулировали и отстаивали от лица рабочих требования забастовщиков.

Когда по всему бакинскому району с 15 октября по 1 ноября разгорелась борьба в рабочей среде по вопросу об

участии в совещании с нефтепромышленниками, превратившаяся в политическое столкновение двух с.-д. течений (большевиков и меньшевиков), заводские комиссии тоже разбились на два воюющих лагеря „коллективистов“ (меньш.), и бойкотистов (бол.) Словом, не было ни одного вопроса из области экономической или политической жизни, который прошел бы мимо заводских рабочих комиссий.

Примерный устав комиссии формулировал цели, права и обязанности заводской комиссии довольно широко, а жизненная практика их работы эти рамки раздвигала еще шире:

„Цель комиссии объединить рабочих на промыслах и заводах для более успешной защиты своих интересов перед администрацией и согласовать действия и плановую работу отдельных фирм с общими задачами бакинского движения“.

Ведению рабочих комиссий подлежит:

„1) Обсуждение и решение всех предложений, исходящих, как от рабочих, так и от предпринимателей и проф. союзов.

2) Улаживание конфликтов, как между самими рабочими, так и между рабочими и администрацией.

3) Рабочие комиссии ведут переговоры с администрацией, вырабатывают желательные для рабочих правила внутреннего распорядка, представляют интересы рабочих при выработке или изменении этих правил администрацией, устанавливают порядок выдачи зараб. платы, определяют возможные вычеты из нее, обсуждают каждый случай увольнения рабочих, следят за тем, чтобы вновь поступающие рабочие принимались по очередному списку, обсуждают случаи нарушения правил внутреннего распорядка, допускаемых заведующими и рабочими, и т. п.“ [1]).

Даже эта схема прав и обязанностей, приведенная из устава комиссии одной из фирм (типичная и для остальных), в своей широкой и детальной формулировке раздвигает рамки фабричного самоуправления значительно дальше, чем все известные нам „конституции“, за исключением разве печатников, которых мы коснемся ниже. А жизнь,

---

[1]) Устав полностью напечатан в кн. Ларина „Рабочие нефтяного дела“.

условия революционной борьбы и вовсе не считались с уставными границами, то и дело выскакивая из них.

И капиталисты, хотя ценою некоторых убытков, соглашались признавать в рабочем объединении равноправную сторону, ибо этого настойчиво требовала необходимость обеспечить непрерывность производственного процесса, заставлявшая нефтепромышленников дорожить заказами солидных потребителей.

Подобных успехов в борьбе за „фабричную конституцию" удалось достигнуть только печатникам. Как в нефтепромышленности, это объясняется той высокой ступенью капиталистического развития, какой достигло типо-литографское производство в России, с его усовершенствованной техникой, концентрацией производства и общим внутренним капиталистическим укладом в предприятиях.

И здесь стачечные коллективы и партийные боевые группы в предприятиях были предшественниками более широких массовых организаций и их исполнительных фабрично-заводских органов.

Впервые вводит у себя „конституцинонное" устройство типография Сытина после январьской стачки 1905 г.

Весной во всех крупных предприятиях печатного производства уже функционировали депутатские совещания, послужившие во время сентябрьской забастовки источником „конституционных" настроений и лозунгов фабрично-заводского пролетариата.

25—26 сентября совет депутатов печатного дела оформил эти настроения и лозунги, предъявив хозяевам ряд требований. Центральным пунктом „требований" было признание выработанного рабочими-печатниками „Положения о фабричных депутатах" [1]). Вот наиболее важные пункты этой „фабричной конституции" печатников. „Как принимать участие в выборах, так и быть избранными,—гласит п. 4 этого „Положения",—имеют право все рабочие отделения, неза-

---

[1]) „Положение о фабричн. депутатах" отпечатано в „Протоколах II Всерос. Конферен. профсоюзов", стр. 55 и в журнале „Профес. союз", 1906 г., № 16—17.

висимо от пола и времени поступления на фабрику, в возрасте от 18 лет".

Такой широко-демократической постановкой вопроса сразу определяется весь характер „конституции".

„Фабричная администрация не имеет права уволить депутата до истечения годового срока, на который он выбран. В случае желания администрации уволить депутата немедленно по окончании срока его полномочий, она обязана сообщить об этом за месяц до срока всем рабочим" (п. 8).

Категоричность тона этого и следующих пунктов, устанавливающих неприкосновенность личности избираемых рабочими представителей, свидетельствует, что рабочий класс не только уже осознает свои права, но и умеет отстоять их.

Какие же функции возлагает он на своих представителей?

Все дела по сношению с администрацией, решение, совместно с нею, вопросов о приеме и увольнении рабочих, защита интересов всех рабочих фабрик—вот обычный круг деятельности рабочих депутатов. Но печатники идут дальше. В своем стремлении как можно больше отвоевать прав, они даже не замечают, как переходят границы подлинного рабочего самоуправления и захватывают функции предпринимателя.

„Депутаты следят за неуклонным исполнением фабричных правил, установленных последним соглашением как со стороны рабочих, так и со стороны администрации" (п. 13).

„Депутаты несут на себе ответственность за поддержание внутренних распорядков на фабрике и за все проступки товарищей" (п. 15).

А в „Руководстве для депутатов в их правах и обязанностях" эти пункты „Положения" получают конкретизацию, свидетельствующую о том, что фабричное „самоуправление" грозило перейти в свою противоположность и создать для рабочих нового „погонялу" и надсмотрщика из своих же представителей, ошибочно действующих в интересах предпринимателей.

Вот какие обязанности возлагало на депутатов это „Руководство".

„Рабочие следят за поддержанием внутреннего порядка на фабрике во время работы. Рабочие, явившиеся или оказавшиеся во время работы в нетрезвом виде и, вообще, мешающие правильному ходу работы, должны беспрекословно повиноваться распоряжениям депутатов. В случае отказа это сделать, депутаты созывают по окончании работы собрание отдела и ставят вопрос об увольнении рабочих" (п. 3).

„Депутаты отделов должны следить за прогульными днями каждого рабочего. В случае прогула более 3 дней сряду совет депутатов делает по этому поводу свое постановление и передает на обсуждение всех рабочих данного отдела. По постановлению отдела прогулявший может быть оставлен или уволен" (п. 4).

„Депутаты следят, чтоб не нарушались нигде установленные правила, чтоб рабочие не начинали нигде раньше звонка, чтоб не производили сверхурочных работ" и т. п.

Столкновение на этой почве между рабочими и депутатами и подрыв авторитета выборной организации были совершенно неизбежны. „Автономные комиссии" печатников, еще недавно игравшие роль застрельщиков в деле организации рабочих, вследствие неправильного направления, какое получила рабочая „конституция" в капиталистической фабрике, послужили ферментом разложения и распада в рабочей среде.

Рассмотрим еще, как формулировалась и какое направление получила „конституционная" программа металлистов.

Боевая природа рабочих металлистов, также вытекавшая из производственного положения, созданного концентрацией, лучше всего отражается на факте участия металлистов в забастовках. В одном только революционном 1905 г. на металлическую промышленность в Петрограде приходилось 2.657 забастовок. Каждый металлист бастовал в течение 1905 г. $2^1/_2$ раза, при чем на одного забастовщика-металлиста приходилось $46^1/_2$ дней, в то время как в среднем на петербургского рабочего—33 дня [1]).

---

[1]) Более подробные сведения см. в „Материалах об экономическом положении и профес. организации петерб. рабочих по металлу".

Активная борьба рабочих-металлистов очень рано вызвала у них потребность в массовой организации. Толчком к их созданию были выборы в комиссию Шидловского. На некоторых заводах депутаты сохранили свои полномочия и превратились в фабричных или заводских депутатов. Под давлением рабочих они сначала полуофициально признавались администрацией, а потом были легализованы под официальной маркой закона 10 июня 1903 г. о старостах. Рабочие просто и как-то само собой раздвинули рамки закона 1903 года и из старост-„дворников" получили свободно избранных, авторитетных рабочих представителей.

Например, рабочие Семянниковского завода произвели выборы на основании всеобщего избирательного права и заявили, что других старост они не признают. Администрация поморщилась, но признала выборы.

К концу октябрьской забастовки заводские комиссии или комитеты существовали почти во всех крупных заводах. Высшего пункта своего развития они достигли в период кратковременной власти Питерского Совета Раб. Деп. По образцу питерских, возникали подобные фаб.-заводские организации и в других промышленных центрах.

Доклады представителей союза рабочих-металлистов на первой конференции проф. союзов работников по металлу Московского промышленного района, с участием представителей Бакинского, Петербургского, Донецкого и других районов рисуют почти аналогичную картину возникновения фабрично-заводских представительных ячеек.

„Комисси возникали, по словам представителя питерских металлистов, в процессе борьбы. В глазах рабочих авторитет их очень велик" [1]).

Функции комиссий были чрезвычайно разнообразны. Комиссии входили во все мелочи заводской повседневной жизни, следили за соблюдением условий устного договора, разрешали конфликты, следили за поступлением

---

[1]) „Первая конференция проф. союзов рабочих по металлу Московск. промышл. района, с участием Бакинского, Петербургск., Витебского и Луганского" (апрель, 1906 г.).

заказов заводам, за распределением рабочих, организовывали помощь безработным и пострадавшим от правительственных репрессий, становились во главе стачек, если конфликты не разрешали мирным путем.

Представитель донецких рабочих-металлистов рассказал о деятельности т. н. „Депутатского собрания" из представителей от всех цехов, которые упорно боролись внутри завода за самоуправление и к лету 1906 года фактически являлись хозяевами заводов (завод Гартмана). „Без воли Депутатского собрания администрация не делала ни одного шага. Все негодные администраторы по требованию Депут. собрания заводоуправлением уволены. Рабочие, пострадавшие за убеждения и забастовки, Депутатским собранием восстановлены на старых местах в заводах, Депутатское собрание не только руководит в заводе, но имеет неограниченное влияние среди городских жителей".

Тот же депутат из Донбасса делает следующие выводы из этой ярко-революционной деятельности ф.-з. представительства:

„Все бралось захватным порядком. До организации союзов громадную роль играло делегатское собрание. Популярность его распространилась на весь город. Всеми завоеваниями рабочие обязаны, главным образом, борьбе при посредстве делегатского собрания" [1]).

Политическая линия фаб.-зав. представительных организаций была четко-классовой. Когда промышленники, в лице министерства торговли и промышленности, захотели „домашним образом" (после краха комиссии Коковцева) узнать мнение рабочих по доводу изготовленных ими законопроектов, и директор департамента торговли и промышленности пригласил к себе семянниковских старост для беседы по этому поводу, старосты устроили ряд рабочих собраний и вынесли резкую резолюцию осуждения и недоверия законодательным фокусам правительства.

В результате были произведены обыски у старост.

Через своих фаб. зав. представителей рабочие отклика-

---

[1]) См. „Отчет первой конференции" и т. д., стр. 43.

лись на все политические события. После Цусимы депутаты проводили на общезаводских рабочих собраниях революционные резолюции. Все политические выступления рабочих возглавлялись их депутатами.

Так интенсивно и глубоко, по революционному, шла работа у депутатов-металлистов.

Только благодаря этому характеру деятельности депутатов, металлисты добились в этот период больших завоеваний в области рабочего дня, заработной платы, а главное, в области „заводской конституции".

Какие можно сделать выводы из рассмотренных „конституционных" достижений русских рабочих в революционном 1905 году?

1) Происхождение фаб.-зав. представительных организаций связано с боевыми усилиями рабочего класса освободиться от последних остатков крепостнических отношений.

Почва, их создавшая—стачка.

Ближайший родственник и предшественник—фаб.-заводская стачечная организация.

2) Значит, и атмосфера деятельности, и круг задач, и объем функций фаб.-заводск. организаций должны определяться революцией, родившей их. С подъемом революционной волны поднимается и напор фаб.-заводских органов на капитал, в особенности, в области правовой.

3) Широкий размах, который принимает их деятельность в области фабричного самоуправления, неизбежно приводит к выходу „через границы", установленные капиталистическим способом производства. Стремясь к расширению своих прав в области установления „фабричной конституции", желательной рабочему классу, но не изменяя капиталистического способа производства, фабрич.-заводская организация приходит к самоотрицанию и объективно служит в пользу капиталиста, разлагая рабочие ряды (автономные комиссии печатников).

4) Деятельность фаб.-зав. представительства не может в условиях политического бесправия и экономического угнетения со стороны государственной власти ограничиваться сферой узко-экономических и тем более только своих „до-

машних“ вопросов. Экономическая борьба фаб.-зав. комиссий, депутатов и т. п. неизбежно переплетается с борьбой правовой, политической (у металлистов особенно ярко).

Эти выводы делал еще в 1905 г. рабочий класс, в лице своих верховных органов — Совета Рабочих Депутатов и профессиональных союзов, где последние были созданы. Вот почему одной из ярких страниц „освободительного“ движения пролетариата может быть борьба, которую вели эти органы, отстаивая права фаб.-завод. представительства.

Эти же выводы делала и буржуазия, огнем и мечом реакции уничтожавшая прежде всего эти наиболее опасные для нее органы фабричного самоуправления.

Фабрично заводское представительство и отношение к нему Советов Рабочих Депутатов и профессиональных союзов в революцию 1905 года.

Октябрьская революционная волна вынесла на свет не только самоуправляющиеся фабрич.-заводск. организации, но и создала самоуправление рабочего класса—орган его диктатуры—Совет Рабочих Депутатов.

Совет Раб. Деп. явился естественным завершением того процесса объединения, который пошел снизу, создавая рабочих уполномоченных и депутатов и разрушая тем самым кажущуюся твердокаменность фабричного самодержавия капиталистов.

Чем был Совет Раб. Деп. и фаб.-зав. комитеты в революционной борьбе рабочего класса в этот период?

Фаб.-зав. комитеты (или иные соответствующие организации)—были первыми орудиями, направленными с тысячи сторон в стену капиталистического самодержавия. Совет Раб. Деп. был тяжелой артиллерией, пришедшей на помощь в этой борьбе.

Борьбу нужно было объединить, скоординировать, согласовать, соблюдая все правила военной стратегии и тактики. Это могла сделать такая авторитетная пролетарская организация, как Совет Раб. Деп.

Совет Раб. Деп. не только рабочий парламент, он—боевой штаб рабочего класса, точно так же и фаб.-зав. органы представительства рабочих—не только органы пролетар-

ского самоуправления внутри фабрики, но и боевые орудия в руках пролетариата в его борьбе за полное экономическое и политическое освобождение.

Таково историческое происхождение и назначение и Советов, и фаб.-зав. комитетов. Эволюции обоих органов борьбы пролетариата есть эволюция его наступательного движения на капитал. С реакцией погибли и Советы и ф.-з. к-ты, но идея, объективно в них заложенная, вошла внутрь пролетарского движения и стихийным потоком вышла в революцию 1917 года.

В 1905 г. их задача—подготовить социалистический пролетариат, освободив его от последних крепостнических пут, вывести его на широкую дорогу классового оформления и классовой борьбы за будущий новый способ производства, за новую социалистическую фабрику.

Это была программа для будущего.

Поставить разработку ее в порядок дня революционной борьбы пролетариата—таков был смысл революции 1905 г., совершенной пролетариатом, уступившим пока дорогу буржуазии.

Значит, по существу, по своей исторической роли и задачам, так же как и по происхождению, Совет и фаб.-зав. к-ты— организации кровно-родственные.

Отсюда вытекала и согласованность их боевой тактики и взаимная поддержка. Создавши Совет, ф.-з. организации вошли в его полное подчинение. Они стали его исполнительными ячейками, проводниками его решений, тесной органической связью между широкими массами пролетариата и органом пролетарской власти—Сов. Раб. Деп.

Центральным пунктом борьбы была борьба за 8 час. рабочий день. И так как здесь борьба рабочего класса выходила за границы, допускаемые буржуазией (в борьбе за Учред. Собрание шедшей частично с пролетариатом), ибо вторгалась в область прибыли капиталиста, то именно здесь пролетариат, в лице своих представительных органов, дал бой капиталу. Формально бой был проигран. Установить революционным порядком, при помощи фаб.-заводского представительства, 8 час. рабочий день было можно, но закрепить

его было нельзя: соотношение сил было не в пользу пролетариата. Когда Совет дал распоряжение не проводить 8 час. раб. дня, в виду изменившихся условий борьбы, фаб.-зав. комитеты проводили и это постановление, как и первое, стремясь, насколько возможно, приблизить рабочий день к 8 часовому. Хроника социалистических газет („Новая жизнь", главным образом) отмечает, с какой неохотой подчинились этому решению Совета рабочие массы и даже их представители, не понимая еще того, что было ясно Совету,—что бороться дальше у пролетариата не хватало сил. Но организующая и дисциплинирующая сила, в лице рабочих представительных ячеек, не дала этому настроению рабочих вылиться в анархические формы, дезорганизующие единство рабочего движения.

Совет Раб. Деп. и, особенно, его исполнительный комитет зорко следил за всем, что происходило в недрах фабрик и заводов, приходя во всех затруднительных случаях на помощь рабочим депутатам. Он содействовал разрешению конфликтов с предпринимателями, он помогал в разрешении вопросов профессионального характера. Тем более, что профессиональные союзы были еще в огромном большинстве молоды и некрепки. Занятые спешной организационной стройкой, собирая по горсточкам пролетариат, рассыпанный в разных производствах и профессиях, вырабатывая основы тарифов,—профес. организации просто физически не были в состоянии овладеть рабочим движением в его целом.

Вот почему некоторые обязанности проф. союзов брали на себя фаб.-зав. организации, а другие—Совет Раб. Деп. в каждом городе.

Профессиональные союзы признавали громадное значение и организующую роль этих организаций. Так, Питерский союз металлистов, как заявил его представитель на апрельской конференции 1906 г., „признавал все время громадное значение за заводскими советами, которые должны были стать основами организаций на заводах и, в то же время представителями рабочих данного завода перед его администрацией"[1]).

[1]) См. „Первая конфер. професс. союза раб. по металлу. Московск. пром.", стр. 8.

У печатников уполномоченные (выборные) от типографии представляли всех рабочих типографии и вместе с тем были органами союза. В неоформленных союзах уполномоченные играли роль правления союза (Тифлис, Таганрог), в оформленных входили в правление союза (Архангельск). В тех или других случаях они были постоянно действующим учреждением, принимавшим непосредственное участие в делах союза и в сношениях с администрацией [1]).

Таким образом, в большинстве случаев, устанавливалась связь между фаб.-зав. комитетами или комиссиями и проф. союзами. Эта связь необходима была в интересах единства рабочей борьбы. Вот почему профес. союзы, поскольку у них хватает сил, отстаивают права фаб.-зав. организаций от всяких покушений на них со стороны капиталистов.

Союзы ведут упорную борьбу за признание уполномоченных хозяевами, за признание за ними особых прав, определяющих, так наз. „автономию данной типографии". (Протоколы конф. печат.).

В Петербургском проекте тарифного соглашения эти права профес. союз старается оформить и зафиксировать, придавая им тем самым обязательный характер: „Автономная комиссия является органом, защищающим интересы рабочих и наблюдающим за выполнением, как администрацией, так и рабочими всех основных и общих положений тарифа. Для этой цели члены автономной комиссии собираются не менее одного раза в 2 недели (кроме неотложных случаев) для обсуждения дел в предприятии, входят в сношения с администрацией, улаживают по возможности конфликты и недоразумения, возникающие между рабочими и администрацией, стремятся к поднятию культурного и нравственного уровня рабочих в данном предприятии" (ст. 5).

Дальше в статье 10 идет точная регламентация всех прав и обязанностей автономной комиссии внутри предприятия.

Эта тесная связь между заводскими комиссиями и проф. союзами помогла печатникам сохранить основы организо-

---

[1]) См. „Протоколы" Всерос. конфер. союзов рабочих печатного дела.

ванности рабочих даже тогда, когда проф. союзы в административном порядке были разгромлены.

Но не везде и не всегда работа фаб.-зав. организаций и проф. союзов была в тесной и живой, непосредственной связи. Весьма нередки в среде фаб.-зав. организаций сепаратистские тенденции, стремление к полной „автономии" (напр., у бакинских промысловых комиссий в известной ее части). Иногда и сами проф. союзы не обращали и, по своему состоянию, не могли обратить должного внимания на деятельность фаб.-зав. комиссий.

Наши профессиональные союзы возникли в бурной атмосфере 1905 г., большей частью, одновременно, как стачечные и политические органы борьбы рабочего класса.

Не зная в прошлом цеховых организаций, на подобие зап.-европейских, имея дело с пролетариатом, недавно порвавшим с деревней, или не порвавшим еще вовсе, революционным и боевым по настроению, но совершенно не привыкшим к организованности, русские профес. организации в 1905 году очутились в особенно трудном положении. Оно усугублялось тем, что создавались сложные отношения, обусловленные высокой степенью развития производства, а быстрый количественный рост проф. сюзов не давал возможности направить центр своего внимания на воспитание фаб.-зав. пролетариата и на организацию его для борьбы с крупно-промышленным капиталом.

Этими особенностями роста профессиональных союзов объясняется их некоторый отрыв от той непосредственной революционной борьбы, которая закипела в 1905 году в глубине фабрик и заводов. При недостаточной организационной связи, проф. союзы не всегда могли брать на себя руководство вспыхнувшей стачкой, (они даже не всегда знали о ней) или разрешение конфликтов, возникших между предпринимателем и рабочими.

По необходимости, многие профессиональные функции выполнялись фаб.-зав. организациями, а это часто приводило к некоторой конкуренции. Но все же, как общее правило, в дни революционного движения 1905 года в боевых рядах пролетариата царило единство и солидарность.

Фабрично-заводские организации в период реакции 1907—11 год.

После декабрьского кровопускания революция, а с нею и борьба рабочих за самоуправление, пошла на убыль. Надвигался жестокий и затяжной промышленный кризис, вернее обострялся имевшийся кризис 1905 года, чувствовавшийся рабочими с меньшей остротой, вследствие общей остановки революционного возбуждения. Уже ноябрьский локаут в Петербурге являлся грозным признаком надвигавшейся грозы. Соотношение сил и общая обстановка складывались для рабочих неблагоприятно. Революция понизила экономическую коньюнктуру, а с нею вместе и экономическое благосостояние рабочего класса. Революция, в общем, не внесла значительного улучшения в экономическое положение рабочих. Повысившаяся заработная плата не только уравновесилась, но и понизилась из-за роста дороговизны, с одной стороны, и большого количества забастовочных дней, оставшихся неоплаченными,— с другой.

Продолжительность рабочего дня снова увеличилась. Как общая норма, установился 10—10½ час. рабочий день.

Сопротивляемость рабочего класса также значительно ослабела. Силы подходили к концу. Промышленники не только уловили, но и немедленно стали использовать перемену политической погоды.

1906 год открывается борьбой за возвращение старых порядков. Всю тяжесть промышленного кризиса капитал, как обычно, перелагал на рабочих. Усилением эксплоатации, введением почасовой оплаты, с резким понижением расценок за работу, и, особенно, уничтожением всех недавних достижений в области фабричной „конституции", открывается наступление капитала.

Борьба с „произволом рабочих", с их „незаконным хозяйничанием", борьба с рабочими организациями заполняет весь 1906—7 год. Рабочий класс оказывает отчаянное сопротивление. Забастовки не затихают, несмотря на то, что пролетариат до крайности истощен и обескровлен. Но влияние октября и его революционных достижений на рабочий класс—огромно, рабочая масса всколыхнута с самых низов,

и отраженным движением этой пробужденной революционной стихии живет революция в 1906—7 г. Слабая организованность—Ахиллесова пята движения, центр, откуда идет поражение.

Забастовочная кампания начинается с осени 1906 года забастовкой Московских портных и к июлю 1907 г. охватывает весь центральный текстильный район. Движение настолько велико и необычно организованно, что даже рассматривается, как „самый крупный залог возможности в близком будущем революционного подъема“ (из резолюции СПБ конф. с.-д. большевиков). Против забастовочного движения выступает сорганизовавшаяся и согласовавшая свои действия сила объединенного капитала.

Октябрь научил промышленников боевому, сплоченному действию.

„Совет съездов торговли и промышленности имеет право исключать из объединения без возвращения доли, вложенной членом союза фабрикантов, основного капитала, если кто-нибудь из них 1) прямо или скрыто уплатит за дни забастовки, 2) самовольно изменит рабочий день, 3) допустит вмешательство рабочих депутатов, как постоянного органа, в установку расценок, найма и увольнения рабочих“.

Столь же категоричен и Устав союза фабрикантов и заводчиков, разработанный Четвериковым.

К 1907 году уже зарегистрировано 120 боевых союзов капитала.

Правительство идет в ногу с капиталом и объявляет о необязательности коллективных договоров в случае стачки.

Начинается упорная борьба за коллективный договор.

В тех случаях, когда это им выгодно, капиталисты заключают это своего рода временное перемирие. Они даже не прочь пококетничать с „общественным мнением“ и заявить во всеуслышание, как это сделал Крестовников, председатель Биржевого к-та, что они готовы на всякие меры по улучшению жизни рабочих, но меры эти не должны быть основаны на утопических идеях социализма, они должны иметь в виду справедливые интересы обоих сторон и не должны подрывать тех элементарных условий порядка и

интенсивности труда, без которых немыслимо существование промышленности".

И уже с декабря—января, едва замолкли последние залпы, расстреливавшие рабочих, промышленники торопятся установить „элементарные условия порядка". Увольнением депутатов в первую голову, а за ними, вообще, „беспокойных" рабочих, арестами, ссылкой и т. п. способами предпринимается грандиозная „чистка" фабрик и заводов от последних остатков „свобод".

До какой степени тщательной была „чистка", можно судить, что на Прохоровской м-ре из 6.000 раб. осталось 1.200, на Брестской ж. д. и мастерских из 1.500 чел. 400, а потом их и вовсе закрыли.

Почти каждый № журнала „Профес. союз" в хронике отмечает, что „по всей линии идет увольнение рабочих":

„Табачники":—хозяева пробуют перейти к старым порядкам до Дукатовской забастовки.

„Ленточники":—расчеты и увольнения депутатов совсем разрушили работу союза.

„Союз по обработке волокна":—на всех больших фабриках массовые расчеты и увольнения депутатов.

„Хозяева рассчитывают—Союзы бездействуют" [1]).

А вот еще из протокола заседания депутатов различных профессий в Москве 8 января 1906 года:

„Механический завод Зотова—все рассчитаны.

Завод Вейхельта—депутаты арестованы.

У Бромлея взяты все депутаты.

Печатники—депутаты уволены, союз ослабел.

Ленточники—деятельные члены союза уволены, полиция разгоняет собрание.

Табачники—союз не существует" и т. д.

Такими паническими сообщениями о развале рабочих организаций полны все газеты. То же и в провинции.

Вот корреспонденция из Московского промышленного района, типичная для захолустных распорядков:

„Администрация употребляет все усилия, чтоб помешать

---

1) „Профессиональный союз" № 6—7, 1906 г.

укреплению объединений рабочих. В начале сентября в м. Гусь-Хрустальный на Мальцевских заводах по требованию рабочих, принятому заводским управлением, был организован „Совет Выборных“, и вот уже 24 декабря рабочему прядильного цеха Любимову объявлено Меленковским исправником предписание о высылке на два года. Любимов был выборным своего цеха“. „На местных фабриках,—пишет тот же корреспондент,—о каких-либо уступках рабочим не может быть и речи. Всякое проявление самосознания преследуется всеми способами, за неуважительные отзывы, за рассуждения о действиях и распоряжениях администрации—рассчет. Блеснул, было, и для наших рабочих луч новой зари, но не надолго. Сознательные рабочие уволены. Все пошло по старому“... [1])

Этот тон глубокого пессимизма, почти отчаяния, присущ рабочим мало-квалифицированным, недавно порвавшим связь с деревней. Они легко возбудимы, они даже более революционны, чем другие, но они точно так же легко впадают в уныние и в отчаяние при неизбежных поражениях и неудачах. Вот почему положение таких групп рабочих, как текстильщики, рабочие по дереву, строители, рабочие мелкой промышленности — с наступлением реакции ухудшилось сразу и гораздо значительнее, чем у металлистов или печатников, продолжавших успешно отстаивать свои экономические и правовые завоевания.

„Несмотря на скверные порядки, рабочие боятся потребовать себе некоторого улучшения. Страх перед безработицей так велик, что еще более заставляет их гнуть спину, чтобы как-нибудь продержаться зиму. Некоторые боятся заходить в Бюро, так они забиты“, докладывал в Московском Ц. Б. профес. союзов делегат одного из провинциальных союзов деревообделочников.

Другой делегат, рисуя хозяйский гнет и невыносимую эксплоатацию рабочих в иконописных мастерских, восклицает с мольбой: „Товарищи, пробудите нас. Выручьте из рабства“.

---

[1]) „Рабочий Союз“ № 3. 1906 г. „В мире братства и любви“.

Но даже квалифицированные и привыкшие к борьбе за свои права рабочие чувствуют, что соотношение сил изменилось не в пользу рабочих. Так, представитель союза электротехников в своем докладе говорит:

„Дружным напором год назад мы вырвали кое-какие уступки, но самое главное мы заставили признать наши человеческие права: право выбора старосты, право на отпуск и т. п. Но теперь не то. Не мы, а хозяева перешли в наступление".

Эти настроения и живые факты, взятые нами из текущей хроники рабочего движения в начале 1906 года, говорят о том, что реакция захватывала уже широкие рабочие массы. Некоторое оживление в придавленную атмосферу внесла Гос. Дума. Вопрос о том, бойкотировать или выбирать депутатов, ставился на рабочих собраниях и поднимал интерес к политической жизни страны. Часть рабочих еще не „изжила" „конституционных иллюзий" и надежд на спасение „сверху" и ждала перемены в своем положении от бессильной и беспомощной кадетской Думы.

Создание рабочей с.-д. группы в Думе и ее еще не совсем оформленные и неуверенные речи в защиту рабочего класса на время даже подогрели эту надежду. Рабочие потянулись сами или посылали ходоков с изложением своих нужд рабочим депутатам, с просьбой оповестить о них через Думскую трибуну. Сами депутаты охотно ездили на фабрики и заводы, устраивая там митинги и конференции. Они организовали в Петербурге почти во всех рабочих районах совещания петербургских рабочих с депутатами Думы и давали толчек к организации самих рабочих на фабриках и заводах.

„Организуйтесь, товарищи", обращались депутаты с призывом к рабочим: „чтоб войти в связь и сношение с нами, чтоб шаг за шагом обсуждать нашу деятельность, давая нам указания. Выбирайте по фабрикам и заводам заводские комитеты, и пусть представители этих комитетов составят один общегородской комитет, который письменно или через уполномоченных войдет с нами в соглашение".

В Петербурге думские депутаты достигли в этом напра-

влении значительных успехов. На районных рабочих конференциях, созываемых депутатами, на каждом заседании бывало все больше депутатов—выборных от рабочих. На первом присутствовали 80 представителей, но еще не из постоянных выборных, а на втором было уже 220 депутатов от предприятий, на третьем 253 и на четвертом—270 депутатов [1]).

Эта организационная деятельность думских депутатов среди рабочих оставила свои следы и после разгона Думы. На многих фабриках и заводах остались заводские к-ты, которые играли видную роль во всех внутренних распорядках и способствовали сохранению „конституционного" строя на фабрике до тех пор, покуда правительство считало еще нужным играть в „конституцию" в стране. С разгоном и второй Думы и с прочным водворением самодержавия в государстве, естественно, укрепилось самодержавие капиталиста на фабрике.

Теперь уже ничто не сдерживало натиск предпринимателей. Стремление понизить заработную плату является особенно характерным для этого периода, когда в области правовой почти все завоевания у рабочего были уже отняты, когда рабочие организации, как орудия его самозащиты, были почти уничтожены. Организации же фабрикантов ко времени 1907—8 года только оформились и окрепли. Знаменитые локауты со стороны промышленников в Лодзи, в Одессе, в Петрограде на заводах Крейтона, Эриксона и Атласа, локаут 5 тысяч рабочих Брянского завода в Екатеринославе—все это были попытки в борьбе с рабочими организациями с целью сломить сопротивление и организованность рабочего класса. Исходным пунктом требований наступающего капитала было возвращение к старым порядкам, бывшим до революции 1905 года.

Особенно характерна в этом отношении история известного Лодзинского локаута.

Этот „поединок труда и капитала", поводом к которому послужило вывезение на тачке сторожа и оскорбление словами директора Стефенсона, продолжался 4 месяца.

---

[1]) См. М. Б-ов и Ф. ДАН: „Рабочие депутаты в 1 Гос. Думе".

Его настоящий смысл раскрыли сами промышленники в своем ответе, сопровождавшем их отказ от уступок О-ву Польской культуры, обратившемуся к ним с предложением посредничества:

„Мы решили закрыть фабрики,—писали лодзинские фабриканты,—чтобы ясно показать рабочим, что при настоящем общественном строе, управлять на фабриках желаем мы сами и не допустим на них господства рабочих. Поэтому мы ухватились за первый повод и поставили такие условия, которые наглядно показали бы наше решение, что рабочие не могут распоряжаться на фабриках, не могут оскорблять руководителей, действующих от нашего имени, и тем подрывать авторитет их. Мы хотели доказать, что такие выходки должны быть караемы, а форма наказания, какую мы выбрали, должна была одновременно доказать рабочим, что мы можем и будем пользоваться правом увольнения, вообще". Это целое философское обоснование локаутов, как средства классового единоборства капитала с трудом. А его практическими результатами были следующие требования Лодзинских капиталистов:

1) Уволить 98 человек—каждого пятого на фабрике.

2) Извиниться перед директором Стефенсоном.

3) Возобновить работу на прежних основаниях.

4) Исключать рабочих и закрывать фабрику без предупреждения.

В особенности цинично первое требование расправы с рабочими путем увольнения каждого пятого, ибо в нем заключалось только желание как можно больнее унизить и низвести человеческое достоинство рабочего.

„История локаутов", прибавляли они: „учит, что только второй и третий локаут делает рабочих покорными" [1]).

Но рабочих покорными сделать не так легко. На волну локаутов рабочие отвечают не менее значительной волной стачек.

Забастовки матросов в Баку и в Одессе, печатников в

---

[1]) Сведения о Лодзинском локауте взяты из „Народной Газеты" № 2, апрель 1907 г. и журн. „Тернии труда".

Москве, красильщиков, печатников и булочников в Киеве, Ростове,—все более расширяющаяся волна протеста захватывает новые и новые массы рабочих. Иногда, как на ф-ке Чешера, эти конфликты кончаются поражением, даже избиением рабочих, увольнением рабочих комиссий и просто сознательных рабочих. Иногда, как на Новой Бумагопрядильне, кончаются незначительными уступками.

Основные правовые требования забастовщиков, идущие впереди требований экономических, конкретно формулируются везде одинаково:

1) Требуем признаний рабочих комиссий.

2) Требуем возвращения уволенных товарищей.

В первую половину 1907 г. борятся с капиталом и профессиональные организации. Они посильно руководят уже развернувшейся стачечной борьбой рабочего класса, особенно призывая к сохранению и отстаиванию своих боевых фабричных организаций—заводских комиссий или комитетов. На эти организации возлагают союзы и первые меры в борьбе с локаутами.

„Необходимо обратить внимание на так называемые беспартийные заводские и фабричные комиссии. Теперь, когда нет полной легальной возможности для существования профес. союзов, крайне важно на всех заводах организовать упомянутые комиссии—эти заводские самоуправления. Они могут оказать большую услугу в борьбе с локаутом“,—пишет, в „Народной Газете“ № 2 к рабочим „Профессионалист“. К общепроф. конференции Московской промышленной области, профессиональными организациями была выработана даже детальная резолюция о фабричных комитетах, которую мы, вследствие ее характерного содержания, приводим целиком.

„Принимая во внимание:

1) что в настоящее время на фабриках и заводах в деле выработки правил внутреннего распорядка, установления времени начала и окончания работ, наложение штрафов за нарушение правил, увольнения рабочих и прием их на службу решающее значение остается за произволом предпринимателя,

2) что предприниматели пользуются повсюду своей властью в целях понижения заработка рабочих и морального их угнетения,

3) что необходимо стремиться к ограничению необузданного произвола предпринимателей,

4) что полное уничтожение произвола хозяев и передача решения всех вопросов фабричной жизни самим рабочим возможно лишь при обобществлении орудий и средств производства,

5) что в настоящее время возможно лишь добиваться некоторого ограничения произвола хозяев единственно в том случае, когда проф. союзы достаточно сильны и могут оказать воздействие на ход правительства,—

конференция признает:

1) проф. союзы должны стараться создать при каждой ф-ке особые комитеты, в состав которых входили бы представители предпринимателей и рабочих, в такой пропорции, чтоб на долю хозяев приходилась одна треть представителей, на долю рабочих—две трети,

2) избирательным правом в фабричные к-ты пользуются все рабочие, работающие на данной фабрике, независимо от того, сколько времени они работают, независимо от пола и возраста рабочих,

3) ведению фабричных к-тов подлежат обсуждение и решение всех предложений, исходящих как от рабочих, так и от предпринимателей,

4) фабр. к-ты вырабатывают правила внутреннего распорядка, устанавливают время начала и окончания работ, устанавливают порядок выдачи зараб. платы, обсуждают каждый случай увольнения рабочего, обсуждают каждого вновь принятого на службу рабочего, обсуждают случаи нарушения правил внутреннего распорядка, допущенных заведующими промышленным заведением, и по всем этим вопросам выносят свои решения, имеющие обязательную силу, как для хозяев, так и для рабочих,

5) заседания фабричн. к-тов должны происходить регулярно раз в неделю. При каких-либо чрезвычайных обстоятельствах могут происходить и чаще, по предложению ка-

ждого члена к-та—либо представителя хозяев, либо представителя рабочих.

6) Рабочие фабрики, где действует к-т, как и профсоюз, должны быть готовы к тому, чтобы отстоять путем борьбы состоявшееся решение к-та при каждой попытке его нарушить.

7) Профсоюзы должны оказать деятельную поддержку политической борьбе пролетариата, при помощи которой удастся добиться законодательным путем ограничения произвола предпринимателей и подготовить условия, способные облегчить борьбу за великие идеалы социализма" [1]).

Но к 1908 году промышленный кризис обостряется, безработица усиливается. Разбитым рабочим организациям или вовсе распыленному пролетариату все труднее противостоять боевому, сплоченному капиталу, перешедшему в наступление после окончательной победы над революционным движением 1905—7 года.

Журнал „Торговля и промышленность" приводит яркий цифровой материал, иллюстрирующий исходы стачек: все большее ослабление пролетариата и усиление капиталистов.

В революционном 1905 г. бастовало 3 мил. рабочих, и рабочие проигрывали из каждой сотни лишь 30 стачек.

В 1906 году бастовало только 1 мил. и проигрывали уже 34 стачки из 100

В 1907 году бастовало лишь 740 тысяч, и уже больше половины (58 из 100) были проигрышными для рабочих.

В 1908 году бастовало 176 тыс. рабочих, и на 100 стачек проигрывали уж 68 [2]).

Эти цифры подтверждают нашу мысль об изменившемся соотношении сил и об упадке сопротивляемости рабочего класса с началом политической реакции и промышленной депрессии.

Как же складываются отношения между рабочими и предпринимателями внутри фабрики в эти годы полного застоя и упадка рабочего движения?

---

[1]) „Профессионал" № 5, 1907 г.

[2]) Более подробные сведения см. в загр. изд. „Рабочая газета" № 1—1910 г. „Летние стачки и задачи рабочих".

Победа контр-революции, экономическая и политическая, отдала рабочих в полную власть капиталистов.

Разгул хозяйской эксплоатации, полное пренебрежение к правам и личности рабочего, игнорирование его самых элементарных нужд, — превращаются в эти годы (1908—11) в ничем и никем несдерживаемый произвол. Для характеристики можно привести один интересный пример, говорящий, что за 2 года реакции, штрафы возросли в три раза по сравнению с предыдущими 2-мя годами.

В годы кризиса промышленности, контр-революции и упадка рабочего движения промышленники не только усилили пресс эксплоатации, понижая зараб. плату, увеличивая рабочий-день и т. п., но препятствовали малейшей попытке объединиться для борьбы с капиталом. Никогда не было таких свирепых гонений на рабочие организации.

И, конечно, никаких фабр.-заводских конституций капиталисты не допускали.

Даже наиболее сильные группы рабочих, удерживавшие до сих пор в той или иной мере завоевания революции 1905 г., уже к 1908—9 г. их теряют. Автономные комиссии печатников, заводские и промысловые комиссии нефтяных рабочих именно в этот период уничтожаются совсем.

В Петрограде на Семяниковском заводе, фаб.-зав. комитет, существовавший 3 года, больше не признается директором завода. Заводские комиссии на Патронном и других заводах, презрительно именуемые „Заводскими Думами", разгоняются. Дольше других сохранившийся заводский к-т фабрики бр. Леонтьевых ликвидируется к 1909 году под нажимом хозяев. В Вильне в 1908 г. локаутом предприниматели добиваются отмены фабричного самоуправления.

Крупнейший в Одессе завод Р.О.П. и Т., где с 1905 года установился прочный порядок, что администрация во всем сносится с выборными и без их согласия не может уволить никого, подвергся „чистке" от депутатов и созвательных рабочих элементов. На заводе Юлиуса депутаты, отстаивавшие интересы рабочих, были арестованы и высланы. Одесская полицейская административная власть, закрывая рабочие организации, арестовывая депутатов, одновременно

рекомендует и поощряет вступление рабочих в черносотенный союз русского народа [1]).

Так с господством политической реакции торжествовал свою победу над рабочим „самоуправством" и фабричный абсолютизм капиталиста. Но не надолго. Реакция—время накопления, собирания энергии и боевой воли рабочего класса.

„Разве теперешний рабочий тот же, что был 3—4 года тому назад? Разве на фабриках и заводах те же отношения, что тогда были? Нет. Все изменилось, все переродилось. Прежде в мастерской товарищ не верил товарищу, рабочий боялся шпионства, доноса, не решался взять в руки нелегальный листок. Теперь же полиция бессильна проникнуть в мастерскую. Между рабочими создалось прочное товарищеское единение, о которое разбивается всякий сыск. Если бы правительство захотело теперь арестовать всех сознательных, революционных рабочих, ему пришлось бы сажать в тюрьмы целые фабрики. А посмотрите, что в таком рабочем центре, как Петербург. Когда был суд над нашими депутатами 2-й Думы, 75 тысяч рабочих бастовало в знак солидарности и протеста. Правительство и хозяева ничего не могли с ними поделать. А в годовщину 9 января на всех фабриках и заводах были многолюдные митинги. Отчего же? Оттого, что за три года борьбы рабочий класс вырос у нас на целую голову. Он ясно понял свои интересы, он стал сознательнее. Сознательности же из человека плетью не вышибешь" [2]).

В период реакции, в период наступления капитала эти выборные рабочие организации нужны рабочим уже не для проведения (невозможного, конечно) „конституционного" режима на фабрике, они превращаются в подготовительное средство, в боевую самоорганизацию для организации победы. И фаб. зав. комитет или комиссия сосредоточивает всю потенциальную боевую мощь рабочего класса, накопляемую им в этот период реакции.

---

[1]) Факты репрессий так многочисленны и рассыпаны в рабочей хронике стольких газет, что все их привести или суммировать невозможно: ограничиваюсь наиболее характерными. Одесские „факты" см. „Одесский рабочий" № 2, орг. РСДРП 1908 год.

[2]) „Одесский рабочий", № 1, 9 февраля 1908 г.

Их главная теперь задача—если они сами существуют,—быть конденсатором новой энергии в низах, в гуще класса, которому из раба машины предстоит стать ее завоевателем.

Подъем рабочего движения в годы 1911—13 и правовая борьба на фабрике.

Уже летом 1910 года начинает обнаруживаться подъем в области промышленности, а вместе с ним и подъем в рабочем движении. Подъем начинается в тех областях промышленности, которые работают на широкий, главным образом, крестьянский рынок. В этих же областях начинаются прежде всего стачки. И эти стачки предъявляют правовые требования в первую голову:

„не обращаться, как со скотом",
„не обращаться по зверски, не бить",
„квартирные обстоятельства невыносимы",
„невыносима строгая браковка".

Таковы эти больные вопросы и насущные требования. И характерно: вслед за этими сейчас же категорическое требование: „признать выборных от рабочих, без которых никого не увольнять" и т. д.

Следовательно, при самых тяжелых условиях рабочие не забывают о необходимости организации и самоуправления.

В течение 3 летних месяцев 1910 г. произошла 71 забастовка, главным образом, рабочих текстильной промышленности, которая под влиянием урожаев 1909—10 г. раньше других вступила в полосу оживления.

Осенью уже вступают на путь борьбы и рабочие по металлу, рабочие сахарных заводов, табачники, портные, повара.

Движение наростает приблизительно так, как его рисует следующая табличка:

Годы.	Число стачек.	Число бастовавших рабочих.
1908	892	176.000
1909	340	64.000
1910	222	46.000
1911	422	256 000

Год 1911 можно считать переломным после экономического кризиса и политической реакции. Стачечное движение было настолько широким, что вся буржуазная печать заговорила о рабочем классе, и это было верным признаком возрождения рабочего класса.

„Приблизительно с 1908 года, — пишет по этому поводу „Печатное дело" в январе 1912 года,—рабочий класс исчез со столбцов буржуазной печати. Исчез рабочий класс и на его место водворился—балет".

Но теперь уже замалчивать рабочее движение было нельзя. Почти стихийное, оно, однако, первым и главным требованием выставляло требование признания рабочих организаций. Ближайшим поводом к знаменитой „петиционной кампании" послужило закрытие в декабре 1910 г. О-ва Графич. искусств (печатников). Но решение итти в Гос. Думу с петицией по поводу проф. организаций печатников вылилось в петицию протеста против лишения, вообще, рабочего класса права коалиции.

„Так дальше продолжаться не может,—говорилось в петиции, подписанной рабочими, после изложения всех преследований и репрессий, которым подвергаются рабочие организации.—Этому должен быть положен конец, особенно теперь, когда намечается промышленное оживление, и мы можем добиться лучших условий труда. Нам нужно свободно организоваться для защиты своих интересов. Нам нужна свобода союзов, собраний, стачек, и ее мы добьемся во что бы то ни стало. Мы обращаем внимание Гос. Думы на создавшееся положение и настаиваем на немедленном рассмотрении кровного для нас вопроса. Пусть вся страна знает, как закон, Дума и правительство охраняют права рабочих. Вопрос свободной организации рабочих—насущный, неотложный вопрос. Мы ставим его в очередь дня" [1]).

Как бы ни оценивать политическое значение этой петиции и развернувшей вокруг нее кампании, вызвавшей в пар-

---

[1]) Отражение „петиционной комиссии" в России и на Западе см. в органе с.-д. „Правда", № 13, 10 дек. 1911 г.

тийных кругах принципиальные разногласия, все же нужно признать, что вопрос был, действительно, поставлен в „очередь дня“. Бесправие и эксплоатация, при полной дезорганизованности и отсутствии средств самозащиты, превращалось в рабство и простое физическое истребление рабочего класса.

События на далекой золотоносной Лене в апреле 1912 года были очевидным тому доказательством.

Как и 9 января, ленский расстрел рабочих, требовавших, по отзывам иностранных газет, меньше, чем могла бы требовать истощенная голодом лошадь, чтоб не упасть, был новым предметным уроком обучения рабочего класса революционному противодействию капиталу.

Урок был усвоен. Не было фабрики, завода, мастерской, где не встречены были бы горячим протестом кровавая расправа над рабочими на Лене сейчас и кровавые угрозы в будущем, произнесенные самим министром вн. дел в исторических словах: „так было, так будет“ [1]).

Широким забастовочным движением, захватившим все уголки рабочих районов, рабочий класс демонстрировал свою волю: „так не будет“.

За 1912 г. по данным фабричной инспекции было 2.032 забастовки с 725.000 участвовавших в них рабочих.

В следующем 1913 году размах еще шире: 2.142 забастовки с 861.000 участников. И правовые требования в этих забастовках являются осью движения.

Печатники (стачки в типографиях Рейхеля, Петрова, Экономической и др.) выставляют первым требованием признание выборных.

Петербургские металлисты упорно борятся за обще-заводские собрания и комиссии. Завод Лесснера бастует 3 месяца, Арматурный, Балтийский, Франко-Русский—по 2 месяца, Петербургские литографщики—2 месяца.

Упорство, которое обнаруживают все забастовщики, объясняется тем, что теперь при всяких конфликтах приходится

---

[1]) Отражение Ленских событий в загран. печати см. „Правда“, № 25, 23 апреля 1912 года.

иметь дело не с отдельными хозяевами, а с целым союзом предпринимателей, с организованным капиталом. Хозяйские союзы всецело обеспечивают и поддерживают своих членов, снабжая их деньгами, выполняя заказы их клиентов, входя в соглашение по поводу „черных списков" и т. п.

Так экономические столкновения и отдельные стачки входят в общую цепь столкновений двух борющихся классов, превращая и самые стачки и их отдельные правовые и экономические требования в чисто-классовые.

Особенно показательной была в этом отношении стачка на заводах Лесснера, вызванная самоубийством одного рабочего, не стерпевшего грубого обращения мастера и ложного обвинения в воровстве. Стачки эти, как протест против принижения человеческого достоинства, вызвали отклик по всей стране ответными стачками, денежными пожертвованиями, резолюциями и приветствиями бастующим Лесснеровцам, демонстрировавшим классовую солидарность.

„Рабочие Лесснера ведут принципиальную борьбу за честь и достоинство рабочих"—так оценивал борьбу орган питерских печатников „Новое печатное дело",—Петербургский пролетариат хорошо понял, что в этой стачке дело идет о всем рабочем классе" [1]).

Другой характерной для поднятия классового самосознания и солидарной защиты своих человеческих прав была стачка протеста против суда над стачечниками Обуховского завода.

„В лице случайно выхваченных т. обуховцев на скамью подсудимых посажен весь рабочий класс", так фиксировала рабочая печать свою оценку Обуховского дела [2]).

Насколько 1913 год можно считать годом кульминационной борьбы рабочих за свое правовое положение, как равноправного класса в государстве, видно еще из того, что стачки с предъявлением требований исключительно правового характера стоят на втором месте (на первом месте—

[1]) См. „Новое печатное дело" № 7, 1913 г. СПБ.
[2]) См. „Рабочий труд" № 2, 1914 г.

стачки из-за заработной платы), при чем эта группа требований расчленяется так:

удаление грубых служащих и мастеров . .	27%
требование вежливого обращения	25,1%
отмена штрафов	8%
улучшение внутреннего распорядка . . .	11%
введение старост	7,8%
возвращение уволенных	6,5%
освобождение арестованных	5%

Эти цифры „Известия Москов. о-ва фабр. и зав." комментируют, как „желание рабочих подорвать фабричную дисциплину и осуществить власть рабочих во внутреннем фаб.-зав. укладе".

Интересен и общий итог, иллюстрирующий исход правовых стачек:

В 1911 г. из 100 стачек выигрывают полностью или частично 49 стачек, в 1912 г.—59, а в 1913 г.—69 стачек. При чем у текстильщиков преобладают требования увеличения заработной платы (92% всех их требований), а у металлистов на заработную плату приходится 71,5% требований, а остальные касаются того, что предприниматели называют „покушением на изменение внутреннего распорядка". Иногда это покушение довольно значительно: требования увольнения грубой администрации достигает 32,5% всех требований, а вежливого обращения до 34,5%. Это и понятно, если вспомним, что текстильщики, как класс наемных пролетариев, оформлялся медленнее, будучи связан больше с деревней, и в то время, как металлисты известной нормы заработной платы добились и могли бороться за свои права, текстилям приходилось ее только добиваться.

Но быстрая пролетаризация в последние годы заставила и текстильщиков не отставать от обще-пролетарских требований [1]).

---

[1]) Подробности о стачках в 1913 г. см. в журнале „Рабочий труд" № 2, 1914 г.

Любопытно, между прочим, что капиталисты квалифицируют стачки с преобладанием политических и правовых требований, как „стачки по посторонним мотивам“ (о стачке в Баку с начала 1914 г. хозяева отозвались: „Рабочие бастуют по посторонним мотивам“), а стачки на экономической почве—„стачками по недомыслию“. (Таким „недомыслием“ считали фабриканты стачку костромских и владимирских текстильщиков в мае 1914 г., получивших 15 руб. заработной платы и требовавших ее повышения).

Перед войной развитие борьбы на капиталистической фабрике шло такими гигантскими шагами, что можно было ожидать ее взрыва извнутри одним общим усилием восставшего пролетариата. Но война, усилившая до крайности внеэкономические методы воздействия на рабочую волнующуюся массу, на время этот взрыв отсрочила. Рабочему классу предстояло еще пережить второе „крепостничество“ и подчиниться внутреннему режиму „империалистической“ фабрики, прежде, чем он мощным толчком в феврале 1917 г. разрушил свою фабричвую тюрьму и пошел по пути завоевания „фабричной конституции“.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

„Империалистическая“ фабрика и „военно-промышленный социализм“.

Основные изменения в промышленном и социальном строе военного времени.

К моменту войны в России уже сложилась вполне развитая система капиталистического производства с сложной сетью общественно-экономических отношений эпохи финансового капитала.

Решающим фактором, повлиявшим на создание системы, подобной зап.-европейской, было влияние иностранных капиталов, в той или иной степени связанных с основными отраслями русской промышленности. Зависимость русской промышленности от иностранного капитала была настолько тесная и близкая, насколько непосредственно касалась самых различных сторон ее жизни, что фактически судьбами русской промышленности иностранный капитал вершил в гораздо большей мере, чем русский. Цыперович в своем исследовании о „Синдикатах и трестах в России“ характеризует это вмешательство и зависимость русского производства, до самой детальной его регламентации европейским капиталом, следующим образом:

„Вся система управления, все нормы производства, все расценки, заработная плата, рабочий день и даже распорядки в предприятиях нашей железоделательной промышленности, да и в других отраслях промышленности, уже давно определяются европейским капиталом“.

Эта связь, естественно, повела за собой вовлечение в широкое столкновение национальных капитализмов в 1914 г.

и русского капитализма, ставшего в международной империалистической системе далеко не на последнем месте. Война сулила небывалые прибыли и расширение рынков сбыта, и русские синдикатчики охотно вошли в сферу воздействия мирового империализма. Это соприкосновение с мировым масштабом и мировыми перспективами заставило русских промышленников крепче и самостоятельнее обосноваться и у себя дома. Развивавшийся до сих пор под теплым крылышком правительственной опеки и покровительственных тарифов русский промышленный капитал все больше расширял свое влияние на различные сферы народно-хозяйственной жизни, создавая свои классовые и экономические объединения—синдикаты и тресты.

Фабрики, заводы, транспорт, торговля — все попадало в его организующую орбиту. В руках буржуазии, привлеченной к перестройке промышленности на „оборону“, сосредоточилась фактически вся экономическая и политическая власть.

Но поскольку существовали старые дворянско-бюрократические формы правления, постольку неизбежен был конфликт с новым социальным слоем, идущим к власти.

Участие в организации обороны принимало характер борьбы одного из классов за фактическую власть в новой системе.

Благодаря своеобразным отношениям, какие сложились между промышленниками и правительством в начале войны, когда правительство не допускало ни частного, ни общественного предпринимательства для обслуживания нужд „обороны“, милитаризация русской промышленности запоздала, а правительство обнаружило себя явно несостоятельным в деле организации военной промышленности. И только с мая 1915 года за дело организации военной промышленности взялись крупные капиталисты, объединенные в военно-промышленные комитеты.

Плохое техническое оборудование, недостаток рабочей силы, кризис снабжения сырьем и топливом, расстройство транспорта и, наконец, спешность заказов—все это делало нелегкой задачу милитаризации русской промышленности.

Кроме того, встречая в казенной государственной промышленности конкурента, русская промышленная буржуазия еще более проникалась оппозицией к бюрократическому правительству.

„Допустимо ли безграничное расширение государственного предпринимательства?—задавали вопрос промышленники на VIII съезде торговли и промышленности и решительно отвечали: „нет“.

„При нашей общепризнанной бедности в проявлении инициативы и предприимчивости, всемерное облегчение частного почина должно было бы составить главную задачу разумной экономической политики, направленной к возможно более широкому осуществлению тех богатых возможностей, которыми наделила нас природа“. Значит, политику правительства отнюдь „нельзя признать дальновидной“ [1]).

Еще ярче эта оппозиция торгово-промышленной буржуазии проявляется в военно-промышленных комитетах.

„Бюрократия приносит на алтарь отечества жертвы, всегда по времени запоздалые, по размеру незначительные“ [1]), так оценивает Московский военно-промышленный к-т факт привлечения правительством „общественного предпринимательства“ для „национальной обороны“.

И это свое участие в „обороне“ промышленные капиталисты рассматривают, как факт, свидетельствующий о передвижке власти из рук бюрократии в руки „торгово-промышленного сословия“.

Принципиальное и, так сказать, идеологическое обоснование роли нового класса, претендующего на власть, дает приват-доцент Сторожев, ссылаясь на историческую роль купечества на рубеже XVIII и XIX вв.

„В великой европейской войне,—пишет буржуазный историк,—торгово-промышленный класс выступает, как реальная сила, перед которой должны склониться как бюрократические привилегии старого, так и демократические за-

---

[1]) Вопрос о взаимоотношениях представителей промышленности и правительства ярко вскрывается в докладе Совета съездов представителей промышленности и торговли VIII очередному съезду под названием „Промышленность и торговля в законодательных учреждениях за 1913—14 г.“.

дачи нового времени. Торгово-промышленный класс XX в. перестал уже быть просто мошною, из которой государство может брать сколько угодно и на что угодно, расплачиваясь порой чином, орденом или пожалованием потомственного дворянства“ [1]).

Итак, изменение экономического строя, проникновение и господство финансово-империалистического капитала вызывает и глубокое изменение в классовых отношениях и коренное перераспределение сил.

Более независимая часть крупной промышленной и финансовой буржуазии, не нуждающаяся в правительственных субсидиях и подачках, выступает не только в роли оппозиции, но и в роли самостоятельного организатора военной промышленности. „Торгово-промышленный класс не может оставаться пассивным к деятельности государства в такой сфере, которая прежде всего касается реального интереса класса“ (Сторожев—там же) [2]).

Впрочем, полного разрыва между властью и организованной торгово-промышленной буржуазией в России не произошло до самой февральской революции, поставившей на короткое время буржуазию у власти. Своеобразные русские условия, столько лет поддерживавшие союз капитала с царизмом, создавали и в период войны, в особенности в первый ее период, необходимость известного „примирения“ классов.

Война, вызванная интересами буржуазии, все более заостряла конфликт, но интересы „победы отечества“ (отечественного капитала) заставляли буржуазию замедлять борьбу с отживающим режимом и даже призывать к мобилизации „живых сил“ для укрепления фронта.

В одном же развивающийся капитал шел не только в ногу, но и подстегивал государственную власть: это в борьбе с рабочим классом.

---

[1]) „Известия Московского Военно-Промышленного К-та“ № 27, 30 августа 1916 г. „Правовые основы особого совещания“.

[2]) „Известия Московского Военно-Промышленного К-та“ № 25—26, июль 1916 г. „Из материалов по вопросам об участии торгово-промышленного сословия в обороне страны“.

Страх перед рабочим классом, страх перед революцией были сильнее страха поражения на войне и сильнее вражды между двумя соперничающими классами.

Этот страх заставлял не только усиливать экономический террор буржуазии, но и поток административных репрессий правительства, объединяя все эти мероприятия в стройную систему такого режима на фабрике, который можно по аналогии назвать фабричным „империализмом“.

Полное бесправие, ничем не стесняемое насилие, политика захвата и уничтожения всех завоеваний рабочего класса—вот физиономия этой фабрики военного времени, основные черты которой—эксплоатация, личное бесправие, закрепощение рабочего—прикрывались благозвучными патриотическими лозунгами: „все для обороны“, „все для спасения отечества“.

Фабричный режим военной фабрики и протесты против него рабочего класса.

Война до неузнаваемости изменила промышленную жизнь вообще и ее внутренний фабричный строй — в частности.

В момент войны еще можно было констатировать не только благополучие, но и расцвет нашей промышленности. Но уже в первые месяцы войны заметно было стихийное нарушение до сих пор налаженной промышленной жизни. Началось массовое сокращение производства. Крупные и, в особенности, средние и мелкие предприятия немедленно установили минимальную выработку, сокращение производства на 25% и даже на 50%, сокращение числа рабочих на 1/3 состава. Таковы были первые результаты военного потрясения [1]).

Чем это было вызвано?

Фабриканты и заводчики мотивировали это сокращением производства, отсутствием материалов, спроса, заказов и рабочих рук. Но уже к концу 1914 года и началу 1915 г. паника среди промышленников сменилась горячей работой

---

1) Подробнее о влиянии войны на промышленность см. в „Трудах комиссии по изучению дороговизны“ и в кн. Прокоповича „Война и народное хозяйство“.

по приспособлению к условиям и требованиям военного времени. Началось лихорадочное переоборудование производства для нужд фронта и не менее лихорадочная погоня за казенными заказами.

Экономический кризис, выразившийся в недостатке и вздорожании товаров, в расширении отраслей производства, обслуживающих военные нужды, в сокращении производства предметов широкого потребления,—отразился прежде всего на положении рабочих.

Заработная плата за время войны, по словам Прокоповича, повысилась, но степень роста ее далеко отставала от роста дороговизны и падения цены рубля. Главным моментом, сыгравшим значительную роль в понижении реальной заработной платы, было, конечно, уменьшение количественного и качественного состава рабочих, способных отстоять заработную плату от понижения.

В погоне за военными заказами и военной сверх-прибылью, эксплоатация труда достигла невероятных размеров. Удлинение рабочего дня, широкое применение женского и детского труда, а также приспособление желтого труда китайцев и корейцев, специально выписываемых промышленниками из-за их выносливости, покорности и дешевизны их рабочих рук, отмена законов по охране труда,—вот та „социальная политика", которую вели объединенные капиталисты во время войны. К хищнической эксплоатации и беспощадной экономической борьбе предпринимателей присоединяются полицейские расправы. „Под шумок единения классов и наций буржуазия заключила запродажную сделку с царизмом за счет экономических и политических интересов народных масс",—это меткое замечание т. Шляпникова [1]) вскрывает действительные причины такого ухудшения в положении рабочего класса.

Размеры военных прибылей во время войны становятся невероятными. Маслов в жур. „Экономическое обозрение" № 1 приводит цифры военных прибылей некоторых заводов. Так, Акцион. О-во Тульских заводов получило

[1]) „Накануне 1917 года", ч. 1, стр. 138, изд. Г. Из. М. 1922 г.

8,39 мил. руб. за 1913—14 г. вместо прежних 1,86 мил. Кольчугинский завод — вместо 2,17 мил. получил 4,72 мил. Сормовский—вместо 2,17 мил. получил 3,79 мил. Кабельный завод—вместо 1,4 мил. получил 3,34 мил.

Рядом с падающим заработком рабочих, рядом с жертвами, которых требовало правительство от всей страны, эти прибыли казались особенно вопиющими.

Но рабочий класс сначала был так разбит по частям, дезорганизован и принижен, что даже не мог заявить своего громкого протеста против эксплоатации. С одной стороны, этому способствовала война всем аппаратом принуждения, находившимся в руках буржуазии, придавившая рабочее движение. С другой стороны, рабочие массы были деморализованы „оборонческой" агитацией социал-соглашателей, умевших внушить некоторой части рабочих патриотические и шовинистические настроения и требования.

Эта деморализация проникает в рабочее сознание и сказывается прежде всего на его взаимоотношениях с предпринимателями. Орган петербургских печатников „Наше печатное дело" в № 23 пишет, что рабочие, доведенные из-за отсутствия рабочих организаций до полной разрозненности, а из-за дороговизны и нужды—до полного отчаяния, теряют чувства человеческого и классового достоинства. Они уже не дерзают бороться с предпринимателями. Они обращаются к ним с своеобразными петициями и пытаются „уговорить" хозяев на повышение им заработной платы.

Вот как описывает „Наше печатное дело" один из таких случаев обращения с петицией к хозяевам: „В типографии Яковлева первыми обратились с петицией, а потом и с личной просьбой, переплетчики, прося прибавить сколько можно. За ними потянулись наборщики, которые указывали на дороговизну и на повышение зараб. платы во многих типографиях. То же было и в сенатской типографии, где рабочим было выдано пособие: тому, кто проработал меньше года—3 рубля, а кто больше года—5 руб".

Однако смирить и принизить совсем рабочий класс не удалось.

И с перестройкой промышленности на нужды фронта, с

уменьшением безработицы и повышением его общего, пока незначительного, жизненного уровня, он начинает протестовать уже более решительно и громко.

Фабрика снова становится в центре внимания и попечения правительства и капиталистов.

И не мудрено: здесь рождались безмерные „военные прибыли“ капитала, и на охрану их становился во всеоружие не только он сам, но и привлекал государство и общественное мнение. Стачки во имя законнейших требований рабочих вызывали репрессии правительства и осуждение „общественного мнения“, обвинявшего рабочих в измене отечеству.

Положение рабочих живо и детально вырисовывается из резолюций, предложенных рабочей группой на совещании военно-промышленных комитетов (13—15 декабря 1916 года).

„В целях предоставления предпринимателям дешевого и покорного труда, правительство отменило по 87 ст. закон охраны женского и детского труда, не ограничены сверхурочные работы и рабочий день, брошены на произвол предпринимателей сотни тысяч лишенных всякой защиты военнопленных, наконец, вывезены сотни тысяч инородцев и китайских рабов при наличии числа безработных в стране“.

Рабочие, оставленные в качестве военнообязанных в предприятиях, работающих на оборону, частью лишены права, частью—возможности перехода из одного предприятия в другое, з а к р е п о щ е н ы з а п р е д п р и я т и я м и. „Борьба рабочих за улучшение условий труда“,—прибавляет резолюция,—„путем организованного воздействия на предпринимателей стала невозможной вследствие насильственного уничтожения и недопущения рабочих организаций, стихийная же стачечная борьба, осложненная общественным распылением рабочего класса, неизменно подавляется путем военным, немедленной отправкой на фронт, локаутом“ [1]).

Но этого мало.

Жалуясь на то, что стачки мешают „нормальному“ ходу работ в промышленных предприятиях, промышленники

---

[1]) Маевский.—„Канун революции“. Стр. 89—92.

внесли в совет министров проект о „милитаризации всех рабочих" и военной дисциплиной задумали привести рабочих в повиновение. „Организация заводов по казарменному типу, награждение ставленников капитала офицерскими полномочиями над рабочими, с арсеналом наказаний и наград в руках дирекции—вот идеал этого „космополита-капитала" [1]).

Впрочем, бурный протест рабочих, вызванный проектом закона о милитаризации, не позволил выйти на свет этому новому акту закрепощения рабочих.

На предприятиях рабочие собрания выносили резкие протесты против такого казарменного разрешения экономических вопросов.

Бывшая тогда единственным подобием рабочего представительства—рабочая группа при Военно - Промышленном Комитете вынесла в свою очередь резкую резолюцию, в которой прямо указала, что „закон с особенной тяжестью и силой ударит по рабочему классу, который оказался бы в рабстве у полицейского государства. Прикрепленного к заводу, лишенного права передвижения и распоряжения собой, лишенного под страхом военно-полевой расправы возможности поднять голос протеста-рабочего закон о мобилизации обратил бы в безгласную машину, беспощадно эксплоатируемую, как правительством так и предпринимателями. Казарменный режим на мобилизованных фабриках и заводах, с такими карательными мерами, как карцер, а иногда и розги, был бы естественным следствием воплощения в жизнь указанного закона" [2]).

Гораздо энергичнее повела свои разоблачения вводимого крепостного режима революционная партия пролетариата—Р. С.-Д. Р. П. (большев.), умело направлявшая и руководившая экономической и политической борьбой рабочего класса. В листовке, посвященной положению рабочих, так изображается новый крепостнически-милитаристский режим, введенный с войной на фабрике: „Правительство превра-

---

1) Шляпников.—„Канун 17 года".

2) Цит. по кн. Маевского „Канун революции", стр. 47.

тило в казармы целый ряд заводов и фабрик, оставив там тысячи запасных ратников... Вводится крепостной режим. Рабочий запасный или ратник—обращается в раба, который лишен возможности защищаться против самых возмутительных издевательств над ним... Закрепощая на заводах запасных и ратников, правительство желает ослабить способных рабочих к сопротивлению" [1])...

В России не удалось провести формальное закрепощение труда законодательным путем, подобно Германии. Но фактически это закрепощение было достигнуто всей политикой правительства: особые военные законы карали каторгой за прекращение работ, прикрепляли военнообязанных к станкам, делали невозможной борьбу в защиту своих интересов, ибо бастующих рабочих ожидала тюрьма, военные и морские суды, окопы, смерть... Рабочие русской фабрики во время империалистской войны 1914—17 г.г. были целиком отданы во власть капиталиста-предпринимателя.

Но годы отчаянной борьбы труда с капиталом прошли не даром.

Не так легко уже стало справиться с рабочим классом, хотя бы и лишенным элементарных орудий самозащиты—классовых организаций, хотя бы экономически и политически бесправным и угнетенным.

Вначале возникали почти стихийные, никем не руководимые стачки. Иногда завод или фабрика „вдруг" останавливались, и рабочие, даже не предъявляя никаких экономических требований, оставляли работу. Чаще же стачки возникали на экономической почве. Во главе становился большей частью „руководящий коллектив", направляемый РСДРП (б.), тогда уже начинавшей развивать широкую деятельность и неустанно призывавшей рабочих к все более организованным выступлениям. Стачечное движение в Петербурге, а затем во всей России уже было мощным выражением протеста и возмущения, охватившего рабочий класс. Движение приняло особенно широкие размеры к концу войны.

---

[1]) Цитировано по кн. Шляпникова „Канун 17 года", стр. 150.

Для завершения характеристики положения на фабриках и бурлившего среди рабочих недовольства и протеста против нового рабства, мы приведем только еще одно свидетельство из докладной записки раб. группы Цент. Воен.-Пром. Комит. об институте старост. Несмотря на некоторую специфичность соглашательского тона этой докладной записки, положение на фабрике во время войны она рисует достаточно правдиво:

„Во время войны состав рабочего класса изменился, вышло много чуждых, недисциплинированных элементов, кроме того, интенсификация промышленности, широкое применение женского и детского труда, непрерывные сверхурочные и праздничные работы, переутомление, повышение нервности и т. п. невольно усиливают число поводов для самых разнообразных конфликтов, которые возникают часто стихийно и, вместо организованного отстаивания своих интересов, они нередко прибегают к стихийным вспышкам и анархическим методам".

„Вывоз на тачке,—продолжает дальше „Записка",—стал не случайным явлением. Вместо слов убеждения, пускаются нередко в ход гайки, винты, даже револьверы, в некоторых случаях доходит до рукопашной и ножовщины" [1]).

Несомненно, такое положение на каждой фабрике не могло быть терпимо, и призывы и требования предоставления рабочим права организоваться мы в это время (конец 1915 г. и начало 1916 г.) находим со всех сторон исходящие от разных кругов и из разных при этом мотивов.

С.-д. партия (бол.) настойчиво призывала к организации в интересах сплочения и усиления борьбы рабочего класса. Она создала на фабриках и заводах революционные коллективы из наиболее сознательных рабочих. Последние нередко брали на себя инициативу восстановления представительства рабочих организаций, именовавшихся фабрично-заводскими комиссиями и существовавших полулегально. Эти фабрично-заводские комиссии составлялись из представителей от цехов или мастерских и представительствовали

---

[1]) См. „Дело о Военно-Промышленных Комитетах", Центр. Гос. Архив.

от имени рабочих при возникновении конфликтов между рабочими и администрацией. В круг ведения комиссий входили все вопросы, связанные с внутренними распорядками на фабрике. Рабочие усиленно добивались легализации этих своих представительных ячеек, и это требование мы часто находим наряду с экономическими требованиями во время стачечного движения в 1915—16 г.г.

Вступившая в контакт с буржуазией рабочая группа, вошедшая в Цент. Воен.-Пром. Комитет, повела агитацию за предоставление рабочим права организации, и в резолюции по рабочему вопросу на II Всероссийском съезде военно-промышленных комитетов в феврале 1916 г., призывала к промышленникам уже „во имя спасения страны и свободного развития производительных сил", решительно порвать с традициями фабричного феодализма, „ибо иначе мы вместо мобилизации общественных сил будем иметь их распыление, вместо мобилизованной промышленности—эксплоатацию, вместо разрешения исторических задач—безнадежный исторический тупик".

Вот почему рядом с другими требованиями раб. группа категорически требовала в этой резолюции „установления конституционного режима на фабриках и заводах", восстановления института старост и „признания за рабочими права коалиций". „Спасти страну от гибели,—поучала Рабочая группа российских промышленников, с которыми она пыталась установить предложенный Гучковым „социальный мир", может только свободный народ, а свободного народа нет там, где на пролетариат ополчились совместно военно-промышленный режим и неограниченная свобода эксплоатации объединенного капитала" [1]).

Впрочем и сама буржуазия, в особенности либеральная ее часть, как видно из любопытной в этом отношении переписки между А. И. Гучковым, председателем ЦВПК и Гвоздевым, председателем Рабочей группы, начинает понимать всю необходимость организации рабочих в собственных интересах: „Организуясь,—пишет Гвоздев в ответ на

---

1) Цит. по к. Маевского „Канун Революции", стр. 33—35.

предложение Гучкова об охране „социального мира", — имущие классы с своей стороны, повидимому, начинают признавать, что и им лучше иметь дело с организованным рабочим классом, нежели со стихийным движением масс. Война усложняет борьбу общественных классов".

И, действительно, эта необходимость уже проникла в сознание буржуазии и под ее давлением она сама начинает воссоздавать то, что так упорно в продолжение всех лет реакции после 1905 г. она же разрушала. Буржуазия, а за нею и царское правительство, все чаще приходили к мысли снова попытаться использовать в своих интересах закон 10 июня 1903 г. о фабричных старостах. И недавно еще непримиримый Совет О-ва заводчиков и фабрикантов считал уже „своим патриотическим долгом именно теперь пойти навстречу учреждению института старост на фабриках", надеясь, что „институт старост явится тем примиряющим органом, который поможет рабочим и предпринимателям найти общий язык, чтобы к пользе сторон сговориться по поводу волнующих их вопросов". А Центральный Военно-Промышленный Комитет в циркуляре от 7 апр. 1916 г. настойчиво рекомендует поскорее провести в жизнь эту меру на местах и мотивирует: „Означенное постановление явилось результатом глубокого убеждения съезда (II съезд ВПК „вменил в обязанность местам озаботиться установлением на фабриках и заводах института старост"), основанного на более чем $1^1/_2$-годичном опыте мобилизации промышленности за время войны, что дезорганизация и распыление рабочего класса в сильной мере затруднит работу промышленности, призванной к обслуживанию потребностей армии и флота. Когда будут созданы рабочие организации,—неизвестно, но повседневные условия промышленной жизни выдвигают необходимость наличия постоянного рабочего представительства, которое возможно осуществить на почве закона 10 июня 1903 года".

Посмотрим же теперь, в каком виде предполагала буржуазия на этот раз дать со всех концов требуемую „фабричную конституцию", и что из себя должен был пред-

ставлять снова обращающийся против рабочего класса закон о фабричных старостах.

Военно - Промышленный Комитет и институт старост.

Характер развития русской промышленности, поставленной в зависимость от мирового империализма, требовал новых форм социально-экономических отношений и новых форм общественных организаций. Такой новой общественной организацией, призванной осуществить социально-экономические отношения эпохи империализма, явился военно-промышленный комитет.

Центральный Военно-Промышленный комитет возник в 1915 г. в результате кампании за милитаризацию промышленности. Основной своей задачей он ставил организацию промышленности для целей обороны и устранение конкуренции между фабрикантами и заводчиками путем распределения между ними заказов на армию. Положение о Военно-Промышленных к-тах уделяло в них место и рабочему представительству, пытаясь привлечением рабочих к участию в деле войны связать их с буржуазией, подчинить и подавить наростающее рабочее движение.

Приглашая выбирать представителей рабочих в Военно-Промышленные к-ты, промышленники откровенно заявляли, что они рассчитывают на то, что „представители рабочих помогут выяснению условий и повышения производительности заводского труда и будут содействовать более успешной работе на оборону страны".

Таким образом, политически-полицейская мера отвлечения рабочих от революционного движения и надежда промышленников путем „классового мира" повысить производительность труда за счет эксплоатации рабочих—вот чем должно было явиться это мнимое рабочее представительство, которое „оборонцы"—„военно-промышленные социалисты"—пытались рассматривать, как „начало участия рабочего класса в организации хозяйства".

Новые формы капиталистической эксплоатации требовали сдвига в прежних авторитарных отношениях капитала к труду. Сам капитал д о л ж е н был пойти на известное „переустройство" отношений между трудом и капиталом.

Почти во всех капиталистических странах во время войны установился известный контакт промышленников с рабочими организациями. И вот теперь, точно такие же, но по-русски неуклюжие, попытки привлечения рабочих делают и военно-промышленные к-ты. Но рабочие классовым чутьем угадали истинный характер своего соучастия в установлении с капиталистами „социального мира“ и решительно отказались „мириться“ с нуждой и бесправием, эксплоатацией и рабством, которые им могло дать это классовое соглашение.

Выборы рабочих представителей в ВПК впервые за время войны дали возможность устраивать на предприятиях рабочие собрания и даже ставить открыто вопросы, связанные с царской политикой. Фабрика снова превращалась (на короткое время, правда) в центр политической и революционной борьбы, где в ожесточенной схватке сталкивались два противоположных течения: одно примиренческое оборончество, призывавшее рабочих к защите отечества и поддержке воюющего капитала, и другое — революционный интернационализм, зовущий к непримиримой классовой борьбе с капиталом. Формальная победа „социал-патриотизма“ завершилась созданием рабочей группы при ВПК, к деятельности которой мы еще вернемся.

„Рабочая Группа“ в своей декларации на первом заседании ЦВПК признавала, что В.-П. Комитеты являются организацией крупно-промышленной буржуазии, руководимой испытанными вождями боевой организации капитала. Участие же свое в работе ВПК она формулировала так: „Мы стремимся отстаивать наше понимание интересов страны и наше понимание путей спасения ее от гибели, а также отстаивать интересы рабочего класса от всяких покушений на его завоевания“. Однако, вся дальнейшая политика „Рабочей Группы“ была, в противовес декларации, направлена к поддержанию интересов буржуазии.

Эта особенность политики „Рабочей Группы“ сказалась всего ярче в проекте восстановления Института Старост, т.-е. именно в том законе, в котором обещание декларации „всячески содействовать организации рабочего класса“

и „защиты от всяких покушений на его завоевания“, казалось бы, должно было выявиться прежде всего.

Вот вкратце история восстановления этого института.

На втором Всероссийском съезде Военно-Промышленных Комитетов 26—29 февраля 1916 г. „Рабочая Группа“ внесла проект восстановления закона 10 июня 1903 года, и съезд постановил вменить в обязанность всем ВПК „озаботиться установлением на фабриках и заводах Института Старост“.

22 марта 1916 г. в Государственной Думе проект восстановления закона 1903 г. отстаивал министр торговли и промышленности, и к лету 1916 года, в измененном этим министром виде, проект уже был готов.

В июле этого года ЦВПК уже разослал инструкцию о введении Института Старост с объяснительной запиской, поясняющей значение этого института.

В обширной записке, излагающей всю историю закона 10 июня 1903 года за 13 лет, „Рабочая Группа“ и ЦВПК в целом, возлагали на возрождение этого института самые большие надежды.

„В сложной обстановке современности“, так излагались задачи института старост в записке, „при распылении рабочего класса и отсутствии профессиональных организаций, на долю института старост может выпасть завидная участь стать ферментом, спаивающим рабочий класс, укрепляющим и дисциплинирующим его, стать организацией, целесообразно направляющей защиту рабочими своих прав, ослабляющей остроту конфликтов в одних случаях и усиливающей отстаивание рабочими своих нужд,— в других“ [1]).

В каком же виде предстал перед рабочими этот восстановленный закон 1903 года, и почему он с самого начала превратил снова мысль о рабочем представительстве и требования „фабричной конституции“ в пустые разговоры и фикцию?

Проект министра торговли и промышленности кн. Шаховского [2]) хотя и имел в виду, по его собственному

[1]) „Дело о Воен.-Пром. Ком.“ Центр. Гос. Архив.

[2]) См. газ. „День“ от 9 июня 1916 г.

заявлению, устранить „недостатки“ закона 1903 г., которые служили „помехой широкому распространению существующего института старост“, но в итоге его собственных „исправлений“ (25-летний возрастный стаж для старост, устранение от участия в выборах молодых возрастов, 2-летний стаж пребывания в одном заводе и т. п.) отстранил от участия в выборах огромную часть рабочих и тем самым еще более ухудшил закон 1903 года. „Проект правил о старостах, избираемых рабочими завода“ (образцовый устав), разработанный „Рабочей Группой“, вносил некоторые улучшения; так, п. 3 „Правил“ гласил в редакции группы: „каждый разряд избирает из своей среды 2 кандидатов, не моложе 25 лет и предварительно прослуживших не менее 1 месяца, как мужчин, так и женщин“. Таким образом, понижался возрастный стаж для выборщиков (вернее, не указывался) и рабочий стаж для старост, устранялся порядок выборов нескольких кандидатов, из которых заводоуправление назначало само уже угодного себе старосту и т. п. Но, в общем, закон существенной переработке не подвергался, благодаря упорному сопротивлению промышленников, боящихся слишком широкой „конституции“ и вторжения в свои самодержавные права.

При рассылке „закона“ и „инструкции“ для пользования им „Рабочая Группа“ ограничилась длинными советами, как лучше использовать и раздвинуть узкие рамки закона и, вообще, предлагала не понимать „ограничительно“ статьи закона и отвоевать в практическом применении его более широкие права. Толкуя статью 7 закона, „Рабочая Группа“ предлагала рабочим на местах добиваться, чтобы институт старост превратился в процессе выполнения своих задач в местные заводские организации рабочих, входящие в рассмотрение всех сторон жизни рабочих данного предприятия, строго следя за исполнением условий договора найма, находясь всегда на страже интересов рабочих, когда предприниматели под видом истолкования условий найма пытаются видоизменить его“.

Таким образом, границы применения закона ставились в зависимость от энергии и силы местных фабр.-заводских ячеек.

Так же подходила рабочая группа и к вопросу о расширении пределов компетенции старост: „Указания закона на то, что старосты имеют право заниматься делами, касающимися быта рабочих в данном заводе, дают возможность старостам включать в круг своих функций почти всю общественную и хозяйственную жизнь рабочих данного предприятия. Сюда входят и культурно-просветительные нужды, и борьба с алкоголизмом, и поднятие нравственного уровня рабочих, и организация взаимопощи среди рабочих и т. п.“.

Так, действительно, „не ограничительно“ понимала „Рабочая Группа“ функции и полномочия фабричн - заводской представительной организации рабочих, сводя ее боевые задачи до задач борьбы с алкоголизмом и с безнравственностью. Если еще в этой же разбираемой нами сопроводительной „записке“ к закону и „правилам“ встречается мимоходом и такое место: „При отсутствии проф. организации старосты заменяют в этом случае ее местную заводскую ячейку, организуя и руководя политикой рабочих в известные периоды“, то это место надо понимать совсем „ограничительно“, коль скоро весь вопрос о старостах и их задачах—вопрос простого соотношения сил между робочими и капиталистами.

И как рабочие, так и фабриканты именно так и понимали этот вопрос и, не обращая внимания на „инструкции“ и „правила“, в большом количестве сочиняемые ослепленной „классовым миром“ „Рабочей Группой“, продолжали свою упорную междоусобную борьбу за „фабричную конституцию“.

Как же понимали закон об институте старост и как относились к нему фабриканты и рабочие?

Тот фактический бойкот, которому подвергся со стороны рабочих закон Плеве в течение 13 лет, уже достаточно показывает отношение к нему рабочих. Однако, во время войны отношение к нему как со стороны рабочих, так и со стороны промышленников, изменилось. Возросшие задачи и усложнившаяся борьба с капиталом ставили перед рабочими вопрос о создании своих представительных органов

каждый день. И целый ряд заводов и фабрик пытаются восстановить в том или ином виде рабочее представительство, несмотря на все встречающиеся трудности и препятствия. Об этой стихийной тяге к организации говорит и указанная „записка“: „В некоторых случаях действуют депутатские советы, советы уполномоченных и выборных, на многих заводах функционируют специальные заводские комиссии, являющиеся неофициальной заводской организацией. Другие заводы пытаются использовать в этом смысле и институт старост, узаконенный еще в 1903 году“. Так, существовали старосты в Николаеве, где они во время забастовки на судостроительном заводе сыграли весьма значительную роль; существовал институт старост в Петрограде на заводе Эриксона; потребовали введения старост во время забастовки рабочие Брянского завода; стихийный взрыв рабочего движения в Донбассе во время войны сделал там институт старост даже популярным. Все это показывает, что тяга к организации и стремление рабочих к освобождению из рабства фабричной „абсолютной монархии“ были неудержимы.

Промышленники это немедленно учли и решительно изменили свою тактику и свое отношение к этому институту, стараясь его не только обезвредить, но и заставить служить своим интересам.

Так, состоявшееся в 1916 году совещание промышленников по этому поводу уже предлагало введение института старост, как меру, способную урегулировать отношения между трудом и капиталом.

Московское общество фабрикантов и заводчиков заявило, что охотно пойдет навстречу желанию рабочих ввести институт старост. Даже наиболее консервативное и враждебное по отношению к институту старост (вспомним Глезмеровскую группу и ее оценку закона в 1903 году) Петроградское общество фабрикантов и заводчиков изменило свою тактику и заявило, что с „его стороны не встречается препятствий к введению института старост, но что против него могут оказаться рабочие“. (Так оно, действительно, и было).

Во всяком случае, характерно, что отношение промышлен-

ников резко меняется. Это мы особенно наглядно увидим, если просмотрим протоколы и отчеты общества фабрикантов и заводчиков, относящиеся к данному вопросу.

Так, например, совет московского общества на заседании принял постановление ввести на принадлежащих им предприятиях институт старост, при чем подкрепил свое постановление длинными фразами „о патриотическом долге", заставившем их пойти навстречу учреждению института старост на фабриках и заводах" и тем „облегчить задачу разрешения споров, усилив безостановочное снабжение наших братьев-солдат всем им нужным и необходимым".

Облекши, таким образом, в покров „долга" и даже „жертвы", свое решение использовать рабочее представительство в личных интересах, московские промышленники на практике, воспользовавшись тем, что определение задач и полномочий этого института это только „вопрос соотношения сил", разработали такой „проект правил", который даже умеренными представителями Московск. ВПК был признан построенным „на принципе мелочной опеки рабочих и максимального стеснения их самостоятельности" [1]).

На эти „правила" фабриканты посмотрели, как на продолжение „правил внутреннего распорядка", ими обычно устанавливаемых с расчетом регламентировать каждый шаг рабочего. На новую должность старосты они смотрели, как „на автономную почетную должность", „спокойного и беспристрастного помощника фабричной администрации и заступника правых и з а к о н н ы х интересов своих товарищей". „Староста",—толковалось советом Московских фабрикантов в их объяснительной записке к „правилам",—„по смыслу и духу закона обязан являться носителем мира и согласия среди избирателей его группы каждый раз, когда между нею и между начальством в промышленном предприятии начинают возникать недоразумения и неудовольствия".

Неудивительно, конечно, что рабочие, добиваясь фабрично-заводского представительства, тем не менее, в боль-

---

[1]) Протокол заседания комиссии по вопросу о рассмотрении проектов правил о фабричных старостах от 1 июня 1916 г.—„Дело ВПК", Гос. Архив.

шинстве случаев, отказывались от института старост. Они бойкотировали и „закон“, и „правила“, и советы рабочей группы о возможности их использования и энергично требовали признания своих представительных рабочих ячеек—фабрично-заводских комиссий, как ближайших предшественников революционных заводско-фабричных комитетов.

Резкая и яркая оценка закона о старостах, данная в марте 1916 г. рабочими завода „Нов. Лесснер“, настолько показательна для характерики отношения к закону наиболее сознательной части рабочего класса и его значительно выросшего и зрелого классового и революционного понимания действительности, что стоит привести эту резолюцию целиком: „Общее собрание рабочих завода Нов. Лесснер, обсудив предложение заводоуправления организовать институт старост на основании закона 1903 г., заявляет, что закон этот создан подлым слугой царизма—министром Плеве исключительно против подымавшегося в те годы революционного движения рабочего класса. Автор этого полицейского закона намеревался создать постоянную ячейку в рабочей среде, через которую можно было бы выловить наиболее активных работников. Закон имел целью парализовать революционную активность масс и заменить ее легальным и полюбовным содружеством с врагами пролетариата—капиталом и его пособником—правительством. Рабочий класс своим здоровым чутьем понял этот гнусный обман полицейских законников и решительным протестом отбросил от себя предложенную сделку. И вот теперь, через 13 лет, когда рабочий класс снова собирает свои силы для того, чтобы сосчитаться с разорившим его правительством, на смену опять выполз этот самый закон. Рабочий класс не позволит себя одурачить и теперь. Решительно отвергая предложение заводоуправления, мы в то же время протестуем против тех мнимых друзей рабочих, которые стараются на страницах буржуазной прессы и с трибуны Государственной Думы оправдать этот поход на рабочий класс. Мы требуем профессиональных союзов и свободы других классовых организаций пролетариата, восстановления рабочей печати и признания заводских комиссий,

избранных на широких демократических началах".

Таким образом, разоблачался целиком смысл закона 10 июня, широко рекомендуемого промышленниками в 1916 г. [1]).

Закон 10 июня 1903 года применялся весьма мало. Рабочие предпочитали отказываться от своего представительства, чем создавать его в интересах капитала. Так, на таком заводе, как Брянский, который добивался забастовкой „фабричной конституции", „фабрикантские правила" вызвали решительный отпор, и на выборы, вместо 17 тысяч, явилось 124 человека. Кое-где (напр., на заводах Добров и Набгольц, где администрация дорожила сохранением института старост больше, чем рабочие) вследствие систематического отсутствия кворума рабочих при выборах, администрация переходила к назначению старост.

Во всяком случае отношение рабочих к суррогату „фабричной конституции" было вполне ясное.

„Военно-промышленные социалисты" и проблема участия рабочих в регулировании промышленной жизни.

Империалистическая система давала свои плоды.

К третьему году войны катастрофа в области хозяйственной жизни страны была настолько очевидна, что о ней заговорила даже буржуазия всех оттенков.

Несоответствие, в каком находилось развитие производительных сил с общим самодержавным режимом в стране, узаконившим открытую, ничем не стесняемую хищнически-эксплоататорскую политику объединенного капитала, становилось угрожающим.

Своеобразный симбиоз самодержавия и наиболее беззастенчивой части капитала делал дальнейший развал хозяй-

---

[1]) В 1916 г. мотивировка звучала так же, как и в 1903 г. „Фабрично-Заводской администрации должно быть тоже сподручней сговариваться и объясняться с представителями группы рабочих, чем с целой толпой их, часто наэлектризованной и неспособной спокойно обсудить и осмыслить общественные, близкие сторонам вопросы". Еще один штрих неспособности самой буржуазии видеть в рабочем ни индивидуальной, ни общественной личности.

ственной жизни неизбежным. Вот почему требования государственного и общественного вмешательства и контроля над промышленной деятельностью, и особенно, обслуживающей потребности войны, становились с каждым днем настойчивее.

В то время, как капиталистическая Европа давно уже перешла от частной конкуренции и экономической свободы („свободной игры экономических сил“) к системе государственного регулирования производств и потребления, в России государственному капитализму зап.-европ. типа места еще не могло быть. При всех достигнутых успехах в области концентрации промышленности, все же государственная власть еще не находилась в руках буржуазии, еще не была, подобно Зап. Европейским образцам, просто вывеской „Главного комитета“ финансового капитала. Анархия в производстве сочеталась в России с частно-монополистическим способом хозяйствования, не допускавшим вмешательства, по существу, враждебного дворянско-бюрократического класса, именующегося государственной властью.

Вопрос об овладении властью торгово-промышленной буржуазией ставился открыто. „Единение с властью“ и „примирение классов“ становились, в условиях полицейско-бюрократического режима, стеснявшего „общественную инициативу“ и самодеятельность буржуазии,—почти невозможными.

Вот почему оппозиционная буржуазия стремилась взять в свои руки регулирование и контроль над военной, главным, образом, промышленностью, создав для этого свои Военно-промышленные комитеты, принявшие характер классовых организаций буржуазии и приобревшие громадное значение в деле обслуживания войны, что заставило правительство не только терпеть эти „общественные“ организации, но и делать им уступку за уступкой.

Либеральный тон и оппозиционное фрондирование крупно-промышленного капитала, делавшего „реверансы“ перед „общественностью“, привлекало на их сторону и либерально-демократические слои интеллигенции и даже ту часть патриотически настроенных „социалистов“, которая проповедывала „защиту отечества“ и „войну до победы“.

Так создалась своеобразная социально-политическая интеллигентско-буржуазная группировка, которая известна под именем Рабочей группы при Военно-промышленном комитете, и которая так характерно окрещена именем „военно-промышленных социалистов“.

Именно эта группа („гвоздевцы“), полагавшая, что к социализму рабочий класс может притти только через власть буржуазии,—а буржуазия придет к власти только при помощи своего вмешательства и овладения гос. властью (Военно-промышленные к-ты одно из средств для этого овладения)—эта группа и являлась связью между буржуазно-промышленными кругами и еще не прозревшей от патриотической ослепленности частью рабочего класса.

Сотрудничество с отечественной империалистической буржуазией на почве „обороны“ страны, привлечение рабочих представителей в дело контроля и регулирования военной промышленности, совместно с буржуазией,—такова была программа этого своеобразного российского „военно-промышленного социализма“, которая должна была заменить невозможную в русских условиях систему „государственного капитализма“.

Идея вовлечения рабочих в сферу интересов военной промышленности под лозунгом контроля и регулирования ее самим рабочим классом, будто бы заинтересованным в ее процветании, нашла себе сочувственную поддержку среди буржуазии, понимавшей, что речь идет не столько о привлечении рабочих к участию в промышленной жизни, сколько об отвлечении их от революционного рабочего движения, развивавшегося под интернациональными лозунгами.

Этим решался вопрос о практических достижениях „военно-промышленного социализма“ в вопросах хозяйственной жизни страны. Этим же предопределялась и степень влияния этого анти-классового и контр-революционного направления на рабочую массу.

Бурная, особенно в 1916 году, политическая атмосфера не могла не отражаться на жизни фабрик и заводов, а настроения и требования фабрик и заводов не могли не переливаться далеко за пределы своих предприятий, оказывая давление на общий ход политической жизни.

Так, в процессе роста, капиталистическая фабрика все меньше становилась отдельной, изолированной единицей, со своей собственной внутренней жизнью, а становилась неотъемлемым звеном во всей социально-экономической системе, созданной эпохой объединенного капитала.

Уже та борьба, которая захватила все без исключения фабрики и заводы Петербурга в сентябре 1915 года, в связи с выборами представителей от них в военно-промышленные комитеты, является живым зеркалом, отразившим политическую физиономию этого времени [1]).

Та „политическая резервная армия", о которой говорит т. Троцкий в одной из статей этого периода, посвященной выборам в В П К, и которая поддерживала „военно-промышленных социалистов", нашла активное противодействие в сознательной и революционной части рабочего фаб.-завод. пролетариата. Громадное большинство уполномоченных фабрик и заводов на первом собрании выборщиков в Военно-промышленный к-т от выбора своих представителей отказалось и заклеймило предателями рабочих тех, кто втягивал в эту авантюру рабочих.

„Мы считаем принципиально недопустимым участие представителей пролетариата в организации, каким либо образом способствующей войне", заявили Питерские пролетарии и постановили: „если в составе Военно-пром. к-та окажутся каким-либо образом рабочие, против них, как изменников и противников воли Петроградского пролетариата, будет вестись решительная борьба" [2]).

И это революционное настроение охватывало все большие массы рабочих.

„Там в массах (я говорю о Петрограде) в настоящее время самым популярным лозунгом является не коалиция, а коренное переустройство", писал по поводу от-

---

[1]) Не имея возможности останавливаться на политической стороне развития этой борьбы, отсылаем читателя к книге „Война и социализм" ч. II („Соц.-патриотизм в России") т. Троцкого, и к книге т. Рязанова „Междунар. пролетариат и война" (Теория и практика гвоздевщины).

[2]) (Из резолюции на собрании выборщиков представителей фабрик и заводов г. Петрограда 27 сентября 1915 года).

каза участвовать в ВПК в „Нашем Голосе“ № 16 рабочий меньшевик в статье „Не забывайте уроков прошлого“.

Впрочем, „уроков прошлого“ буржуазия и „социал-патриоты“ учитывать не хотели, тем более, что уже на втором собрании уполномоченных 29 ноября после подготовительной кампании им удалось собрать незначительное большинство сторонников ВПК и избрать 10 представителей в Центр. ВПК и в Петроградский областной к-т.

Во что вылилось участие „рабочих“ в „урегулировании и контроле“ военной промышленности посредством создания рабочих групп при В.-пр. к-тах?

В начале декабря 1915 года „Рабочая Группа“ представила на утверждение инструкцию, которая задачей „Р. Г“. признавала „участие в работе Цен. В.-п к-та и его отделов в целях отстаивания наших взглядов на стоящие перед страной задачи и в целях охраны интересов труда“.

Конкретные задачи „Р. Г“. определялись как содействие мобилизации промышленности, урегулированию продовольственного вопроса, содействие организации бирж труда и профес. союзов, а также организации и охраны труда, урегулированию социального законодательства, содействие созданию рабочей кооперации и т. п.

Эта программа могла бы быть действительно программой активного и всестороннего вмешательства рабочих организаций в хозяйственную и промышленную жизнь страны, если бы в ее основе не лежал принцип „классового сотрудничества“, сводивший к нулю все усилия рабочей группы „примирить непримиримое“. Особенно ярко сказалось это положение на полном крахе всех попыток, которые предпринимались „Раб. Группой“ к разрешению конфликтов между рабочими и предпринимателями.

Личные переговоры представителей В.-п. к-тов с администрацией заводов или промышленных объединений или не давали никаких результатов, или слишком ничтожные. Так, несмотря на ходатайство, „Р. Г“., забастовавшие рабочие Адмиралтейского Судостроит. завода были уволены и отправлены на позиции. Конфликт на механическом зав. Нобеля также закончился вмешательством военных властей и

зачислением рабочих на военную службу. Попытки Ц. В.-пр. к-та войти в переговоры с Петроградским правлением О-ва Николаевских судостр. заводов и ликвидировать конфликт на Николаевском заводе „Наваль“—также ни к чему не привели. Точно так же не привело к благоприятным результатам и вмешательство „Раб. Группы“ в стачки у рабочих зав. Лесснера, требовавших повышения зараб. платы. Директор металлического завода Панков во время забастовки 22 июня 1916 года и вовсе отказался от какого бы то ни было посредничества, заявив, что ему непонятно вмешательство Воен.-пром. к-та.

Крахом кончались и другие практические мероприятия „Рабочей Группы“, направленные к урегулированию отношений между трудом и капиталом внутри военно-капиталистической фабрики. Так, еще в январе 1916 года „Рабочая Группа“ внесла проект о примирительных камерах для урегулирования конфликтов между рабочими и предпринимателями, но после ряда инстанций, через которые прошел этот проект, он был отклонен 22 марта мин. торговли Шаховским, „в виду условий военного времени и отсутствия проф. организаций“. Шаховской рекомендовал, вместо примир. камеры, институт старост, положение о котором подлежало пересмотру.

Неудачей кончались все попытки „Раб. Группы“ „содействовать профессиональным организациям“: летом 1916 года был закрыт союз печатников, а в сентябре союз металлистов, несмотря на протесты „Раб. Группы“ и обжалования в Сенат. Но если так печально кончались все попытки „участия“ рабочих в профессиональных вопросах, непосредственно касающихся условий их труда, то участие в регулировании производства и потребления и совсем сводилось к нулю. Выступления „Раб. Группы“ о порядке перехода военно-обязанных, о мобилизации промышленности, о прикреплении рабочих к фабрикам и заводам оставались безответными. Попытки урегулировать остро ставший продовольственный вопрос кончились созданием нескольких фаб.-заводских и кооперативных столовых, не внесших существенного облегчения в продовольственную нужду рабочего класса. Бес-

плодность работы „Рабочей Группы“ в значительной мере объяснялась ее весьма двусмысленным положением: бойкотируемая и лишенная опоры в лице громадной части сознательного пролетариата, она естественно не пользовалась и достаточным весом и влиянием среди торгово-промышленных и капиталистических кругов. Они использовывали рабочее представительство в качестве вывески для покрытия его авторитетом своих наиболее рискованных экспериментов и постановлений, как в области промышленной жизни, так и в области „рабочей политики“. И только.

Последнее обстоятельство, чем дальше, тем больше, выяснялось перед широкими рабочими массами. По мере развития деятельности „Раб. Группы“ усиливалась и оппозиция против них в рабочей среде. Показательным может быть такой факт: когда „Рабочая Группа“ обратилась в правление одного профессионального общества с просьбой прислать отчет о своей деятельности, ею был получен от него такой уничтожающий ответ: „Правление в принципе отрицает участие рабочего класса в ВПК. Имея перед собой совершившийся факт, что какая-то часть рабочего класса России сознательно вошла в ВПК и тем изменила принципам и узурпировала права рабочего класса, мы порицаем ту часть рабочих, которая вошла в данное учреждение, заигрывая, с одной стороны, с рабочим классом, предлагая меры полуборьбы в исключительный период, т.-е. время войны, и тем ставя рабочий класс в крайне серьезное положение,—и, с другой стороны—играя в руку буржуазии и указывая путь компромисса и ряд других полумер, которые не достигают цели и не являются радикальными мерами в защиту интересов рабочего класса“. Но теперь, когда объективно-империалистическая роль „военно-промышленных социалистов“ была разоблачена в глазах рабочего класса, от нее открестилась Петроградская группа РСДРП интернационалистов, пославшая в ВПК значительную часть членов „Рабочей Группы“.

„Оборонцы-комитетчики“,—обращалась к рабочим листовка от имени Петроградской группы РСДРП:—„попрежнему продолжают разрушать интернациональную солидарность рабо-

той в ВПК под знаменем самобытного, национального социализма... Они кощунственно прикрываются именем широких масс... Они вопреки воли и желания пролетариата, „гордо“ держат знамя империализма, знамя оборончества. Знамя же интернационализма и международной классовой солидарности ими сдано Гучкову в архив, как устаревшая и негодная ветошь“.

В заключение сообщалось, что Петроградская организация с.-д. интернационалистов постановила членов из рабочей группы отозвать и ответственность за ее работу с себя сложить, а „военно-промышленных социалистов“ объявить застрельщиками раскола в рабочей среде.

Но „Раб. Группа“ находилась настолько под гипнозом идеи „сотрудничества классов“ и социального мира с буржуазией, шедшей к власти, что она даже пошла на разрыв с рабочим классом, тем самым, впрочем, подрубив и тот тоненький сучек, на котором сидела.

В сентябрьском бюллетене № 4 „Рабочая Группа“ в своем ответе „отзовистам“ так объясняла свою позицию: „Ликвидировать практическую работу во имя чистых принципов, правильность которых еще следует доказать, было бы актом неслыханным в истории рабочего движения“ [1]).

Но „практическую“ работу „Рабочей Группы“ удалось проводить не долго. Лишенная всякого доверия рабочих масс, она не нужна была больше и буржуазии, а ее „вмешательство“ в промышленную жизнь начинало стеснять.

Арестом „Раб. Группы“ в ночь с 26 на 27 января 1917 года была завершена эта короткая, но бесславная эпопея „участия рабочих“ в сотрудничестве с империалистической буржуазией в „регулировании“ промышленной жизни страны.

Но теперь уже рабочий класс стоял на пороге исторического 17 года.

К этому времени он знал твердо:

1) что господствующие классы не в состоянии выйти из „исторического тупика“ без решительного вмешательства рабочего класса, и

---

[1]) Цитаты—по материалам и документам о Военно-Промышленных Комитетах, хранящимся в Государственном Архиве.

2) что единственно правильный и неизбежный способ вмешательства—не реформа, не „сотрудничество", а непримиримая социально-политическая борьба рабочего класса за новые формы общественных отношений,—за новые взаимоотношения между различными факторами производства.

Революция—таков был новый путь пролетариата, и на него он встал в 1917 г., подталкиваемый инстинктом самосохранения и предчувствием своей исторической роли организатора нового, целесообразного способа производства, новых общественно-экономических отношений.

Фабрично-заводские комитеты в России в эпоху революции 1917—18 г.г.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

„Конституционная фабрика" в период февральской революции.

Фабрично-заводские комитеты в борьбе за производство.

Внутренняя логика революции, развернувшейся в капиталистической стране, сразу же выдвинула лозунги и задачи, далеко выходящие за пределы капиталистического строя. Острый классовый антагонизм между трудом и капиталом, обнаженность классовых позиций воюющих сторон, бессилие капитализма в разрешении проблемы восстановления подорванного войной хозяйства и, наконец, просто инстинкт классового самосохранения,—вся историческая обстановка требовала мобилизации рабочего класса для решительного переворота в области экономических отношений.

„Правом на труд"—этой, как сказал Маркс, „первой беспомощной формулой, в которой резюмировались революционные требования пролетариата",—рабочий класс не мог ограничиться.

Кризис капитализма, обнаружившийся к концу войны, поставил буржуазию в роль дезорганизатора производства. Экономическая катастрофа, ожидавшая рабочий класс в результате неограниченного господства капиталистов в сфере

производства, грозила уничтожением и новому классу, идущему на смену буржуазии. Значит, борьба за ограничение господства капитала в его экономическом самодержавии была неизбежна. Она и явилась основным содержанием Великой Русской Революции.

„Право на труд“, говорит Маркс, определяя линию, по которой должна развиваться последовательная классовая борьба пролетариата за действительное переустройство общественно-экономических отношений: „это бессмыслица, жалкое благочестивое пожелание. За правом на труд в действительности стоит власть над капиталом,—присвоение средств производства, их подчинение ассоциированному рабочему классу, следовательно уничтожение наемного труда, капитала и их взаимного отношения“ [1]). Правильность этой гениально-простой формулы целиком подтвердилась всем ходом борьбы рабочего класса.

Задача овладения производством и историческая неизбежность захвата власти пролетариатом были ясны задолго до октября, когда обнаружилась полная необходимость замены диктатуры империализма диктатурой пролетариата.

Уже к концу 19-го века и, особенно, в начале 20-го, „эпоха промышленного либерализма“ (в России фактически почти не существовавшая) бесповоротно сменилась новым капиталистическим укладом, созданным необычайным ростом организованной силы объединенного капитала и завершенным войной, поставившей у власти самые верхние слои финансово-капиталистической буржуазии.

Создалась могучая империалистическая государственная организация, придушившая рабочий класс, лишившая его права коалиций, стачек, свободы передвижения, свободы слова и печати, прикрепившая рабочих в качестве военнообязанных к фабрике, на время усмирившая их всякими „военными“ и „чрезвычайными“ мерами.

Выходом и единственным средством самосохранения, найденным пролетариатом, была революция. И перед револю-

---

[1]) К. Маркс. Собрание соч. III. „Борьба классов во Франции“, стр. 59. Госизд., 1921 г.

цией, совершенной пролетариатом, сразу же стала задача социальная—разбить диктатуру финансового капитала, направленную против пролетариата, и на ее месте утвердить диктатуру революционного пролетариата, направленную против империалистической буржуазии.

Февральская революция внесла существенное изменение в соотношение классовых сил и создала условия грядущей пролетарской диктатуры.

В существовавшую коалицию государственной власти и капитала все более властно и решительно вторгался пролетариат, сводивший на нет хозяйскую роль капитала.

Как в области политической, пролетариат с февральской революции завоевал себе известное „равноправие", так и на фабрике он сразу же громко заявил об этом своем „равноправии" в вопросах труда и даже производства. Но и в политике, и в экономике, поскольку эти области по существу неразрывны, пролетариат не мог ограничиться „конституционными" формами. Верный своему классовому положению и историческому предназначению, рабочий класс должен был итти дальше. Революция призвана была разрушить капиталистическую производственную крепость, и ее первым орудием, ее тараном, наносящим удары по капитализму, были новые классовые боевые фабрично-заводские организации, которые создал пролетариат у себя на месте в первые моменты борьбы. Фаб.-зав. к-ты осуществили наследственные права пролетариата на производительные силы и в ходе борьбы за их сохранение и развитие утвердили производственную диктатуру пролетариата. Рабочий контроль развился в процессе революционной борьбы, как наиболее простой метод надзора за своим классовым врагом и как мера самообороны против саботажа или активного наступления сопротивляющегося капитала.

Все развитие русской революции привело фаб.-зав. комитеты именно к этой исторической роли хозяина производства на определенной ступени классовой борьбы пролетариата.

Анализ конкретной обстановки до-октябрьских событий и соотношения классовых сил целиком подтверждает эту общую схему.

Фабрично-заводские комитеты — детище революции.

Фабрично - заводские комитеты часто называют „детищем революции". И это правильно, несмотря на то, что далекие прообразы их, как мы видели, существовали столь же давно, сколь давно ведется в стенах фабричного предприятия борьба между трудом и капиталом.

Это верно потому, что их боевая революционная природа, их классовая сущность, как органов грядущей экономической диктатуры пролетариата, сказывается только во время революции.

С падением революционной волны, или, наоборот, с победой революции, эта их роль кончается. В дни реакции они почти уходят в подполье и в качестве небольших фаб.-зав. коллективов революционного или даже партийного типа, какой мы видели на предприятиях, в лице существовавших во время войны заводских комиссий, становятся конденсаторами революционной энергии рабочего класса. В дни победившей революции—они становятся активными помощниками, опорой пролетарского государства в строительстве новых форм производственной жизни, в создании новой фабрики, реорганизующейся в процессе длительного и упорного обновления в фабрику социалистическую. В эту предсоциалистическую эпоху фабзавкомы являются основной ячейкой профессиональной организации, они—скрепляющее и организующее ядро пролетарской дисциплины, они—„школа коммунизма".

Но экономически-боевая и революционная роль их начинается и кончается с той горячей полосой наиболее ожесточенной борьбы, которую мы обычно называем революцией.

Прежде, чем мы будем прослеживать роль и значение, причины и источники движения фаб.-зав. комитетов в России в период революции, остановимся бегло на тех изменениях, которые были внесены революцией в соотношения классовых сил, а также на той экономической и политической ситуации, которая сложилась после февраля 1917 г.

Уже первая революция 1905—7 г.г. выдвинула пролетариат не только, как основную движущую силу революции и

как ее субъективный фактор, но и как новый класс, обладающий, на ряду с неисчерпаемой боевой энергией—огромной, потенциальной, творчески-организующей силой. К моменту второй революции в феврале 1916 года эта сила обнаружилась в том стихийном напоре, с каким обрушился пролетариат на последние твердыни царизма.

Но поскольку пролетариатом революция была уже совершена и поскольку она даже соответствовала экономическим интересам либерально-империалистической буржуазии, освобождая ее от хищнической политики самодержавия, буржуазии оставалось только объявить совершенную пролетариатом революцию „общенациональной" и поторопиться, „в единении со всеми живыми силами", отказаться от царизма.

Этот рост и политическую зрелость рабочего класса признала буржуазия, в лице председателя октябристской Гос. Думы Родзянко, который позднее, в 1919 году, находясь уже в лагере Деникинской контр-революции, должен был констатировать, что „причиной возникновения революции в России" является ошибочная политика Гос. власти в отношении рабочего класса: „правящие классы не хотели отдавать себе отчета в том, что русский народ вырос из детской распашонки и требует иного одеяния и иного к себе отношения"[1]. Но признанием революции „общенациональной", а „силы народа"—может быть, и неприятным, но очевидным фактом—классовая борьба между искони враждебными классами не только не была уничтожена, но сразу же обострилась до невиданных размеров.

С беззаветным героизмом вышел пролетариат на улицу впереди всех против империалистических замыслов финансового капитала и против царской деспотии.

Фабрики и заводы были первыми баррикадами и очагами революционной энергии и классовой ненависти пролетариата. Здесь накоплялись боевой закал, энергия и упорство рабочих масс, вынесенные пролетариатом в февральские дни на революционную улицу. А когда царизм был побежден, и пролетариат снова вернулся на свои фабрики и за-

---

[1]) Родзянко „Гос. Дума и февральская 1917 г. революция" Р. Д. 1919 г.

воды, сюда же была перенесена и борьба. И она была и должна была быть гораздо более длительной, жестокой и упорной, чем борьба с царизмом на улицах, потому что это была борьба с новым классом, ставшим с помощью пролетариата у власти, потому что это была борьба за обладание всеми теми машинами и станками, к которым вернулся пролетариат. Но победивший пролетариат уже иными глазами смотрел на эти станки и машины, которые столько лет были орудиями его эксплоатации и подчинения. Он предъявлял на них права, как равный. Он требовал своего места и своего голоса на фабрике. Он хотел не только обеспечить себе право на труд, но и самому создавать условия своего труда. Здесь коренилось основное требование революционной „фабричной конституции“. И к нему победивший пролетариат подходил иначе, чем до сих пор: с психологией победителя, дававшей ему право считать себя равным в новой государственной организации.

Борьба была неизбежна и она, завязавшись на фабрике, с развитием революции, переносилась снова на улицу, в учреждения или организации, в орган власти или на фронт смотря по обстоятельствам.

После февральской победы пролетариат не мог вернуться к прежним до-революционным экономическим и правовым условиям своего существования. Общая неудовлетворенность рабочего класса своим экономическим положением, прежде всего, сказалась в борьбе за повышение зараб. платы. Перед революцией создалась неравномерная и несправедливая градация зараб. платы. В то время, как, например, в металлообрабатывающей промышленности (преимущественно на снарядных заводах) зараб. плата еще догоняла рост дороговизны, в других производствах она далеко отставала. К тому же и бесправие рабочего класса в момент победы казалось слишком несправедливым и требовало немедленного коренного изменения взаимоотношений труда и капитала.

Вот почему, когда Совет Рабочих Депутатов, созданный одновременно с Временным Думским Комитетом, объединившим организованную буржуазию, обратился к пролета-

риату с призывом немедленно ликвидировать забастовки и вернуться к работам, рабочий класс не мог этого сделать без прочных и немедленных гарантий удовлетворения его требований.

„В целях закрепления завоеванных позиций“, так гласило постановление Сов. Раб. Деп. от 5 марта: „и достижения дальнейших завоеваний, Совет Рабочих Депутатов, одновременно с возобновлением работ, призывает к немедленному созданию и укреплению рабочих организаций всех видов, как опорных пунктов для дальнейшей революционной борьбы за полную ликвидацию старого режима и за классовые идеалы пролетариата. Вместе с тем Совет Раб. Деп. признает необходимым одновременно с возобновлением работ приступить к разработке программы экономических требований, которые будут предложены к представлению от имени рабочего класса“,

А на заседании совета Чхеидзе, докладывая о возобновлении работ на фабриках и об организации пролетариата, поддавшись общему революционному напору рабочих масс, заявил от их имени:—„На каких условиях мы можем работать? Было бы смешно, если бы мы продолжали работу на прежних условиях. Пусть знает об этом буржуазия“.

Впрочем, и сама буржуазия понимала безнадежность упорства. Правда, вначале она еще надеялась, что дело ограничится только маленькими уступками. Еще 2 марта центр организованного капитала, в лице Совета Съездов представителей промышленности и торговли, предупреждал „весь торгово-промышленный класс Росси и все его организации о необходимости уступок и циркулярно предлагал „забыть о партийной и социальной розни и сплотиться вокруг Временного Правительства“.

Между тем, бурное стачечное движение волной прокатилось вслед за свержением самодержавия. Не было ни одного завода и фабрики, где бы сразу, немедленно, не ожидая соглашения вверху, не были бы предъявлены насущные экономические требования о повышении заработной платы, сокращении рабочего дня и т. д. Экономические конфликты с каждым днем увеличивались в количестве и услож-

нялись в обстановке развертывающейся экономической борьбы.

Все это служит мощным толчком к почти всеобщей самоорганизации масс — рабочих, крестьянских, солдатских, — спешно строющих свои организации, формулирующих накануне нового бытия свои давние требования.

В этот же момент на фабриках и заводах появляются первые бойцы, уполномоченные пролетариатом, выразители его боевого духа и революционных требований — фабрично-заводские комитеты.

Об их возникновении так рассказывают сами представители фабзавкомов на своей первой конференции 30 мая 1917 года: [1])

„В февральские и мартовские дни рабочие покинули фабрики и вышли на улицу с тем, чтобы раз навсегда покончить с многоголовым змеем царизма. Фабрики и заводы приостановились. Потом неделю, другую спустя рабочие массы вернулись на завод. Пришли и увидели здесь же, что многие из предприятий брошены администрацией на произвол судьбы". (Воронков).

„Пришлось на этих заводах приступить к работе без администрации. Но, как? И тут заводы немедленно избрали заводские комитеты, с помощью которых начала устанавливаться нормальная жизнь на фабриках и заводах". (Левин).

„Далее революция вошла в русло и потекла более спокойно. Беглецы увидели, что рабочие вовсе уж не так кровожадны... И стали возвращаться на заводы. Часть из них, совершенно ничтожную и безнадежно реакционную, рабочие не допустили к работам. Остальные были допущены, но тут же к ним представили в помощники членов заводских комитетов. И таким образом был установлен фактический контроль над всем, что делалось на заводе". (Левин).

Так пролетариат, не дожидаясь законодательной санкции, стал строить почти одновременно все свои организации:

---

[1]) См. „Первая рабочая конференция ф.-з. комитетов". П. 1917 г., издание Центр. Сов. ф.-з. комитетов.

Советы Рабочих Депутатов, Профсоюзы и фабрично-заводские комитеты.

Советы—органы пролетарской власти. При фактическом отсутствии ее у Временного Правительства, поддерживаемого рабочим классом и крестьянско-солдатскими массами „постольку-поскольку“, Петербургский Совет становился фактическим хозяином положения и органом общероссийской власти.

Профсоюзы разгромлены в период войны. Революция дала им возможность собрать свои ряды, но эта спешная организационная работа не позволяет им уделить много внимания тому, что кипит внутри фабрики.

Фабрично-заводские комитеты—в центре этого кипения. Они становятся во главе массы, подчиняясь ее революционному напору. Первая борьба их разгорелась за введение на фабриках 8-мичасового рабочего дня. Наконец, 10 и 11 марта соглашение между Исполнительным Комитетом и О-вом фабрикантов и заводчиков относительно новых условий труда состоялось. Петербургские фабриканты подписывают соглашение, заключающее признание 8-мичасового рабочего дня и созданных в первые дни революции фабрично-заводских комитетов, избираемых на широких демократических началах и обладающих большими функциями в области установления внутренних распорядков.

Но московские фабриканты проявляют больше упорства и активности в борьбе с „притязаниями рабочих“. Они выдвигают „принципиальные соображения“ против 8-мичасового рабочего дня не из „личных интересов предпринимателей, но как граждане“, принимающие во внимание „громадный недостаток ценностей в стране и потребностей в них армии и народа“. Вот почему Московский Торгово-Промышленный Комитет 14 марта постановляет: „Вопрос о 8-мичасовом рабочем дне не может быть рассматриваем, как вопрос взаимного соглашения между предпринимателями и рабочими, так как он имеет значение государственное“ [1]).

[1]) Речь Гендельмана на заседании Московского Совета от 16 марта 1917 года. (Изв. М. С. Р. Д. № 14).

Но рабочие поняли истинный смысл этих „государственных соображений“ капиталистов и почти на всех фабриках и заводах высказались за немедленное проведение 8-мичасового рабочего дня. „Если Совет решит этот вопрос отрицательно,—говорили депутаты от рабочих на Пленуме Моск. Совета 18 марта, — 8-мичасовой рабочий день будет введен революционным явочным порядком“.

Первое серьезное столкновение с буржуазией за осуществление экономических требований закончилось победой пролетариата. 8-мичасовой рабочий день был введен, по примеру Питера и Москвы, во всех городах России, где — по соглашению с фабрикантами, где--революционным явочным путем.

Одновременно же на всех фабриках и заводах России, по примеру Питера, были созданы фабрично-заводские комитеты. Первоначально призыв Петроградского Совета (от 5 марта) организовать на местах фабричные комитеты или избирать старост вызывает некоторое недоумение. Слишком ненавистен был рабочим полицейский закон о фабричных старостах, чтоб выкапывать его, да еще в момент революции. „Как мог петербургский Совет выдвинуть очередной задачей создание заводских старост? Какой смысл в них, когда имеются депутаты Совета и возможность организации проф. союзов? Правилен ли лозунг, идущий из Петрограда?“. Такие вопросы задают одесские рабочие [1]).

Но пролетарское чутье подсказывает: „да, правилен“. Нужно только, чтоб старосты или депутаты верно отражали и представляли волю своих избранников. „Святая святых“ фабрик и заводов—внутренние распорядки, куда не допускался никто, должны быть открыты для рабочих старост.

Таким образом, права и обязанности фаб.-зав. комитетов определяются на первых порах повсюду не писаными законами и даже не инструкциями, а исключительно пролетарским чутьем и революционными мотивами, идущими из глубины рабочей фабрично-заводской гущи.

---

[1]) „Рабочие старосты“, Изв. Одес. С. Р. Д., № 2—3, 19 марта 1917 г.

„Фабричная конституция“ и закон 23 апреля 1917 г.

Пролетариат — один из главных героев революции,—по выражению Милюкова, — „должен был и по господствующей теории социализма, и по практическим соображениям извлечь из классовой победы преимущества и осязательные выгоды“ [1]).

Но Гучковско - Милюковское правительство, как и их позднейшие преемники, по своей буржуазно-капиталистической природе не могли и не хотели признавать этих требований „главного героя революции“.

„Условия существования русской промышленности и военного времени,—было их неизменное объяснение,—эти выгоды вводили в очень тесные рамки“.

„Выйти из рамок охраны труда, намеченных мировым законодательством, можно было только в область утопии, в область немедленного осуществления социалистического производства“,—резюмирует взгляды буржуазии на требования рабочих тот же Милюков. Вот почему и 8-мичасовой рабочий день, и фабрично - заводские комитеты, в глазах буржуазной власти выходившие из „рамок“, встречали упорную борьбу промышленников и долго не получали законодательной санкции правительства.

Только тогда, когда оба требования были осуществлены рабочими частью явочным порядком, частью путем сепаратных соглашений с отдельными группами фабрикантов и заводчиков, Гучковско-Коноваловское правительство вынуждено было официально узаконить революционные завоевания. Насколько туго и медленно подвигалось дело социального законодательства в Отделе Труда при Министерстве Торговли и Промышленности,—рассказывает проф. Бернацкий, — в течение нескольких самых горячих революционных месяцев отдел труда, „центр тяжести которого лежал в создании новых законодательных форм, обеспечивающих свободу рабочих организаций“, мог издать только один закон о рабочих комитетах в промышленных заведениях, по-

[1]) Милюков. „История второй русской революции“, I вып.

явившийся после долгого обсуждения и торга с промышленниками.

Несмотря на всю расплывчатость и недоговоренность общих контуров закона 23 апреля 1917 г., все же основная его цель ясна: уменьшить значение и роль фабрично-заводских комитетов и ограничить рамки их полномочий.

Рассмотрим бегло наиболее характерные черты закона 23 апреля.

Прежде всего, введение фабзавкомов необязательно. Затем, закон предоставляет „взаимному соглашению сторон" устанавливать важнейше вопросы, касающиеся взаимоотношений между комитетом и администрацией, а также порядок и условия освобождения выборных от работы, места и времени выборов (п. 8). Иными словами,—закон фактически уничтожает условия свободного развития фаб.-зав. к-тов, ставя их в зависимость от усмотрения администрации.

Каковы, согласно закону, „предметы ведения рабочих комитетов?".

О них (в п. 9) говорится в самых общих чертах.

Но затушевывая вопросы взаимоотношений рабочих комитетов и предпринимателей, закон вовсе пропустил тогда уже остро стоявший вопрос об участии фаб.-зав. комитетов в вопросах найма и увольнения рабочих и об оплате времени, затрачиваемого членами фаб.-зав. комитетов.

Таким образом, закон, вместо разрешения конфликтов, создавал для них почву.

Впрочем, рабочие мало считались с писанным законом, создавая собственную конституцию у себя на фабрике, расширяя ее рамки и определяя полномочия своих представительных фабр.-заводских организаций, в зависимости от соотношения сил. Не было не только города, но более или менее крупного предприятия, где сами рабочие в „разъяснение" к закону от 23 апреля не сочинили бы собственный „Устав", „правила" или инструкции.

И здесь стихийное творчество низов корректировало и изменяло в корне все, что не мирилось с разбуженным началом рабочей самодеятельности.

Посмотрим теперь наиболее характерные проявления рабочего творчества в области установления „фабричной конституции".

Наиболее ранней и смелой по формулировке задач и по размаху можно считать „конституцию", выработанную конференцией фаб.-зав. комитетов предприятий военной промышленности г. Петрограда в апреле 1917 года, еще до издания закона 23 апреля. Наиболее интересны п.п. 5—7 этого Устава фаб.-зав. комитетов, идущего далеко впереди санкционированных законом полномочий.

„От фаб.-зав. комитета исходят все распоряжения, касающиеся внутреннего распорядка закона (как-то: нормировка рабочего времени, заработная плата, прием и увольнение рабочих, отпуски и т. п.) с уведомлением о том начальника завода или отдела".

„Все административные лица, как-то: начальники завода, начальники отделов и мастерских, все технические классные чины и все другие административные лица поступают на службу с согласия общезаводского комитета, который обязан заявления об их приеме огласить или на общем собрании всего завода, или через комитеты по мастерским".

„Общезаводской комитет имеет право отвода тех лиц из администрации, которые не могут гарантировать нормальных отношений с рабочими".

„Фаб.-зав. комитет является органом, контролирующим деятельность заводского управления в области административно-хозяйственной и технической. В целях осуществления этого предварительного контроля, фаб.-зав. комитет выделяет из своей среды представителя в административную организацию заводоуправления, в хозяйственный и технический комитеты, а также во все отделы завода, причем представителю фаб.-зав. комитета должны быть представлены для ознакомления все официальные документы заводоуправления, все сметы по производству и расходам, а также все входящие и исходящие бумаги".

Таким образом, уже в апреле 1917 года в этой „конституции" питерских рабочих, главным образом металлистов была предвосхищена идея рабочего контроля и регулиро-

вания промышленности. Так далеко в это время еще не шла ни одна „фабричная конституция“.

И московская и провинциальные попытки создания „конституции“ были скромнее ее, хотя все выходили из границ, положенных законом 23 апреля.

„Объяснительная записка“ Московского отдела труда при СРД сопровождает постатейный разбор закона 23 апреля объяснениями, как следует его толковать и практически использовывать, делает довольно подробные инструктивные указания, легшие в основу „правил“ и инструкций, разработанных в крупнейших московских предприятиях.

„Рабочий Комитет должен являться органом защиты экономических, профессиональных и культурных интересов рабочих“, говорит записка: „При слабости профессиональных организаций, рабочим комитетам придется на первых порах брать на себя руководство экономической борьбой, ведение стачек“.

Дальше – на заводский комитет возлагается задача участвовать в выработке правил внутреннего распорядка, условий найма, соблюдения санитарных правил, контроля над заводскими лавками, изыскание мер борьбы с продовольственным кризисом, улаживание конфликтов с помощью примирительной камеры и т. п. „Рабочий комитет должен быть мощной опорой профессиональной организации и Совета Рабочих Депутатов“.

Такова в общих чертах фабричная конституция московских рабочих.

Интерес представляет и своеобразная конституция печатников, известная под именем „автономных правил“.

Требование „автономии“ всегда стояло у печатников на первом месте. Мы видели, что в период революции 1905—7 годов „автономные комиссии“ в предприятиях полиграфического производства играли крупную роль, добившись раньше других прав найма и увольнения рабочих через автономные комиссии.

„Автономные правила“, утвержденные собранием уполномоченных от предприятий, формулировали права выборных четко и ясно: „Автономная комиссия является органом, за-

щищающим интересы рабочих и наблюдающим за выполнением, как рабочими, так и администрацией всех соглашений, заключенных союзом Раб. Печ. Дела и организацией владельцев печатных заведений".

К обязанностям выборных относятся: разбор конфликтов, прием и увольнение рабочих, предоставление отпусков по болезни и на летнее время, установление и наблюдение за правилами внутреннего распорядка [1]).

Интересно обратиться теперь к творчеству провинции, в общем не только не отставшей в расширении рамок „фабричной конституции", но местами опережавшей центр. Так, тезисы, предложенные на конференции фаб.-зав. комитетов г. Харькова 29 мая 1917 г., легшие в основу инструкций ряда крупнейших заводов, в определении функций фаб.-завкомов шли много дальше закона вр. правительства. Рассматривая фаб.-зав. комитеты, как основные ячейки профсоюзов и как органы защиты и представительства интересов рабочих своего предприятия, фабричная конституция харьковских рабочих возлагает на фаб.-зав. комитеты функции „органов революций" и функции местных органов проф. союза. „Фаб.-зав. к-ты, как боевые революционные единицы, должны стремиться к укреплению и упрочению всех завоеваний революции". В следующем пункте на фаб.-зав. комитеты возлагается основная задача, выдвинутая революцией: „Фаб.-зав. к-ты должны будут взять на себя охрану производства, содействие максимальной производительности своего предприятия, а также и установление надлежащего контроля над всеми частями производства". Кроме того, фаб.-зав. к-ты „должны явиться в будущем местными органами тарифного соглашения, низшей инстанцией контроля по исполнению соглашений со стороны предпринимателя или рабочего". Наконец, на фабзавкомы возлагается: разработка заработной платы, вопросы санитарии и гигиены, определение техниче-

---

[1]) „Печатное Дело", № 3, от 17 июня и № 4 от 10 июля 1917 г. „Об автономных правилах".

ских недостатков предприятия, разработка правил внутреннего распорядка, разрешение конфликтов [1]).

Такое расширение функций и полномочий фаб.-зав. к-тов г. Харькова даже казалось еще недостаточным многим делегатам на конференции, и часть их бурно протестовала против ограничения прав фаб.-зав. к-тов, которые должны, по их мнению, сразу стать хозяевами заводов. Почти одновременно (в апреле и мае) одесские рабочие вырабатывают свою „конституцию", но в противовес харьковской настолько скромную и „ограничительную", что даже закон 23 апреля, в сравнении с ней, кажется более значительным в области объема прав и полномочий.

„Соглашение о рабочих комитетах между Советом Раб. Деп. и владельцами фаб.-зав. предприятий г. Одессы" было выработано в апреле, а дополняющая „соглашение" инструкция—в мае [2]). Функции ф.-з. к-та определяются в „соглашении" так: „Ведению рабочего комитета подлежат все вопросы внутренней жизни предприятия, время и порядок работ, расценки работ, установление правил пользования учреждениями, устроенными для рабочих, а также специальные соглашения между предпринимателями и рабочими данного предприятия, разрешение недоразумений между рабочими и администрацией и т. п. (п. 2).

Но следующие пункты сводят на нет эти функции фабзавкомов:

„В решении важных вопросов предприятия, администрация участвует в равном с рабочими количестве" (п. 6).

„Председатель с совещательным голосом избирается по соглашению сторон (п. 7). А инструкция точно регламентирует обязанности фаб.-зав. к-тов и случаи, когда и что требуется доводить до сведения администрации, чтоб обошлось без ущерба для производства".

Мы не станем останавливаться на других образцах и примерах „фабричной конституции", создаваемой самим рабо-

1) Все „Положения" отпеч. в бр. Крейзеля „Из истории профдвижения Харькова в 1917 г.", изд. Южбюро ВЦСПС.

2) Проэкт соглашения напечатан в „Одес. Изв. С. Р. Д." № 6, от 8 апреля 1917 года, Инструкция—в „Изв. С. Р. Д." № 35, от 19 мая 1917 г.

чим классом в первые революционные месяцы. В общих чертах нами воспроизведены наиболее типичные и способные показать, в каком направлении рабочий класс пытался установить фабричное самоуправление.

Большей частью эти опыты выходили из границ, определенных законом 23 апреля. Если и были, как в Одессе, ограничивающие рабочих „соглашения“, то опыт революционной борьбы уже в следующие месяцы опрокидывал эти „соглашения“. Классовая борьба продолжала наростать. Капитал готовился к нападению, пролетариат ожидал новых битв.

Наростание борьбы между трудом и капиталом и первая конференция фабрично-заводских комитетов.

Первые завоевания февральской революции рабочему классу достаются сравнительно легко. Буржуазия, растерявшаяся под могучим напором революционной стихии, проявляет сначала слабую сопротивляемость. Но уже со второй половины марта она начинает энергично мобилизовать свои силы для организованного отпора, а потом и для наступления на рабочий классс. Своим идейным и организационным центром буржуазия стремится сделать безвластное и неавторитетное вр. правительство. Рабочий класс и широкие массы крестьян и солдат не верят бессильным декларациям и вынужденной революционной фразеологии правительства. Фактической властью являются Советы. Но захватившая Советы мелкая буржуазия, возглавляемая меньшевистско-эсеровским блоком, боится власти. Ее пугает размах революции, и она готова капитулировать перед буржуазией. Чем революционнее и активнее массы, тем сильнее страх буржуазных и мелко-буржуазных элементов перед революцией, и тем скорее и неизбежнее совершается их отход на сторону реакции.

Захват власти пролетариатом становится проблемой революции. Без этого захвата — требования рабочего класса останутся без осуществления, а его свобода—без реального содержания и смысла.

Борьба разгорается вокруг основного вопроса, обострившегося с революцией,—вопроса организации народного хо-

зяйства и организации труда. Особенной силы и ожесточения эта борьба достигает внутри фабрики. Организатором и выразителем боевой решимости рабочих масс становится фабрично-заводской комитет. Идейным руководителем и вдохновителем—стоящая за ним революционная партия пролетариата—социал-демократы—большевики. Вся история фабрично-заводских комитетов в 1917—18 году теснейшим образом связана с партией большевиков. И это понятно. Революционная и боевая партия пролетариата не могла оставить без влияния и руководства организации, наиболее близко связанные с самой гущей рабочего класса, творящего революцию. Лозунги и настроения, выходившие из этой гущи, получали свою формулировку, идейное содержание и организационное закрепление с помощью партии.

Самые острые моменты борьбы фабрично-заводских комитетов и, особенно, борьба за рабочий контроль, проходила под непосредственным руководством партии, осуществлявшей программу завоевания пролетариатом политической и экономической власти. Агрессивныя действия против рабочего класса открыли петербургские фабриканты, еще недавно подписавшие торжественное обещание „даровать" 8 часовой раб. день и признать фабрично-заводские комитеты. Почувствовав себя тверже, они обусловили введение 8 час. раб. дня целым рядом ограничений и, прежде всего, требованием „усиленной производительности труда" и введения сверхурочных работ. Совет Раб. Депутатов, фабрично-заводские комитеты и партия большевиков призвали рабочих сплотиться вокруг 8 час. раб. дня и ввести его без всяких ограничений.

Завязалась упорная борьба, описанием которой наполнена вся периодическая печать первых месяцев революции.

Буржуазия открыла грандиозную организованную кампанию против 8 час. раб. дня, выставляя рабочих в глазах страны и особенно армии, как мародеров и шкурников. Со страниц газет, наполненных ядом клеветы и шипением классовой ненависти, поползли слухи о немецких деньгах, продажности и шпионстве вождей, анархии и развращенности рабочих масс, ведущих к гибели страну своими „чрезмерными

требованиями". Возмущенный пролетариат и его рабочая печать мужественно разоблачали клеветников. Рабочие организации печатали цифры и факты, иллюстрирующие не понижение, а повышение трудовой энергии рабочих масс, выдвигая иные объективные причины падения производительности труда в предприятиях. Армия, по призыву рабочих, посылала своих уполномоченных и делегатов на фабрики и заводы для „проверки", и они публично на митингах и в печати констатировали правдивость рабочих объяснений.

Буржуазия на этом способе борьбы с пролетариатом была разоблачена. Тогда она пошла по другому пути — скрытого и открытого саботажа и локаута. И здесь выдвигался тот же мотив: падение производительности и убыточность предприятия.

Пользуясь структурой современного капиталистического производства, его тесной связью с национальными и международными банками и другими организациями объединенного капитала (синдикатами, трестами, различными фабрикантскими обществами и т. п.), капиталисты стали проводить широкую, хорошо продуманную систему „саботажа". В методах и средствах—начиная от бездействия фабричной администрации, от искусственного расстройства фабричной жизни, сокрытия и увоза материалов и т. п., кончая поджогом фабрик, закрытием предприятия, путем лишения его средств,—капиталисты не стеснялись.

Но всю эту грандиозную разрушительную работу капиталу нужно было представить, как результат „чрезмерных притязаний" рабочего класса, как продукт „непатриотических", „непосильных" требований пролетариата, разрушающих промышленность.

С помощью буржуазной прессы началась „обработка" общественного мнения в нужном направлении.

С другой стороны, сами промышленники развили соответствующую их планам агитацию. 10 мая на заседание коалиционного правительства явились промышленники металлургических и металлообрабатывающих предприятий, во главе с председателем Совета съездов торговли и промы-

шленности, Кутлером, и заявили правительству, что заводы дальше работать не могут, что хозяйственная разруха принимает катастрофический характер, ибо рабочие требуют непосильного увеличения заработной платы. В ответ на возражения Скобелева, указывавшего на справедливость требований рабочих в области зараб. платы, промышленники уклончиво ответили, что предлагаемые министерством труда меры „осуществимы лишь в более или менее отдаленном будущем".

Еще более потрясающую картину разрушения революцией „отечественной индустрии" нарисовал Кутлер на съезде партии к.-д., выставляя главной причиной хозяйственного развала—„анархию и непомерные требования рабочих".

С такой же яростной филиппикой по адресу рабочего класса выступил накануне своей отставки м-р торговли и промышленности Коновалов на съезде военно-промышленных комитетов. Указав, что формы предъявления требований рабочих принимают все более нетерпимый и недопустимый характер, он заявил что „государство не может взять на себя обязательство представить рабочему классу исключительно-привилегированное положение за счет всего населения".

Рабочий класс системе этой провокации, лжи, саботажа и локаута противопоставил свои методы пролетарской борьбы. С первых чисел мая разливается в стране огромное стачечное движение. Особенной силы и ожесточенности эта борьба достигла в Донбассе.

К 23 мая готовился протестовать всеобщей забастовкой и питерский пролетариат, но забастовка не состоялась.

Вот в такой обстановке наростающей борьбы между трудом и капиталом возникла в гуще самой рабочей массы мысль о созыве 30 мая первой общегородской конференции фаб.-зав. комитетов г. Петрограда.

Эта историческая конференция имела такое большое значение и в истории борьбы за фабричную конституцию и в истории русской революции вообще, что на ней нужно остановиться.

Это был настоящий рабочий парламент, собравшийся в том самом зале Таврического Дворца, где только 3 месяца

тому назад заседал буржуазно-помещичий парламент—Государственная Дума.

Вместо длинных и витиеватых речей думских буржуазных парламентариев, здесь раздавались искренние, простые, из глубины идущие, большей частью, короткие реплики депутатов, только что оставивших станки и машины, чтоб высказать впервые всенародно все свои классовые и человеческие обиды и нужды. Но не только для этого. Перед конференцией стояла важная историческая задача „внести порядок в производственную разруху и предотвратить промышленную катастрофу".

Уже организационное Бюро по созыву конференции определило, кто и как мог эту задачу выполнить:

„Те, кто стоят у рабочих станков, должны спасти Россию".

„Только вмешательством пролетариата в хозяйственную жизнь России можно спасти революцию от гибели".

Таков был неизбежный вывод, к которому сами рабочие массы пришли в процессе ожесточенной борьбы с буржуазией и ее разрушительной политикой.

Ни мероприятия правительства, ни старые формы пролетарской борьбы не были в настоящих условиях достаточными.

„Рабочее движение во время революции выдвинуло новые формы организации — фабрично-заводские комитеты. Этим самым рабочее движение вышло из старых рамок и вступило на совершенно новый путь. Заводские комитеты волей-неволей поставлены в необходимость вмешиваться в хозяйственную жизнь своих заводов, иначе фабрики и заводы уже давно приостановились бы" [1]) — так изображает процесс расширения прав фаб.-зав. к-тов и вмешательство их в процесс производства один депутат конференции.

Впервые определяется историческая роль и значение фабрично-заводских комитетов, как понимает их сама рабочая масса.

„В настоящее время,—говорит депутат Немцов (металл.),—на всех заводах царствует произвол. Дело завода находится

---

[1]) Первая рабочая конференция фаб.-зав. комитетов, изд. Ц. С. Ф. З. К. Петроград, 1917 г.

в руках одной высшей администрации, а нужно ввести выборное начало. Для оценки работ—расценочные комиссии, а не единоличные решения мастеров. Введя выборное начало, можно контролировать производство“.

„Мы должны производство из хаоса привести в порядок,—еще определеннее формулирует новые задачи деп. Наумов,—укрепив себя в производстве, взяв в свои руки контроль, мы практически научимся работать активно в самом производстве и организованным путем приведем его к будущему социалистическому производству“.

В этих еще робко нащупываемых задачах, как их понимают внизу,—в фабрично-заводской гуще,—сами рабочие, уже впервые вырисовывается основная задача революции—организация рабочего контроля и завоевание будущей социалистической фабрики.

Что фабрично-заводские комитеты—орудия борьбы на пути к этим завоеваниям, конференция также уже отчетливо понимает. Она дружно реагирует против речи министра труда Скобелева, заявляющего, что „роль фабрично-заводских комитетов закончилась“, и что, поскольку мы переживаем буржуазную революцию, постольку должны итти на соглашение с буржуазией.

Не находит среди депутатов отклика и речь одного из создателей и организаторов профессионального движения в России, т. Рязанова, указывающего, что „хозяйственные функции фабзавкомов эфемерны“, что „фабричные комитеты должны быть первичными ячейками профсоюзов“. Депутаты горячо возражают: „Превратить их в отделения союзов еще рано,—говорит деп. Наумов,—перед ф.-з. комитетами стоят специальные задачи по упорядочению хозяйственной жизни на заводе и по осуществлению контроля, которых профсоюзы еще не могут касаться. Необходимо существование фабрично-заводских комитетов не только для профессиональной защиты, но как опорной базы пролетарского движения“.

Ту же революционную и боевую роль фабричных комитетов еще подчеркивает другой депутат Животов: „Фабрично-заводские комитеты это база расширения и укрепления ре-

волюции... Рабочий контроль—это контр-атака со стороны рабочего класса против буржуазии. Рабочие укрепили свои передовые позиции, создав фабзавкомы, и повели с этих позиций экономическую борьбу с буржуазией. При помощи завкомов рабочие добьются, что капиталисты отступят".

Такова единодушная оценка задач и роли новых рабочих фабрично-заводских организаций. Резолюция по докладу о фабрично-заводских комитетах резюмирует выводы, сделанные рабочими ораторами: „Фаб. зав. комитеты — боевые хозяйственные организации на местах, состоящие из всех рабочих предприятий". Они избираются по принципу широкой демократии и коллегиально управляются. Они направлены для защиты экономических нужд и для создания новых условий труда. Их взаимоотношения с профсоюзами, как родственными пролетарскими организациями, должны быть отношениями тесной дружбы и делового контакта".

Так была разрешена историческая задача, стоявшая столько времени перед пролетариатом,—завоевание фабричной конституции. Но она немыслима без активного творческого вмешательства пролетариата в хозяйственную жизнь страны. И в результате борьбы двух столкнувшихся на конференции течений в рабочей среде — большевистского, защищаемого Зиновьевым и Лениным, и меньшевистского, защищаемого Авиловым и Череваниным, конференция приходит к разрешению вопроса о введении контроля над производством и распределением. На некоторых моментах и на значении этого решения мы остановимся ниже, при анализе хода борьбы за рабочий контроль, а сейчас подчеркнем, что к рабочему контролю уже первая конференция подошла вплотную и не могла не подойти, точно так же, как не могла не подойти к другому кардинальному вопросу революции— захвату власти рабочим классом. Переход власти в руки Советов Рабочих Депутатов — это был единственный путь, по которому мог пойти пролетариат, провозгласивший себя только что хозяином и творцом нового хозяйственного строя, объявивший себя борцом за социалистическую фабрику.

В истории пролетарской революции в России первая конференция фабрично-заводских комитетов должна занять почетное место. Она предопределила весь дальнейший ход революции, показала, что петербургский, а за ним и весь остальной пролетариат идет за большевиками, что лозунги социальной революции пролетариат готов защищать в борьбе с буржуазией до решительной победы.

Из 421 депутата за резолюцию т.т. Ленина и Зиновьева, явившихся идейными руководителями и вдохновителями конференции, голосовало 335 человек. Эта громадная часть конференции решила и судьбу избранного на конференции центрального Совета фабрично-заводских комитетов: передала руководство большевикам. С этого момента Центральный Совет фабрично-заводских комитетов становится самым популярным и боевым органом пролетариата, неуклонно проводившим линию, намеченную первой конференцией и руководившим борьбой рабочего класса за рабочий контроль и за власть Советов.

Подобно тому, как питерскому Совету Рабочих Депутатов пришлось играть роль Всероссийского Центра политической борьбы, так и центральному Совету фабрично-заводских комитетов г. Петрограда пришлось играть для всей России роль всероссийского центрального органа экономической борьбы пролетариата.

Советы фабрично-заводских комитетов в остальных городах России были созданы значительно позже, почти накануне Всероссийской конференции фабзавкомов, происходившей перед самым октябрьским переворотом.

Намеченные конференцией мероприятия в области рабочего контроля и регулирования производства, в области борьбы с безработицей, организации Бирж Труда, кооперации, демобилизации промышленности — были включены в программу действий всех фабрично-заводских комитетов России.

Разрозненная до сих пор борьба пролетариата в области фабричной конституции впервые получила свое идейное и организационное направление на исторической конференции фабзавкомов Петрограда.

Поход против фабрично-заводских комитетов и борьба за их права.

В мае капитал дал сигнал для перехода в наступление против завоеваний рабочего класса. Выступление промышленников на заседании у премьер-министра Львова 11 мая, речь Коновалова на съезде Военно-промышленных комитетов, дебаты на конференции промышленников в Донбассе имели, в сущности, одну явно выраженную цель: представить перед лицом всей страны рабочих, как „врагов родины", как разрушителей промышленности, как забывших всякие границы шкурников, не допускающих и мысли о „самоограничении".

Правительство, послушное в руках воинствующего капитала, официально заявляло об этом на каждом Всероссийском совещании, конференции или съезде. И особенно яркими были подобного рода „обвинения" из уст министров-„социалистов", не устававших призывать рабочий класс к „политике жертв и самоограничений".

„Вся трудность,—говорил на первом съезде Советов Пешехонов в докладе по продовольственному вопросу,—заключается не в преодолении сопротивления буржуазии, которая во всем уступает, а в преодолении психологии трудящихся масс, которые надо призвать к самому напряженному труду, лишениям и отказу от довольства, к необходимым жертвам".

Попытки министерства труда согласовать каким-либо образом интересы рабочих с интересами фабрикантов кончались неудачами. Гвоздев тщетно пытался под двойной угрозой забастовок рабочих и локаутов промышленников придумать какую-нибудь „объединительную платформу". Все проекты м-ва труда под давлением капиталистов неизменно кончались новыми воззваниями к рабочим, рекомендующими жертвы, напряженную работу и „самоограничения".

В своем обращении к рабочим от 27 июня Скобелев писал:

„Вопреки всем возможностям, не считаясь с состоянием предприятий, в которых вы работаете, и во вред классовому движению пролетариата, вы иногда добиваетесь такого увеличения заработной платы, которое дезорганизует промышленность и истощает казну. Помните не только о

своих правах, но и обязанностях, не только о желаниях, но и о возможностях их удовлетворения, не только о своем благе, но и о жертвах".

Этот контр-революционный нажим, с одной стороны, и все усиливающаяся разруха в промышленности—с другой, вынудили Центральный комитет большевиков и Центральное бюро фабрично-заводских комитетов обратиться с призывом к пролетариату—мирной манифестацией 10 июня показать буржуазии свою готовность к борьбе. „Долой анархию в промышленности и локаут капиталистов", „Да здравствует контроль над производством и организация промышленности"—под такими лозунгами предполагалось это настоятельно требуемое массами выступление рабочих. Но происходивший в это время съезд Советов, руководимый испуганными размахом революции меньшевиками и эсерами, отменил эту манифестацию и назначил под давлением пролетариата новую—на 18 июня. В этот же день Керенский повел рабоче-крестьянские батальоны в наступление, давая возможность праздновать империалистической буржуазии решительную победу над пролетариатом.

С этого фактически момента и начинается уже уверенное и энергичное наступление контр-революции по всему фронту.

3 июля было стихийным выражением протеста всей рабочей массы против наступающей реакции и против жалкого в своем бессилии соглашательского Совета, боящегося власти. Насколько огромно и стихийно было в эти дни требование рабочего класса стать на путь решительной борьбы с буржуазией и взять власть в руки Советов свидетельствует одна характерная сценка из июльских событий, рассказанная Сухановым в его „Записках о революции: „На заседание Питерского Совета вошла группа вооруженных рабочих. Один из них, путиловец, перед самым носом Чхеидзе выскочил с винтовкой на ораторскую трибуну и гневно закричал: „Долго ли нам, рабочим, терпеть предательство? Вы собрались тут, рассуждаете, заключаете сделки с буржуазией. Так знайте, рабочий больше не потерпит. Нас тут, путиловцев, 30 тысяч. Мы добьемся своей воли. **Никакой чтобы буржуазии. Вся власть Советам!**"—

„Перед лицом враждебных вождей демократии,—прибавляет Суханов,—в муках и гневе он выразил протест и волю подлинных пролетарских низов".

Июльские дни сыграли в развитии борьбы рабочего класса за социалистический переворот двоякую роль. С одной стороны, ободренная неудачей выступления рабочих, буржуазия делается смелой и решительной в своем наступлении на рабочий класс. Капиталисты организуются, создавая свои крупнейшие классовые объединения и выдвигая ряд требований, будто бы для спасения гибнущего народного хозяйства, а на самом деле для закрепления своего хозяйского самодержавия в промышленных предприятиях. С другой стороны, июльские дни освобождают пролетариат от каких бы то ни было иллюзий насчет „классового мира" и сотрудничества с буржуазией и ставят перед ним решительную задачу борьбы за переход в руки рабочих всей власти и всех фабрик.

Первый серьезный бой, который завязался между промышленниками и фаб.-зав. комитетами, был бой за право найма и увольнения рабочих через заводские к-ты. Уже 8 июля „Торгово-промышленная газета" опубликовывает „программу-максимум" в вопросе о регулировании заработной платы, которая, по мнению промышленников, могла бы „смягчить угрожающие последствия беспорядочного движения за повышение зараб. платы". Меры эти, сводящиеся к законодательному признанию локаутов, в основном сводились к тому, чтобы устранить рабочие организации от какого бы то ни было вмешательства в „хозяйские дела".

Еще более решительные попытки делают капиталисты для устранения „рабочего вмешательства" в области военной промышленности.

Военно-промышленные комитеты опубликовывают проект „Особого совещания по обороне государства", предусматривающий назначение, вместо свободно избранных комитетов, особых уполномоченных с широкими правами и компетенцией [1]). На них возложены урегулирование взаимоотноше-

[1]) „Известия Цент. Воен.-Пром. Ком.", № 49 от 29 июля.

ний между рабочими и администрацией, установление оплаты труда, прием и увольнение рабочих, и даже дано право для охранения „порядка“ прибегать „к содействию военной силы“.

Этот бюрократический проект, направленный на уничтожение рабочей самодеятельности, вызвал горячий протест со стороны рабочих. „Проект—это своего рода третьеиюньский переворот, упраздняющий фабричную конституцию,—писал орган печатников „Печатное Дело“.—Земские начальники, проектированные для каждой фабрики, мундирные специалисты по рабочему вопросу, которых хотят поставить во главе производства,—что может быть грандиознее по контр-революционности замысла?..“ [1]).

Почти в это же время начинается и поход против рабочих комитетов на железной дороге. Помощник морского министра Кукель в заседании Экономического Совета от 3 августа предлагает объявить железные дороги на военном положении, назначить полномочных комиссаров и предоставить им право распускать жел.-дор. к-ты. На заседании от 10 августа московского совещания общественных деятелей докладчик Родионов, рисуя катастрофическое состояние жел.-дорожного транспорта, указывает, что жел.-дорожные комитеты были прямой причиной падения производительности и дезорганизации на транспорте. Выступающий по докладу Родионова оппонент, инженер наук, иллюстрируя выводы докладчика, делает такого рода расчет о чрезвычайной обременительности железных дорог „комитетами“. „По анкете, которую произвели на съезде начальников железных дорог, на 37 дорогах взято для участия в комитетах 5.531 человек. Эти лица совершенно освобождены от несения всякой службы. Если считать, что каждый из них получает в среднем 2.000 рублей (минимум), то это удовольствие обойдется государству в 11 мил. руб. Это на 37 дорогах. А таких дорог больше 60-ти...“ [2]).

---

[1]) „Печатное Дело“, № 7 от 18 августа 1917 г., статья „Щупают почву“.

[2]) „Отчет о московском совещании обществ. деятелей 8—10 августа 1917 г.“, стр. 124 и стр. 63.

Теоретическое и принципиальное обоснование выводов, которые делались на основании подобных математических расчетов, на „совещании общественных деятелей“ дает „экономист“ Струве в докладе об экономическом положении страны. „Так же, как в области военного уклада устранение офицеров солдатами есть разрушение армии, ибо означает несовместимое с бытием армии санкционирование в ней права бунта, так же и в экономической области замена власти предпринимателя над предприятием управлением рабочих есть разрушение нормального уклада хозяйственной жизни всякого предприятия. Мыслимы различные переходные формы к конституционному устройству фабрики, но конституционное устройство может состоять лишь в очень сложной системе компромиссов, постоянно осуществляемых компромиссов и ни в каком случае не может быть захватом и диктатурой. Самая идея конституции в хозяйственном деле и в политике идее захвата в корне противоречит. Всякая конституция основана на соглашении, на компромиссе и тем самым на признании прав“.

Впрочем, эти теоретические рассуждения буржуазного идеолога-экономиста в сознании и в действии „торгово-промышленных классов“ получали более резкую и определенную формулировку, данную Рябушинским на Торгово-промышленном съезде в Москве.

„Быть может,—заявил откровенно „вождь“ буржуазии,— для выхода из положения потребуется костлявая рука голода, народная нищета, которая схватила бы за горло лжедрузей народа, демократические советы и комитеты“.

Таковы были в общих чертах предварительные атаки капитала против „фабричной конституции“, как ее понимал не „теоретик“ Струве, а пролетариат, добывающий каждый шаг в этой области ценою борьбы и жертв.

Московское государственное совещание рукопожатием Бубликова и Церетели, заключавшее сделку мелкой буржуазии с капиталом против пролетариата, дало начавшемуся походу капиталистов фактическую санкцию.

Правда, пролетариат пробует протестовать и бороться. Большинство рабочих района Москвы энергично протестует

против „Московского своза мертвецов“ и встречает 12 августа —открытие Государ. Совещания—всеобщей забастовкой, объявленной вопреки постановлению соглашательского Московского Совета [1]). Контр-революционный замысел совещания пролетариату был ясен уже из этой предшествующей ему подготовки, но еще яснее он обнаружился в самом ходе работ совещания.

„Всем стало ясно,—рассказывает на пленуме Моск. Совета делегат от рабочих о работах Гос. Совещания,—что дело не в промахах и ошибках, а в том, что организации пролетариата на фронте и в тылу мешают обуздать демократию, если не уничтожить, то, по возможности, уменьшить и ослабить ее. Дело заключается не только в Советах и комитетах, но буржуазия стремится усадить на скамью подсудимых весь рабочий класс“ (Стеногр. отчет от 18 августа).

Подготовительная кампания, проведенная буржуазией, санкционированная коалиционным правительством, после совещания развернулась сплошным контр-революционным потоком.

Борьбой руководили сильные фабрикантские объединения, открывшие жестокую кампанию против „рабочего анархизма“ и „безумных социальных экспериментов“, на которые „провоцирует большевистская демагогия“, пускающая в ход „презренные, окровавленные деньги из мутных германских источников“ (таков „стиль“ почти всех буржуазных газет, вкупе с „социалистическими“, открывших клеветническую кампанию).

По сигналу Петроградского и Московского обществ фабрикантов и заводчиков война против „вмешательства заводских комитетов в дела предприятий“, а потом и против самого их существования была перенесена во все концы России.

Рабочие защищали органы своего представительства с непоколебимой революционной настойчивостью.

---

[1]) Отношение фаб.-зав. пролетариата бурно выявилось в докладах с мест на заседании Моск. Совета 11 августа см. „Стенограмма соед. засед. С. Р. и С. Деп.“ 1 и 11 августа прилож. к „Изв. М. С. Р. Д.“, № 158.

Капиталисты категорически заявляли, что „дальнейшее существование промышленности возможно лишь в том случае, если прием и увольнение служащих и рабочих будет составлять исключительное право предпринимателей“ (из резолюции южной конференции промышленников 25 сентября).

Уральские промышленники заявили министру торговли и промышленности, что „никаких комитетов и камер ни одно правление завода признавать не будет, что оно является хозяином завода, поэтому, что хочет, то и делает. Что же касается государственного и общественного контроля, то промышленники никакого контроля не признавали и признавать не будут“.

Подобные же заявления делают металлургические заводчики, союз бакинских нефтепромышленников, союз объединенной текстильной промышленности центрального промышленного района, углепромышленники юга России и все остальные организации объединенного капитала.

В августе 1917 г. Петроград. О-во заводчиков и фабрикантов созывает Всероссийскую конференцию предпринимательских организаций, которая создает Всероссийский Союз О-ва Зав. и Фабр. с целью „защиты своих интересов“. Съезд потребовал прежде всего, „чтобы союз выработал руководящие указания для устранения вмешательства фабр.-завод. комитетов в компетенцию заводоуправлений“ (речь председателя конференции Быманова).

Этот организованный всероссийский поход капитала против фабр.-завод. комитетов был поддержан и „социалистическим“ министром труда Скобелевым.

Один из „скобелевских циркуляров“ от 28 августа запрещает заседания заводских комитетов в рабочее время, мотивируя необходимостью „посвятить все силы напряженному труду, не теряя ни минуты рабочего времени“.

Управлению завода циркуляр предоставляет право „производить с рабочих вычеты за пропуск соответствующего рабочего времени“.

Этот циркуляр, составленный из громких „патриотических“ фраз, был опубликован в тот момент, когда Корнилов

двигался на Петроград, и когда рабочие „грозно встали на защиту революции, не считаясь с тем, происходит ли это в рабочее время или в нерабочее“. — „Что это“, спрашивает „Новый Путь“ — орган центр. совета фабр.-завод. к-тов, „бестактность или вызов?..“ [1]).

Другой циркуляр Скобелева еще определеннее и резче подчеркивает, что „циркуляры“ были не только „вызовом“, но и прямым походом на революционные завоевания рабочего класса.

Он запрещает под страхом „законной ответственности в общем порядке“ вмешиваться фаб.-зав. к-там в вопросы найма и увольнения, предоставляя это право исключительно владельцам предприятий, „если по взаимному соглашению не установлен иной порядок приема и увольнения“ (п. 2).

„Насильственные меры со стороны рабочих в целях увольнения или приема тех или иных лиц являются деяниями, уголовно наказуемыми“, гласит последний (5) пункт циркуляра, предлагающего, в заключение, широко оповестить об этом рабочих и служащих всех предприятий.

Как могли истолковывать подобного рода „циркуляры“ промышленники на местах, свидетельствует то обстоятельство, что даже уже признанные до этого уставы фабр. зав. к-тов и коллективные договоры, включающие права завкомов, очень часто игнорировались и нарушались „на основании закона“.

Так, например, на собрании одесских промышленников, заводчики отклонили уже фактически признанный ими устав, называя его „пустой фантазией“. А наиболее непримиримый представитель капитала Гутник объявил, что устав фабр.-завод. комитетов неприемлем, так как „противоречит постановлениям Времен. правительства“. В случае насильственного применения устава, оратор предложил телеграфировать в министерство торговли и промышленности, труда и внутренних дел, а также сообщить об этом союзу фабрикантов и заводчиков.

---

[1]) „Новый Путь“, 15 октября 1917 г., № 1—2: „К походу на завод. комит“.

Резолюция, предложенная Проюгом, заявляла, что „рабочий класс, не встречая никаких препятствий в своих экономических завоеваниях, перешел предел, за которым начинается разрушение и уничтожение промышленности“ [1].

Сентябрьское же объединенное собрание всех одесских промышленников, чувствуя под ногами совсем прочную почву, вынесло резолюцию еще более резкую и категорическую против „вторжения рабочих в сферу хозяйственных и технических распоряжений предпринимателя“.

„Катастрофическое положение страны“, гласит резолюция, „требует всемерного увеличения производительности труда“, и в этих целях считает необходимым: 1) замену поденной платы сдельной, 2) наем и увольнение администрацией без вмешательства комитета, 3) деятельность заводских комитетов ввести в рамки отведенных им по закону прав, 4) собрание рабочих и их комитетов в нерабочее время, 5) оплату заводских комитетов самими рабочими“ [2].

В заключение резолюция предлагает установить не только моральную, но и материальную ответственность за нарушение промышленниками этой резолюции.

Еще более характерным является „ультиматум“, предъявленный капиталистами Богословского горнозаводского округа (на Урале) забастовавшим рабочим.

„Ультиматум“ требовал полного восстановления неограниченной власти предпринимателя в предприятии: право найма и увольнения составляет неотъемлемое и исключительное право владельцев, внутренние распорядки устанавливает управление завода, восстанавливается право наложения штрафов и взысканий, до увольнения включительно, за нарушение правил внутреннего распорядка. Комитет устраняется от всякого надзора за производством и не оплачивается. Порядок и время сношений с комитетом устанавливаются заводоуправлением. В случае невыполне-

---

[1]) „Известия Од. С. Р. Д.“, № 118, 28 августа 1917 г.: „Анкеты одесских промышленников“.

[2]) „Южный Профессиональный Вестник“, № 2, сентябрь 1917 г.

ния или нарушений этих „правил“ Надеждинский завод закрывается, и рабочие увольняются [1]).

Как реагировали рабочие массы на этот открытый поход капитала?

Они приняли вызов и ответили дружными и продолжительными забастовками.

Забастовки кожевников Московской губ., текстильщиков Моск.-Пром. района, металлистов Петрограда, печатников Москвы и Питера, нефтяных рабочих в Баку, горняков в Донбассе,— все это наиболее яркие эпизоды и отдельные схватки в общей героической борьбе, которую вел до самой октябрьской революции весь рабочий класс. В этой борьбе характерна одна общая черта: фабриканты шли на уступки, давая прибавки, но категорически отказывались признать права фабр.-завод. комитетов.

Бастующие рабочие предъявляли требования и до конца отстаивали не столько повышение заработной платы, сколько признание прав их представительных фабр.-заводских организаций.

У нас нет возможности, в рамках нашей работы, проследить все этапы и детали этого „огромного Всероссийского конфликта между трудом и капиталом“, который в естественном и неизбежном ходе привел пролетариат к Октябрьскому захвату власти политической и экономической. Но на отдельных участках единого фронта борьбы за „фабричную конституцию“ мы эти боевые схватки пролетариата попытаемся проследить.

Наиболее значительным и упорным было столкновение рабочих и фабрикантов кожевенной промышленности Московского района.

Еще 5—9 июня в Петрограде был утвержден общий для всех кожевников тарифный договор, устанавливающий одинаковые условия труда.

Петроградский союз организованным наступлением на предпринимателей заставил их признать требования рабочих. Московские кожевенные промышленники оказались

---

[1]) „Металлист“, от 17 августа 1917 г.

менее сговорчивыми и категорически отказались принять тарифный договор и особенно пункт, гласящий об участии фабрично-заводских комитетов в вопросах найма и увольнения рабочих.

После тщетных попыток сговориться, рабочие кожевники 16 августа забастовали.

Борьба продолжалась два с половиной месяца с необыкновенной стойкостью и при единодушной поддержке всего российского пролетариата, отозвавшегося на стачку кожевников и материальной и моральной помощью. Весь рабочий класс с напряжением следил за развитием борьбы кожевников, ибо победа московских рабочих открывала новую фазу в экономической борьбе всего российского пролетариата и должна была послужить поводом повсеместного введения этого важного революционного завоевания — права на участие рабочих организаций при найме и увольнении. Точно так же оценивал значение победы кожевников в этом вопросе и весь организованный капитал и мобилизовал для борьбы все свои силы, оказывая огромную поддержку кожевенным промышленникам, возмещая их убытки и т. п. Вмешательство Временного Правительства и „примирительные“ потуги м-ва труда ни к чему не приводили и разбивались об упорство локаутчиков-фабрикантов.

Стачка проходила с огромным подъемом и отличалась необыкновенной организованностью. Фабрично-заводские комитеты, превратившиеся в стачечные комитеты, руководили борьбой, информируя и подбодряя рабочих, собирая пожертвования, выдавая пособия и организуя, таким образом, рабочие массы для дальнейшей борьбы.

Центральный Комитет рабочих кожевенного производства обратился с воззванием ко всему российскому пролетариату, прося его поддержки стачечникам, начавшим борьбу с организованным капиталом в тяжелый момент Корниловщины и повсеместного наступления капитала [1]).

---

[1]) „Голос Кожевника“, № 2—3, от 7 октября 1917 г. Хроника московской стачки и ее развитие, см. „Голос Кожевника“ № 2—3 и № 4—5.

И не было ни одной группы рабочих в самых отдаленных углах России, которая не откликнулась бы на призыв о помощи.

Но стачка зашла в тупик и требовала перехода от мирных методов стачечной борьбы к более решительным. Переломным моментом было делегатское собрание кожевенных предприятий Москвы с фабрично-заводскими комитетами 16 октября, на котором был заслушан доклад о ходе переговоров с промышленниками. Делегаты требовали активных действий и высказывались за немедленный секвестр фабрик и заводов, не удовлетворявших требования рабочих.

В резолюции, принятой на конференции, указывалось, что „рабочие не могли и не имели права отказаться от своего основного права—участия заводских комитетов при увольнении рабочих“, но шли на все возможные уступки и принимали все предложения, которые делал обоим сторонам министр труда, промышленники же от них отказывались; что промышленники издевались над рабочими, отказываясь от соглашения, на которое они за 4 дня до этого уже принципиально шли. Поэтому конференция фабр.-завод. комитетов постановила: 1) продолжать забастовку до победы, 2) не вступать в переговоры с о-вом фабрикантов и заводчиков, пока оно не выскажет своего определенного согласия удовлетворить требования рабочих, 3) обратиться в Совет Раб. Деп. и Центральное Бюро проф. союзов, чтоб они немедленно потребовали от правительства декрета о праве участия заводских комитетов в увольнении рабочих и служащих и об удовлетворении требований кожевников, которые даже министр труда признал справедливыми“.

Далее резолюция указывает на политический характер конфликта с предпринимателями, опиравшимися на контрреволюционные Корниловские войска, с целью разбить рабочий класс по частям и привести революцию к гибели. „Вследствие этого соображения, собрание требует: 1) передачи всей власти в руки Советов, 2) немедленного секвестра тех предприятий, где не состоялось соглашение рабочих с

предпринимателями, 3) установления судебной ответственности промышленников за неправильное и вопреки интересам страны ведение своих предприятий. В случае,—заявляли решительно делегаты в своей резолюции: — „если мин-ва Труда, Военное и Торговли и Промышленности не примут мер к улаживанию конфликта до 18-го, то мы требуем через Совет Раб. Деп. секвестра фабрик и заводов, не заключивших коллективного договора. После 18-го заводские комитеты немедленно приступают к практическим мерам для подготовки секвестра, как-то: описывают товары, машины и т. п.“.

Эта решительная боевая позиция, на которую встали кожевники под конец стачки, заставила отдельных фабрикантов, работающих на частный рынок и терпящих большие убытки, пойти на сепаратные переговоры. В процессе борьбы от сплоченного до тех пор союза предпринимателей откололась сначала секция по выработке мелких кож, а потом брезентовщики и обувщики. Во избежание распада О - во промышленников вынуждено было пойти на уступки рабочим.

Итоги и значение этой знаменательной в истории фаб.-зав. комитетов стачки „Голос Кожевника“ оценивает так: „До сих пор борьба рабочих, при отсутствии требований принципиальных и правовых, кончалась неудачей. Основным требованием бастовавших кожевников было требование правового характера—права участия заводского комитета при найме. Эта стачка показала, что для организованного и стойкого в борьбе пролетариата нет преград и препятствий, которые он не мог бы преодолеть“ [1]).

Почти одновременно с кожевниками, такая же борьба за признание фаб.-зав. комитетов и за их права ведется рабочими и других производств.

С 1 августа перешли в наступление против второго тарифного договора, оговаривающего признание автономных комиссий, владельцы московских и петроградских типографий. Они спешно начали организоваться, образовали стра-

---

[1]) „Голос Кожевника“ № 4—5. „К московской стачке“.

ховой фонд на случай стачек, составили „черные списки“ квалифицированных рабочих, оставивших работу из-за тарифа. Союз печатников разоблачил политику локаута своих предпринимателей и заявил от имени всех печатников, что вызов рабочие принимают и готовы в бою с капиталом отстаивать свои права. О-во заводчиков и фабрикантов категорически запретило „типографскому отделу“ своего союза принимать „автономные правила“ и на заседании междуведомственного совещания с участием министра труда заявило, что промышленники готовы итти на уступки в вопросах заработной платы, но категорически против „автономных правил“, которые должны быть „сокращены на девять десятых“. Одновременно совещание высказалось против названия „автономных комиссий“, считая его социалистическим [1]).

Печатники ответили на ограничение их права на самоуправление дружной забастовкой и при поддержке проф. союза добились удовлетворения значительной части своих требований.

Гораздо более упорную и длительную борьбу пришлось выдержать текстильщикам Московского Центрального района. Союз объединенной текстильной промышленности категорически отказался итти на уступки, борясь путем локаута и саботажа с рабочими, требовавшими облегчения тяжелых условий труда и признания за заводскими комитетами права найма и увольнения. Особенной организованностью и боевой решимостью отличалась стачка текстильщиков Иваново-Кинешемской промышленной области, затянувшаяся до самого октябрьского переворота [2]).

И в ходе упорной борьбы с фабрикантами текстильщики пришли к такому же революционному выводу, как и кожевники. 9 октября делегатское собрание совместно с фабрично-заводскими комитетами всех текстильных предприя-

---

[1]) См. ход тарифных переговоров печатников в жур. „Печатное Дело“ № 7—8 август—сентябрь 1917 г.

[2]) См. описание стачки в книжке, посвященной истории текст. стачки Иван.-Кинешем. обл., составл. Климохиным, 1918 г.

тий Московского района, после того, как из доклада о ходе переговоров выяснилось, что капиталисты на уступки не идут, решительно заявило, что „двести тысяч организованных текстильщиков готовы во всякую минуту выступить по первому призыву Совета на борьбу за власть Совета и призывают Совет Раб. Деп. к решительным действиям, к борьбе с саботажем промышленников и вредной деятельностью Временного Правительства“ [1]).

Точно к таким же решениям приходят в борьбе за права заводских комитетов и за коллективный договор и другие промышленные рабочие.

Борьба металлистов Петрограда с О-вом фабрикантов и заводчиков, несмотря на вмешательство м-ра труда и ряд междуведомственных совещаний, кончается также отказом владельцев признать коллективный договор.

В Москве конфликты между фабрикантами и заводскими комитетами начинают обостряться сейчас же после июльского поражения пролетариата. Для характеристики взаимоотношений любопытен, между прочим, конфликт, возникший на ф-ке Крамер в августе 1917 г. Заводоуправление заявило, что не может согласиться на присутствие члена завкома при найме рабочих. Завком и поддержавший его союз металлистов ответили, что они не допустят приема рабочих единоличной властью администрации. И когда 10 августа заводоуправление наняло без ведома завкома 6 работниц и одного мальчика, завком не допустил их к работам. Тогда отдел метал. промышленности О-ва заводчиков и фабрикантов предложил заводоуправлению привлечь зав. комитет и союз металлистов к судебной ответственности. Зав. комитет „за насилие и самоуправство“, а союз металлистов за „соучастие в этом деянии в качестве подстрекателя“.

Ссылаясь на длинный ряд юридических тонкостей и на старые царские положения, возбуждая уголовное дело против рабочих организаций, борющихся за свои права, О-во заводчиков и фабрикантов предлагает: „пока нанятые работницы и мальчик не будут допущены к работам, завод

---

[1]) „Известия М. С. Р. Д. № 185. „Союз текстильщиков“.

закрыть, потому что право найма и увольнения рабочих составляет неотъемлемое право заводоуправления на основании ст. 424 устава о пром. труде“ и т. п. „законных положений“, которые несмотря на революцию, все еще служили „юридическими нормами“ для предпринимателей.

Само собой разумеется, что эту расправу с рабочими О-во фабр. и завод. прикрыло обычными фразами о „патриотическом“ долге, в этот „трагический момент“ перед родиной и даже призвало рабочих „к законности, к порядку и труду, к возможно большему сглаживанию классовой розни, уважению прав и свободы и к наибольшему увеличению падающей производительности труда“.

Борьба за коллективный договор у металлистов Москвы приняла затяжной характер. Ответ предпринимателей на требования рабочих был, по заявлению московского союза металлистов, не только отказом по всему фронту, а определенным нападением. Капиталисты организовались и провоцировали рабочих на выступление.

На защиту прав фаб.-зав. комитетов выступила всем своим авторитетом областная конференция рабочих металлистов, происходившая в Москве в начале октября. „Очередной задачей“, говорится в принятой на конференции резолюции, „является активная борьба за право заводского комитета контролировать наем и увольнение рабочих, что является жизненным вопросом для всего рабочего класса“. Конференция требует немедленного пересмотра закона 23 апреля и протестует „против политики м-ва Труда в отношении к заводским комитетам, вызывающей и усиливающей контр-революционный поход буржуазии против всех завоеванных революцией прав заводских комитетов“. „Конференция рекомендует союзам отстаивать эти права всеми имеющимися у них в распоряжении средствами, развивая борьбу в общероссийском масштабе“ [1]).

Больше месяца длилась и забастовка московских деревообделочников, продолжавшаяся исключительно из-за принципиальных правовых пунктов, пока пролетарская революция в октябре не дала решительного перевеса рабочим.

---

[1]) „Изв. М. С. Р. Д. № 85. „Областная конф. металлистов“.

Дружный отпор, которым встретил пролетариат покушения на свои революционные завоевания, показал, что возврат к прежнему бесправию для рабочего класса России уже невозможен. „Фабричная конституция“ стала не только „совершившимся фактом“, она стала необходимым фактом во всем новом строе его производственной жизни. Борьба, развернувшаяся вокруг требований участия рабочих комитетов в вопросах найма и увольнения, должна была решить вопрос о том, за кем укрепится политическое и экономическое господство. Вмешательство в вопросы найма и увольнения было уже вторжением в область производства и влекло за собой дальнейшие шаги в направлении завоевания рабочего контроля и регулирования промышленной жизни. А сделать эти шаги в области экономической было невозможно без захвата политической власти в руки пролетариата.

Естественный, неизбежный и логический ход событий заставлял делать именно такие выводы. И, конечно, не жалкими циркулярными ограничениями Вр. Правительства и даже не бешеной травлей капиталистов можно было этот ход событий изменить.

Борьба только закалила и укрепила пролетариат и сплотила его ряды. Из глубины фабрик и заводов вышел и по всей рабочей стране пронесся могучий протест против ограничения прав заводских комитетов.

Почти все резолюции рабочих собраний на предприятиях, делегатских собраний и конференций требуют немедленной отмены „ограничительных“ циркуляров и пересмотра закона о фаб.-зав. комитетах. Рядом идут требования рабочего контроля над производством и захвата власти Советами Рабочих Депутатов.

Третья городская конференция фаб.-зав. комитетов Петрограда, рассмотрев вопрос о походе на фаб.-зав. к-ты со стороны организованных промышленников и о политике министерства Труда в этой области, заявила, что проведение циркуляров в жизнь грозит разрушить эти к-ты, являющиеся ближайшими и непосредственными органами борьбы с хозяйственной разрухой. „В настоящий момент“, говорит

резолюция: „момент укрепления контр-революции, когда разруха достигает высшей степени, когда намечается ряд массовых расчетов, когда намечены к закрытию и эвакуации ряд заводов, интенсивная, непрерывная и самая разносторонняя работа заводских органов и их центральных советов необходима. В такой обстановке поход против комитетов является прямо преступлением против революции. И солидарность в этом преступном походе министерства Труда с Главным комитетом объединенной промышленности должна явиться для рабочего класса еще одним грозным уроком губительности политики соглашательства“.

Резолюция указывает далее, что циркуляры являются нарушением закона 23 апреля и ставят, таким образом, заводские комитеты „вне закона и подтверждают дореволюционное самодержавие предпринимателя в определении внутреннего распорядка на заводах и фабриках“.

„Ясно сознавая, что только устранение от власти контрреволюционной буржуазии и прекращение для нее возможности использовать аппарат государственной власти в своих классовых грабительских целях явятся действительной гарантией беспрепятственного, планомерного развития рабочих организаций, конференция постановляет добиваться:

1) Немедленной отмены циркуляров министерства Труда от 28 и 29 августа.

2) Утверждения законодательным порядком прав фаб. зав. к-ов, которыми они пользуются в настоящий момент на основе обычного революционного права.

3) Поручить Центральному Совету добиться рассмотрения и выработки нового закона о найме.

4) Продолжать на местах работу фаб. зав. к-тов на прежних основаниях, углубляя и расширяя ее в направлении установления действительного рабочего контроля над производством и распределением.

5) Не позволять снимать с учета товарищей, состоящих в комитете, и требовать уплаты им среднего заработка [1]).

[1]) См. резолюции III конференции фаб.-зав. комитета. Петрограда. Журнал Всероссийского Совета Фабр. Зав. Ком. „Новый путь“. № 1—2, октябрь 1917 г.

За питерскими заводскими комитетами выступили с требованиями пересмотра закона 23 апреля и отмены циркуляров мин. Труда—московские и все провинциальные фабричные комитеты.

Вторая общегородская конференция фаб. зав. комитетов г. Москвы в октябре 1917 г. также решительно протестовала против циркуляров Вр. Правительства, давшего своими постановлениями орудия борьбы в руки капиталистов, и требовала немедленной их отмены [1]). По вопросу же о рабочем законодательстве конференция вынесла такую резолюцию:

„Рабочее законодательство до-революционного периода преследовало одну цель: закрепить бесправие рабочего класса, и пыталось сделать невозможной его борьбу за политическое и экономическое освобождение. В период революции для рабочего класса нужно такое законодательство, которое, предоставив все возможности для дальнейшей борьбы, закрепило бы его завоевания.

Те законы, которые успело провести Вр. Прав., не могли удовлетворить рабочих, а некоторые из них вызвали его возмущение, так как принесли вред рабочему классу. До сих пор не изданы законы, закрепляющие завоевания рабочих и революции,—о 8 час. раб. дне, о минимуме заработной платы, об участии рабочих в контроле над производством, о приеме и увольнении с ведома профсоюзов и под контролем фаб. зав. комитетов, о государственном страховании от безработицы и т. п. Неудовлетворительный закон от 23 апреля о рабочих комитетах, стесняющий деятельность заводских комитетов и вызывающий массу конфликтов при его применении, еще более ухудшен и искажен изданными в угоду буржуазии циркулярами Скобелева“.

В этой резолюции—полная оценка пролетариатом рабочего законодательства Врем. Правительства.

Может ли обеспечить и охранить интересы рабочего класса подобное „законодательство“?

---

[1]) См. резолюцию в „Изв. М,С.Р.Д.“, № 191, 2-ая общегородская конф. фаб. зав. комитет.

Конечно, нет. И резолюция заканчивается такими решительными словами: „Рабочее законодательство может только в том случае обеспечить охрану интересов труда и закрепить завоевания рабочего класса, если оно будет проводиться силами самих рабочих и через их революционную власть Советов“ [1]).

Длинную эволюцию проделал рабочий класс в своем развитии и в ходе революционной классовой борьбы, прежде чем поставить это ясное и четкое требование. Через крепостничество, через полицейско-бюрократическую опеку, через произвол хозяйского самодержавия—пришел рабочий к выводу: жизнь и труд рабочего класса должны строиться собственными руками и собственным разумом пролетариата.

Так, в борьбе за „фабричную конституцию“ рабочий класс увидел необходимость стать самому хозяином фабрики. Перед ним встала новая большая задача—овладеть политической и экономической властью. Путь к ней лежал через рабочий контроль, борьба за который составляет самую яркую страницу в истории фабрично-заводских комитетов.

Борьба за рабочий контроль.

Проблема рабочего контроля над производством и распределением выросла в основную и решающую проблему революции не сразу.

Хозяйственно-производственные задачи выдвигались постепенно с расширением того заколдованного круга, в который привело страну анархическое господство капитала. В постановлениях первых рабочих собраний и конференций почти не встречается требований рабочего контроля, как он оформился уже ко времени общегородской конференции фаб.-зав. комитетов. г. Петрограда (30-мая—5 июня).

Например, конференция 13 марта 1917 г., впервые объединившая фабрично-заводские комитеты крупнейших заводов Артил. Ведомства, очутившиеся вследствие бегства администрации в руках рабочих, заявила от имени рабочих, что „до тех пор, пока не наступит момент полной социализации всего общественного хозяйства, государственного и частного,

---

[1]) „Изв. М.С.Р.Д.“ № 189, 2-ая конф. фаб. зав. ком.

рабочие не берут на себя ответственности за техническую и административную, хозяйственную организацию производства".

Главное внимание рабочих организаций в этот момент было устремлено на урегулирование взаимоотношений труда и капитала, на необходимость создания широкого рабочего самоуправления.

„В деле отношений труда и капитала", говорится в резолюции этой же конференции: „в деле внутренних распорядков завода, рабочие образуют демократическую организацию с выборными комитетами от целого завода и отдельных цехов, в целях защиты интересов труда". Когда Главное управление Артил. Ведомства отказалось, под угрозой закрытия заводов, выполнить выработанные рабочими требования, они заявили коротко и решительно: „Рабочие при старых порядках работать не будут".

В первом положении о задачах фаб. зав. комитетов, выработанном Петроградским Советом Раб. Деп., о рабочем контроле или о каких-либо производственных и хозяйственных фунциях фабзавкомов не было ни слова. Задачи исчерпывались „разрешением вопросов, касающихся внутренних взаимоотношений между рабочими и владельцами предприятий или их администрацией".

Но жизнь раздвинула предначертанные рамки и поставила новые, более сложные задачи.

Производство нарушено в течение 3 лет войны, проевшей и расстрелявшей в воздух не менее 40—50% материальных ценностей страны. Дезорганизация производства, уменьшение производительного труда, крах финансов, распад транспорта, продовольственный кризис, прогрессирующая безработица, обнищание трудящихся масс,—таковы симптомы близкой экономической катастрофы и развала страны. Разрушительная хозяйственная политика буржуазии, противодействующей из страха перед пролетариатом всякой попытке урегулирования производства, только ускоряет и углубляет развал.

Рабочий обнаруживает более глубокую, кровную заинтересованность в непрерывной и успешной работе производ-

ства. Все чаще и настойчивее направляется рабочая мысль и рабочая энергия в сторону хозяйственного поддержания жизни и деятельности своего завода. Он начинает это вмешательство с установления просто стражи для охраны имущества, для проверки того, что вывозится из предприятия.

Этот зачаточный контроль носит случайный характер. Он продиктован прежде всего инстинктом самосохранения.

Но даже первые формы контроля встречают сопротивление капитала. Он видит в нем ограничение своей власти хозяина и не может с ним примириться. Завязывается борьба уже вокруг этих первых попыток.

Рабочие от сторожевых постов приходят к необходимости контроля внутренних распорядков. И здесь противоречия капиталистических отношений вскрываются перед ними с неумолимой ясностью. Переход от пассивного контроля к активному диктуется той же логикой самосохранения. Вмешательство рабочих комитетов в право найма и увольнения рабочих есть первая ступень к активному вмешательству рабочих в производственный процесс. Вот почему капиталисты встречают его таким бешеным сопротивлением. Дальше—переход к высшим формам технического и финансового контроля становится неизбежным.

А это приводит пролетариат к новой проблеме—к захвату власти, к установлению новых производственных отношений, к экономической и политической диктатуре пролетариата.

Рабочий контроль, обратившийся в руках борющегося пролетариата в тяжелый молот, разбивает самодержавие капитала в стране и на фабрике. Этой задачей и исчерпывается его историческая роль.

Эту общую картину развития контроля подтверждают факты борьбы за рабочий контроль.

В своей ожесточенной борьбе с рабочим классом буржуазия обвиняет его „в чрезмерных требованиях“ и дезорганизации промышленной жизни страны. Рабочий класс в изображении буржуазной прессы - единственный виновник хозяйственного развала.

Но факты говорят обратное.

Рабочий, правда, с революцией пытается приблизить свой

низкий бюджет к состоянию его в мирное время. Но это ему почти не удается.

Вот цифры Московской Биржи Труда, опубликованные в газетах в декабре 1917 г., подтверждающие этот факт.

С февраля по октябрь повышение заработной платы московских рабочих достигает в среднем—53% и лишь в немногих единичных случаях—100%. Повышение же за этот промежуток времени цен на предметы первой необходимости равно в среднем—112%, ржаной хлеб даже повышается в цене на 150%, картофель на 175%, одежда и обувь на 170%, при этом в начале революции отставание заработной платы от роста цен на предметы потребления было меньше, чем в последующие месяцы революции, особенно, когда с усилением сопротивления капитала, усилился и нажим его в сторону уменьшения заработной платы.

Посмотрим теперь на состояние промышленности в этот период революции. С марта по июль было остановлено 568 предприятий с занятыми в них 104.372 рабочими, из них 53.500 рабочих, занятых в 49 крупнейших хлопчатобумажных предприятиях. Причины закрытия: 367 предприятий с 82.882 рабочими—вследствие отсутствия сырья и топлива. На отсутствие заказов и спроса ссылается 47 более мелких предприятий с 3.896 рабочими. И только 57 случаев закрытия из-за „чрезмерных требований" и „недоразумений с рабочими", каковых насчитывается в 57 предприятиях меньше 10.000 рабочих.

Закрываются особенно предприятия, работавшие по военным интендантским поставкам. Лишившись их, но имея в кармане изрядные прибыли, капиталисты предпочитают закрывать предприятия, чем тратиться на их переоборудование.

„Патриотически" настроенные промышленники начали с попытки закрывать заводы, работающие на оборону, как только они переставали давать им привычные сверхприбыли. Таковы попытки Гужона, Бари, Брамлея—в Москве, паровозостроительного завода — в Харькове, Мальцевских заводов („вследствие самочинного устранения рабочими администрации Дитковской фабрики"). В Донбассе приоста-

новлены 77 предприятий. Саботаж и локауты входят в систему.

Знаменитый „Ликинский саботаж“ можно считать особенно типичным проявлением этой системы. Владелец Ликинской мануфактуры, б. государственный контролер Смирнов, остановил фабрики, якобы, за отсутствием топлива и неотложности ремонта машин. Между тем, обследование специальной комиссией московского заводского совещания выяснило, что топлива имелось на 3 месяца, а машины нуждались только в текущем ремонте. Фабрично-заводский комитет обошел все органы, созданные революцией, и все они оказались бессильными помочь ему в борьбе с саботажем фабриканта и принудить его пустить в ход производство. Даже мин. Труда сказал представителям от рабочих Ликинской м-ры, что это „явление общее“ и не предложил выхода из положения. М-р Торговли и Промышленности Пальчинский предложил конфликт с владельцами по поводу обратного приема уволенных управляющих решить с помощью паритетной комиссии у себя на фабрике, ибо без выполнения этого условия владелец не соглашался пустить фабрику.

Так был разоблачен в глазах рабочих скрытый локаут и саботаж Смирнова, бывшего в то время председателем Московского Военно-Пром. К-та и членом предпринимательской организации бумагопрядильщиков. За спиной его стоял, таким образом, диктующий политику саботажа весь организованный капитал Моск. Промышл. области. Перед ним была бессильна даже государственная власть, предлагающая вместо привлечения к ответственности локаутчиков, пойти с ними на примирение в паритетной комиссии.

Естественно, что рабочие должны были притти к единственному возможному выходу из положения: взять производство в свои собственные руки.

Политика организованного саботажа и локаута хлопчатобумажных фабрикантов с Ликинской м-ры была перенесена на весь центральный район и привела к всеобщей забастовке текстильных рабочих.

Для борьбы с локаутом в текстильной промышленности

16 и 17 июня была созвана конференция фабрично-заводских комитетов от 164 предприятий центрального текстильно-промышленного района, частично или полностью подвергшихся разрушительному действию „ликинской политики“.

„Текстильный пролетариат вполне разгадал план фабрикантов и заводчиков при помощи саботажа и локаута нанести удар коренным интересам рабочего класса“,—заявила конференция и призвала „на удар ответить ударом и сплоченным сопротивлением“[1]).

„План“ действительно был разгадан всем рабочим классом. Пролетариат стал перед дилеммой—„подвергнуться сокращению производства или расчета и активно вмешаться в производство, взять в свои руки контроль над производством и регулированием всего хода работ в предприятии“. Так был на первой петроградской конференции заводских к-тов поставлен вопрос рабочим делегатом Путиловского завода, где 40 тысяч рабочих работали под постоянной угрозой закрытия завода из-за отсутствия топлива. Так он стоял и перед остальным российским пролетариатом.

Конференция устами многих ораторов, только-что пришедших из непосредственной фабричной гущи, — раскрывает один за другим факты саботажа или дезорганизации производственной деятельности капиталистов и говорит о необходимости взять в свои сохраняющие пролетарские руки контроль над производством и распределением продуктов.

„Контроль неизбежен, если мы хотим жить сами и спасти производство для будущего“, — так можно формулировать единодушную оценку и подход к контролю конференции.

— „Буржуазия стоит накануне вырождения. Она выказала свою полную неспособность принимать участие в творчестве новых форм народной хозяйственной жизни“.

— „Контроль необходим“,—говорит депутат Наумов: „Но, какой контроль, как и кем организованный?“ В ответе,

---

[1]) „Соц.-Демократ“, № 86, Москва, 1917 г. „Съезд по борьбе с локаутом в текст. пром.“.

данном на этот вопрос делегатами, уже обнаруживается четкость классовой линии, намеченной конференцией и проходящей через все ее постановления.

Несмотря на попытки отдельных меньшевиков вновь свести все к разговорам о „демократическом государственном контроле“, резолюция, принятая конференцией по докладу т. Зиновьева, говорит о рабочем контроле точно и решительно:

„Ни бюрократическим путем, т.-е. созданием учреждения с преобладанием капиталистов и чиновников, ни при условии охраны прибыли капиталистов и их всевластия в производстве, их господстве над финансами,—спасения от катастрофы найти нельзя. Путь к спасению лежит только в установлении действительного рабочего контроля“.

Дальше резолюция формулировала всю программу в области рабочего контроля, из-за которой развернулась впоследствии жесточайшая война с капиталом, перешедшим в наступление.

Основные моменты этой программы заключались в следующем:

1) Рабочий контроль должен быть развит в полное регулирование производства и распределения продуктов.

2) Рабочий контроль должен быть продолжен на все финансовые и банковские операции.

3) Переход в руки рабочих большей части прибылей, дохода имущества крупного капиталистического хозяйства.

4) Организация обмена сельско-хоз. предметов и машин на с.-х. продукты для рабочих путем привлечения кооперации.

5) Осуществление всеобщей трудовой повинности, введение рабочей милиции.

6) Перевод рабочей силы на производство угля, сырья и транспорта, на изготовление продуктов хозяйственного восстановления.

7) Переход власти в руки Советов.

Это была новая пролетарская программа, приведшая к тому грандиозному перевороту, который передал в результате борьбы новому классу-организатору — орудия и сред-

ства производства и положил основание новой социалистической фабрике.

Эта программа получила свое принципиальное оформление и стала боевой платформой пролетариата со времени санкционировавшего ее VI Всероссийского съезда социал-демократической партии большевиков.

По докладу т. Милютина об экономическом положении и о рабочем контроле съезд постановил:

„Единственным выходом из критического положения является ликвидация войны и организация производства не для войны, а для восстановления всего разрушенного ею, не в интересах кучки финансовых олигархов, а в интересах рабочих и беднейших крестьян. Такое урегулирование производства в России может быть проведено лишь организацией, находящейся в руках пролетариев и полупролетариев, что предполагает переход в их руки и государственной власти. При этом является необходимым проведение решительных революционных мероприятий".

Программа, лишь в общих чертах намеченная конференцией фабрично заводских комитетов, вырастает на VI съезде РСДРП (б) в стройную экономическую программу требований пролетариата, борющегося за власть.

Требуя „установления действительного рабочего контроля", съезд выдвигает такие положения:

„Необходимо вмешательство в область производства, в целях планомерного урегулирования и распределения, а также необходима национализация и централизация банкового дела, национализация ряда синдицированных предприятий (напр., нефтяных, каменноугольных, сахарных, металлургических, а также транспорта)".

„Для проведения контроля необходимо провести в качестве предварительных мер: отмену коммерческой тайны, книги торговцев, промышленников, банков должны быть открыты для контроля. Сокрытие документов должно быть объявлено уголовно-наказуемым. Периодически должен производиться учет запасов и публикация во всеобщее сведение об имеющихся запасах, с указанием предприятий, имеющих их. В целях борьбы с тайными и явными локау-

тами—издание закона с запрещением закрытия фабрик или сокращения производства без разрешения Совета Раб. Деп., профсоюзов и центральных фаб.-зав. комитетов"[1]).

Рабочий контроль становится основным лозунгом пролетариата, столкнувшегося в непримиримой схватке с капиталистами. Класс стал против класса с резко очерченными лозунгами борьбы.

Какова была позиция мелкой буржуазии, ставшей по иронии исторической судьбы „Исполнительным Комитетом" буржуазно-империалистических кругов финансового капитала в России?

Соглашательские советы и „министры-социалисты" пытались найти все ту же „объединяющую" и „примиряющую" платформу, на которой они пытались сочетать интересы труда и капитала. Как знамя спасения, выдвигается паритетное начало. С этой целью учреждается Экономический Совет, в котором интересы буржуазии представлены гораздо лучше, чем интересы пролетариата.

— „Господа капиталисты пошли на перерез", — так оценивал т. Ленин еще 7 мая в „Правде" первые попытки со стороны правительства ввести регулирующие мероприятия в области промышленности: — „В рабочих кругах растет сознание необходимости пролетарского контроля за фабриками и синдикатами. И „гениальным" воротилам делового мира из министерских и около министерских кругов пришла „гениальная" мысль: пойдем на перерез, потянем за собой и Совет Раб. Деп.—этого не трудно достигнуть, пока в нем главенствуют народники и меньшевики. Устроим „общественный контроль". Это будет выглядеть так важно, так государственно-мудро .. И это похоронит всякий контроль на деле, всякий пролетарский контроль так верно, так бесшумно"...[2])

Стоя перед лицом грозной и все усиливающейся разрухи, не только соглашательский Совет, но и Вр. Правительство

---

[1]) См. „РКП в резолюциях ее съездов и конференций", Гос. Изд. М. 1922.

[2]) „Правда", № 51, от 7 мая, 1917 г.

сознают неотвратимую и неизбежную необходимость вмешательства в дезорганизаторскую, разрушительную работу капиталистов. Скобелев, по меткому слову т. Ленина, „министерски размахнулся в своей речи и договорился до взятия 100% прибыли у капиталистов".

„Мы еще дальше пойдем",—грозил увлекшийся министр-меньшевик, в своей программе (словесной) пошедший дальше большевиков: „И если капитал хочет сохранить буржуазный способ ведения хозяйства, то пусть работает без процентов, чтоб клиентов не упускать. Мы должны ввести трудовую повинность для г.г. акционеров, банкиров и заводчиков, у которых настроение вялое, вследствие того, что нет стимулов, которые раньше побуждали их работать... Мы должны заставить г.г. акционеров подчиниться государству, и для них должна быть повинность, трудовая повинность"...[1])

Впрочем, грозная речь Скобелева была, очевидно, предназначена для ушей собравшихся на заседании Исполнительного Комитета Совета Раб. Деп. рабочих, еще верящих революционной фразеологии соглашателей. На самом деле министерскую речь Скобелева нужно понимать „наоборот". И другой министр, тоже „социалист"—Прокопович, выступавший несколько позднее и на несколько более „почтенном" собрании—на трибуне Государственного Совещания в Москве, действительно, произнес ту же речь с теми же угрозами—только „наоборот"—не по адресу капиталистов, а по адресу пролетариата, и ограничения и трудовую повинность предлагал не для предпринимателей, а для рабочих.

Вот эта программа Вр. Правительства и поддерживавшей его „демократии" в „исправленном" Прокоповичем виде, с удовлетворением принятая 12 августа собравшейся всероссийской организацией капитала:

1) Обеспечить права владельцев предприятий в руководящей деятельности, путем надлежащего разъяснения прав

---

[1]) „Правда", № 58, от 16 мая: — „Неминуемая катастрофа и безмерные обещания".

рабочих и ограждения интересов, задеваемых анархическими выступлениями, надлежащими мерами власти.

2) Необходим государственный контроль над производством, дающий уверенность рабочим в отсутствии злостных мер против рабочих.

3) Необходимо установление твердых цен на предметы потребления и твердая заработная плата.

4) Ограничить уровень прибыли нормальным процентом, обеспечить работу денежного капитала в промышленности и гарантировать население от чрезмерного обогащения за его счет владельцев промышленности.

5) Издать общий закон о трудовой повинности, определить минимум числа рабочих дней в месяце и минимум дневной производительнести.

6) Объединить экономические мероприятия в главном экономическом комитете"[1]).

Интересно, что эта программа „государственного контроля" была санкционирована англо-французским капиталом, руководившим со стороны экономической политикой Вр. Правительства. „Французский, бельгийский и английский капитал, занятый в русских предприятиях, уже учел неизбежность подчинения себя контролю, и официальные представители этого союзного капитала заявили Вр. Правительству, что они идут навстречу желаниям правительства ввести регулирование и контроль в их предприятиях и установить минимум доходности",—так заявлял 16 июня московским журналистам русский министр Труда, после беседы с посетившим Россию английским министром Труда Артуром Гендерсоном, приехавшим по его собственному заявлению „помочь правительству своим опытом в разрешении очередных экономических и промышленных вопросов".

Под влянием этого обучения „опыту" английского капитала в управлении рабочим классом и строил теперь свою программу русский министр Труда. А чтоб не подумали, что он вводит социализм, он поспешил сам дать такое разъ-

---

[1]) Прокопович. Народное хозяйство в дни революции, Изд. Сов. Вс. Коол. 1918 г. Речь на государственном совещании.

яснение: „Когда мы говорим о решительном вмешательстве государства в промышленность, в целях урегулирования ее и введения контроля, то речь идет здесь, конечно, не о социалистическом производстве, и не о государственном социализме, а о том минимуме мероприятий, в которых нуждается народно-хозяйственная жизнь страны, и которые уже проведены в Англии".

Действительно, целый ряд предприятий с преобладающим английским капиталом [1]), учитывая именно эту „английскую" программу правительства, обратились с предложением о принятии контроля над предприятиями, на основании существующего в Англии правительственного контроля, русским правительством, с тем, чтобы последнее приняло на себя ответственность за определение прав рабочих, „разрешение вопроса о заработной плате", „обеспечило защиту от насилия над личностью и имуществом"—„пока не наладится общее положение и, во всяком случае, до окончания войны". Очевидно, английские капиталисты полагали, что „контроль" по английскому рецепту обеспечит им „гарантию против чрезмерных требований" рабочих и урежет права рабочих, запретив им, как в Англии, стачки, запретив под угрозой административной кары (тюрьмы и ссылки) „нарушение порядка" и фактически уничтожив фабричное законодательство.

Английские, а с ними и русские капиталисты плохо рассчитали, недооценив вызванной революцией силы сопротивления рабочего класса, принявшегося за переустройство своей жизни собственными руками. Правда, сначала некоторая часть рабочего класса верила еще в иллюзию „демократического" контроля. Так, например, первая московская общегородская конференция фабрично-заводских комитетов (23—25 июля), в противоположность первой питерской конференции (30 мая—5 июня), предполагала ограничиться „демократическим" контролем в лице районных комитетов

[1]) Милюков в своей „Истории второй русской революции" указывает след. предприятия; Невская прядильная м-ра, Невская стеариновая, Невская хлопчатобум. ф-ки Воронина, Лютш и Чешер, Спасская хлопчатобум., Калинкинский пивоваренный зав., русская нефтяная ф-ка, акц. О-во Уильям Хартлей.

снабжения: „Районные к-ты снабжения призваны всемерно бороться с закрытием жизненных фабрик, с саботажем производства, они должны быть созданы на основе преобладания революционной демократии",—гласила принятая на конференции резолюция по вопросу о регулировании промышленности. И через все резолюции проходило это признание первенства за „демократическими организованными государственными учреждениями по регулированию хозяйственной жизни". Фабричные к-ты должны играть лишь подсобную роль, работая в контакте с государственными организациями. Но развитие классовой борьбы скоро выветрило из Московского и всего русского пролетариата последние остатки веры „в демократические" органы; требование действительного рабочего контроля становится единодушным требованием всего рабочего класса.

На второй общегородской конференции фаб. зав. к-тов г. Москвы, бывшей в начале октября 1917 г., требование планомерной организации производства при участии рабочих организаций и перехода всех предприятий, проводящих локаут, под контроль революционной власти становится боевым лозунгом конференции.

„Конференция полагает:

1) необходим немедленный переход власти в руки Совета Рабочих Депут. для передачи земли крестьянам и земельным к-там, для установления рабочего контроля, ликвидации войны, реорганизации продовольственного отдела и созыва Учредительного Собрания,

2) Советы должны теперь же своей властью декретировать удовлетворение требований рабочих в тех отраслях труда, где в настоящее время назревает стачка,

3) Советы должны открыть закрытые локаутом предприятия и в корне пресекать всякие попытки организованного заговора буржуазии,

4) Московский Совет должен послать своих делегатов в Киев, Харьков, Сибирь для координации действий против Каледина и для обеспечения центра хлебом и углем.

С своей стороны конференция заявляет, что мероприятия Совета в данном направлении будет поддерживать всей си-

лой представленного на конференции организованного пролетариата“ [1]).

К таким же выводам—захвата власти пролетариатом—приходил в борьбе за рабочий контроль пролетариат и остальных промышленных центров.

Длившаяся почти полгода (с перерывами) забастовка донецких рабочих, встретивших еще на майской конференции углепромышленников юга категорический отказ в удовлетворении самых законных экономических требований, приводит пролетариат Донбасса к необходимости революционной активной борьбы с капиталом. Первая конференция рудничных к-тов в Дебальцево 1 октября 1917 г. констатирует печальные итоги хозяйственной политики буржуазии и требует решительного законодательства „по проведению строжайшего контроля промышленности и предоставления широких прав рабочим организациям для проведения контроля на местах“.

В середине октября такое же требование выносит и областной съезд Советов Рабочих Депутатов Донецкого бассейна. Он выделяет комиссию для решительных переговоров с углепромышленниками и дает ей наказ, в случае их отказа, превратиться в стачечный комитет и всеобщей стачкой добиться удовлетворения требования рабочих:

„Мы считаем всеобщую стачку Донецкого и Криворогского бассейнов единственным средством обратить внимание всего пролетариата и общественного мнения на преступное содействие Временного Правительства угольным королям, первым объявившим стачку; обратить внимание на вопиющее положение в Донецком бассейне, с которым контр-революционное правительство борется посредством Калединской казачьей экспедиции и назначения диктатора с неограниченными полномочиями для обуздания отнюдь не промышленников, а изголодавшихся рабочих масс“ [2]).

Борьба фабрично-заводских комитетов давно уже перешла

---

[1]) Изв. М. С. Р. Д. № 191, „2-я общегородская конф. фаб.-зав. комит. г. Москвы“.

[2]) „Правда“, № 201 от 11 декабря. „В Донецком бассейне“.

узкие рамки одной фабрики, а лозунги и требования переросли первоначальные требования фабричной конституции. Теперь шла борьба за право разумного и целесообразного распоряжения всем хозяйством страны. Борьба за рабочий контроль привела рабочий класс к борьбе за власть Советов.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

В борьбе за социалистическую фабрику.

Участие фабрично-заводских комитетов в Октябрьском перевороте.

Разрозненные выступления фабрично-заводских комитетов в их борьбе за власть советов нужно было объединить. Это сделала первая Всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов, собравшаяся 17—22 октября, перед самым революционным выступлением и захватом власти пролетариатом.

Центральный Совет фабрично-заводских комитетов г. Петрограда выделил организационное бюро по созыву съезда. Бюро обратилось с призывом ко всем рабочим сорганизоваться для последнего боя с капиталом и создать свой всероссийский боевой центр. Призыв нашел горячий отклик. Почти во всех крупнейших промышленных городах России были созваны конференции фабрично-заводских комитетов. Избирались советы фабрично-заводских комитетов там, где их еще не было. Делегатам на Всероссийскую конференцию давались наказы с решительными, революционными требованиями политического и экономического характера. Центральным пунктом и постановления и наказов был пункт о рабочем контроле над промышленностью и о передаче всей власти Советам Рабочих Депутатов. Решительные действия разыгрались в г. Петрограде.

Перед самой Всероссийской конференцией питерский пролетариат созвал свою подготовительную 4 конференцию фабзавкомов. Ее боевое настроение и принятые революционные постановления предопределили путь, по которому должна была пойти и Всероссийская конференция.

Вступление на этот путь отметил докладчик по текущему моменту, тов. Дербышев: „Сейчас наступает решительный момент схватки революционного пролетариата с контр-революционной буржуазией, которая сдавливает нас железным кольцом. Наша задача—так сорганизовать свои силы перед той пропастью, на краю которой мы стоим, вырытой для нас, чтоб мы могли в этой борьбе столкнуть в эту пропасть Кишкиных и Бурышкиных. Против революции организован заговор,—и нам необходима бдительность, необходима выдержка до того момента, пока нам открыто бросят перчатку".

Другой докладчик, т. Скрыпник, говоря о задачах фабрично-заводских комитетов перед Октябрем, формулирует основную задачу так:

„Задача фабрично-заводских комитетов—это борьба с контр-революцией путем творческого вмешательства в производственную область. Необходимо объединить деятельность этих комитетов не только в Петрограде, но и повсюду".

В историю развития и углубления революционного творческого вмешательства рабочего класса в производственную область затем вписывается наиболее яркая страница—первая Всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов, бывшая революционным смотром сил рабочего класса, находившегося перед Октябрем в боевой готовности.

Доклады с мест в первый день заседания конференции рисуют картину отдельных, то робких, то смелых попыток вмешательства пролетариата в область производства и единодушно подчеркивают, что только с овладением политической власти возможно настоящее закрепление завоеваний рабочего класса и утверждение его права влияния на производственную жизнь.

Какими путями итти дальше?

Конференция находит на этот вопрос исчерпывающий ответ, заслушав доклады тт. Троцкого и Каменева на заседании 19 октября о текущем моменте:

„Всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов, собравшаяся в момент смертельной опасности для революции и народа, заявляет: Правительство контр-революционной буржуазии губит страну... Оно затягивает войну

с единственной целью уморить революцию голодом и погрести ее под обломками всеобщей хозяйственной разрухи. Спасение революции и достижение целей, поставленных трудящимися массами,—в переходе власти в руки рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Советская власть должна предложить всем народам немедленное перемирие и впредь до заключения мира взять на себя защиту революционной страны от идущего на нее походом мирового империализма. Советская власть должна немедленно передать землю в руки крестьянских земельных комитетов и ввести рабочий контроль над производством и распределением продуктов в общегосударственном масштабе".

Естественным выводом из этой боевой позиции, на которую встала Всероссийская конференция, было и решение ее о рабочем контроле.

1) „Низвергнув самодержавие в политической области,—гласит резолюция, — рабочий класс стремится доставить торжество демократическим стремлениям и в области своей производственной деятельности. Выражением этого стремления является идея рабочего контроля, естественно возникшая в обстановке хозяйственного развала, созданного преступной политикой господствующего класса.

2) Организация рабочего контроля является таким же здоровым проявлением рабочей самодеятельности в области производства, как организация партийной деятельности в области политики, организация профсоюзов в области отношений найма, организация кооперации в области потребления, организация клубов в области просвещения.

3) Рабочие более владельцев заинтересованы в правильной и непрерывной работе предприятий. Наличность рабочего контроля более обеспечивает в этом отношении интересы всего современного общества, всего народа, чем одно только самодержавное усмотрение владельцев, руководящихся соображением своекорыстной материальной или политической выгоды.

Только рабочий контроль над капиталистическим предприятием, закрепляя осмысленное отношение к делу и уясняя его общественное значение, создаст благоприятные

условия для нашего твердого рабочего самоуправления и для развития возможности производительного труда".

В этих первых пунктах принятой резолюции было, таким образом, определено принципиальное отношение конференции к вопросу о роли и значении рабочего контроля. Но конференция дала и подробное освещение практических задач в области рабочего контроля, наметила затем рамки деятельности и разграничение ее между основными пролетарскими организациями — Советами, профессиональными союзами и заводскими комитетами.

Указывая, что осуществление рабочего контроля в границах, отведенных ему постановлением конференции, возможно только при политической и экономической власти пролетариата, конференция в последнем пункте резолюции предостерегает от изолированных и дезорганизованных отдельных выступлений:

„Требуя рабочего контроля в общем размере, конференция приглашает товарищей уже теперь осуществить его в той степени, в какой это возможно по соотношению сил на местах, и объявляет несовместимым с целями рабочего класса захват рабочими отдельных предприятий в свою пользу".

Мы не станем останавливаться на практических и информационных докладах и отношении к ним конференции. В общем, оно определялось теми основными моментами, какие мы разобрали в приведенных выше резолюциях. Вопросы об обмене между городом и деревней; о финансах России, о положении транспорта, о продовольственном положении страны, о снабжении России топливом—все они только дорисовывали картину развала народного хозяйства и подчеркивали правильность и необходимость намеченных конференций революционных мероприятий [1]). Уточнить, детализировать, наметить конкретный план хозяйственной работы конференция не могла, пока не была решена основная задача, стоящая перед рабочим классом, завоевания политической власти.

---

[1]) См. тезисы и резолюции I Всерос. Конфер. Ф.З.К. в № 3—4 „Новый путь", посвященном конференции.

Фабрично-заводские комитеты, отражая настроения самых фабрично-заводских низов, готовились к решительной схватке. Спешно проводили организацию рабочих в твердые, боевые красногвардейские отряды, собирали оружие, распространяли революционные воззвания, устраивали митинги, призывая рабочий класс к выдержке, сплоченности и боевой решимости. Центральный совет фабрично-заводских комитетов был штабом революцией поднятых к восстанию рабочих масс. Созданный 20 октября военно-революционный комитет составился из представителей, посланных туда фабрично-заводскими комитетами, профсоюзами, партийными и военными организациями.

Почти на глазах у онемевшей и растерявшейся власти, почти незаметно, без кровопролития, одним дружным и организованным натиском рабочих и солдат была передана власть Советам Рабочих Депутатов.

26 октября в Петербургском Совете т. Троцкий объявил от имени Военно-революционного Комитета, что „Временное Правительство больше не существует". А на открывшемся Втором Всероссийском съезде Советов победа пролетариата была закреплена провозглашением власти Советов, избранием Совета Народных Комиссаров и первыми декретами революции о мире и о земле.

Рабочий класс встречает победу с огромным энтузиазмом. Но его представители—рабочие организации, в сознании первых труднейших задач, призывают уже в эти первые дни победившей революции к выдержке и к революционной готовности для новых боев, к новому напряжению и новой работе:

— „Революция побеждает,—революция победила. Вся власть перешла к нашим Советам", обращаются ко всем рабочим Петрограда его пролетарские организации—Совет Раб. Деп., Совет Проф. Союзов и Совет фабрично-заводских комитетов. „Первые недели самые трудные.—Надо раздавить до конца сломленную уже реакцию, надо обеспечить полное торжество нашим стремлениям. Рабочий класс должен, обязан проявить в эти дни величайшую выдержку и выносливость, чтобы облегчить новому народному правитель-

ству выполнение всех задач. На этих же днях будут изданы новые законы по рабочему вопросу, и в том числе, одним из самых первых—о рабочем контроле над производством и об урегулировании промышленности. Забастовки и выступления рабочих масс в Петрограде только вредят. Мы просим вас немедленно прекратить все экономические и политические забастовки, всем стать на работу и производить ее в полном порядке. Работы на заводах и во всех предприятиях нужны новому правительству Советов, потому что всякое расстройство работ создает для нас новые затруднения, которых и без того достаточно. Все к своему месту! Лучшее средство поддержать правительство Советов в эти дни—исполнять свое дело".

Теперь, когда власть в собственных руках пролетариата, он не хочет терять бесплодно ни одного часа. Он „хозяйским оком" окидывает доставшееся ему наследство в виде полуразрушенного хозяйственного аппарата. Ему грозит уже с первых шагов недостаточно закрепленной власти дальнейшее разложение и разорение. Буржуазия оказывает отчаянное сопротивление. Она стремится прежде всего разрушить государственный аппарат и добивается того, что служащие учреждений и предприятий прекращают работу. Рабочий класс не может этого допустить. И Центральный Совет фабрично-заводских комитетов обращается с воззванием „ко всем фабрично-заводским служащим" поддержать пролетариат и прекратить саботаж и забастовку.

— „Вы, служащие фабрик и заводов, как неотъемлемая часть трудящегося пролетариата, должны притти на помощь стране, революции и отдать свои силы и способности в распоряжение народных комиссаров, чтобы немедленно возобновить работу государственного аппарата и тем избавить от пропасти уже достаточно истерзанную родину. Во имя торжества свободы и революции, мы призываем всех истинно-революционных и преданных рабочему классу фаб.-завод. служащих принять участие в государственной работе по обслуживанию, в первую очередь, комиссариата труда и других государственных учреждений".

Действительное положение вещей внушает рабочему

классу тревогу и опасение. Он подходит к нему трезво и без самообмана. Сейчас пролетариат сам является хозяином своих фабрик и своего государства. Вот почему ему нельзя медлить с восстановлением хозяйственной жизни.

— „Сейчас необходимо со всей энергией налаживать производство, переходящее под рабочий контроль. Нужно удвоить и утроить свою работу по организации производства, починяя разваливающуюся по милости капиталистов промышленность и восстанавливая разрушенный транспорт".

Таким призывом к работе на новой, только что завоеванной фабрике начинается первый день самоуправляющегося пролетариата.

От рабочего контроля к рабочему управлению.

„Главная трудность пролетарской революции есть осуществление во всенародном масштабе точнейшего и добросовестнейшего учета и контроля, рабочего контроля, за производством и распределением, продуктов", так писал накануне октябрьского переворота т. Ленин в своей пророческой брошюре: „Удержат ли большевики государственную власть". И связывая проблему рабочего контроля с диктатурой пролетариата, с государством, как органом господства класса, он ставил вопрос о контроле так:—„Если речь идет о пролетарском государстве, т.-е. о диктатуре пролетариата, то рабочий контроль может стать всенародным, всеобъемлющим, вездесущим, точнейшим и добросовестнейшим учетом производства и распределения продуктов". В этом главная задача пролетарской, т.-е. социалистической революции. „Без Советов эта задача (по крайней мере для России) была бы неразрешима. Советы намечают ту организационную работу пролетариата, которая может разрешить задачу всемирно-исторической важности".

Точно так же определил значение рабочего контроля в момент перехода к социализму и т. Милютин на 6-м Всероссийском съезде партии, и его точка зрения была поддержана большинством Съезда:—„Рабочий контроль был для нас первой брешью, которую мы пробивали, чтобы дать возможность рабочим ближе и непосредственнее войти в

область регулирования и управления производством". „Контроль над производством так жизненен, что, если даже мы приступим к социалистическим преобразованиям, мы начнем с контроля. Ошибочно предполагать, что диктатура пролетариата установит социализм. Диктатура—длительный период".

Так смотрела на рабочий контроль партия пролетариата, приведшая его к октябрьской революции. Рабочий контроль до октября был самым боевым и популярным лозунгом партии, вокруг которого она собирала и сплачивала рабочие ряды для последнего боя с капиталом.

Но только с победой пролетариата получилась возможность поставить вопрос о практическом осуществлении рабочего контроля.

Вот почему уже через две недели после переворота 14 ноября 1917 года был опубликован давно ожидаемый пролетариатом декрет о рабочем контроле. В первый раз по настоящему был поставлен вопрос о регулировании промышленности непосредственно заинтересованным в ней рабочим классом и положен решительный предел „саботажному анархизму капиталистов".

Декрет гласил, что во всех предприятиях, имеющих наемных рабочих, вводится—„рабочий контроль над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, а также над финансовой стороной предприятий". „Рабочий контроль осуществляют все рабочие данного предприятия, через свои выборные учреждения, как-то: заводские, фабричные комитеты, советы старост и т. п., при чем в состав этих учреждений входят представители от служащих и от технического персонала". Для практического осуществления рабочего контроля декрет предлагал создать на местах из представителей проф. союзов и фабричных и иных комитетов—советы рабочего контроля, деятельностью которых должен руководить Всероссийский Совет Рабочего контроля. Объем полномочий советов и их функции определялись декретом таким образом: „Органы рабочего контроля имеют право наблюдения за производством, устанавливать минимум выработки предприятия, принимать меры к выяснению

себестоимости продуктов", а также право контроля деловой переписки всех книг и отчетов. Коммерческая тайна отменяется. „Все законы и циркуляры, стесняющие деятельность фабричных, заводских и других комитетов и советов рабочих и служащих—отменяются".

Декрет 14 ноября только подытожил и узаконил, оформил то, что фактически было уже проведено в жизнь разрозненными силами пролетариата в боевых схватках труда и капитала.

Но до самого октябрьского переворота рабочий контроль не мог получить практического, хозяйственного значения и созидательной роли. Он был гораздо в большей степени орудием борьбы, средством самозащиты, политическим лозунгом, чем практически осуществляемой, определенной системой хозяйствования.

Практика рабочего контроля до октября приносила порой даже отрицательные результаты. Естественное стремление заводских комитетов помочь рабочим выйти из нужды и безработицы заставляло их играть роль своеобразного „толкача", всеми способами добывающего необходимые для поддержания производства сырье, топливо и прочие материалы. Фабричная администрация иногда стремилась использовать фабрично-заводские комитеты, возлагая на них заботу и ответственность за состояние предприятия, незаметно превращая рабочие организации в своих агентов и помощников. Если же предприниматели покидали свои предприятия, и хозяевами поневоле становились фабрично-заводские комитеты, то последние нередко также усваивали „хозяйскую" точку зрения, и, не считаясь с экономической целесообразностью, отстаивали собственную фабрику, хотя бы другие производства были и важнее для государства и лучше оборудованы. Конкуренция и стремление урвать друг у друга обеспечивающие жизнь предпредприятия скудные рессурсы—ставили фабрично-заводские комитеты в положение взаимной экономической борьбы, превращая фабрики и заводы в „автономные федерации" полуанархического типа.

Анархисты нередко, учитывая подобного рода тенденции,

выступали с требованиями передачи в руки заводских комитетов управления промышленными предприятиями.

„Контроль над производством и контрольные комиссии должны быть не только проверочными комиссиями, а должны в настоящее время быть теми ячейками будущего, которые уже теперь подготовят переход производства в руки рабочих“,—так предлагали в своей резолюции анархисты на первом Всероссийском съезде фабрично-заводских комитетов на заседании 20 октября.

В практику рабочего контроля первых дней после октябрьского переворота эти тенденции анархистов входили тем легче и успешнее, чем более оказывали сопротивление капиталисты, не желавшие признавать декрета о рабочем контроле и по старому не допускавшие вмешательства рабочих в производство. Но теперь пролетариат опирался на свою рабочую власть и с помощью революционного воздействия органов власти подчинял упорствующих в своем саботаже предпринимателей. От принудительного арбитража до арестов фабрикантов и секвестра их предприятий—на все шел рабочий класс, чтоб сломить сопротивление капиталистов.

„Мы,—говорили рабочие в своих резолюциях,—не будем устранять фабрикантов сами, но будем брать производство в свои руки, если они не захотят вести фабрики“. И, действительно, в этот первый период стихийной „карательной“ национализации, фабрично - заводские комитеты довольно часто становились во главе фабрик и заводов, владельцы которых были устранены или бежали сами.

„Вместо Республики Советов мы упирались в республику своеобразных рабочих артелей, в которые как бы превращались капиталистические фабрики и заводы. Вместо быстрого урегулирования всего общественного производства и распределения, вместо мероприятий, которые представляли бы шаг к социалистической организации общества, мы видим практику, которая напоминает мечтания анархистов об автономных производительных коммунах“, так изображает этот кратковременный опыт самостоятельного управления производством отдельными фабрично-заводскими

комитетами тов. Степанов в своей брошюре: „От рабочего контроля к рабочему управлению".

В переходное время с этими отрицательными сторонами рабочего контроля, бывшего просто средством борьбы против упорствующего капитала, приходилось мириться. Но когда власть перешла в руки самого пролетариата, „хозяйская политика" отдельных фабричных комитетов становилась антипролетарской, и сами рабочие сознавали недостаточность рабочего контроля. „Борьба с хозяйственной разрухой и саботажем фабрикантов и интеллигенции требует радикальных мер в деле организации народного хозяйства", выносят 27 января резолюцию московские текстильщики и предлагают „национализовать промышленность, отстранив, таким образом, от производства саботирующих предпринимателей". Впредь до полной национализации в резолюции предлагается ряд предварительных мер: реорганизация органов регулирования, государственная монополия, принудительное синдицирование и трестирование.

Новые способы регулирования промышленности были необходимы, ибо рабочий контроль в новых условиях становился недостаточным.

Еще I Всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов понимала рабочий контроль только, как ступеньку к иным способам регулирования хозяйственной жизни. „Установление рабочего контроля в различных отраслях хозяйственной жизни и в особенности в области производства есть лишь первоначальная форма, которая путем постепенного развития, расширения и углубления превращается в регулирование производства и, вообще, хозяйства страны", так представляла конференция дальнейшее развитие рабочего контроля. „Наш путь новый, переходный,— развивал ту же мысль докладчик по рабочему контролю т. Милютин,—мы отрицаем классы собственников. Рабочий контроль в такой форме, как мы его понимаем, возможен только при Советской власти. В дальнейшем эта система требует национализации некоторых отраслей промышленности и контроля при национализации банков... У нас нет другого выхода".

Это отчетливое понимание сущности рабочего контроля привело к необходимости расширить рамки декрета 14 ноября. Декрет был уже перевернутой страницей в истории борьбы за новую фабрику. Декрет нужен был только для закрепления завоеванных позиций и для санкционирования победы пролетариата в его давней экономической борьбе с капиталом. Теперь рабочий класс выступал, как творец новой—социалистической системы, новых ценностей и новых общественных отношений. Осуществить рабочий контроль, как его понимал т. Ленин перед революцией, можно было только с помощью пролетарского государства и в общегосударственном масштабе. Такой рабочий контроль неизбежно должен был перейти в государственное регулирование или даже в государственную организацию производства.

Уже организованные, согласно декрету 14 ноября, контрольные комиссии при заводских комитетах и советы рабочего контроля, в определении своих задач и пределов своей деятельности пошли значительно дальше декрета, ставя себе задачи государственного регулирования промышленности [1]). Правда, на практике не всегда удавалось сколько-нибудь планомерное регулирование. Промышленники, как мы знаем, оказывали жестокое сопротивление, отвечая на попытки контроля со стороны рабочих массовым закрытием фабрик. Так, в Донбассе, например, углепромышленники делали неоднократные попытки закрыть шахты, которые снова восстановить не представлялось возможным в течение целого года. На Урале металлургические заводы закрывались в целых округах, а рабочим даже не уплачивалось жалованье.

Известный экономический конфликт 300 тыс. Иваново-Кинешемских текстильных рабочих после октябрьского переворота и вынужденное вмешательство рабочих организаций в область производства вызвали непримиримое отношение

---

[1]) Инструкцию по рабочему контролю, выработанную Всер. Сов. раб. контр., см. в органе совета раб. контроля центральн. промышл. района, „Рабочий Контроль“, № 2, от 23 февраля 1918 г.

фабрикантов и угрозы полной ликвидации производства. Эти угрозы вынудили фабрично-заводские комитеты текстильщиков обратиться к Совету Рабочих Депутатов с предложением издать приказ, чтобы без ведома „Мануфактурных Управ", созданных рабочими, с фабрик не увозились материалы и станки.

Если же рабочим удавалось проводить рабочий контроль, то предприниматели большей частью совсем покидали предприятия, и их по необходимости приходилось национализировать. Первые постановления о национализации или конфискации и были вызваны или бегством предпринимателей, или их упорным саботажем [1]).

Вот несколько фактов из практики рабочего контроля на Урале: на Богословском заводе из-за сопротивления, оказанного при введении рабочего контроля, был организован военно-революционный комитет, административно-революционным порядком вводивший новые порядки. На Невьянском заводе пришлось назначить административно-хозяйственную комиссию уже не для контроля, а для управления заводом, оставленным администрацией. На заседаниях совета рабочего контроля почти ежедневно рассматривались ходатайства отдельных заводов и фабрик, требовавших либо обуздать сопротивляющихся контролю фабрикантов, либо передать предприятия в руки самих рабочих.

Таким образом, достижение планомерного контроля и регулирования в первое время затруднялось отчаянным сопротивлением капиталистов, заставлявшим прибегать к мерам административного воздействия со стороны местных советов. Вопрос о формах контроля разрешался стихийно, в зависимости от условий времени и места. Но необходимость единого плана и единообразных организационных форм чувствовалась с каждым днем все более.

Первые шаги в этом направлении сделал центральный совет фабрично-заводских комитетов, издавший 6 января 1918 г. инструкции и практическое руководство по контролю.

---

[1]) См., наприм., подобного рода постановления в „Вестнике Комиссариата Труда", № 1, п. 1918 г.

Все наиболее существенные пункты этих инструкций раздвигают рамки рабочего контроля гораздо дальше положенных декретом:

„Рабочий контроль над промышленностью, как составную часть контроля над всей экономической жизнью, надо понимать не в узком смысле простой ревизии, а напротив, в широком смысле вмешательства в распоряжение предпринимателя капиталами, инвентарем, имеющимся в предприятии, сырьем и фабрикатами, активного надзора за правильностью и целесообразностью исполнения заказов, потребления энергии и рабочей силы, участия в организации самого производства на рациональных началах и т. п. Контроль надо именно рассматривать, как переходную ступень к организации всей хозяйственной жизни страны на социалистических началах, как первый неотложный шаг в этом направлении, делаемый снизу, параллельно с работой наверху—в центральных органах народного хозяйства“, такое широкое толкование рабочего контроля предпосылает в своей инструкции Центральный Совет фаб.-зав. комитетов. Он приступает к приведению рабочего контроля в духе предложенной инструкции, поручая его проведение на местах фабрично-заводским комитетам и их объединениям—районным экономическим советам. Фабрично-заводские комитеты уже не являются простыми наблюдателями за действиями предпринимателей, они перестают быть „толкачами“ в поисках топлива или сырья, помогающими капиталистам поддерживать предприятие. Они, по смыслу возложенных на них полномочий, являются ответственными фактическими руководителями всех дел предприятия. Фабрично-заводские комитеты могут приостанавливать действия хозяев и администрации, не разрешая без своего ведома и согласия предпринимать ни одного важного мероприятия. Они ведают имеющимися продуктами производства, сырьем, топливом, рабочей силой, устанавливают совместно с техническими служащими план работ, вместе с администрацией рассматривают поступающие заказы и решают вопрос об их выполнении, проводят демобилизацию предприятий и рабочей силы, контролируют финансовые операции, а

также осуществляют надзор за соблюдением интересов труда—в отношении внутреннего распорядка, расценки труда, санитарно-техническом отношении и в области культурно-просветительной [1]).

Организационная схема, разработанная Центр. Сов. фаб.-зав. ком. для практического осуществления рабочего контроля, в общем такова: фабрично-заводской комитет выделяет 5 комиссий—по организации производства, по демобилизации, по снабжению сырьем, по снабжению топливом и по организации труда. По мере надобности эти основные комиссии создают подсобные. Фабрично-заводские комитеты объединяются в районные советы рабочего контроля, в свою очередь объединяющиеся в городские, губернские и областные советы народного хозяйства, работающие под руководством центральных советов фаб.-зав. комитетов. Советы народного хозяйства разбиваются на секции по отраслям промышленности. Где советы народного хозяйства не создаются, там вся практическая работа по руководству проведением контроля в жизнь производится Цен. Советом фабзавкомов, разбивающимся также на соответствующие комиссии и производственные секции.

Организация рабочего контроля приняла массовый характер. В одной только Московской области к 1 марта 1918 года, по данным секции труда М.О.С.Н.Х. было 22 контрольных комиссии. Предпринятая этим отделом анкета дала следующие сведения об организации рабочего контроля в начале 1918 года. Из общего числа опрошенных 326 предприятий, на вопрос о существовании у них контрольных комиссий ответили 284, из них только 7% еще не имели к этому времени работающих контрольных комиссий. Отсутствовали контрольные комиссии, главным образом, в мелких предприятиях.

Практически рабочий контроль осуществлялся таким образом: когда заводам необходимо было получить сырье, топ-

---

[1]) Проект инструкции о рабочем контроле, разработанный Центральным Советом фаб.-заводских комитетов, и им же разработанный „Устав фаб.-зав. ком.“ см. „Новый Путь“, № 1—2 п. 1918 г.

ливо, деньги и т. п., то В.С.Н.Х. в лице соответствующей производственной секции требовал от заводских контрольных комиссий мотивированных заявлений, проверявшихся затем на местах. Это вызывалось тем, что нередко владельцы предприятий злоупотребляли доверием заводских контрольных комиссий и пользовались их малоопытностью в технических и административных вопросах. Очень часто заводские комитеты и контрольные комиссии слишком широко и произвольно толковали рамки декрета и инструкции по рабочему контролю, и на этой почве нередко происходили конфликты не только с заводской администрацией, но и с Сов. Нар. Хоз.

Ни одна из задач текущего момента, связанная с жизнью предприятия, не могла быть разрешена без органов рабочего контроля. Особенно много времени и места занимали конфликты и борьба с предпринимателями, а также ликвидация и руководство брошенными во время революции предприятиями.

Очень часто капиталисты сознательно шли на ликвидацию предприятий, затягивая выплату рабочим жалованья, и в критический момент покидая Россию, забрав с собой все наличные капиталы, или скрывая от рабочих сырье, топливо и другие необходимые для производства рессурсы. В таких случаях контрольные комиссии брали на учет оставленное имущество и сами стремились организовать производство, становясь во главе его. Но не только тогда, когда владельцы фактически отсутствовали, но и тогда, когда заводы не были национализированы, заводские комитеты, расширенно толкуя положение о контрольных комиссиях, фактически становились во главе предприятия. В этом отношении интересен длительный и острый конфликт между заводским комитетом и правлением метал. завода („Лангезипен“). Заводский комитет и контрольная комиссия фактически отстранили владельца—германского подданного Лангезипена—и стали во главе предприятия. Ни присылаемые на завод комиссии для улаживания конфликта, ни даже назначение правительственного комиссара не могли удовлетворительно разрешить этот конфликт, пока осенью 1918 года

не было назначено по требованию рабочих новое рабочее правление.

Таким образом, тактика буржуазии, известная под названием тактики саботажа, вызвала противоположное движение рабочих, шедшее под лозунгом „рабочего контроля“.

Но в тот момент, когда, преодолев массовое сопротивление капитала, пролетариат стал приступать к организации производства, он встретил новый саботаж—со стороны технического и служебного персонала заводов, со стороны специалистов, без которых рабочий класс, не имевший своих командиров в производстве, обойтись не мог. Перед рабочим контролем стала новая задача: постоянное и зоркое наблюдение за специалистами и одновременное привлечение их на свою сторону, чтобы при помощи сочувствующих или лойяльных лиц перейти от борьбы на заводах с предпринимателями к первым попыткам организации в них нового производства. В этих боевых столкновениях рабочего класса, проводившего рабочий контроль, с остатками буржуазии и с высшей технической и административной частью служащих в предприятиях—отдельные работники фаб.-зав. комитетов приобретали тот административный, экономический и технический опыт, который им так пригодился, когда путь от рабочего контроля к рабочему управлению был проделан, и когда понадобились заводские директора из собственной рабочей среды.

Так постепенно прежние формы контроля все более изменялись, и из них выкристаллизовывались новые организационные формы, более соответствующие изменившейся производственной и политической обстановке, требовавшей окончательного и решительного устранения капитала, как организатора хозяйственной жизни страны.

Дальнейшее углубление экономического переворота требовало организации производства на социалистических началах. Но здесь уже нужна была более приспособленная организационная форма, чем фабрично-заводской комитет, и метод более широкий, чем рабочий контроль. Нужно было построить управление новой фабрикой на началах единого хозяйственного плана, связав его с общими социалистиче-

скими тенденциями молодого пролетарского государства. Для этого необходимы общегосударственные органы регулирования и управления производством. Фабрично-заводским комитетам просто не хватало ни технических, ни организационных навыков и знаний, чтобы овладеть сложнейшей работой контроля над производством. Процесс производства в современном его виде связан столькими нитями с внешним миром, с другими предприятиями, другими производствами, состоянием рынка, положением транспорта, состоянием рабочего рынка труда и т. п., что охватить все эти нити фабрично-заводские комитеты и даже их Всероссийские объединения не могли, не имея прав государственной власти. Особенно труден и сложен был для осуществления финансовый контроль. Для того, чтобы осуществить его полностью, приходилось ломать всю силу всемогущего финансового капитала и установленный им капиталистический правопорядок. Принудительное синдицирование, трестирование отдельных отраслей производства, национализация банков, новая финансово-налоговая система—все эти грандиозные экономические задачи переходного к социализму времени требовали всеобъемлющего центра, регулирующего все народное хозяйство в общегосударственном масштабе. Эту необходимость понял пролетариат и, сложив полномочия с переставших удовлетворять новым хозяйственным запросам фабрично-заводских комитетов, передал их вновь созданным органам—Советам Народного Хозяйства.

„С первого же заседания Совета Рабочего Контроля,—рассказывает об этом моменте т. Чубарь, — один из организаторов-руководителей Совета Рабочего Контроля, — выяснилось, что контрольные функции не решают вопроса, а потому естественно, что все члены Совета Контроля принесли в жертву эти функции и принялись за работу при появлении В.С.Н.Х.“.

Мысль о создании Высшего Совета Народного Хозяйства зародилась и оформилась в самом Центре фабрично-заводских комитетов. Центральный Совет Ф.-З. К. принял энергичное участие в ее осуществлении, дал своих лучших работников, предоставил свой аппарат.

Фабрично-заводские комитеты г. Петрограда, провозгласившие в мае 1917 г. на 1-й Конференции рабочий контроль, на 6-й Конференции единодушно его похоронили.

Обсуждая вопрос о положении промышленности и возможности ее национализации, 6-я Конференция фаб.-зав. комитетов постановила: „Полагая, что политическая власть пролетариата является действительной властью лишь при условии его экономического господства, что только при переходе производительных сил России в руки организованного пролетариата обеспечено дальнейшее экономическое развитие страны в интересах пролетариата и всего общества, 6-я Конференция фабрично-заводских комитетов постановляет:

1) Признать необходимым переход всех орудий производства, фабрик, заводов и рудников в руки государства.

2) В виду невозможности одновременно и немедленно произвести национализацию всех предприятий за неимением организованного технического аппарата, отвечающего интересам пролетариата, рабочий класс должен создать организации, цель которых—планомерно и немедленно подготовить национализацию промышленности.

3) Конференция полагает, что таковыми организациями должны быть демобилизационные бюро по отдельным отраслям промышленности, цель которых — демобилизовать промышленность, подготовить национализацию и провести ее в жизнь под руководством В.С.Н.Х.

4) В переживаемый момент борьбы, саботажа, неподчинения буржуазии власти пролетариата, конференция требует беспощадной с ними борьбы: все фабрики, заводы, рудники, владельцы которых не признают рабочего контроли, явно и скрыто саботируют, не желают продолжать работу в предприятиях и не заботятся обеспечить условия работы в предприятиях, должны быть немедленно переданы в собственность пролетарской Республики.

5) Также должны быть переданы в собственность Республики те предприятия, которые хорошо приспособлены к мирному производству, имеют хорошее оборудование и устойчивы в финансовом отношении, ибо пролетарская Рес-

публика не только берет из рук хищников разрушенное хозяйство, которое ложится бременем на народную казну, но и те предприятия, которые могут интенсивно работать, давая народу предметы хозяйства и тем самым помогая оздоровлению народного достояния.

6) Но, принимая во внимание, что высшие органы власти не имеют особых организаций, могущих управлять предприятиями, перешедшими в собственность Республики, что власть рабочих, солдат и крестьян тем сильна, что опирается на доверие трудящихся и их организаций, со своей стороны она должна опираться на эти организации, а потому во всех случаях национализации во главе этих предприятий на местах должны быть поставлены рабочие комитеты этих предприятий, которые работают под руководством Советов Народного Хозяйства.

7) Как первая мера национализации, 6-я конференция предлагает и настаивает перед Высшим Советом Народного Хозяйства и перед Советом Народных Комиссаров провести декретом национализацию всех заказов как частных, так и казенных. Все заказы и распределение их должно быть концентрировано в Бюро заказов при Совете Народного Хозяйства, а где таковых нет, при Совете Р., С. и Кр. Депутатов".

За Петроградом, как всегда, шла вся рабочая Россия, энергично принявшаяся за указанное конференцией переустройство старой капиталистической фабрики.

Национализация проводилась иногда независимо от хозяйственных расчетов и соображений, ибо для национализации промышленности в целом не было ни средств, ни возможности, ни наличия организационных сил. Тов. Рыков в докладе о деятельности В.С.Н.Х., сделанном им на первом Всероссийском Съезде Совнархозов, обрисовал этот первый период работы В.С.Н.Х. в области национализации, как период продолжающейся борьбы рабочего класса за свою диктатуру: „Национализация производилась и за неисполнение правил о рабочем контроле, и потому, что убежал фабрикант или администрация, и просто за неисполнение постановлений Сов. власти и т. д., и т. п. Первые

месяцы после Октябрьского переворота целиком проникнуты тем, что борьба непосредственная, борьба баррикадная между рабочим классом и буржуазией переносится на отдельные фабрики и заводы. Национализация предприятий имела не хозяйственное, а чисто карательное значение" [1]).

Таким образом, национализация промышленности явилась естественным и неизбежным результатом всего хода развития российской революции.

Одно за другим предприятия переходили в собственность пролетарского государства. К 1 июня 1918 года свыше 500 крупнейших предприятий было уже национализировано. Ко времени первого Всероссийского Съезда Советов Народного Хозяйства, в мае—июне 1918 г., национализации подверглись все основные отрасли промышленности и частноторговый аппарат.

Ко времени издания декрета 28 июня 1918 г. о национализации всей промышленности процесс ликвидации частно-хозяйственной капиталистической фабрики был почти завершен. Правда, декрет не означал еще полной социализации производства. Собственники фабрик и заводов не упразднялись еще окончательно, и фабрики и заводы считались „находящимися в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев". Но государство, давши им возможность продолжать и в дальнейшем извлекать прибыль из предприятий, лишило их права единолично распоряжаться ими. Прежние владельцы были поставлены в положение простых приказчиков Советского государства, которые в любой момент могли быть отстранены от ведения предприятия. Естественно, что в первое время после национализации работа заводских контрольных ячеек не только не уменьшилась, а даже усложнилась и увеличилась. Первый Всероссийский Съезд СНХ, резолюции которого особенно интересны и показательны для характеристики этого момента перехода от рабочего контроля к рабочему управлению, выносит одновременно резолюцию о признании необходимости рабочего контроля и дальнейшей работы

---

[1]) Труды 1 Всерос. Съезда СНХ, стр. 92.

контрольных комиссий и подробно разработанную инструкцию об управлении национализированными предприятиями.

Резолюция вменяет в обязанность выбирать рабочие контрольные комиссии во всех казенных и национализированных предприятиях, а для руководства и осуществления контроля в пределах губернии или области создавать при губернских и областных Сов. Нар. Хоз. особые контрольные комиссии, состоящие из представителей проф. союзов, заводских комитетов и Советов Народного Хозяйства. При ВСНХ резолюция предлагает также создать особый отдел Рабочего контроля, который должен руководить делом контроля во всероссийском масштабе.

Функции, права и обязанности рабочего контроля в национализированных предприятиях резолюция Съезда СНХ отмечает так: „Рабочий контроль распространяется не только на учет сырья и материалов, производство, финансы и проч., но и устанавливает также себестоимость изделий, а также то, работает ли предприятие в соответствии с общими планами хозяйственной жизни, вырабатываемыми Советами Народного Хозяйства. В случае обнаружения несоответствия с этими заданиями, органы Рабочего контроля незамедлительно сообщают о всех упущениях и несоответствиях Областному или Губернскому Совету Нар. Хоз., не приостанавливая решения Правления. Совет Народного Хозяйства должен, с своей стороны, немедленно принять меры для устранения замеченных упущений. Рабочий контроль распространяется не только на владельца или руководителя предприятия, но и на рабочих, устанавливая степень интенсивности труда, нормы выработки и рабочую трудовую дисциплину. Проводимый, таким образом, Рабочий контроль знакомит рабочих с промышленной деятельностью и способствует постепенному и планомерному проведению национализации через Областные Советы Народного Хозяйства, утвержденные ВСНХ“.

Но рядом с положением о Рабочем контроле и учреждением контрольных комиссий, хотя бы и с несколько видоизмененными по сравнению с прошлыми задачами, Съездом

СНХ было принято „Положение об управлении национализированными предприятиями“.

§ 2 этого „Положения“ гласил: „на каждом заводе, фабрике, руднике и т. п., перешедшими в собственность Республики, образуется фабрично-заводское управление. Две трети фабр.-завод. управления назначаются Областным СНХ или ВСНХ (если предприятие непосредственно подчинено центральному правлению), при чем Совет Нар. Хоз. имеет право предоставить Областному (Всероссийскому) профес. объединению выдвигать половину кандидатов.

Одна треть членов управления избирается профессионально-организованными рабочими предприятия. Фабрично-заводское управление должно включать в свой состав одну треть специалистов из числа технических и коммерческих служащих“.

Такая система организации управлений имела громадное значение в деле регулирования производства по единому плану, с одной стороны, а с другой, придавала заводоуправлению пролетарский характер и связывала его с рабочими массами завода, непосредственно выделявшими своих представителей в управление завода.

Слияние фабрично-заводских комитетов с профсоюзами.

Взаимоотношения фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов в протяжении 1917—1918 гг. прошли целый ряд этапов, соответствующих общему ходу развития резолюции.

Февральско-мартовская революция вызвала бурное экономическое движение пролетариата и лихорадочное строительство профессиональных организаций. Профсоюзы существовали и раньше, они имели в истории борьбы рабочего класса не мало заслуг, но к моменту революции они были совершенно разбиты и разгромлены.

Почти все профессиональные союзы возникли в первые два месяца революции 1917 года. Но молодые профессиональные организации оказались не в силах охватить и руководить стихийно разлившейся экономической и правовой борьбой рабочего класса. Вот почему не профессиональные союзы, а новые классовые революционные организации

рабочего класса — фабрично-заводские комитеты — стали во главе этой борьбы.

Профсоюзы строились по профессиям и объединяли только часть рабочих, а размах борьбы требовал вовлечения всех занятых в производстве рабочих. Кроме того, профсоюзы по своему духу, задачам и традициям (хотя в России и не столь упорным, как на Западе) больше были приспособлены для мирной экономической борьбы с капитализмом, чем для боевой и революционной борьбы в тех рамках и формах, в каких она первоначально протекает. Привыкшие к борьбе за улучшение условий труда, за изменение заработной платы и т. п., профсоюзы сразу не могли подойти к вопросам производства, а, между тем, революция развертывалась именно здесь, вокруг фабрики, вокруг способов и отношений производства, где столкновение двух враждующих классов было особенно острым и ожесточенным.

Все это не только выдвигало на передовые позиции фабрично-заводские комитеты преимущественно перед профсоюзами, но и заставляло их брать на себя нередко задачи последних, ибо борьба с предпринимателями требовала быстрых, решительных действий в области разрешения все возраставших повсюду конфликтов.

Фабрично-заводские комитеты, как мы видели, расширяя рамки своей деятельности, приобрели громадное значение в первый год революции. И именно это обстоятельство дало повод многим работникам фабрично-заводских комитетов смотреть на фабзавкомы, как на самостоятельную ветвь рабочего движения, противопоставляя их профсоюзам, существование которых в революционный период они склонны были считать излишним.

И не только анархо-синдикалисты (см., например, их речи на майской конференции фабзавкомов Петрограда), но и многие далекие от анархизма рабочие, особенно в металлообрабатывающей промышленности, где фабрично-заводские комитеты играли значительную экономическую роль, считали, что фабрично-заводские комитеты могут заменить профсоюзы в области руководства экономической борьбой.

— „Профсоюзы обанкротились во всем мире. Там, где они существуют, они только удерживают нас от борьбы",— такие мнения раздавались на Харьковской конференции фабр.-завод. комитетов в конце мая 1917 г. „Когда профсоюзы хотят подчинить себе революционные завкомы, мы говорим: „руки прочь", мы не пойдем по вашему пути. Нужно кончить борьбу с капиталом, чтоб ее больше не было". (Речь представителя от завода Всеобщей Ком. Элек. на Харьковской конференции фаб.-зав. комитетов).

Итак, профсоюзы и завкомы противопоставляются друг другу со стороны боевой революционной роли, какую играла каждая из этих организаций. Конечно, симпатии рабочих не могли быть на стороне профсоюзов, руководившихся, в большинстве случаев, меньшевиками, противодействовавшими революционным стремлениям рабочих масс.

Но профсоюзы в это время не удовлетворяли и как организации, призванные защищать экономические интересы рабочих. Это отмечает другой оратор на той же конференции—Пастер (завод В. К. Э.):—„Фабзавкомы улучшают положение рабочих, а союз металлистов ничего не сделал. Фабзавком—живая сила, а профсоюза мы держимся, как формы. Нельзя, однако, движение приносить в жертву форме. Металлисты хорошо объединены в фабзавкомы. Фабзавкомы живее союза, их надо поддерживать".

А рабочий паровозного завода Кульбакин заявляет категорически: „Профсоюзы—это детище буржуазии".

Делегат Ширяев (завод Гельферих-Саде) делает вывод: „Завкомы—это детище революции. Это новая сила, с которой надо считаться. Завкомы должны создать свой центральный орган, независимый от профсоюзов, который ведал бы и профессиональной и политической стороной движения" [1]).

Беспомощность профессиональных союзов на первых порах отмечает делегатский совет Петроградского союза

---

[1]) См. протокол конференции в брошюре Крейзеля: „Из истории профдвижения г. Харькова в 1917 году".

металлистов на заседании 11 июня 1917 года. В докладе о деятельности Центрального Правления союза металлистов докладчик т. Рубцов отмечает: „Характерно, что 99% всех конфликтов возникает и на первых своих стадиях протекает без ведома профессиональной организации. Центральное правление оповещается слишком поздно, уже после того, как представители рабочих побывают в Сов. Р. Д. и в различных министерствах. При таком положении вещей оказание содействия рабочим представляется невозможным“.

Чрезвычайно характерной иллюстрацией к такого рода положению дел в профессиональных союзах и их взаимоотношениях с фаб.-зав. комитетами может послужить интересный конфликт на почве тарифа в Путиловском заводе. В то время, как союз всю свою энергию сосредоточил на выработке и проведении единого тарифа для металлопромышленности Петрограда, Путиловский заводский комитет, независимо от профсоюза, выработал свой собственный тариф и решил предъявить его администрации в форме ультиматума с кратким сроком для ответа. Представители Центрального Правления союза были приглашены тогда, когда конфликт принял совсем угрожающий характер. Но несмотря на то, что четыре члена из бюро Центр. Правления пытались повлиять на изменение решения завкома, им это не удавалось, ибо фаб.-зав. комитет упорно стоял на своем, ссылаясь на массы, которые „уже не терпят и не ждут“ [1]).

Слабость профессиональных организаций в крупнейших промышленных центрах России в 1917 году отмечает в своем отчете и Всерос. Центр. Совет Проф. Союзов (за июль—декабрь):

„Экономической борьбой союзы сейчас не руководят и не могут руководить“, пишет в отчете инструктор Цен. Совета о Донбассе: „Слабость союзов видна из того, что советы рабочих депутатов берут на себя инициативу экономической

[1]) Протоколы конференций фабр.-завод. комитетов. Архив Петроград. районного к-та союза раб. металлистов.

борьбы, и профсоюзы играют при таких выступлениях второстепенную роль. На этой почве происходят нежелательные конфликты и недоразумения".

А это состояние профсоюзов приводит к отходу рабочей массы от союзов и усилению влияния анархистов.

„Масса находится под сильным влиянием анархистов", пишет тот же инструктор Магидов: „И вся беда, что влияние анархистов возможно только потому, что местный совет своей умеренной политикой, с одной стороны, и недостаточной работой среди шахтеров, с другой,—сделал возможным иметь такое влияние ультра-крайним анархистам" [1]).

Так вырастала опасность раскола и дезорганизации рабочего движения. Вот почему некоторые деятели профессионального движения энергично восставали против вредных, разъединяющих рабочий класс тенденций фаб.-зав. комитетов заменить собою профессиональные организации и открыли преследование и агитацию против сепаратизма завкомов. Впрочем, и сами профсоюзы неизбежно должны были приспособиться к новым условиям, ибо жизнь требовала от рабочего класса либо отказаться от борьбы, либо радикально изменить ее формы и методы.

Ход экономической борьбы был теснейшим образом связан с вопросами производства, и профсоюзы все больше втягивались в эту новую для них сферу деятельности. Хозяйственный развал, отражавшийся на ухудшении экономического положения рабочего класса, заставлял профессиональные организации обращать внимание не только на заработную плату, на коллективные договоры и т. п., но и на причины развала, на состояние производства, на методы хозяйничанья, на способы прекращения анархии и на вопросы регулирования промышленности. С другой стороны, участие профсоюзов в регулирующих органах (пусть даже по существу бесплодное) и в экономических организациях Временного Правительства знакомило и приучало профсоюзы к новой производственно-экономической работе. А так как

---

[1]) См. отчет Всерос. Центрального Совета Проф. Союзов за июль—декабрь 1917 г., стр. 48—49.

ту же хозяйственную работу вели фабрично заводские комитеты, то получалось вторжение и вредный параллелизм в работе обоих рабочих организаций. Без контакта, без тесного единения и согласования действий союзов и заводских комитетов не возможен был успех экономической борьбы рабочего класса.

Это понимали в своем большинстве и завкомы и профсоюзы и пытались разграничить свои функции. Первая конференция фаб.-зав. комитетов Петрограда, за исключением анархистов, требовавших немедленного превращения завкомов в ячейки хозяйственной диктатуры, единодушно высказалась за теснейший контакт этих двух рабочих представительных органов.

Вторая конференция фаб.-зав. комитетов г. Петрограда (7—12 августа) давала уже вполне правильное толкование задач и линии развития обоих рабочих организаций.

В утвержденном конференцией уставе фаб.-зав. комитетов дается такая формулировка целей и задач фаб.-зав. комитетов:

Фаб.-зав. организация преследует нижеследующие цели: а) объединение рабочих и служащих каждого предприятия в их общественно-политических выступлениях, в их взаимных отношениях, в их отношениях к заводоуправлению и б) участие в рабочем контроле над производством предприятия и распределением выпускаемых им продуктов (П. 1-го устава).

А в предисловии, предпосланном напечатанному уставу, Центральный Совет фаб.-зав. комитетов, по поручению конференции, так разъясняет эту краткую формулировку задач фаб.-зав. комитетов и их взаимоотношений с профсоюзами: „Фаб.-зав. комитеты—это боевая революционная организация рабочего класса, имеющая своей задачей борьбу с контрреволюцией и борьбу за дальнейшее развитие революции,— прежде всего и специально в области производственной“. Эта ясная формулировка говорит, что фаб.-зав. комитеты именно здесь видели центральную ось своей деятельности. „В этой области“, читаем мы дальше, „фаб.-зав. комитеты сосредотачивают главным образом свои силы

и свою работу, в остальных же областях являясь органом, лишь содействующим, помогающим объединению сил рабочих". Между фаб.-зав. комитетами и профсоюзами устанавливаются такие границы: по отношению к профсоюзам фаб.-зав. комитеты являются их подсобными органами в области профессионально-экономической борьбы; они привлекают рабочих в профсоюз, согласуют их требования с постановлениями профсоюзов, руководятся этими постановлениями в отношениях с предпринимателями и т. д. Далее не только точно ограничиваются права фаб.-зав. комитетов, но и дается верно понятая характеристика дальнейшей роли и тенденции развития обоих организаций: „С дальнейшим развитием фаб.-зав. комитеты возможно станут заводскими органами профессиональных союзов, строение которых соответственно этому должно будет измениться".

По примеру Питера попытались разграничить права и обязанности завкомов и профсоюзов и другие промышленные центры России. Так, первая Московская конференция фаб.-зав. комитетов (23 июня 1917 года), по вопросу о взаимоотношениях профессиональных организаций и фабрично-заводских комитетов, вынесла резолюцию, указывающую, что в условиях продовольственного кризиса и общей хозяйственной разрухи необходима строгая централизация и проведение ряда мероприятий, способных привести к углублению революции и защите интересов рабочего класса.

Поэтому основной задачей фабзавкомов должно явиться проведение мероприятий и постановлений С. Р. Д. и профсоюзов. Экономическую борьбу завкомы должны вести лишь с ведома и согласия союзов, поднятие авторитета которых должно быть первой задачей завкомов.

В провинции также были сделаны попытки потеснее связать завкомы с союзами. Харьковская конференция в июне 1917 года постановила, что „фабрично-заводские комитеты являются основными ячейками профессиональной организации и в своей деятельности проводят общую политику, устанавливаемую профессиональными союзами. Выполняя функции защиты и представительства интересов рабочих

своего предприятия, фабрично-заводские комитеты несут ответственность не только перед своими избирателями, но и перед всей профессиональной организацией". В области производственной, „завкомы должны взять на себя охрану производства, содействие максимальной производительности своего предприятия, а также установление надлежащего контроля над всеми частями производства".

В Одессе необходимость координации действий в борьбе с разрухой и за экономические требования рабочих заставила все рабочие организации выработать положение, разграничивающее функции различных рабочих органов. „Для этой цели", сообщается в воззвании ко всем рабочим гор. Одессы, „было устроено объединенное заседание всех существующих в Одессе рабочих организаций, которые решили следующее: 1) ни одно требование не может быть предъявлено рабочими без одобрения соответствующего профессионального союза, 2) забастовки и бойкоты могут быть объявлены лишь с согласия Центрального Бюро рабочих профессиональных союзов, 3) со всеми заявлениями, относящимися к вопросам регулирования и контроля над производством (недостаток сырья, распределение материалов, конфликты с техническим персоналом и т. п.), следует обращаться лишь к Центральному Совету Фаб. Зав. комитетов".

Такое разграничение функций, однако, не всегда соблюдалось. Жизнь и атмосфера борьбы вносили постоянные и иногда довольно сильные отклонения.

Борьба за производство была неотделима от борьбы экономической и политической, а отсюда происходило и постоянное столкновение профсоюзов, завкомов и даже Советов Раб. Депутатов.

С того момента, когда профсоюзы подошли ближе к вопросам производства, водораздел между ними и фабзавкомами становился все меньше, задачи их сближались, получалось своего рода двоевластие и неизбежные трения, являвшиеся результатом раздельного существования родственных организаций.

Пути сближения для союзов и завкомов наметила Третья Всероссийская Конференция Профсоюзов, указавшая в ре-

золюции, что „профсоюзы должны энергично содействовать созданию и укреплению фаб. зав. комитетов, стремясь превратить их в свои опорные пункты на местах, проводя через них общую политику профсоюзов". Но печать бесплодных рассуждений и бессилия меньшевистско-соглашательского большинства конференции, лежавшая на всех ее постановлениях, легла и на ее резолюцию о завкомах и профсоюзах. Ничего более конкретного и определенного, чем это общее положение, никаких способов превращения завкомов в опорные пункты профсоюзов, конференция не указала.

Этих путей стали искать отдельные союзы еще задолго до Октябрьской революции. В первую очередь к этой задаче подошел союз металлистов, окрепший раньше других союзов и подошедший к вопросам производства ближе, чем другие профессиональные объединения. С другой стороны, и завкомы в металлопромышленности проявляли больше активности и сепаратизма. Тем не менее, уже 11 июня 1917 г. между профессиональным союзом металлистов и фаб.-зав. комитетами в металлообрабатывающих предприятиях г. Петрограда состоялось соглашение.

Резолюция, принятая на заседании правления союза металлистов, так мотивирует это соглашение: „Заводские комитеты явились непосредственно результатом демократической революции и сосредоточили в своих руках всю организационную деятельность рабочих по борьбе за повышение заработной платы, по созданию внутреннего распорядка, регулированию и контролю производства. При настоящих условиях комитеты являются единственными органами рабочих, занятых в данном предприятии. Параллельно с этой организацией рабочих по предприятиям выросла организация рабочих по производству—профессиональный союз. Союз является высшей и единственной организацией, ответственной за проведение рабочих данного производства. Местные заводские комитеты в общей производственной организации занимают позицию, подчиненную профсоюзу".

Так складывались и развивались взаимоотношения профсоюзов и завкомов до Октябрьской революции.

С победой пролетариата в Октябре изменилась общая эко-

номическая политика и тактика рабочих организаций. Сначала рабочая масса, опираясь на пролетарскую государственную власть, стихийно, в разных местах по-разному, воздействует на сопротивляющихся капиталистов. Орудием такого воздействия являлся рабочий контроль. Вот почему вопрос о том, кто должен руководить контролем—фабрично-заводские комитеты или профсоюзы—являлся центральным вопросом для обоих организаций, вопросом дальнейшего существования одной из них, ибо существование обоих организаций становилось нецелесообразным и тормозило закрепление октябрьских завоеваний.

Но, вместе с тем, объективный ход развития революции требовал перехода к государственным формам контроля и регулирования промышленности.

К концу 1917 года было уже 20 профессиональных объединений, которые, чувствуя необходимость общего плана в области контроля, добивались объединения всех усилий в этом направлении в единую и целостную государственную систему.

Первую попытку в этом направлении профсоюзы сделали еще накануне Октябрьской революции, в связи с соглашением, достигнутым на первой Всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов в октябре 1917 года. Это соглашение было необходимо, ибо без него, при стихийном развитии борьбы за рабочий контроль, завкомам угрожала опасность, по выражению тов. Рязанова, превратиться „в сеть распыленных, маленьких, ни на что непригодных акционерных фабрик".

Для достижения такого соглашения, которое предотвратило бы также создание всероссийской параллельной экономической организации рабочего класса, Центральный Совет профсоюзов командировал на Всероссийскую конференцию фаб.-зав. комитетов т.т. Рязанова и Лозовского, добившихся того, что завкомы признали необходимым, чтобы вся работа проходила в рамках профсоюзов, организованных по производствам.

Об этом историческом соглашении тов. Рязанов рассказывает на первом Всероссийском съезде профсоюзов:

— „Я указал на ту революционную роль, которую сыграли фаб.-зав. комитеты в начале революции. Я сказал, что практически самым целесообразным для фаб. зав. комитетов будет избрание той формы самоубийства, которая явится наиболее полезною для всего профессионального движения, т.-е. фаб.-зав. комитеты должны с самого начала сказать себе, что там, где они образовались раньше, чем профсоюзы, там они должны смотреть на себя, как на ту ячейку, как на то ядро, которое должно войти и стать составным элементом профсоюза данной промышленности. Никакого другого выхода для фабрично-заводских комитетов нет".

Точный текст этого „акта самоубийства", принятый конференцией в виде резолюции, гласит:

1) Существование фабрично-заводских комитетов необходимо: а) для контроля за условиями труда и для организации внутреннего распорядка в предприятиях, б) для контроля над производством.

2) Каждый Совет фабрично-заводских комитетов разделяется на секции по производствам.

3) Контроль за условиями труда в отношении найма рабочих и служащих должен совершаться под руководством профессиональных союзов.

4) Каждая секция с ее согласия может быть утверждена профессиональным союзом соответственной отрасли производства в качестве отдела контроля при этом союзе. При чем она остается секцией совета фабрично-заводских комитетов.

5) Настоящая конференция избирает центр фабрично-заводских комитетов, который признается отделом регулирования промышленности и рабочего контроля во Всероссийском Совете Профессиональных Союзов, при чем в его состав входят также представители Всероссийских объединений проф. союзов. На таких же основаниях определяется отношение между местными Советами фабрично-заводских комитетов и Советами профессиональных союзов".

Однако, из этого акта мы видим, что фаб.-зав. комитеты и их объединения так рано умирать на хотели.

Очевидно, отмирание самостоятельной роли фаб.-зав. комитетов могло произойти лишь с полным завершением тех

боевых задач, для осуществления которых они были предназначены, т.-е. с неизбежным отмиранием функций самостоятельного рабочего контроля, проводимого завкомами.

И, действительно, конец борьбы за рабочий контроль, замена контроля регулированием промышленности при помощи пролетарских государственных органов, был концом старых самостоятельных завкомов и началом нового существования их **внутри** профсоюзов.

Пятая конференция фаб.-зав. комитетов г. Петрограда, состоявшаяся вскоре после Октябрьского переворота 15—16 ноября, приветствуя декрет о рабочем контроле, говорит еще „о дружной **совместной** работе завкомов и профсоюзов", а 6-ая конференция фабзавкомов в феврале 1918 г. уже считает необходимым полное слияние обоих организаций.

Резолюция о слиянии фабзавкомов и профсоюзов гласит:

„6-ая конференция фабрично-заводских комитетов, принимая во внимание, что выдвинутые Октябрьской революцией перед рабочим классом огромные задачи регулирования и организации народного хозяйства требуют концентрации всех его сил и теснейшего сотрудничества и слияния в общем деле всех его экономических организаций, находит, что, наблюдающиеся сплошь и рядом трения и столкновения между профессиональными союзами и объединениями, с одной стороны, и фабрично-заводскими комитетами и их объединениями, с другой, крайне вредят и мешают этому делу и приводят к полной дезорганизации и к напрасной затрате сил обоих организаций на одну и ту же работу, признавая далее практику и опыт профессиональных союзов—в вопросах защиты и регулирования труда, как основного фактора производства, и фабрично-заводских комитетов в области организации и регулирования производства, конференция считает необходимым полное слияние обеих этих организаций в одну производственную рабочую организацию.

Принимая все вышеизложенное во внимание, 6-ая конференция фабрично-заводских комитетов гор. Петрограда подтверждает принятые на совещании представителей Петро-

градского Совета Профессиональных Союзов, Центрального Совета фабрично-заводских комитетов и Петроградского союза металлистов нижеследующие положения:

1) Все рабочие и служащие предприятия образуют основу и фундамент производственного союза.

2) Исполнительным органом производственного союза является выборный рабочими и служащими предприятия комитет.

3) Членами производственного союза должны быть все рабочие и служащие данного предприятия.

Примечание. Члены фабрично-заводской администрации, если не выбраны рабочими или союзом, в состав производственного союза входить не могут.

4) Верховным органом производственного союза является конференция делегатов фабрично-заводских комитетов данной отрасли производств, выбирающая правление производственного союза. Правление выбирает из своего состава Исполнительный Комитет.

5) С реорганизацией союзов, согласно намеченным принципам, все функции, выполняемые Центральным Советом фабрично-заводских комитетов, передаются соответственным производственным объединениям.

6) Все производственные и профессиональные союзы данного города объединяются в местные советы производственных и профессиональных союзов.

7) Для скорейшего и безболезненного создания единой рабочей организации в данном производстве совещание предлагает следующее:

а) Существующие в отдельных предприятиях делегатские советы профессиональных союзов сливаются с фабрично-заводскими комитетами, образуя на местах одну общую ячейку производственного союза.

б) Центр фабрично-заводских комитетов и Совет Профессиональных Союзов вместе с соответствующими профессиональными союзами созывают совместные конференции делегатских советов и фабрично-заводских комитетов по отраслям производства, которые направляют и оформляют этот процесс слияния.

6-ая общегородская конференция фабрично-заводских комитетов предлагает всем фабрично-заводским комитетам руководствоваться вышеозначенными принципами по организации единого производственного союза.

Первыми проводят в жизнь это положение, выработанное президиумом 6 конференции фаб.-зав. комитетов, совместно с Центральным советом фаб.-зав. комитетов, Петроградским советом проф. Союзов и Петроградским союзом металлистов— идущие, как всегда, впереди—питерские металлисты. 27 января 1918 года они решают переорганизовать на основе этих положений союз. А 1 апреля 1918 года на объединенной конференции союза и завкомов слияние было уже завершено окончательно.

На этой конференции необходимость и целесообразность слияния находит уже всеобщее свое признание. Представитель Центр. правления союза тов. Боровик указывает, что союзу приходится разрешать труднейшие задачи в области организации производства, в которых он чувствует себя недостаточно подготовленным. „Школа технического опыта и знания не в наших руках. В этой работе и в этой борьбе не должно быть параллельных организаций. Наша организация должна быть едина, и поэтому необходимо слияние союза с заводскими комитетами для увеличения сил для единовременных выступлений“.

Необходимость единства в этот момент подчеркивает и представитель Центрального Совета фаб.-зав. комитетов. „Рабочий класс развернул свою энергию и перенес ее в область народного хозяйства. Заводские комитеты выступили сначала, как политические руководители, а затем, как регуляторы хозяйства. Был период, когда параллельное существование союзов и завкомов было необходимо. Революция вызвала к жизни заводские комитеты, революция и объединила нас“...

От имени обоих организаций, согласованно выступавших на объединенной конференции, была предложена резолюция, констатирующая факт слияния двух организаций металлообрабатывающей промышленности в одном производственном центре.

Но эта резолюция имела значение не только для металлистов. Фактически с этого момента прекращалась самостоятельная жизнь Центрального Совета фаб. зав. комитетов.

В пункте втором этой исторической для фаб.-зав. комитетов резолюции конференция постановила:

„С уходом из Центрального Совета фаб.-зав. комитетов представителей металлообрабатывающей промышленности, составляющей около $^2/_3$ этой организации, Центральный Совет фаб.-зав. комитетов перестает быть центром объединения заводских комитетов, и процентные отчисления в пользу Центрального Совета прекращаются“.

Всероссийские съезды металлистов и текстильщиков в своих резолюциях окончательно подчеркивают новую роль профсоюзов. „Союзы стали окончательно на путь производственного строительства не только для борьбы за лучшие условия жизни, но и для регулирования самого процесса производства“,

Отсюда вывод—дальнейшее раздельное существование двух рабочих организаций с одинаковыми задачами нецелесообразно и даже вредно для рабочего класса.

Этот окончательный вывод делает первый Всероссийский Съезд профсоюзов, принимая резолюцию, подчеркивающую, что „с развитием и укреплением производственных профессиональных союзов, фаб.-зав. комитеты должны стать органами соответствующих профессиональных союзов“.

Съезд подчеркивает, что это объединение тем более необходимо, что рабочему классу предстоит разрешить сложнейшие хозяйственные проблемы.

„Принимая во внимание, что целый ряд сложных, организационно-хозяйственных задач, связанных с вопросами демобилизации, контроля и регулирования промышленности требует от пролетариата напряжения и объединения всех его сил; что параллельное существование двух форм экономической организации рабочего класса с перекрещивающимися функциями способно лишь затруднить процесс сосредоточения всех сил пролетариата, съезд считает, что все перечисленные организационно-хозяйственные задачи

рабочий класс может лучше всего выполнить под руководством своих классовых экономических организаций, построенных по производственному принципу.

В тех местах, где фабрично-заводские комитеты еще не превратились в органы соответствующих производственных профессиональных союзов, они могут сыграть выдающуюся роль при проведении и осуществлении указанных задач, если будут работать в полном единении с профессиональными союзами.

Осуществляя директиву съезда, ВЦСПС в середине 1918 г. циркуляром ко всем профессиональным организациям указывает практические пути слияния завкомов с профсоюзами. „Все рабочие и служащие данного предприятия образуют основу и фундамент производственного союза. Исполнительным органом производственного союза является комитет, выбранный рабочими и служащими предприятия из лиц, состоящих членами проф. союзов“. Таково основное положение этих циркулярных указаний. Отсюда неизбежным являлось упразднение организационных центров фаб.-зав. комитетов: „С реорганизацией союзов, согласно намеченным принципам, все функции, выполняемые Центральным Советом фаб.-зав. комитетов, передаются соответствующим производственным объединениям“.

Так в течение 1918 года был завершен процесс слияния завкомов с профсоюзами.

Ко времени второго Всероссийского съезда профсоюзов рабочий класс имел уже единый верховный орган пролетариата, руководивший его экономическим движением и его первыми шагами в области социалистического строительства. Второй съезд профсоюзов, происходивший в январе 1919 г., положил фаб.-зав. комитеты в основу организационного построения союзов: „Основной ячейкой производственного союза на местах является фабрично-заводской комитет“.

Задачи и функции завкомов съезд ограничил работой завкомов в области найма и увольнения, наблюдения за правильным выполнением коллективного договора, участием в расценочных комиссиях и общим контролем над работой предприятия.

Конкретизацию новых задач ВЦСПС дал в первом уставе, определившем новую роль завкомов, как ячеек профсоюзов, утвержденном ВЦСПС и Московским Советом Профсоюзов 12 августа 1918 года.

Устав гласит:

„Фабрично-заводской комитет, как орган союза, проводит в предприятии в области экономической, регулирования промышленности, охраны труда, культурно-просветительной и во всех иных областях своей деятельности все постановления Союзных Конференций, Правления Союза и других уполномоченных органов союза, руководствуясь при этом постановлениями местных союзных объединений, Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов, Высшего и местных Советов Народного Хозяйства, Комиссариата Труда и декретами Советской власти.

Для осуществления этих задач фабрично-заводской комитет:

а) принимает по постановлению союза все меры к сплочению в одну производственную организацию всех рабочих и служащих данного предприятия,

б) проводит установленную производственным союзом среди рабочих и служащих строгую пролетарскую дисциплину,

в) следит за точным выполнением всех мер и постановлений Народного Комиссариата Труда, направленных к защите и охране труда, и изыскивает способы для облегчения условий труда,

г) наблюдает за выполнением предприятием всех установленных СНХ и производственным союзом мер, направленных к поднятию производительности и поддержанию нормального хода работ,

д) строго следит за точным и взаимным выполнением тарифного договора и нормальной производительностью,

е) проводит в полном объеме рабочий контроль,

ж) принимает на себя заботу о снабжении рабочих и служащих предметами первой необходимости, в пределах постановления продовольственных органов, для чего входит в сношения с соответствующими организациями по устройству общественных столовых, потребительных лавок и т. п.,

з) устраивает под руководством союзов культурно-просветительные учреждения при фабрике: школы, библиотеки, читальни, народные дома, детские площадки, сады и проч.".

Таковы задачи.

Отсюда вытекают и права завкомов. Устав формулирует их кратко:

„Фабрично-заводской комитет имеет право: а) для поддержания рабочей дисциплины проводить в исполнение решение товарищеского суда и налагаемых им взысканий, согласно правилам распорядка и тарифного договора, б) участвовать в приеме и увольнении рабочих и служащих, согласно декрета о Биржах Труда и инструкции союза".

Резолюции Второго Всероссийского Съезда только закрепили фактически уже осуществленный процесс слияния фаб.-зав. комитетов с профсоюзами.

Вместе с его завершением была закончена и революционно-боевая историческая задача фаб.-зав. комитетов в области экономического переворота—преодоления капиталистического способа производства.

Пролетариат твердо стал хозяином и творцом новой фабрики, преобразующейся в социалистическую.

Это преобразование—процесс длительный и трудный, совершаемый объединенными усилиями всех организаций победившего пролетариата.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Фабрично-заводские комитеты в эпоху диктатуры пролетариата и их дальнейшая роль в строительстве социалистической фабрики.

Фабрично-заводские комитеты в период военного коммунизма.

„Пролетариат,—писал Маркс в 1850 г.,— воспользуется своим господствующим положением для того, чтобы сконцентрировать все средства производства в руках государства, т. е организованного в рабочий класс пролетариата, и возможно скорее увеличить массу производительных сил.“.

Такую задачу и возможность ее выполнения дала русскому пролетариату его октябрьская победа, положившая начало эпохе диктатуры пролетариата и строительства социалистической фабрики.

Октябрьская революция победила, как производственно-хозяйственная революция, открыв пути организации производства на общественных началах новому коммунистическому способу производства.

Но победа нового способа производства не могла быть достигнута сразу—одним героическим усилием пролетариата. Ставший у власти молодой рабочий класс России, творчески-полный, социалистический по устремлениям, был неопытен и неприспособлен к осуществлению этих устремлений, да еще в сложной и своеобразной обстановке русской революции.

Первым шагом его на этом пути было установление диктатуры пролетариата.

Диктатура пролетариата—это рабочая государственность, имеющая своей задачей не только разрушение буржуазно-капиталистических отношений и старой государственной системы, но и создание условий и предпосылок социалистического строительства. Этот процесс преодоления капиталистического способа производства и всего строя капиталистических отношений должен заполнить весь тот исторический переходный период, который Маркс назвал „периодом превращения капиталистического строя в коммунистический“.

И почти так же, как капиталистический способ производства прошел в своем развитии целый ряд фаз, так же и организация производства на коммунистических началах не могла быть установлена сразу и полностью—одним декретированием или вооруженной борьбой.

Пролетариату в этом направлении предстоял длинный и мучительный путь, на котором неизбежны были отступления и сдвиги. Но в основном в течение всех лет тяжелой послеоктябрьской борьбы русский рабочий класс с этого пути не сворачивал. К *социализму пролетариат шел и мог итти, только укрепляя и упрочивая свою экономическую, производственную диктатуру*. Политическая диктатура дала ему только возможность оборонять социальную революцию и помогла ему сломить тот всеобщий саботаж и отчаянное сопротивление капитала, которое в различных формах проявлялось в этот переходный период.

Народное хозяйство и производство, которое было, находясь в руках буржуазии, чуждым и враждебным пролетариату, стало базой его нового бытия. И если первый съезд профсоюзов туманно намекает на то, что „политическая победа рабочих и крестьян подводит к победе над капиталистическим способом производства“, то уже второй съезд профсоюзов, на основании больше чем годичного опыта борьбы в этом направлении, указывает даже пути этой основной, поставленной революцией цели. „Дело обобществления всех орудий производства и организации общества на новых социалистических началах требует упорной, дли-

тельной работы над перестройкой всего государственного аппарата, создания новых органов учета, контроля и регулирования производства и потребления, покоющихся на организационной самодеятельности самих заинтересованных широких трудящихся масс“.

Такие органы пролетариат уже имел в лице советов народного хозяйства, с одной стороны, и профессиональных союзов—с другой.

Именно они должны были явиться выразителями и исполнителями диктатуры рабочего класса и в области экономической и в области социально-политической.

Историческую роль и значение советов народного хозяйства определил на первом Всероссийском съезде С. Н. Х. тов. Ленин.

„На высший совет народного хозяйства легла теперь одна из трудных и одна из самых благодарных задач. Нет никакого сомнения, что чем дальше будут двигаться завоевания Октябрьской революции, чем глубже пойдет этот переворот, который начат ею, чем прочнее будут закладываться завоевания социалистической революции и упрочение социалистического строя, тем больше, тем выше будет становиться роль Советов Нар. Хоз., которым предстоит одним только из всех государственных учреждений сохранить за собою прочное место, которое будет тем более прочно, чем ближе мы будем к установлению социалистического порядка, чем меньше будет надобности в аппарате чисто административном, в аппарате, ведающем собственно только управление. Этому аппарату суждено после того, как сломлено будет окончательно сопротивление эксплоататоров, после того, как трудящиеся научатся организовать социалистическое производство, этому аппарату управления в собственном тесном и узком смысле слова, аппарату старого государства, суждено умереть, а аппарату типа Высшего Совета Народного Хозяйства суждено расти, развиваться и крепнуть, заполняя собой всю главнейшую деятельность организованного общества“ [1]).

---

[1]) Труды I Всероссийского съезда С. Н. Х., стр. 3.

Однако, перспектива, нарисованная т. Лениным, дело более или менее отдаленного будущего.

По мере того, как национализировалась одна отрасль промышленности за другой, создавались и новые органы управления производством: советы народного хозяйства, главные комитеты по управлению национализированными предприятиями и т. п. Но эти органы, хотя созданные пролетариатом и даже в значительной своей части имеющие пролетарский состав, все же не могли отказаться от неизбежных административных функций, а значит, и от известного временного, но неизбежного налета бюрократизма. Советы народного хозяйства не могли полностью охватить рабочий класс, его нужды и его запросы, а значит, не могли быть теми органами, которые находят и вовлекают самые широкие рабочие массы в процесс созидания своего социалистического хозяйства.

Задача, формулированная в 1850 году Марксом для переходного времени, каким является период диктатуры пролетариата, могла быть успешно разрешена только при наличии таких организаций пролетариата, которые ближе и тесней стояли бы и к пролетариату и к производству.

Такими организациями могли быть только профессиональные союзы, перестроившиеся по производственному принципу и принявшие самое живое и активное участие во всей грандиозной постройке хозяйственного организма страны в период диктатуры пролетариата.

Задачи союзов после Октябрьского переворота были определены отчетливо, твердо и прямо на Первом Всероссийском Съезде Проф. союзов: „Центр тяжести работы профессиональных союзов должен быть перенесен в область организационно - хозяйственную. Профессиональные союзы должны взять на себя главную работу по организации производства и воссоздание подорванных сил страны“.

Но и другую задачу профсоюзы поставили перед собой не менее решительно: „На долю профессиональных союзов выпадает не только защита интересов рабочего класса, но и подготовка его к роли организатора-производителя при

переходе от частно-хозяйственной монополии к государственной, а от последней—к **национализму**, **а от нее к социализму**".

Таковы в самых общих чертах сущность и задачи эпохи диктатуры пролетариата и таковы органы, эту диктатуру осуществляющие.

Какую же роль играют и какое место занимают фабрично-заводские комитеты в период диктатуры пролетариата?

Они—лучшие и единственные проводники всех начинаний и мероприятий пролетарской власти в самых широких рабочих массах.

Фабрично-заводские комитеты, живя и болея нуждами, интересами и запросами рабочей массы, будучи с нею теснейшим образом связаны, одновременно являлись и теми основными ячейками, теми базами, опираясь на которые могли проводить свои мероприятия и профсоюзы, и хозяйственные органы, и Советская власть в целом.

Вот почему история фабрично-заводских комитетов в послеоктябрьское время неотделима от истории профсоюзов, от истории революции, от тех страданий и испытаний, которые вынес в ожесточенной борьбе за свою политическую и экономическую диктатуру весь российский рабочий класс.

Перед Советской властью стояли задачи органического преобразования капиталистического строя в социалистический путем налаживания производства на новых началах и создания мощной социалистической армии, способной защитить завоевания революции и обеспечить созидательную работу внутри страны. Эти же задачи стали основными и для фабрично-заводских комитетов. Связав свою судьбу с судьбой молодого пролетарского государства, русские профессиональные союзы уже ни на одну мииуту не отделяли интересов государства от интересов рабочего класса. Отказавшись на другой день после октября от стачечной борьбы, профсоюзы все свои силы, знания и опыт бросили на поддержку и укрепление своей рабоче-крестьянской власти и на организацию всего социалистического хозяйства.

Декреты Советской власти находили немедленных и активных проводников в лице союзов и заводских комитетов.

Когда, вскоре после захвата власти, молодой пролетарской республике пришлось взяться за грандиозные задачи ликвидации войны и перехода к мирному труду, они оказались осуществимыми только потому, что профсоюзы и завкомы немедленно отозвались и энергично взялись за проведение этих задач в жизнь.

Демобилизация промышленности, на подготовку и проведение которой даже в наиболее организованных и крупнейших государствах Запада затрачивалось так много времени, сил и средств, в России могла быть проведена только благодаря тому крайнему напряжению всех сил, которое обнаружили профсоюзы и заводские комитеты. Постановление Совета Народных Комиссаров от 20 декабря о приостановке заводов и переходе к демобилизации немедленно вызвало ряд энергичных мероприятий со стороны рабочих организаций. В своих циркулярах профсоюзы конкретизировали общее постановление С. Н. К., давая директивы и инструкции по проведению его в жизнь.

В одном из таких циркуляров союз металлистов, обращая внимание заводских комитетов „на значительные задачи, выдвинутые перед ними постановлением С. Н. К. и громадную ответственность, которая на них при этом ложится“, предлагает заводским комитетам напрячь все силы для новой работы: „заводским комитетам предстоит колоссальная работа по подготовке заводов к переходу на работы мирного времени. На все время приостановки предприятий заводские комитеты должны оставаться на своем посту. Ни один заводской комитет не должен распускать себя ни на один день. Весь аппарат заводских комитетов должен работать больше и напряженнее, чем когда-либо. В качестве первого шага, направленного к возможно более успешному осуществлению мероприятий, связанных с демобилизацией предприятия, союз рабочих металлистов предлагает немедленно образовать в каждом заводе смешанную демобилизационную комиссию. В состав комиссии должны быть обязательно привлечены силы технического персонала предприятия“ [1]).

---

[1]) Циркуляр № 2 от 28 декабря 1917 г. Архив Петр. Союза Раб. Металь

И далее союз металлистов подробно указывает в этом ж циркуляре тот круг практических мероприятий, которые должен проводить заводской комитет в области демобилизации промышленности.

Государственная точка зрения определяет все распоряжения и мероприятия профсоюзов в процессе национализации промышленности, когда профессиональным организациям нередко приходилось останавливать и вправлять в рамки стихийное стремление рабочих и заводских комитетов к захвату отдельных предприятий в свои руки.

Тот же Петроградский союз металлистов выносит категорическое постановление, запрещающее дезорганизующие выступления заводских комитетов: „Под нависшей грозой безработицы, безудержного расхищения и разрушения народного хозяйства империалистической буржуазией, а также вследствие стихийно начавшейся демобилизации промышленности и саботажа предпринимателей, в рабочей среде некоторых заводов начинает господствовать весьма вредное в данное время с точки зрения рабочего класса стремление взять в свои руки, т.-е. переход отдельного завода в руки рабочих каждого данного предприятия. Это худшее подражание давно обанкротившейся идеи производительной кооперации, неминуемо вырождающейся в капиталистической форме производства. Рабочий класс стремится к обобществлению производства, но отнюдь не к тому, чтобы отдельные заводы переходили в собственность только работающих на них рабочих. Центральное Правление Союза Рабочих Металлистов считает, что всякое предприятие, покинутое, оставленное или саботируемое предпринимателем, но производство которого необходимо в интересах народного хозяйства, должно перейти в ведение государства или его органов, которые, совместно с рабочими организациями и при участии контроля рабочих данного предприятия, обеспечат функционирование последнего. Захваты рабочими предприятий в свои руки без санкции рабочих организаций и государства недопустимы“.

Под руководством профессиональных союзов фабрично-заводские комитеты становятся воспитателями широких ра-

бочих масс в духе пролетарских классовых задач и общегосударственных интересов.

Всяким дезорганизованным выступлениям, будет ли это захват предприятия или забастовка, теперь уже сами представители рабочих кладут резкий и решительный запрет. В этом отношении показательным явился тот дружный отпор, которым встретили все заводские комитеты и проф. союзы г. Москвы начинавшуюся забастовку московских железнодорожников летом 1918 года.

Резолюция 4-й Московской конференции фабрично-заводских комитетов заявила твердо и властно:

„Всякая остановка работы, всякая забастовка является предательством дела пролетарской революции, помогает капиталу в борьбе его за восстановление его власти, увеличивая неизбежно голод и разруху. Объединенное заседание представителей фабрично-заводских комитетов г. Москвы, представителей профессиональных оранизаций и Московского Совета Рабочих и красноармейских депутатов объявляет всех рабочих, останавливающих работу предприятий при настоящих условиях, отщепенцами рабочего движения и отдает их на суд международного пролетариата".

Это сознание своей прочной связи с пролетарским государством еще укрепляется в моменты грозной опасности— внешней или внутренней,—грозящей молодой республике, строющейся в невероятно трудных условиях. Контр-революция внутри страны, поддерживаемая международной буржуазией, вылилась в открытый поход против Советской России. Сначала выступление германского империализма, угроза Петрограду со стороны немецкой оккупации, потом выступление „союзников" на Мурмане, в Сибири, у Каспийского моря, неизбежный переход войны с оккупантами в ожесточенную и решительную гражданскую борьбу с бешено сопротивляющейся отечественной буржуазией — все это требовало напряжения всех сил, быстрой организации обороны и неустанной бдительности со стороны всего рабочего класса, окруженного врагами.

В этот ответственный момент рабочие организации, трезво и деловито учитывая опасность, не впадая в состояние ра-

стерянности и отчаяния, быстро ставят себе основные практические задачи: „энергичное участие по воссозданию боевых сил страны“ и „работа по поднятию производительности труда“ (из резолюции IV конференции профсоюзов в Москве).

Создание Красной армии, как в предоктябрьские дни создание Красной гвардии, является делом рук рабочих организаций, формирующих пролетарские батальоны на фабриках и заводах.

„Создание Красной рабочей и крестьянской армии есть священный долг рабочего класса,—заявляют в своей резолюции о Красной армии фабрично-заводские комитеты Москвы, собравшиеся в июне 1918 года на свою четвертую конференцию,—защита Советской Республики есть защита крепости международной революции. Все пролетарские организации, все передовые рабочие обязаны приложить все усилия к делу мужественной, решительной и беззаветной защиты Советской Социалистической Республики“. „Профессиональные союзы и фабрично-заводские комитеты должны всеми мерами содействовать боевому обучению и воспитанию молодых поколений рабочего класса“, „наряду с этим конференция одобряет обязательный набор нескольких возрастов из категории рабочих и крестьян в состав Красной армии. Профессиональные союзы и заводские комитеты обязаны и впредь оказывать такому набору всестороннее идейное и организационное содействие“. „Конференция вменяет в обязанность профессиональным союзам и фабрично-заводским комитетам строго следить за тем, чтобы в ряды Красной армии не могли проникнуть развращенные элементы, контр-революционеры, штрейкбрехеры, агенты буржуазии“ [1]).

Так строили фабрично-заводские комитеты свою Красную армию, тщательно фильтруя ее пролетарский состав, готовясь к решительной схватке с врагами революции.

Еще труднее оказалась другая задача, поставленная рабочими организациями и также теснейшим образом свя-

---

[1]) Резолюция IV конференции фаб.-зав. комитетов г. Москвы—„Профессиональный Вестник“, № 11—12.

занная с организацией дела обороны: работа по налаживанию производства и по поднятию производительности труда. Падение производительности труда, вызванное ухудшением питания рабочих, напряженной работой в период войны в милитаризированной промышленности и другими объективными причинами, приняло катастрофический характер. Вопрос о поднятии производительности труда и производственной дисциплины стал основным и самым актуальным вопросом дня, не сходившим с обсуждения всех рабочих организаций и со столбцов рабочих газет. Этому жгучему вопросу посвящает целых 3 заседания в марте и апреле 1918 года Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов. Предлагая ряд конкретных мероприятий для поднятия производительности труда, Совет проф. союзов вменяет фабрично-заводским комитетам в обязанность „немедленно выяснить причины и условия, препятствующие поднятию производительности, и, изложив свое мнение о мерах к их устранению, довести это до сведения отдела нормирования своего союза“. При фабрично-заводских комитетах должны быть организованы специальные комиссии (Бюро нормирования) „для определения норм производительности как данного предприятия, так и отдельных категорий рабочих, сообразно с техническим оборудованием предприятия и состоянием производительных сил“.

Общие указания Центр. Совета Профсоюзов ложатся в основу ряда постановлений фабрично-заводских комитетов и их конкретных мероприятий в этой области.

Фабрично-заводские комитеты металлообрабатывающих предприятий г. Петрограда на конференции 25 мая 1918 г. выносят следующую решительную резолюцию: „Проведение тарифа и участие в восстановлении разрушенной промышленности налагают на организации рабочего класса необходимость поддержания определенной производственной и организационной дисциплины. В проведении такой дисциплины одинаково заинтересованы как производственные союзы, так и заводские комитеты. Конференция считает недопустимым произвольные нарушения решений, принятых ответственной организацией рабочего класса—производственного

союза, и призывает товарищей на местах настойчиво удерживать массы от всяких выступлений противоречащих постановлениям руководящих органов союза. Конференция подтверждает утвержденное Комиссариатом Труда и принятое Общегородским Делегатским Советом „Положение о нормах заработной платы". Всякое нарушение организационной дисциплины является нарушением воли организованных рабочих и ставит нарушителей вне защиты и покровительства организаций. Конференция постановляет, что резкое нарушение дисциплины должно повлечь за собой исключение из союза и удаление с завода".

Не менее категорично звучит и постановление фабрично-заводских комитетов г. Москвы: „Присоединяясь к резолюции, вынесенной Всероссийским Центральным Советом профессиональных союзов, 4-я конференция фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов г. Москвы считает своим долгом приступить к последовательному и решительному проведению в жизнь на местах принципов трудовой дисциплины, положенных в основу этой резолюции.

1) В первую очередь фабрично-заводские комитеты должны твердо и неуклонно проводить союзную дисциплину, неукоснительно выполняя, как общие директивы руководящих центров профессионального движения, так и все постановления конференций фабрично-заводских и центральных правлений производственных союзов.

2) Все фабрично-заводские комитеты должны немедленно на местах приступить, под руководством своего союза, к организации нормировочно-расценочных комиссий—„бюро нормирований", и с должной энергией и решительностью бороться с хищениями, злоупотреблениями по должности, недобросовестным исполнением своих обязанностей, с чьей бы стороны таковые ни исходили, и тщательно следить за выполнением правил внутреннего распорядка, выработанных и принятых собственным союзом.

3) Для этой цели на местах повсюду должны быть организованы товарищеские суды из безусловно заслуживающих доверие товарищей рабочих.

4) Фабрично-заводские комитеты и профессиональные союзы, последовательно проводя в жизнь начало трудовой пролетарской дисциплины, не должны останавливаться перед исключением из трудовой рабочей среды всех нарушающих общую рабочую дисциплину, всех дезорганизующих ряды рабочего класса.

5) Сознав всю важность переживаемого момента, 4-я конференция фабрично-заводских комитетов профессиональных союзов г. Москвы призывает весь российский пролетариат сомкнуть свои ряды вокруг своих производственных союзов и путем строжайшей самодисциплины и активной поддержки экономической политики, проводимой в общеклассовом масштабе союзными объединениями, поднять на должную высоту производительность труда и тем самым разрушенное производство".

Эти призывы фабрично-заводских комитетов к „строжайшей самодисциплине", к активному „рабочему самоконтролю" вызывали недовольство малосознательных элементов в рабочей среде и усиленную контр-революционную агитацию со стороны враждебных партий. Но рабочие организации не могли остановиться перед какими бы то ни было препятствиями на пути к борьбе с хозяйственным развалом.

„Безответственное отношение к работе должно встретить самое суровое осуждение сознательных рабочих",—писал орган Всер. Совета Проф. союзов по поводу этих враждебных выступлений против самодисциплины, проводимой рабочими организациями:—„ненависть и презрение к тем, кто манкирует работой в то время, когда он должен быть сугубо заинтересован в ее повышении, когда все поры этого времени должны быть заполнены трудом. Теперь или никогда. От того, что уменьшается национальный капитал—продукты производства, хозяйственные блага, социалистическому отечеству грозит неизмеримая опасность. Мы должны немедленно установить рабочий контроль над выработкой всех рабочих" [1]).

Как временная необходимость, признаются и вводятся

[1]) „Профес. Вестник" № 5—6. См. ст. „Самодисциплина трудящихся".

сдельные работы под контролем фабрично-заводских комитетов и профсоюзов.

Положение рабочего класса летом 1918 года еще ухудшилось, вследствие надвинувшегося голода. Продовольственный вопрос стал острее всех остальных. Особенно тяжело было положение обеих столиц. На голоде и истощении рабочего класса, находившегося под угрозой наступающей контр-революции, в этот момент попытались сыграть враждебные революции партии—меньшевики и эсеры. Они создавали в предприятиях Москвы и Петрограда группы недовольных рабочих, выбирали из их среды уполномоченных и пытались этим представительством заменить фабрично-заводские комитеты, создавая новые организации—советы уполномоченных. Особенно активную деятельность развернули меньшевистские организации в Петрограде, собирая под шумок „чрезвычайные“ собрания уполномоченных фабрик и заводов г. Петрограда и стремясь дискредитировать занятые отражением внешнего врага Советы Раб. Деп. профсоюзы, фаб.-зав. комитеты, якобы переставшие выражать мнение и защищать интересы рабочего класса.

Характерной для той политической физиономии, которую имела эта фиктивно-представительная организация фаб.-зав. рабочих г. Петрограда, является декларация, с которой обратилось ко всем рабочим и работницам „Собрание уполномоченных“ 16 апреля 1918 года. Декларация указывала, что год тому назад рабочий класс имел возможность строить свои классовые организации,—создавать „фабрично-заводские комитеты, которые защищали наши интересы перед заводской администрацией, следили за выполнением всех обязательств капиталистов по отношению к рабочим и содействовали разрешению конфликтов и недоразумений“, а также строить профсоюзы, которые „объединяли рабочих на почве борьбы с капиталом за сохранение сделанных пролетариатом завоеваний и за дальнейшее улучшение экономического положения рабочих“,—и что теперь рабочие, под влиянием якобы обманувшей их коммунистической партии, „поверили, что упразднено буржуазное общество, что нет больше классов, значит и классовой борьбы и что не нужно больше

классовых организаций". Дальше декларация освещала настоящее положение в следующих мрачных красках:

„Рабочий класс перестал быть борцом против существующего строя, а принялся организовать общественное хозяйство. А тем временем в корне разрушалось здание воздвигнутых рабочими классовых организаций... Профессиональные союзы перестали заниматься своим делом, они не руководят больше борьбой рабочих, не борятся за их классовые интересы. Они не ведут больше пропаганды классовой борьбы. Они организуют хозяйство и попадают часто в непримиримое противоречие с интересами рабочих.—Они поддерживают всю разрушительную политику „Советов", рабочий контроль, национализацию банков и пр. и пр., содействуя тем разрушению промышленности и подрывая самую основу существования рабочих. Союзы не защищают работающих и не могут бороться с безработицей. Поддерживая во всем Советскую власть, союзы способствуют усилению безработицы, уничтожая всякую возможность борьбы с ней. Заводские комитеты... они имеют много забот, надо заменять изгнанных хозяев, надо рассчитывать рабочих, закрывать фабрики, искать сырье, вербовать красную гвардию и пр. и пр. Наши выборные люди нас же преследуют, против нас же вооружаются и окружают себя пулеметами в том случае, когда мы выражаем им недоверие и хотим их сместить. В эти смертельные, тяжкие дни мы остались без своих рабочих организаций".

Что же предлагали рабочему классу меньшевики?

Ни больше, ни меньше как то, чтобы рабочие „сбросили с себя ответственность за действие власти и вернулись к выполнению тех задач, которые мы поставили в весенние дни 17 года".

„Требуйте", призывала декларация рабочих: „чтоб союзы порвали незаконную связь с государственной властью, ибо интересы рабочих могут столкнуться с интересами любой власти и уже столкнулись с советской. Союзы должны быть свободными, независимыми—только при этих условиях они могут защищать интересы рабочих, наши политические убеждения не должны касаться союзов. Союзы

должны брать под защиту всех рабочих, независимо от партийных принадлежностей и политических убеждений. Товарищи,—все от нас зависит. Если мы захотим такой независимой работы наших организаций, то союзы должны будут творить нашу волю. Мы переизберем руководителей и заставим их делать наше дело. Так союз печатников на своем последнем общем собрании уже свергнул негодное правление. Заводские комитеты в наших руках. И если мы будем внимательно следить за их работой, если мы будем требовать от них серьезного отчета, они не посмеют сделать ни одного шага против нас. В противном случае—перевыборы".

Итак, политическая платформа, предлагаемая меньшевиками рабочим организациям в опаснейший для революции момент, сводилась к тому, что „фабрично-заводские комитеты, союзы, советы должны немедленно отказаться от чуждых им задач, должны разорвать свою связь с властью, должны стать органами свободной воли рабочего класса, органами его борьбы" [1]).

Как ответили фабрично-заводские комитеты России па эти призывы меньшевиков?

Даже те немногие „представители", которые явились на эти собрания „уполномоченных", в большинстве подчеркивали, что рабочие „пассивны" и отказались от выборов „уполномоченных", что они никому не верят и признают ту власть, которая их накормит.

Рабочие организации, профсоюзы и завкомы не могли поддаться этому временному упадочному состоянию. Тесно связав свою судьбу с коммунистической партией пролетариата, с интересами и задачами Советской власти, они в самые критические моменты революции шли на помощь и на поддержку пролетарскому государству, предоставляя в его распоряжение надежные и дисциплинированные отряды экономически-организованного пролетариата.

---

[1]) См. протоколы, резолюции и воззвания в спец. бюллетенях „Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов г. Петрограда", №№ 1—2 и 3—4, 1918 г.

Контр-революционной пропаганде меньшевиков заводские комитеты и профессиональные союзы противопоставили в этот отчаянный момент бодрую, энергичную, неустанную работу по организации продовольственного дела.

Это был настоящий мирный поход рабочих в деревню для организации крестьянской бедноты и для реализации с ее помощью нового, стоящего на корню хлеба. Но он являлся только первым шагом участия фабрично-заводских комитетов в деле урегулирования продовольственного вопроса. В дальнейшем на протяжении всего периода гражданской войны, когда борьба за хлеб обозначала борьбу за революцию, участие фабрично-заводских комитетов в продовольственных кампаниях было еще более активным и повсеместным.

Свои задачи в деле борьбы с голодом фабрично-заводские комитеты понимали и формулировали вполне отчетливо еще на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета Р. Д., Центр. Совета Профсоюзов, Фабрично-заводских комитетов и Профсоюзов г. Москвы, 4 июня 1918 года, резолюция которого легла в основу всех дальнейших мероприятий рабочих организаций в области осуществления продовольственной политики Сов. власти:

„Объединенное совещание",—гласила резолюция, — „признает единственно правильной политику Советской власти, политику продовольственной диктатуры, которая означает беспощадную борьбу против врагов народа, кулаков, спекулянтов, мародеров, стремящихся измором взять социалистическую революцию. Мобилизация голодающих рабочих, их обучение и вооружение, их братский союз с деревенской беднотой, их совместный поход против кулаков и спекулянтов—вот единственный способ собрать по доступным народу ценам хлебный запас и обеспечить трудящийся народ до нового урожая.

Объединенное Совещание призывает рабочих к организованной, планомерной, энергичной, решительной борьбе за хлеб. Строгая трудовая дисциплина, строгий трудовой порядок везде и всюду, и прежде всего, в железно-дорожном и водном транспорте, строгий учет всех наличных запасов,

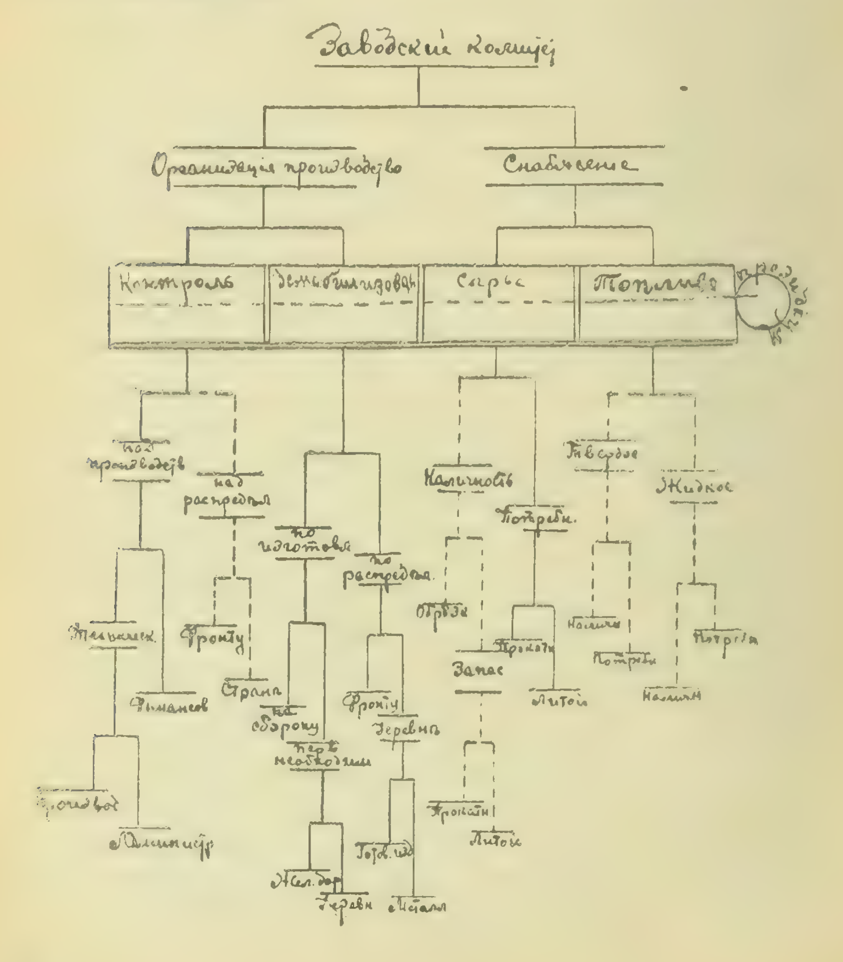
строгое распределение их в стране — таков путь спасения социалистической революции.

На борьбу с голодом, рабочие Москвы и всей России.

Победив голод, мы победим контр-революцию и укрепим коммунистическую Республику навсегда".

Участие фабрично заводских комитетов в производстве.

С первых дней пролетарской революции пролетариат понял конечную цель союзов — овладение производством, но не через свои союзные аппараты, а через органы пролетарского государства, пролетарской диктатуры.

Отсюда и вытекали взаимоотношения союзных и хозяйственных органов на протяжении всего периода военного коммунизма.

Органом экономической диктатуры рабочего класса являлся Высший Совет Народного Хозяйства, но принципиальное направление и руководство всей экономической политикой государственных хозяйственных органов лежало на профессиональных союзах.

В какой мере влияли профессиональные союзы на все стороны хозяйственной жизни страны в период 1918 года, подчеркнул в своем докладе о деятельности ВСНХ тов. Рыков на втором Всероссийском съезде Советов народного хозяйства, происходившем в декабре 1918 года и подводившем итоги хозяйственной работе за год существования Советской власти:

— „Они (профсоюзы) давно уже определяют на конференциях и на съездах фабрично-заводских комитетов экономическую жизнь страны. И вопрос заключается не в том, чтобы передать отдельные отрасли нашей экономической жизни в полное распоряжение профсоюзов, а в том, чтобы поднять профессиональные союзы до сознания ими ответственности за всю хозяйственно-экономическую жизнь России — не только в области отдельных производств, но во всей хозяйственной жизни, в деле учета, в финансовом обращении. И профсоюзы уже стали на эту точку зрения, ибо никто иной, как профессиональные союзы спасли Сов. Россию от голода, когда они организовали хлебные отряды для посылки в деревни. Ибо никто другой, как профессиональные союзы организовали отряды Красной Армии для защиты Советской России и Советской власти. В отношении хозяйственной жизни между ВСНХ и профессиональными союзами существовал полнейший и теснейший контакт.

Профессиональные союзы составляли большинство пленума ВСНХ. Они организовали вместе с нами все главнейшие органы хозяйственной жизни. До сих пор всецело зависела и зависит от них организация рабочей силы“ [1]).

[1]) Труды II Всероссийского Съезда Сов. Нар. Хоз., стр. 55, Изд. ВСНХ, М. 1918.

Все сказанное о профсоюзах можно перенести и на их низовые ячейки—фабрично-заводские комитеты.

К этому времени фабрично-заводские комитеты не только отчетливо понимают свою связанность с производством и свою историческую роль в его преобразовании, но и те практические задачи, которые из этой их роли, да еще в период острой гражданской войны, вытекают.

„В настоящее время и для отсталых и сомневающихся ясна историческая обусловленность хода нашей революции и правильность нашей политики вообще, и союзной, в частности",—заявил докладчик на конференции фабрично-заводских комитетов Петроградских металлообрабатывающих предприятий в докладе об учете металлистов. А на другой конференции металлистов 3 сентября 1919 года эта историческая неизбежность принятой союзами общей политики была подчеркнута еще рельефнее: „Мы говорим, что должны организовать промышленность не потому, что нам хочется, а потому, что история приготовила для нас эту миссию. В России нет и не было промышленного класса в буквальном смысле слова, а есть только жадные, алчные промышленники, которые с особенной легкостью решили разрушить всю промышленность и под развалинами промышленности они надеялись похоронить рабочий класс. И вот, когда мы говорим, что должны организовать народное хозяйство, это не каприз, а историческая необходимость"[1]).

Под знаком этой исторической необходимости начал рабочий класс в 1917 году строить свои фаб.-зав. комитеты, под этим знаком он совершал Октябрьскую революцию и под ним же строил пролетарское народное хозяйство в течение последующих после Октябрьской победы лет. Вот почему даже тогда, когда рабочий контроль в тех формах, в каких он практиковался до национализации, как будто уже был не нужен, рабочая масса на фабриках и заводах все еще держалась за него и за органы, его осуществля-

---

1) Протоколы конференций фаб. зав. комитетов и союза металлистов за 1918—1919 г. Архив Петроградского к-та Союза раб. металлистов.

ющие,—контрольные комиссии, видя в них средства и способы своего активного и непосредственного участия в управлении производством.

Фабрично-заводские комитеты считали себя не только вправе, но и обязанными самым энергичным образом вмешиваться в дела заводоуправления не только в вопросах организации труда, но и производства. Нередко границы между заводскими комитетами и заводоуправлениями до того стирались, что рабочие и сами хозяйственные органы не знали, где начинаются функции заводоуправления и где кончаются функции заводского комитета.

В период 1918—20 года вопросы экономического положения рабочих, вопросы промышленности и организации производства и даже вопросы политические так тесно переплетались, требовали такой напряженной, дружной коллективной работы всех организаций, соприкасающихся с рабочими и их нуждами, что союзам и хозяйственным органам, а равно и их ячейкам в предприятиях — заводским комитетам и заводоуправлениям только и оставалось работать в теснейшем контакте друг с другом. Эпоха военного коммунизма требовала определенного единства действий союзов и хозяйственных органов.

Впрочем, не всегда это единство было незыблемым. Очень часто между тем и другим шла борьба за первенствующее положение в управлении производством. Бывало и так, что фактически предприятием управлял фаб.-зав. комитет, а не заводоуправление. На значительном большинстве заводов столкновения не принимали формы острых конфликтов только потому, что гражданская борьба на фронтах все еще требовала отвлечения всего внимания рабочих организаций именно в эту сторону и заставляла искать компромиссов или иных путей к соглашению и нормальной совместной работе.

Тем не менее уже к концу 1918 года положение начинало ухудшаться.

На втором Всероссийском Съезде Совнархозов докладчик по вопросу о рабочем и государственном контроле констатировал в этой области большой хаос на фабриках и заво-

дах. „На фабриках и заводах сейчас создается двоевластие и даже троевластие — полнейшая сумятица: бюро нормирования труда и зараб. платы, контрольная комиссия, заводоуправление и т. д., и т. п. Все эти организации во многих случаях делают одно и то же, и очень часто между заводоуправлениями и контрольной комиссией возникают очень тяжелые прения, которые ведут к разбирательству дела в профессиональном союзе. Контрольная комиссия не должна вмешиваться в управление: недопустимо, чтобы контрольная комиссия от пассивной деятельности переходила к активной. Пусть она рассмотрит, расследует дело, даже найдет, что оно плохо поставлено, или не чисто ведется, но контрольная комиссия сама не вмешивается активным образом. Это не целесообразно“ [1]).

Чтобы урегулировать эту „сумятицу“ во взаимоотношениях и в действиях различных организаций на предприятиях, Центральный Совет проф. союзов выработал и предложил Съезду СНХ схему организации рабочего и государственного контроля и взаимоотношений союзных и хозяйственных органов.

Эта схема была принята II Всероссийским съездом СНХ в виде следующей резолюции:

„Теперь при политической и экономической диктатуре пролетариата, при национализации промышленности, созданы новые условия для самодеятельности рабочего класса в области организации народного хозяйства — созданы регулирующие и организующие народное хозяйство органы с участием в них представителей профессиональных союзов. Рабочий класс получил широкий доступ в управления отдельных промышленных предприятий. В таких условиях задачи рабочего контроля должны ограничиваться надзором за ходом работ в предприятиях и фактической ревизией деятельности, как отдельных заводоуправлений, так и управлений целых отраслей производства. При этом рабочий контроль осуществляется последующим порядком (т.-е. не

[1]) Труды II Всерос. съезда Сов. Нар. Хоз. стеногр. отчет. Изд. ВСНХ. Москва, 1918 г.

исполнению предшествует поверка, а наоборот). В осуществлении этих задач наиболее заинтересованы производственные союзы и они должны принять самое деятельное участие в контроле в государственном масштабе, чтобы были созданы организации рабочего контроля, которые объединялись бы единым планом и единым центром и которые явились бы органами постепенной подготовки самых широких масс рабочего класса, для непосредственного участия в деле управления и организации подготовки.

В последнее время контролем над производством заняты не только профессиональные союзы, но и Советы Народного Хозяйства, а также и народный комиссариат государственного контроля. Совнархозы, как организующие производство, не должны брать на себя функции контроля над производством, т.-е. над собственной деятельностью. Народный комиссариат государственного контроля, в задачи которого до сих пор не входило контролирование промышленных предприятий, не имеет опыта, а также кадра контролеров, которые способны были бы охватить всю промышленность и опереться на самостоятельность рабочих организаций. Поэтому контроль комиссариата государственного контроля по существу своему и по форме явится бюрократичным и не связанным с рабочими организациями.

Единственно правильным разрешением вопроса об организации рабочего контроля будет передача его в руки профессиональных союзов. Нынешний аппарат государственного контроля не только не должен взять на себя самостоятельно организацию контроля над производством, но постепенно этот аппарат должен замениться контрольным аппаратом рабочих организаций. Контрольные функции главков, центров и отделов Высшего Совета Народного Хозяйства должны быть переданы соответствующим производственным союзам.

Поэтому в каждом национализированном, промышленном, торговом, транспортном и т. д. предприятии местная контрольная комиссия берет на себя надзор за ходом предприятия и деятельностью заводоуправления, для чего собирает и систематизирует все данные, относящиеся к ходу

предприятия, и представляет их в отдел контроля своего производственного союза, перед которым в нужных случаях возбуждает вопрос о назначении ревизии предприятия.

Примечание. В исключительных случаях местная контрольная комиссия имеет право за полной своей ответственностью, при условии немедленного извещения отдела контроля соответствующего производственного (профессионального) союза, назначать ревизию своего предприятия, с точным определением предмета ревизии.

Местная контрольная комиссия организуется: а) из представителей соответствующего производственного (профессионального) союза, б) из лиц, выбранных общим собранием рабочих завода, которые утверждаются комитетом соответствующего производственного (профессионального) союза.

При этом члены местной контрольной комиссии, выделенные комитетом производственного союза, сохраняют свои функции на продолжительный срок, лица же, выбранные общим собранием, должны быть сменяемы, по возможности в короткие сроки, в целях обучения самой широкой массы делу управления и организации производства и постепенного перехода к системе поголовного участия в этом деле всех рабочих.

Местная контрольная комиссия ответственна за свою деятельность, как перед общим собранием рабочих всего завода, так и перед отделом контроля своего производственного (профессионального) союза. В случае злоупотреблений, небрежного отношения к своим обязанностям и т. д. она подвергается строгим взысканиям.

Представители местной контрольной комиссии принимают участие в заседаниях заводоуправления, но лишь с правом совещательного голоса. Распорядительные права по управлению предприятием остаются за правлением предприятия и поэтому вся ответственность за его ход и деятельность остается за заводоуправлением.

Объединение рабочего контроля в рамках того или иного производства должно быть при производственном (профес-

сиональном) союзе. При нем создается отдел рабочего контроля ответственный перед соответствующим правлением союза.

Руководство органами рабочего контроля и всей их деятельностью съезд поручает Всероссийскому центральному совету профессиональных союзов, который организует высший орган рабочего контроля из представителей производственных (профессиональных) объединений.

В целях координации действий и устранения параллелизма в деле контроля органы Нар. Ком. Госконтроля должны действовать в контакте с контрольными органами производственных (профессиональных) союзов.

Высший орган рабочего контроля должен разработать инструкции, подробно определяющие, как права и обязанности низших органов контроля, так и их организацию. Впредь до издания указанных инструкций, органы рабочего контроля в национализированных предприятиях должны руководствоваться данным положением.

Положение о рабочем контроле в национализированных предприятиях должно быть декретировано Советом Народных Комиссаров.

В предприятиях ненационализированных рабочий контроль осуществляется в порядке декрета 14 ноября 1917 г.".

Точно такую же резолюцию принимает в январе 1919 г. Второй Всероссийский Съезд, подчеркнув только принципиальное значение контроля в период борьбы за диктатуру пролетариата: „Господство рабочего класса в экономической жизни страны еще не завершено. Еще продолжается глухая борьба внутри новых хозяйственных форм, что вызывает в широких рабочих массах потребность в массовом контроле над деятельностью органов управления производством. В таких переходных условиях от капиталистического строя к строю социалистическому рабочий контроль из революционного средства борьбы за экономическую диктатуру пролетариата должен стать практическим институтом, способствующим укреплению этой диктатуры в производстве [1]).

---

[1]) Второй Всероссийский Съезд Проф. Союзов. Стеногр. отчет, стр. 113.

Таким образом ни II Съезд Совнархозов, ни II Съезд Профсоюзов не решились сразу покончить с идеей рабочего контроля.

И в продолжение всего 1919 года продолжались нескончаемые прения между заводоуправлениями и заводскими комитетами и контрольными комиссиями на почве вмешательства последних в производство. Да и в самой рабочей среде были еще живучи традиции начала 1918 года.

Как на пример, можно указать на характерные выступления рабочих представителей на Петроградской губернской конференции фаб.-зав. комитетов 29 ноября 1919 г.:

— „В одной инструкции говорится, что мы, как рабочие, не можем взять управление завода в свои руки, так как мы еще не научились, не можем быть допущены к власти в области управления,—заявил делегат Макаров, — но мы учимся на деле. У комитетов есть мнения, которых они должны придерживаться. Мы не допускаем мысли, чтобы заводоуправления не допускали нас к управлению. Когда требуется от заводского комитета или самих рабочих поставить дело в русло, нам приказывают, и мы исполняем. Но мы, заводские комитеты, являемся избранниками рабочих и мы можем контролировать ту же интеллигенцию и заводоуправления, указывая на те дыры, которые они хотят скрыть". Другой делегат конференции от Путиловского завода указал: „весь заводский персонал у нас подчинился заводскому комитету. Отдавала распоряжения дирекция, чтобы была централизация управления, но диктовал заводский комитет и события. Мы шагнули вперед, не считаясь с той инструкцией, которая была издана Всероссийским союзом металлистов, потому что события с ней не считались" [1]).

Такое вмешательство заводских комитетов, чем дальше, тем больше вызывало конфликтов с заводоуправлениями и требовало от центральных союзных органов решительных постановлений для урегулирования взаимоотношения завод-

---

[1]) Протоколы конференций, стеногр. отчет. Стр. 39, Архив петрогр. союза метталистов.

ских комитетов и заводоуправлений. Вот одно из таких постановлений, принятое Всероссийской конференцией металлистов 28 августа 1919 года:

„Взаимоотношения между заводскими комитетами и заводскими управлениями характеризуются в современный период все еще продолжающейся двойственностью организующей власти в предприятии и вытекающим отсюда ослаблением напрягающихся хозяйственных сил страны.

Заводское управление представляет собой орган, ответственный непосредственно перед главным управлением группы предприятий и через него несущий ответственность перед высшими хозяйствующими органами и страной. Таким образом, заводское управление олицетворяет собою общеэкономические интересы страны, поскольку они преломляются в данном предприятии. Отчетность за судьбы данного предприятия несет верховный экономический орган страны перед пролетарской массой в целом.

Заводской комитет в нынешних условиях его существования является органом, непосредственно ответственным перед избравшими его большинством голосов рабочими предприятия. Ответственность снизу вверх перед союзом до сих пор осталась нормальной.

Столкновения между администрацией предприятия и заводскими комитетами представляют собой, следовательно, в большинстве случаев столкновение интересов общегосударственного регулирования промышленности и местнических синдикатских интересов рабочих предприятия, большинство которых зачастую не в силах усвоить классовые производственные интересы пролетариата.

Так как деятельность заводского комитета протекает в атмосфере все еще не изжитого недоверия к техническому персоналу предприятия, а деятельность заводского управления определяется ответственностью, замкнутой в пределах предприятий, столкновения между упомянутыми органами чаще всего кончаются победой местнических интересов.

Для разрежения заводской атмосферы необходимо поэтому освободить хозяйствующий орган в предприятии от какой бы то ни было двойственной ответственности и установить

единую форму ответственности местных административных заводских органов перед высшими экономическими органами страны.

По всем вопросам заводской жизни, кроме вопросов, входящих в круг ведения местного отделения ВСРМ и оговоренных в особой инструкции главного правления, заводское управление должно быть совершенно освобождено от давления заводского комитета. Оно (зав. упр.) обязано целиком проводить директивы, данные ему из центра, хотя бы эти директивы кардинально расходились со взглядами местных рабочих организаций.

Заводской комитет не имеет права непосредственного вмешательства в область управления предприятием и остается исключительно ячейкой союзных представителей, наблюдающих за правильным проведением постановлений Всероссийского союза в данном предприятии. Обо всех случаях расхождения линии заводского управления с политикой союза заводской комитет доводит до сведения местного отделения Всероссийского союза.

Местное отделение союза разрешает все вопросы, возбужденные заводским комитетом по соглашению с заводским управлением. При недостижении соглашения местное отделение доводит до сведения центрального комитета Всероссийского Союза. Центральный комитет, с своей стороны, дает соответствующее распоряжение главному правлению данной группы заводов или другому соответствующему высшему органу.

Таким образом, влияние Всероссийского Союза протекает исключительно в оболочке взаимоотношений его центрального комитета с центральными органами соответствующей отрасли промышленности и дисциплины его представителей в этих органах. Всероссийская рабочая организация играет роль политического диктатора над экономическими органами данной отрасли промышленности.

Расценочная (тарифная) комиссия организуется местным отделением ВСРМ согласно инструкции ЦК из лиц определенных профессий с определенным техническим стажем. Подчиняясь непосредственно отделу нормирования местного

отдела ВСРМ, расценочная комиссия входит на правах отдела в общую систему заводского управления. В трестированных предприятиях указанная система соподчинения усложняется руководящей ролью отдела труда главн. правл., в свою очередь подчиненного отделу нормирования союза.

При главных правлениях трестированных предприятий организуется отдел труда, ведающий в частности и вопросами тарифа данной группы заводов и действующий по уставам ЦК ВСРМ. Такой отдел труда координирует деятельность местных заводских расценочных комиссий.

Местное отделение союза наблюдает за проведением союзной и (в частности тарифной) политики на охватываемых им предприятиях, давая директивы через заводские управления заводским расценочным комиссиям по всем вопросам тарифа.

В целях планомерного использования и экономии сил в организации союзного аппарата все ныне действующие при зав. комитете постоянные комиссии частью ликвидируются, частью переходят в распоряжение зав. управления согласно особой инструкции. Впредь при зав. комитете могут организоваться временные комиссии только в исключительных случаях по распоряжению местного отделения ВСРМ. Переходы к ликвидации существующих комиссий производятся под руководством местного отделения ВСРМ по общим инструкциям ЦК.

Вследствие описанной выше реорганизации, заводские комитеты не будут больше нуждаться в применении больших финансовых средств. Поэтому всякие процентные денежные отчисления из средств заводского управления в пользу зав. комитета отменяются, и он расходует средства по смете, утвержденной местным отделением ВСРМ. Эти средства предоставляются ему заводским управлением.

Описанная в предыдущих §§ схема взаимоотношений заводских управлений и заводских комитетов должна быть применяема на национализированных предприятиях Рос. Республики. Для предприятий, принадлежащих частным лицам, должна быть разработана специальная инструкция, при чем впредь до ее опубликования, зав. комитет сохраняет свои функции“.

Эта обширная инструкция, имеющая целью точно регламентировать взаимоотношения, права и обязанности заводских организаций, как и все, вообще, подобного рода инструкции, не устранили ни вмешательства завкомов в дела заводоуправления, ни конфликтов, возникающих на этой почве.

Вмешательство завкомов в ход работы предприятий и недостаточная определенность прав и обязанностей фабрично-заводских комитетов, несмотря на многократные попытки со стороны съездов и конференций профессиональных и хозяйственных органов, пытавшихся внести необходимую ясность, продолжались до третьяго Всероссийского съезда профсоюзов, происходившего в апреле 1920 г.

Третий съезд уделил вопросу о заводских комитетах и их роли в организации производства большое внимание. Необходимость его подчеркнул в своем докладе т. Лозовский, коснувшийся организационной неразберихи, создаваемой недоговоренностью взаимоотношений завкомов с другими организациями.

— „На съезде следует обратить серьезное внимание на работу завкомов и коллективов. Необходимо подчинить работу завкомов и коллективов полному контролю и полному воздействию профсоюзов. Вы знаете из опыта последних двух лет, в особенности последнего года, что очень часто завком или коллектив чувствуют себя абсолютно независимо по отношению к союзу". Средство подчинения завкома профсоюзу тов. Лозовский предлагает простое: завкомам нужно запретить самостоятельное финансовое существование. Затем заводским комитетам „надо дать определенную работу". „Если вы возьмете какое-нибудь большое предприятие, вы увидите, что там завком выступает в роли маленького Мюра и Мерилиза. С таким порядком необходимо покончить". Тов. Лозовский предлагает точно разграничить работу завкома и заводоуправления: „Надо, чтобы завкомы обращали сугубое внимание на организацию масс. Техническая работа по управлению предприятием должна быть в руках заводоуправления. Завкомы же и коллективы должны заниматься проведением указаний союза, они должны быть

щупальцами союза в проведении всех постановлений последнего" [1]).

Съезд в резолюции по вопросу о задачах союзов категорически запретил союзам и завкомам вмешательство в дела предприятия: „Профсоюзы должны решительно отказаться от внесения вредной двойственности в дело управления производством и присвоения органами союза не принадлежащих им функций органов управления и непосредственного регулирования промышленностью. Завкомы должны быть окончательно закреплены, как ячейки профсоюзов на местах, с аналогичными профсоюзам функциями, при соблюдении ответственности и отчетности перед высшими союзными органами и полного невмешательства в дело управления предприятиями".

— На третьем съезде был окончательно решен и старый спор о том, рабочий или государственный контроль должен быть в период диктатуры пролетариата.

— „Мы отказались от старых методов рабочего контроля, остановившись на государственной его форме через рабоче-крестьянскую инспекцию,—заявил докладчик от производственной комиссии, т. Глебов,—рабоче-крестьянская инспекция должна иметь базу в фабрично-заводских комитетах и профсоюзах. Через них мы должны втягивать широкую массу в процесс производства путем контроля и уже заинтересованных—в организацию производства" [2]).

Выработанные производственной комиссией положения и практические мероприятия в области участия союзов в управлении и организации народного хозяйства, точно определили задачи завкомов в области производства: „Заводской комитет, как первичная союзная ячейка, не имеет права вмешиваться в управление предприятием и, как орган союза, проводит в жизнь его постановления, касающиеся условий труда и быта рабочих. Задачи заводского комитета в производственной жизни предприятия выражаются:

[1]) III Всер. съезд профсоюзов, стеногр. отчет, стр. 131. Издание РИО ВЦСПС, М. 1921.

[2]) Там же, стр. 106.

а) в поднятии трудовой дисциплины и производительности труда всеми имеющимися в распоряжении союза мерами (производственная пропаганда, дисциплинарно-товарищеские суды, агитация и пр.); культурно-просветительные комиссии работают, главным образом, в этом направлении;

б) в разборе конфликтов между заводоуправлениями и рабочими, при чем заводской комитет берет на себя первичное участие в разборе, передавая разрешение вопросов в соответствующие выше стоящие союзные органы;

в) в контроле над управлением через рабоче-крестьянскую инспекцию;

г) в наблюдении за деятельностью расценочных комиссий и опротестовании их решений через выше стоящие союзные органы;

д) в вовлечении всей массы рабочих в процесс производства и управления, воспитывая эту массу путем установления периодической отчетности заводоуправлений (запросы и предложения); сроки и формы такой отчетности устанавливаются союзом с таким расчетом, чтобы не нарушалась нормальная работа заводоуправления;

е) в выделении из рабочей массы людей с организаторскими и административными способностями и поручении им отдельных производственных заданий с согласия заводоуправления; в целях устранения параллелизма работ в хозяйственных и союзных органах предприятий, все производственные комиссии при завкомах ликвидируются".

Однако, постановления трех съездов профессиональных союзов, определивших, казалось бы, с достаточной полнотой роль профессиональных союзов (следовательно и заводских комитетов) в производстве, оказались уже к концу 1920 г. недостаточными. Контрольная работа раб.-кр. инспекции, а равно и контроль хозяйственных органов над работой предприятий давали слишком небольшие практические результаты. Изменение экономического и политического положения Республики, переход от военных задач к хозяйственным снова поднял вопрос о роли союзов в организации, управлении и регулировании производства и о контроле над производством.

Дискуссия о роли профсоюзов, закончившаяся принятием сначала на X съезде РКП, а потом на IV Всероссийском съезде профессиональных союзов резолюции, подчеркивающей роль профсоюзов, как школы коммунизма для рабочего класса, по вопросу о рабочем контроле развернулась достаточно широко. Победила точка зрения, предлагавшая осуществлять рабочий контроль над производством: „В целях содействия хозяйственным органам в проведении единого хозяйственного плана в жизнь, союзы осуществляют контроль и инспекцию над ходом и состоянием производства в предприятиях и деятельностью регулирующих их органов путем непосредственного наблюдения через свои отделы и низшие ячейки. Во избежание вредного организационного параллелизма рабоче-крестьянская инспекция для осуществления отдельных административно-хозяйственных ревизий пользуется в предприятиях ячейками профсоюзов, не создав своих постоянных органов для этого",— так гласит постановление X съезда РКП в пункте о контрольно-инспекционной работе профсоюзов. И дальше: „Контроль и наблюдение союзов за деятельностью хозяйственных органов, осуществляемые через экономические отделы, должны носить инспекционный характер не только в целях улучшения, но и для непосредственного приобщения и вовлечения широких слоев рабочих в дело хозяйственного строительства и управления производством" [1]).

Четвертый Всероссийский Съезд профсоюзов в резолюции по докладу о профсоюзах и хозяйственном строительстве наметил ряд практических мероприятий по осуществлению этих общих положений о контроле союзов над производством. Но им в большинстве случаев пришлось остаться неосуществленными, ибо начиналась в истории русской революции совершенно новая эпоха, известная под именем новой экономической политики. Фабрично-заводские комитеты, как и все Российское профессиональное движение, должно было изменить свои задачи, а также формы деятельности и методы, в полном соответствии с новым курсом.

---

[1]) Резолюция X съезда Р.К.П. (или сборн. „Партия и Союзы", стр. 23).

Фабрично-заводские комитеты и новая экономическая политика.

Чем была вызвана новая экономическая политика и в чем ее объективный смысл?

Постановление ЦК РКП о профсоюзах, опубликованное 17 января 1922 года и утвержденное XI съездом РКП, отвечает с полной определенностью: „Изменения форм социалистического строительства вызываются тем обстоятельством, что во всей политике перехода от капитализма к социализму компартия и Сов. власть осуществляют теперь особые приемы этого перехода, действуя в целом ряде отношений иными способами, чем прежде, завоевывают ряд позиций, так сказать, новым обходом совершают отступление, чтобы более подготовленно перейти опять к наступлению на капитализм".

Русский пролетариат, до сих пор шедший напрямик в своем неуклонном стремлении к борьбе за социализм, должен был под влиянием объективной внешней и внутренней обстановки несколько сдержать свой стремительный шаг и даже вернуться назад „на заранее приготовленные позиции" государственного капитализма. Не изменяя существа политической и экономической диктатуры рабочего класса, оставляя в своих руках основные средства производства (землю, транспорт, крупную промышленность), удерживая за собой „командующие высоты" в политике и экономике страны, пролетариат, не поддержанный во-время западноевропейской революцией, вынужден был пойти на уступки своему союзнику по борьбе за утверждение пролетарской диктатуры—крестьянству, у которого необходимо было, с переходом от войны к миру и труду, вызвать импульс к тому, чтобы он мог производительно работать в своем разоренном сельском хозяйстве. Импульс этот был дан разрешением свободы торговли. Это и подчеркнуло постановление ЦК РКП: „Новая экономическая политика не изменяет существа рабочего государства, изменяя, однако, существенно методы и формы социалистического строительства, ибо она допускает экономическое соревнование между строющимся социализмом и стремящимся к возрождению капитализмом на почве удовлетворения через рынок многомиллионного крестьянства".

А раз появляется возможность вновь возникнуть и столкнуться противоположным классовым интересам труда и капитала, значит, является необходимость защиты интересов труда от нового напора капитала.

„Поэтому,—признает резолюция,—одной из самых главных задач профсоюзов является ныне всесторонняя и всемерная защита классовых интересов пролетариата в борьбе его с капиталом. Эта задача должна быть поставлена на одно из первых мест, аппарат профсоюзов должен быть соответственно перестроен, видоизменен или дополнен“.

Фабрично-заводские комитеты, прошедшие длинный и трудный путь в борьбе за преобразование капиталистической фабрики в фабрику социалистическую, в соответствии с общим курсом, должны были также задержать темп и характер своей борьбы, не изменяя ни главных задач, ни основного содержания ее.

Как и раньше, перед союзами и заводскими комитетами стояла задача, формулированная Марксом для всего периода перехода от капитализма к коммунизму — обобществление средств производства и возможное увеличение массы производительных сил. В связи с послевоенным разорением, голодом и разрухой эта задача усложнялась, а значение ее во много раз увеличивалось. „Главнейшим и самым коренным интересом пролетариата после завоевания им государственной власти является увеличение количества продуктов, повышение в громадных размерах производственных сил общества“, так говорила об этом и резолюция XI съезда РКП о профсоюзах.

А отсюда практический вывод о роли союзов и о недопустимости вмешательства их в область производства: „Быстрейший и возможно более прочный успех в восстановлении крупной промышленности есть условие, без которого немыслим успех всего дела освобождения труда от ига капитала, немыслима победа социализма, а такой успех, в свою очередь, требует безусловно в современной российской обстановке сосредоточения всей полноты власти в руках заводоуправлений. Эти управления, составленные по общему правилу на началах единоличия, должны само-

стоятельно ведать и установлением размеров зар. платы, и распределением дензнаков, пайков, прозодежды и всяческого иного снабжения, на основе и в пределах заключенных с профсоюзами коллективных договоров и при максимальной свободе маневрирования, при строжайшей проверке фактических успехов в повышении производства и безубыточности и прибыльности его, при серьезнейшем отборе наиболее выдающихся и умелых администраторов и т. д. Всякое непосредственное вмешательство профсоюзов в управление предприятиями при этих условиях должно быть признано безусловно вредным и недопустимым".

Это категорическое постановление о „невмешательстве", однако, не обозначало полного отрицания участия профсоюзов в социалистической организации производства. Резолюция признает за ними роль „школы управления социалистической промышленностью" и отводит им известное место в организации производства, предоставляя им право выдвигать кандидатов, подготовлять администраторов из рабочих, участвовать в плановых органах пролетарского государства и в выработке хозяйственных планов и программ, но никаких функций непосредственного участия или контроля ни союзы, ни тем более фабрично-заводские комитеты иметь не должны. Возлагая всю полноту ответственности на хозяйственные органы, профсоюзам предлагалось в основу своей деятельности положить другую задачу—связь с рабочей массой и активную, энергичную защиту ее интересов.

„Жить в гуще рабочей жизни, знать ее вдоль и поперек, уметь безошибочно определить по любому вопросу, в любой момент настроение массы, ее действительные потребности, мысли, стремления, уметь определить без тени фальшивой идеализации степень ее сознательности и силу влияния тех или иных предрассудков и пережитков старины, уметь завоевать к себе доверие массы товарищеским отношением к ней, заботливым удовлетворением ее нужд",—такова была директива партии пролетариата рабочим организациям, приступающим к осуществлению новой экономической политики.

Осуществляя ее ВЦСПС и ВСНХ обратились ко всем профессиональным и хозяйственным органам России с циркуляром, в котором точно фиксировали права, обязанности и взаимоотношения тех и других в новых условиях. Основное положение циркуляра—взаимоотношения между хозяйственными и союзными органами должны быть совершенно точно отграничены и построены на строго определенных условиях. Эта определенность должна достигаться путем заключения коллективного договора профсоюза и хозоргана. „Коллективные договоры, заключаемые между указанными сторонами, должны явиться деловыми обязательствами сторон, за невыполнение которых и та и другая сторона несет полную ответственность. Договоры должны заключаться на определенный срок, и в течение этого срока не допускаются никакие отступления в сторону ухудшения условий оплаты труда. Заключение коллективного договора ставит тем самым в тесную связь хозорганы и профсоюзы, и по всякому вопросу, возникающему в рабочей среде, исходя из коллективного договора, и вообще, по всем конфликтам и недоразумениям, возникающим в предприятии, соответствующее правление или администрация обязаны немедленно оповещать об этом правление профсоюза (завком), входить с ним в теснейший контакт и вызывать соответствующих представителей для улаживания могущих возникнуть конфликтов".

Конкретизируя те обязанности, которые должны ставить себе профсоюзы в области производственно-хозяйственной, циркуляр особенно подчеркивает необходимость и дальнейшего втягивания рабочих в сферу производственных интересов. „Придавая громадное значение сознательному участию рабочей массы в производстве и учитывая проделанный уже опыт относительно форм вовлечения рабочей массы в интересы производства, признать безусловно обязательным для всех органов управления периодическое осведомление на широких рабочих собраниях всего завода, цехов, местных завкомов, райкомов, профсоюзов и т. д. о состоянии производства, результатах, общих задачах, стоящих перед государственной промышленностью, о планах

государства в данной области и т. д. Всякая инициатива, выявленная в форме предложений, которые могут поступить со стороны участников этих собраний, должна встречаться самым внимательным образом, и все деловое, могущее найти себе применение, должно проводиться в жизнь".

Циркуляр предостерегает хозяйственные органы от резкой ломки старых условий работы, не может быть никакой речи о разграничении хозорганов и профсоюзов по принципу деления на „хозяина и работника", в узко-капиталистическом смысле этого слова. Должен быть проявлен величайший такт в перестройке существующих взаимоотношений.

И снова подчеркивая необходимость стать ближе к массам и массы подвести ближе к интересам производства, циркуляр заключает: „Только при содействии и сознательном отношении рабочей массы в необходимости работы на пользу пролетарского государства, а с другой стороны, при полном и ясном отчете всех хозорганов в том, что только безоговорочное выполнение всех принятых на себя обязательств на основании коллективных договоров в отношении к рабочей массе и постоянное вовлечение этой рабочей массы в интересы самого производства,—могут создать ту здоровую базу, на которой возможно восстановление и развитие государственной промышленности в переходный период государственного капитализма" [1]).

Эти принципиальные положения партийных, профессиональных и хозяйственных руководящих органов легли в основу тех практических мероприятий, которые были разработаны сначала пленумом ВЦСПС в феврале 1922 г., а потом Пятым Всероссийским съездом профсоюзов в сентябре 1922 г. Но наша задача остановиться только на тех принципиальных положениях, которые характеризуют новый курс экономической политики, вообще, и союзной (значит, и фаб.-зав. комитетов)—в частности.

Практическое осуществление новой эконом. политики в

---

[1]) „Новые пути проф. движения", сбор. матер., изд. РИО ВЦСПС, М., 1922 г.

продолжение почти полутора лет доказало, что новый курс был принят правильно и своевременно.

Вторая сессия ВЦСПС 22 декабря 1922 года была уже сессией учета опыта работы и дальнейших практических директив. Особенное внимание ею было обращено на результаты и дальнейшие шаги в области заработной платы, положения нашей промышленности и безработицы. Попытались кое-где учесть опыт новой работы и фабрично-заводские комитеты, созывая для этого губернские конференции фаб.-зав. комитетов.

Учет практических достижений в работе завкомов в период НЭП не входит в нашу задачу, — нам важно было только подчеркнуть, что фаб.-зав. комитеты в своей борьбе за социалистическую фабрику проходят все те этапы, отклонения и отступления, какие характеризуют тяжкий путь всего российского пролетариата в его борьбе за коммунизм.

Боевая роль фаб.-зав. комитетов сменилась как будто бы незаметной будничной, кропотливой работой. Его устав, лишенный всяких общих положений и декларативного характера, ставит теперь задачи конкретные, насущные и чисто деловые:

„Основной и непосредственной задачей ФЗК является защита интересов, забота об улучшении материального положения и быта рабочих и служащих, охрана труда, поднятие культурного и профтехнического образования. С этой целью ФЗК:

а) следит за выполнением администрацией всех норм по охране труда и социальному страхованию, за своевременностью выплаты заработной платы и внесением страховых взносов, высылает своих представителей в конфликтно-расценочную комиссию, заботится об улучшении условий труда, жилищных условиях и пр.

б) организует клубы, лекции, спектакли, распространяет приобретаемую литературу, содействует ликвидации безграмотности, организует школы и курсы проф. технического образования.

В области организации производства ФЗК, не вмешиваясь в распоряжения и действия администрации и ни в коем случае не отменяя и не нарушая их, ставит себе задачей:

а) участвовать в обсуждении с госзаводоуправлением всех важнейших вопросов производственной жизни предприятия,

б) на госпредприятиях содействовать нормальному ходу производства,

в) устраивать доклады госзаводоуправления на всех общих делегатских и цеховых собраниях, знакомя их с ходом и состоянием производства,

г) участвовать в найме и увольнении рабочих и служащих, на основе заключенного коллективного договора или тариф-договора.

В области организационной задачей ФЗК является:

а) вовлечение рабочих и служащих предприятия в союз,

б) развитие революционно-классового сознания рабочих и служащих,

в) проведение среди рабочих и служащих профессиональной и пролетарской дисциплины,

г) следить за аккуратным сбором членских взносов и представлением их в союз, согласно установленного союзом порядка,

д) представительствовать от имени рабочих и служащих в организациях и учреждениях, а также организовывать выборы от рабочих в разные учреждения и организации" [1]).

В этом сухом, как будто бы, перечне задач фаб.-заводских комитетов при новой экономической политике нет и следа тех грандиозных исторических задач, с которыми рождались и действовали эти боевые революционные организации фабрично-заводского пролетариата, пытавшегося с их помощью совершить мировой экономический переворот и преобразовать капиталистические способы и отношения производства в социалистические.

Но это верно лишь наполовину.

Новый курс не изменил основной задачи фабрично-заводских комитетов—борьбы за социализм,—задачи, стоящей перед всем рабочим классом. Он только изменил пути и способы достижения этих задач, а также темп, которым

---

[1]) „Устав фаб.-зав. ком." Бюл. ВЦСПС.

шли до сих пор фабрично-заводские комитеты по пути их осуществления. Этот темп теперь поставлен в большую зависимость от темпа развития всей мировой революции и от степени и характера той поддержки, которую оказывает и может оказать в борьбе за социалистическую фабрику движение фабрично-заводских комитетов на Западе. Вот почему наша попытка проследить историческую роль и значение фабрично-заводских комитетов была бы не полна, если бы мы не попытались в беглом, обобщающем обзоре проследить условия, характер и перспективы борьбы и деятельности фабрично-заводских комитетов в Западной Европе.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Фабрично-заводские комитеты в Западной Европе и их историческая роль в борьбе за социализм.

Общее и различное в русском и западно-европейском движении фабрично-заводских комитетов.

Попытка анализа роли и места фабрично-заводских комитетов в революционном движении Западной Европы совершенно невозможна в беглом, поверхностном обзоре истории их возникновения и деятельности.

Рабочее движение в Западной Европе отличается многими особенностями, необычайной сложностью обстановки и многообразием различных, иногда противоположных, течений. Вот почему, несмотря на всю актуальность вопроса и на то, что фабрично-заводские комитеты в некоторых странах Зап. Европы существуют со времени войны и играют немалую роль в развитии мировой революции, до сих пор не сделано ни одной сколько-нибудь основательной попытки обобщить и подытожить это движение. Нельзя иметь ясного и более или менее полного представления о производственных комитетах Англии, фабрично-заводских комитетах Италии, заводских Советах Германии и т. п., если не изучить сложной обстановки и форм рабочего движения в этих странах, традиций, влияний и течений, их характеризующих.

Не ставя себе такой непосильной задачи, мы попытаемся все же, в самых общих чертах, проследить наиболее выдающиеся и характерные моменты в происхождении, развитии и характере движения фабрично-заводских комитетов

в Западной Европе и сопоставить эти данные с теми фактами и выводами, к которым мы пришли в процессе прослеживания роли русских фабрично-заводских комитетов.

При первом взгляде на движение западно-европейских фаб.-завкомов у нас является большой соблазн провести если не полную аналогию, то близкую параллель в характеристике фабрично-заводских комитетов Западной Европы и России. Как одни, так и другие, рождаются в революционной, боевой атмосфере, они становятся руководителями и выразителями революционных требований фабрично-заводского пролетариата в известные моменты подъема движения, они с развитием революции от чисто профессиональных задач защиты экономических интересов рабочих переходят к задачам производственно-хозяйственным, к вмешательству в процесс производства, к требованиям рабочего контроля, и даже полной социализации промышленности.

Но при несколько более подробном знакомстве с движением фабр.-завод. комитетов выясняется коренное различие русских завкомов от иностранных, не дающее возможности усматривать такого параллелизма. Западно-европейские фабзавкомы, развиваясь и борясь в совершенно иных (в каждой стране особых) социально-политических и экономических условиях, нежели русские, не могли их копировать или продолжать.

В России фабрично-заводские комитеты возникли и оформили свои боевые задачи в период революционный, когда всем историческим ходом развития борьбы рабочий класс был вплотную подведен к задачам решительной борьбы с капиталом за завоевания социализма. Русский пролетариат был почти лишен своих классовых профессиональных организаций, между тем, борьба с капиталом требовала наличия боевой классовой организации еще задолго до решительного боя в 1917 г., и поскольку классовые столкновения с капиталом начинались внутри фабрики или завода, постольку и идея организации органа фабрично-заводского представительства рабочих встретила сочувствие рабочей массы. Таким образом, рабочий комитет в России предшествовал профессиональному союзу.

Но даже, если обе организации возникали и существовали одновременно, то русские профессиональные союзы отличались таким же боевым закалом, революционным характером и социалистическими тенденциями, как и рабочая фабрично-заводская организация. И уже одно это обстоятельство резко отличает русские союзы и завкомы от аналогичных организаций в Западной Европе.

Что касается другого существенного вопроса — о роли фабзавкомов в производстве в период революции, то и здесь мы видим условия, существенно отличающие их от Западно-европейских.

Лозунг рабочего контроля и захвата предприятий был подсказан русским фабрично-заводским комитетам самой жизнью, исторической необходимостью, которую сознавали они сами, наконец, — просто инстинктом самосохранения, подсказывавшим эту меру в условиях необычайного хозяйственного развала и хищнического хозяйствования капитала. Русский рабочий класс, таким образом, не имел ни крепких, старых, не зараженных реформизмом профсоюзов, ни мощно-организованного капитализма, с прочной государственной организацией, как в Западной Европе или Америке.

Этой объективной обстановкой, в значительной мере, объясняется та боевая революционная роль, которую сыграли фабрично-заводские комитеты России в период революции 1917 г.

Каково же происхождение и условия развития фабзавкомов на Западе?

Наиболее распространенным и сильным является движение фабрично-заводских комитетов Германии.

Еще до войны и во время ее существовали уполномоченные от заводов и рабочие комитеты. Идея „Советов предприятий“ рождается вместе с ноябрьской революцией 1918 г. Ликвидация империалистической войны, имевшая своим последствием Версальский договор, поставивший Германию в безвыходное экономическое положение, подсказывал немецкому рабочему классу единственный выход — замену капиталистической системы хозяйства социалисти-

ческой,—производственную диктатуру рабочего класса. Советы предприятий должны были захватить в свои руки все управление производством страны. Но германский пролетариат не понял всей необходимости быстрых революционных действий в этом направлении. Захватившие Советы предприятий реформистские представители извратили самую идею рабочих советов предприятий, подменив их боевые задачи захвата экономической власти мирными задачами соучастия рабочих в производстве. С другой стороны, организованность и классовое чутье немецкой буржуазии, поспешившей использовать реформистов и предложить им проект сотрудничества рабочего класса с предпринимателями для поднятия производства, погубили поднятую революцией в рабочих массах идею советов предприятий. Реформисты овладели первым германским конгрессом фабзавкомов („Советов предприятий“) в декабре 1918 г., отказавшимся под их влиянием от необходимости революционного проведения диктатуры пролетариата. После конгресса деятельность фабзавкомов была совершенно съужена в январе 1920 г. законом о фабричных комитетах, отменившим даже название совета. Фабзавкомы были уложены в необходимые реформистам „рамки“. Таким образом, существовавшие к моменту возникновения фабзавкомов крепкие, но консервативные профсоюзы изменили роль комитетов и их место в революционном движении, задавив с самого начала их социалистические тенденции.

Еще более характерным в этом отношении является движение фабзавкомов в Англии. Когда английская профессиональная бюрократия отказалась во время войны от классовой борьбы и даже запретила стачки, рабочие сами организовали комитеты на предприятиях для руководства стачками. Рабочие комитеты возникали, главным образом, на машиностроительных заводах, как неофициальное и внесоюзное массовое движение, быстро развивавшееся независимо и даже вопреки трэд-юнионам.

Это низовое движение оказалось популярным и пустило глубокие корни. Рабочие комитеты стали центром наиболее активной и революционно-настроенной части рабочего класса.

Они, помимо профессиональных бюрократов из тред-юнионов, организовывали стачки и смотрели на себя, как на руководителей революционного движения пролетариата, призванных обновить старые бюрократические профессиональные союзы.

Движение в пользу рабочих комитетов широко захватило шахтеров в результате проигранной из-за профсоюзов стачки. Оно соединилось с таким же движениемъ среди машиностроительных рабочих, докеров, железнодорожников, швейников и других.

Рабочие массы потребовали образования национального общеанглийского центра рабочих комитетов для объединения их деятельности в разных производствах и разных городах.

Стачка в мае 1917 года подвинула дело объединения рабочих комитетов и в результате была созвана общеанглийская конференция рабочих комитетов, признавшая себя боевым органом рабочего класса и избравшая Общеанглийский Административный Комитет из 9 человек.

Профессиональные союзы, существующие в Англии больше 150 лет в мирном сожительстве и сотрудничестве с капитализмом, сначала допускали существование комитетов, но когда движение приняло слишком широкие и опасные формы, они, при содействии буржуазии, постарались движение ликвидировать. Грандиозная безработица 1919 года помогла изъять революционные элементы и очистить предприятия от „делегатов“.

Революционные группы были выброшены из предприятий. Рабочие комитеты, если и остались, то в виде полулегальных организаций пропаганды, которые уже не способны к революционным массовым действиям и скорее напоминают нелегальные партийные ячейки, чем массовые организации рабочего представительства.

Из опасения иметь на местах органы непосредственного фабрично-заводского представительства, комитеты на предприятиях не допускались. В крупных отраслях промышленности организованы, в качестве органов делового сотрудничества рабочих с предпринимателями, комитеты по системе

Уитлей. Ликвидация военной промышленности, в которой главным образом развивалось движение рабочих комитетов, повела к окончательной ликвидации и этого движения.

Так расправились реформистские союзы с боевыми классовыми отрядами пролетариата, превратив их, где это удавалось, в аппараты классового сотрудничества с буржуазией или, где не удавалось, уничтожив их совсем.

Таким образом, в противоположность русским профсоюзам, союзы и в Англии, и в Германии, и во Франции являлись фактором, задерживающим революционное массовое движение, дезорганизаторами борьбы рабочих с капиталом. Под влиянием такой политики профсоюзов, возникшие во время войны фаб.-зав. комитеты, имевшие в 1917—18 году большое влияние на рабочих, мало-по-малу это влияние почти утратили.

Но с подъемом революции движение фабрично-заводских комитетов снова оживает и завоевывает симпатии и поддержку рабочих масс, что мы увидим дальше на примере Германии.

Указанными здесь особенностями в условиях развития фабрично-заводских комитетов на Западе и объясняется тот основной факт, что борьба фабрично-заводских комитетов за социалистическое преобразование общества развертывается гораздо медленнее и с гораздо меньшими реальными результатами, чем в России в период 1917 года.

Но... „все-таки она вертится!".

Западно-европейское законодательство о фабрично-заводских комитетах.

Законодательство капиталистических государств Запада о фабрично-заводских комитетах отличается той же двойственностью, какой и все законы буржуазии о рабочих. С одной стороны, эти законы являлись вынужденной уступкой, сделанной под напором требований рабочих, с другой— в них скрывалось определенное намерение вправить опасное и все разраставшееся движение в желательное для буржуазии русло, обкарнать его под видом законности, лишить его боевого духа. Падение революционной волны, умелая тактика промышленников, предательская политика

реформистов и законодательная готовность буржуазного государства,—все это способствовало изданию именно таких законов о фабзавкомах, какие были нужны буржуазии.

Особенно типично в этом отношении законодательство о фабрично-заводских комитетах в Германии.

До революции германское имперское правительство издавало неоднократно указы и узаконения, вводящие рабочие комитеты на предприятиях для сохранения „добрых отношений между хозяевами и рабочими", но на самом деле имеющие весьма недвусмысленную задачу охранения только интересов предпринимателей, о чем чрезвычайно откровенно и красноречиво излагает в своей книге немецкий фабрикант Фреезе („Опыт рабочего представительства").

Узаконивать же созданные революцией 1918 года Советы предприятий правительство боялось. И лишь целым рядом забастовок (всеобщая забастовка в Берлине, в средне-немецких областях, забастовки горнорабочих и металлистов в Рейнско-Вестфальской области и другие) в течение весны и лета 1919 года революционный рабочий класс заставил правительство издать специальный закон о Советах предприятий в феврале 1920 года. Буржуазия этим законом преследовала свои цели. Ей нужно было узаконить принципы сотрудничества между капиталом и трудом и устранить, таким образом, классовую борьбу.

„Чтобы сблизить рабочих и хозяев, чтобы они могли обсуждать совместно общие вопросы производства, а также совместно следить за проведением в жизнь закона о социализации, окружные советы и имперские Рабочие Советы совместно с представителями хозяев объединяются для образования окружных и имперских советов, в которых должны быть представлены все профессиональные группы, соответственно их экономической и социальной роли", так формулировало правительство проводившийся им принцип „равноправности" рабочих с предпринимателями.

В законе 106 параграфов, предоставляющих весьма умеренные права рабочим. Советы осуществляют свое участие в управлении предприятиями лишь с точки зрения интересов предпринимателей и оказания им помощи в расши-

рений производства и „охранений предприятий от всяких потрясений“ (т. е. забастовки, требований повышения заработной платы и т. п.). Советы должны помогать добиваться повышения производительности труда рабочих, улаживать конфликты, прибегая к содействию профсоюзов или третейских комиссий, вести переговоры с хозяевами в рамках коллективного договора, следить за исполнением законов в области санитарии, техники безопасности и т. п.

Всеми этими пунктами германская буржуазия стремилась сделать закон не только безвредным, но и направленным в свою собственную пользу.

Естествено, что такой закон не мог удовлетворить рабочих и был встречен активным протестом рабочих, закончившимся расстрелом демонстрантов, явившихся протестовать к зданию парламента.

Но профсоюзная бюрократия одобрила закон, ибо он, не признавая советы предприятий самостоятельной рабочей организацией, признавал их совещательным органом Всегерманского Совета союзов и тем самым превращал их во вспомогательные союзные органы, помогал реформистам окончательно взять в свои руки и подчинить революционные советы предприятий.

Каковы были результаты применения закона в первый год его применения?

Бюллетень Исполкома Профинтерна союзов [1]) приводит любопытное мнение Ратенау о работе советов и отношении к ним рабочих и предпринимателей.

„Советы становятся превосходной школой для рабочих, которые в них научатся понимать экономические проблемы, с которыми связано всякое дело. К своему удивлению, рабочие, наконец, поняли, что занятие хозяев вовсе не состоит в том, чтобы накоплять капитал, но что на плечах у них тысячи работ и препятствий, для преодоления которых нужны обширные знания и упорный труд. И сами хозяева понимают теперь, что советы представляют прекрас-

---

[1]) Бюллетень Исполнительного Комитета Красного Интернационала Профсоюзов № 5, 12 декабря 1921 г. „Фабричные советы“.

ную школу для рабочих, призванных участвовать вместе с дирекцией в управлении предприятием".

Впрочем, спустя некоторое время буржуазии пришлось констатировать совсем другие факты, характеризующие действие законов в несколько более пессимистическом тоне:

„Там, где выборы дали возмужалых и рассудительных рабочих, отношения с хозяевами не плохи. Однако, даже в тех случаях, когда совет одушевлен самыми лучшими намерениями, у него не хватает никогда мужества, а иногда, может быть, и силы оказать противодействие давлению своих товарищей. Но всегда, где господствует дух классовой борьбы, советы, руководимые более революционными элементами, становятся орудиями беспорядка в руках коммунистов" [1]).

Таким образом, советы предприятий оказались палкой о двух концах. Несмотря на противодействие со стороны буржуазии и реформистских союзов, они очень часто, под напором революционных низов, выходили за пределы положенных им законных рамок и причиняли тем и другим немало хлопот и неприятностей.

Буржуазия, устрашенная нежелательным ей оборотом деятельности советов предприятий, образовала даже „лигу для защиты от злоупотреблений фабрично-заводских советов". В воззвании учредительного комитета Лиги к „господам работодателям" констатируется: „с введением фабрично-заводских советов отношения между рабочими и работодателями ухудшились. Виною является не столько закон, сколько одностороннее развитие членов в духе классовой борьбы. Затем фаб.-зав. комитеты избираются радикальными элементами, которые усматривают в законе о фаб.-зав. советах классовый закон, подрывающий авторитет и мешающий развитию частных предприятий. Превышение власти и вызывающий образ действий фабрично-заводских комитетов мешает расцвету промышленности [2]).

---

[1]) Бюллетень Исполнительного К-та Красного Интернационала Профсоюзов № 5, 12 дек. 1921 г. „Фабричные советы".

[2]) № 583 14 декабря 1921 г.

Закон о советах предприятий настолько не удовлетворил широкие рабочие массы, что даже профсоюзная бюрократия должна была выступить с протестом против закона и требовать его пересмотра.

Бурные прения на первом Всегерманском конгрессе советов предприятий (5—7 октября 1920 г.) по докладу Дисмана „о задачах и организации советов предприятий“ обнаружили глубокое недовольство законом со стороны даже реформистски-настроенных рабочих.

Самому Дисману на общегерманском съезде советов предприятий металлической промышленности, в декабре 1921 г., пришлось констатировать, что закон удовлетворить не может, и что „во всех его 106 параграфах расставлены капканы, делающие права их иллюзорными“.

Съезд вынес резолюцию, требующую расширения прав советов. Такую же резолюцию вынес и общегерманский конгресс советов предприятий горной промышленности: „Съезд рассматривает закон относительно производственных советов, как начало нового рабочего права и начала производственной демократии“, гласит эта резолюция, вынесенная реформистами под давлением массы участников конгресса: „но этот закон не отвечает ни справедливым требованиям рабочего класса, ни заключенным в конституции обещаниям относительно равноправного сотрудничества в деле развития производственных сил. Производственные советы стремятся исполнить поставленные им задачи, но это возможно, если производственные советы будут тесно связаны с соответствующими предприятиями. Предприниматели, однако, оказывают сильное сопротивление, желая сохранить свое исключительное господство в области экономической жизни. Закон облегчает это сопротивление и делает невозможным использование тех немногих прав, которые им предоставлены фаб.-зав. советами. Поэтому съезд поручает добиться изменения закона в направлении расширения прав советов и завоевания решающего голоса в производстве“ [1]).

[1]) „Красный Интернационал“ № 40—1921 г. „Общегерманский конгресс советов предприятий горной промышленности“.

Германия является только наиболее яркой представительницей буржуазно-капиталистической политики в отношении к фабрично-заводским комитетам. Но точно такую же двойную игру мы можем проследить и в Англии, во Франции, в Италии, в Чехо-Словакии и некоторых других странах. Разница только в том, что в этих странах двойственность выступает гораздо менее выпукло и определенно, чем в Германии, где движение фаб.-зав. комитетов распространено сильнее, чем где бы то ни было. Английское правительство не решилось издать общего закона о фаб. зав. комитетах. В 1919 году был издан закон о создании паритетных горных советов, да и то в качестве громоотвода против требований рабочих о национализации промышленности. Но, как только такая опасность миновала, благодаря энергичному подавлению подобных тенденций в рабочей среде со стороны профсоюзной бюрократии, в парламенте началась, под давлением промышленников, борьба за отмену этого закона. Раздел 11 закона—о рабочих комитетах в копях—был отвергнут Палатой общин. Существующие паритетные комитеты по системе Уитлей, как мы знаем, в предприятиях не организуются.

Во Франции „советы старост" были учреждены законом 27 марта 1907 года для разрешения мирным путем конфликтов, которые возникали по поводу контрактов по найму рабочих. В период военный и послевоенный фабрично-заводские комитеты возникали в предприятиях или по собственной инициативе рабочих, или по предложению отдельных французских синдикатов, и правительство вынуждено было молчаливо терпеть эти организации, не решаясь сразу их ликвидировать, несмотря на явно-революционную роль, какую стали играть фабзавкомы в предприятиях. Но отношение французской буржуазии к фабрично-заводским комитетам ярко сказалось в том враждебном тоне, каким были встречены всей французской буржуазной прессой законы о завкомах в Германии и в маленьком Люксембурге.

Комментируя закон о „советах предприятий", орган французской промышленной буржуазии „Экономист" указывает на истинные намерения рабочих, добившихся узаконения

советов предприятий. „Требуя учреждения советов, рабочие надеялись не только добиться права следить за применением социальных законов и вмешиваться в большей или меньшей степени в вопросы о найме и увольнении робочих. Они добивались настоящего рабочего контроля над производством. Они надеялись, таким образом, перейти к преобразованию всего строя производства—претензия весьма серьезная“ [1]), и „Экономист“ скептически прибавляет: „Немцы утверждают, что сумели сделать советы безобидными. Во всяком случае, социальный эксперимент, который они делают, достоин внимания“.

Гораздо откровеннее выразились страхи французской буржуазии, когда фаб.-зав. комитеты были узаконены ее ближайшим соседом Люксембургом. Со стороны французской печати последовало сначала предупреждение, а потом и прямая угроза. „Наклонная плоскость, на которую стал г. Пескатор (министр труда)—слишком скользка“, пишет „Тан“ в статье „Рабочие советы и промышленный контроль“:—„как бы он не прослыл головорезом. Пусть он вспомнит во время, что значит содействовать революции. Установление рабочего контроля над предпринимателями слишком затрагивает непосредственных соседей Люксембурга, чтобы общественное мнение Франции и Бельгии могло относиться к этому безразлично. Эти два государства имеют достаточно оснований беспокоиться по поводу революционных экспериментов на их границах“.

Это отношение французской буржуазии характерно, вообще, для буржуазии любой страны, если она чувствует себя достаточно крепко, если угроза со стороны восставших рабочих не висит у нее над головой.

В то время, как германские и английские промышленники находились под непосредственной угрозой забастовок и даже революции, когда рабочие требовали перехода в их собственные руки всей промышленности, идея рабочих комитетов и советов предприятий являлась для предприни-

[1]) „Economiste“, 5 ноября 1921 г.

мателей спасительным якорем и громоотводом, дающим возможность отсрочить неизбежную гибель. Капиталисты провозглашают принцип сотрудничества классов и заключают самые рискованные соглашения с профсоюзами, чтобы успокоить рабочих, в полной уверенности, что бюрократы из профсоюзов не выдадут.

Но использовавши этот принцип в критический момент, предприниматели чувствуют себя достаточно сильными, чтобы не видеть больше надобности в „сотрудничестве“ и постепенно или сразу, в зависимости от политической обстановки и степени разгрома рабочего движения, сводят на-нет даже те небольшие права, которые предоставляет закон рабочим комитетам. Так, когда германским промышленникам закон о советах предприятий был не только уже не нужен, но даже казался вредным, они начали его откровенно саботировать и ограничивать его применение. Одновременно они подняли бешеную травлю против советов предприятий, стремясь их всячески дискредитировать в глазах рабочих, возлагая ответственность за все недостатки в деле снабжения предприятия и рабочих, ненормальности в ходе работ и т. п.,—на фабричные комитеты, которые, мол, своим вмешательством в дело производства не только не улучшают, а ухудшают положение рабочих.

Германский закон о советах предприятий не оставил и следа от революционных классовых задач этих организаций рабочих. Но объективный ход событий оказался сильнее законодательной увертливости буржуазии.

Близкая связь с рабочими массами сделала рабочие фабрично-заводские организации в Германии и в других странах гораздо более восприимчивыми к революционным настроениям и требованиям низов, чем ожидала буржуазия и шедшая с ней в ногу профсоюзная бюрократия. Да и новые формы промышленного развития всех капиталистических стран, грандиозная концентрация капитала, колоссальное развитие трестирования и объединение предпринимательских организаций, в целях борьбы с рабочим движением,—все это неумолимо толкало рабочий класс на путь последовательной классовой борьбы и заставляло искать

новых методов и новых, более приспособленных для борьбы с капиталом форм рабочих организаций. Вот почему неизбежное наростание революционной волны на Западе всегда выдвигает заводские комитеты в первые ряды борющегося пролетариата. И в процессе этой борьбы, которую уже не в силах сдержать профсоюзная бюрократия, фабзавкомы, даже находящиеся в руках реформистов, революционизируются и под напором рабочей массы становятся на путь решительной борьбы с капиталом.

„Промышленная демократия" реформистов и борьба фабрично-заводских комитетов за рабочий контроль.

Борьбу с капиталом фабрично-заводские комитеты военного и послевоенного периода начали с борьбы за рабочий контроль, за право решающего голоса в производстве. Это требование выросло в рабочем классе и почти стихийно захватило его уже к концу мировой войны, когда рабочий класс всех стран, как побежденных, так и победивших, ясно увидел тот тупик, к которому его привела капиталистическая система хозяйствования. Экономический кризис невиданных размеров, обеднение и истощение всех производительных сил и прежде всего рабочего класса приводило пролетариат к единственному целесообразному выводу: к необходимости революционного экономического переворота, к борьбе за замену капитализма социализмом. Первый шаг на этом пути рабочий класс видел в рабочем контроле, а затем и социализации промышленности.

„Капиталистическая система в состоянии восстановить хозяйство лишь ценою расточения производительных сил и причинить массовое бедствие в неслыханных до сих пор размерах. Это противоречие может быть преодолено лишь путем преодоления самой капиталистической системы, путем замены слепо действующих капиталистических законов извлечения прибыли—социалистическим порядком, сознательно организующим и регулирующим хозяйство, сообразно с общественными потребностями", таково было постановление Общегерманского с'езда советов предприятий металлической промышленности в декабре 1921 года.

На том же съезде Гильфердинг, характеризуя современное хозяйство Германии, указал способы осуществления этой исторической задачи, вставшей перед рабочим классом: „Социализация—это политическое, экономическое и государственно-правовое требование современности. Капитализм не умрет без внешнего на него воздействия. Средство воздействия—советы предприятий. Они, в конечном счете, придут к контролю и к управлению предприятием, затем к контролю над соответствующей отраслью промышленности и к демократизации хозяйства, к преобразованию капиталистического хозяйства в социалистическое".

На другом съезде советов предприятий горной промышленности в докладе о производственной демократии докладчик Рихард Вольдт заявил: „Закон относительно производственных советов должен дать формы для возрождения и оздоровления нашей экономической жизни на демократических основах".

Идея демократизации промышленности и создания „производственной демократии, пропагандирующаяся реформистами, выставлялась ими, как единственное средство спасения рабочего класса в наиболее острый момент, когда революционное брожение среди германских рабочих достигло особенной силы, когда не говорить о контроле и даже социализации, как программе требований рабочего класса, значило оттолкнуть от себя рабочую массу в лагерь революционной оппозиции. Это больше всего и толкало соц.-дем. и „независимцев" бряцать на съездах рабочих революционными фразами и лозунгами.

Каково же было конкретное содержание этой идеи промышленной или производственной демократии, предлагавшейся реформистами?

Исторические корни этой идеи можно отыскать задолго до революции в учении социального реформизма, проповедывавшего „равноправие между предпринимателями и рабочими в области политики, в области экономики и в области производства", типичными представителями которого были в Англии - общество фабианцев во главе с С. и Б. Вебб, в Германии—„Общество социальных реформ", иде-

ологом которого был Вернер Зомбарт. Уже тогда, по мысли реформистов, рабочие комитеты должны были создать „своеобразную фабричную систему, носящую у экономистов название „конституционной“. Оценку этой системы в 1891 году дал при обсуждении законопроекта о рабочих комитетах в германском рейхстаге еще Август Бебель.—„Рабочие комитеты,“ сказал он тогда, „это псевдо-конституционный фиговый листок, которым должно прикрыть фабричный феодализм“.

Ко времени войны фабричный феодализм сменился уже новыми, более совершенными и прочными формами подчинения рабочего класса капиталу, и рабочие комитеты вновь выступили на сцену—только теперь уже в качестве „фигового листка“ для прикрытия той новой барщины, которую вводил на милитаризованных предприятиях воинствующий капитал. Рабочие комитеты были для него только средством достижения остро-необходимого ему во время войны „социального мира“ внутри страны. К концу войны, когда ухудшившееся экономическое положение требовало активного вмешательства рабочего класса в вопросы производства, вмешательства, угрожавшего полной ликвидацией хозяйствования капитала, понадобился новый „фиговый листок“, в виде возродившейся идеи „производственной демократии“—соучастия рабочего класса в производстве вместе с предпринимателями. В перспективе можно было показать рабочим и рабочий контроль и социализацию промышленности, а пока—ограничиться сотрудничеством с буржуазией и требованием права голоса в вопросах производства.

Прозорливые немецкие капиталисты, почуяв опасность, поспешили обратиться к професиональным союзам с проектом сотрудничества рабочего класса с предпринимателями „для поднятия немецкой промышленности путем паритетного соглашения“, и в начале декабря 1918 года „паритетное право“ рабочего в производстве было закреплено формальным договором об организации паритетных союзов (Arbeitsgemeinschaft), найдя в них временный компромисс между капитализмом и социализмом. Но революционная

энергия рабочих все возрастала. Созданные революцией советы предприятий заняли по отношению к капиталу непримиримую классовую позицию. Лозунг социализации промышленности получал все большее распространение. Тогда реформисты вновь выступают с несколько видоизмененным и звучащим более революционно проектом превращения советов предприятий в органы „производственной демократии".

—„До сих пор професиональные союзы могли пробить брешь только в рабочем договоре; с идеей советов предприятий перед ними выросла большая задача действовать революционизирующим образом в производстве, устранив здесь точку зрения „хозяина в своем доме", подняв рабочих и служащих в производстве с положения подчиненного до равноправного участника в производственном процессе. Идея советов предприятий, без сомнения, величайшая и плодотворнейшая идея начинающейся новой хозяйственной и исторической эпохи", так формулировал задачи „производственной демократии", осуществляющейся через советы предприятий, один из идеологов современного немецкого реформизма—Карл Цвинг [1]).

Такова теория реформизма в условиях подъема рабочего движения. Она исходит из того, что революция еще не означает падения капитализма, и что рабочий класс попрежнему должен итти, приспособляясь к нему и сотрудничая с ним, насколько возможно. Подобного рода аргументация для оправдания соглашательской политики приводилась реформистами, например, на съезде германских металлистов в октябре 1919 года. „Я возражаю", заявлял докладчик Цернике, делая доклад о палатах труда (Arbeitsgemeinschaften): против того положения, что со взрывом революции рухнул и капиталистический строй. В Германии капитализм стоит еще твердо на ногах и долго еще будет продолжать стоять. Частное капиталистическое хозяйство может быть устранено только мировой революцией, уничто-

[1]) Gewerkschaftliche Probleme. Beiträge zu den neuen Aufgaben der Gewerkschaften, von Karl Zwing. S. 15.

жением данной системы хозяйства во всех странах. Современные парламенты в настоящее время не в состоянии всецело представлять социальные и экономические интересы; рабочее сотрудничество в данном случае может оказать помощь и содействие". В противовес реформистской точке зрения, на том же съезде была выдвинута и революционная, предлагающая решительно отвергнуть классовое сотрудничество и, при посредстве советов предприятий, захватить в свои руки экономическую власть. „Вся политика президиума", сказал представитель революционной оппозиции Михлер, „равно, как и экономическая политика правительства, носят противосоциалистический характер. В основе неверно предположение, что раз мы достигли политической власти—чего на самом деле нет—то тем самым перед нами открыт путь к социализму. Политическое равноправие не влечет еще за собой экономического равноправия. Мы должны вплотную подойти к вопросу о системе советов. Теперь производится попытка создать представление, что капиталистическое общество снова укрепляется, но если глубже вникнуть в происходящее явление, то мы увидим, что капиталистическое общество все более и более разрушается. Но пока сильны другие элементы: прогнившая и развращенная государственная бюрократия."[1])

Эти две непримиримые в своей противоположности точки зрения в германском рабочем движении разбили на два резко враждебных лагеря и фабрично-заводские комитеты. В противовес социал-демократическим реформистским фабзавкомам, ставшим на позицию соглашения и сотрудничества с буржуазией, летом 1922 года возникло новое движение фабзавкомов, руководимое коммунистами и стоящее на позиции классовой борьбы. Практическими задачами фабзавкомов это течение выдвигало: контроль над производством, торговлей, подвозом продовольствия, установление цен через органы пролетариата—заводские комитеты и контрольные комиссии.

---

[1]) „Международное рабочее движение" 1920 год май № 1—2 „Съезд германского союзов металлистов."

Борьба за рабочий контроль, осуществляемый фабрично-заводскими комитетами над всеми сторонами хозяйственной жизни страны, усиливалась по мере роста дороговизны и все увеличивающегося обнищания рабочего класса, принявшего катастрофический характер. Мысль о регулировании цен, о контроле над производством и распределением продуктов родилась в рабочих массах, как единственное средство спасения от неизбежного вымирания, вследствие голода и истощения. Во многих местах, вопреки воле центральных органов, рабочие созывали фабрично-заводские комитеты для избрания контрольных комитетов и для регулирования цен. Несмотря на угрозы со стороны профсоюзов, организованные фабзавкомами контрольныо органы решительно выступают с требованиями, а часто и фактически осуществляют—регулирование рыночных цен, контроль над деятельностью заводоуправлений и торговых правлений, предавая огласке и, где возможно, пресекая все случаи ростовщичества, спекуляции и злоупотреблений.

Решительным характером отличалась в первые годы после войны и классовая борьба в Англии. И там она началось новой полосой классовых конфликтов, проходивших уже не под прежними чисто экономическими лозунгами, а под лозунгом вмешательства рабочих в производство.

Уже в 1915 году в машиностроительном районе Клайда и в 1916 году в Южно-Уэльском угольном районе конфликты с предпринимателями приняли форму классового антагонизма. В противовес все увеличивающейся политической и экономической эксплоатации, рабочие выдвинули лозунг контроля рабочих над доходами капиталистов и над государственным снабжением. Под влиянием угрозы углекопов, грозивших забастовкой в самый острый военный период, правительство издало акт о взятии угольных копей под государственный контроль. Все последовавшие конфликты и особенно стачки летом 1917 года уже проходили с определенными производственными требованиями. Съезд железнодорожников в 1917 году и общеанглийская конференция заводских старост и рабочих комитетов вынесли резолюцию о контроле над производством.

Характеристикой нового сознания английского рабочего, в течение долгого времени стоявшего вне политики, воспитанного с помощью самых консервативных союзов в мире на идеях конституционализма, является „Ответ углекопов лорду Вейру“ по поводу его предложения увеличить продукцию и поднять английскую промышленность путем понижения уровня жизни английского рабочего. „Единственная надежда, которая остается для нас,—это собрать все рассыпанные силы трудящихся в единое революционное движение для завоевания политической силы и полного контроля над промышленностью. Эта наша задача, для нее мы живем и работаем. Эта величайшая задача истории. Это идеал. Вы сказали нам, чего вы хотите: увеличения рабочего дня на 25% без какой бы то ни было прибавки к заработной плате. Ну, что же, мы, с своей стороны, имеем контр-предложения: 1) полнейшая реорганизация всего общественного уклада на коммунистическом базисе, 2) признание, что единственным правом на получение кем-либо его доли в выработанных миром богатствах, является труд, признанный общественно-полезным, 3) что малолетние, престарелые и больные должны быть взяты на содержание всем обществом, которое является ответственным за их благосостояние“ [1]).

Борьба за рабочий контроль в Италии в сентябре 1920 года вылилась в бурное классовое столкновение, сопровождавшееся захватом фабрик и заводов самими рабочими.

В этой борьбе отразились все особенности итальянского рабочего движения, послужившие причиной не только безрезультатности так интенсивно начавшейся борьбы в 1920 году, но и причиной разгрома движения фашистами в 1922 году. Движение, начатое металлистами, требовавшими 40% прибавки, благодаря упорному сопротивлению промышленников, объявивших локаут, вылилось в небывалую в истории рабочей борьбы оккупацию предприятий рабочими.

Центрами движения были Милан и Турин. Когда Милан-

---

[1]) Письмо приведено в книге М. Смита „Классовая борьба в современной Англии“ 1922 г. Изд. Профинтерна.

ские рабочие узнали о локауте и закрытии фабрик предпринимателями, они по окончании работы остались на заводах и захватили их в свои руки. Они установили охрану, смены работ, организовали непрерывную работу производства, продажу готовых продуктов, прием заказов и т. п. Во главе фабрик были поставлены фабричные комитеты из рабочих (comissione interna), на которых лежали задачи по организации производства.

Борьба из Милана и Турина перенеслась в другие города и на другие производства, захватила весь рабочий класс и грозила вылиться в революцию. Тогда предусмотрительное правительство Джиолитти, сначала державшееся „нейтрально“, чтобы разрядить сгустившуюся атмосферу и успокоить рабочих, издало закон о рабочем контроле. Между промышленниками и профсоюзами после этого было заключено соглашение, но, благодаря ряду принципиальных уступок со стороны Комитета Действия, а затем и благодаря продолжавшейся оппортунистической тактике вождей, движение было ликвидировано почти без всяких реальных результатов. Последующие за этим схватки труда с капиталом, из-за отсутствия в них должной организованности и руководства со стороны революционной партии, кончились неудачами и привели к полной ликвидации революционных завкомов и насаждению фабрично-заводских организаций фашистского типа.

Но насколько все же итальянское движение фабрично-заводских комитетов отличалось активностью и революционностью, настолько чисто-теоретически подходили к вопросу о рабочем контроле французские профсоюзы.

Всеобщая Конфедерация Труда, в период войны стоявшая на точке зрения „национальной обороны“, после войны с той же энергией принялась помогать буржуазии, в тесном с нею сотрудничестве, восстанавливать разрушенную промышленность. Но послевоенное разорение не могло не отразиться на настроении рабочих масс. Уже ко времени Орлеанского конгресса Конфедерации Труда почти треть всех профсоюзов находилась в оппозиции к соглашательской линии В.К.Т. Происходившее в это время революционное дви-

жение в Италии, установление там рабочего контроля, с одной стороны, а с другой—ухудшившееся экономическое положение пролетариата во Франции, безработица, падение заработной платы рядом с растущими прибылями капиталистов,—все это побуждало французских рабочих к более революционным действиям и делало возникшую среди них идею создания фабрично-заводских комитетов и контроля над производством особенно популярной.

Революционное меньшинство Орлеанского конгресса вынесло резолюцию, сформулировавшую эти не совсем оформленные тенденции в рабочем классе: „Наши усилия должны быть направлены на фабрику. Производственные союзы должны теперь же начать готовиться к творческой роли, которую им придется играть в преобразованном обществе. Подготовка к созидательной работе должна итти параллельно с подготовкой к революции, которая является душой современного синдикализма. Рабочие синдикалистские ячейки должны быть образованы в мастерских, на фабриках и заводах, крупных магазинах и банках, повсюду, где имеются люди, находящиеся под экономическим господством немногих, извлекающих прибыль из их труда. Эти ячейки будут способствовать уничтожению капиталистической власти, которая будет заменена специальными органами, имеющими задачи обеспечивать администрацию, управление и развитие производства“. Таким образом, во Франции завкомы попытались использовать наиболее революционное течение—синдикалисты.

По почину отдельных синдикатов в предприятиях организовывались фабрично-заводские комитеты, но определенных контрольных функций они не имели. Так, например,—синдикат металлистов департамента Сены обратился ко всем своим секциям с предложением создавать фабрично-заводские комитеты, мотивируя эту необходимость таким образом: „События, которые мы переживаем, доказывают нам ежедневную пользу института делегатов мастерских. В больших заводах товарищи, стоящие во главе движения и выполнявшие эту роль, путем репрессий, или изгнаны из заводов, или поставлены в невозможность продолжать свои действия. Хо-

зяева, пользуясь этим, могут свободно осуществлять свои покушения на условия труда рабочих, не встречая с их стороны должного сопротивления. Ввести институт рабочих делегатов —это значит „дать рабочим возможность защищаться, создавая солидарность между рабочими одного завода и данного производства“.

Впрочем, французская федерация металлистов попробовала сначала сговориться с союзом предпринимателей металлообрабатывающей промышленности и с его разрешения ввести рабочий контроль в предприятиях. Получив на свое наивное предложение насмешливо-вызывающий ответ промышленников, федерация металлистов выработала проект организации контроля в виде довольно обширного статута в 14 параграфов, ставящих перед контрольными комиссиями большие задачи, но беспомощного по существу, ибо федерация не указывала, какими средствами можно проводить этот проект в жизнь.

Растерявшаяся в первый период после войны буржуазия к концу 1920 г. и началу 1921 года уже оправляется настолько, что не только не считается с бумажным творчеством реформистов о рабочем контроле, но и решительно отказывается от самого принципа сотрудничества с рабочим классом.

Для характеристики отношения перешедшего в наступление капитала к рабочим завоеваниям, можно указать на следующую довольно откровенную резолюцию, вынесенную международным съездом предпринимателей строительной промышленности в октябре 1921 года: „В странах, где существует восьмичасовой рабочий день, применение его должно быть пресечено, а в странах, где этот закон не вошел еще в силу, принятие его должно быть приостановлено до наступления более благоприятных к тому обстоятельств. Конгресс единодушно становится на ту точку зрения, что участие рабочих в управлении предприятиями ни в коем случае не находится в соответствии с интересами производственного процесса, который требует единоличного управления, принятия быстрых решений и личной ответственности. Кроме того, это участие, в чем бы оно ни проявля-

лось, неминуемо создало бы препятствия проявлению свободной личной инициативы, короче, было бы вредным нововведением, нарушающим планомерный ход производства и парализующим его развитие. Не только с точки зрения индустрии, вообще, но желая защитить интересы общества, Конгресс заявляет, что он будет стойко бороться против какого бы то ни было участия рабочих в управлении производством“ [1]).

Вопросы „производственной демократии“, контроля над производством, участия союзов в регулированиии хозяйственной жизни, с упадком революционного движения и наступлением капитала по всему фронту, превратились в последние полтора—два года в вопросы чисто-политической борьбы рабочего класса, ибо стало ясно, что только завоевание власти рабочим классом даст ему возможность усилить свое влияние на все стороны хозяйственной жизни и явится необходимой предпосылкой для установления производственной диктатуры пролетариата.

Борьба между заводскими комитетами и профсоюзной бюрократией.

Таким образом, мы видели, что на пути к завоеванию рабочим классом политической и экономической власти стоит не только сопротивление капитала, но и противодействие оппортунистически-настроенных профсоюзов, ставших оплотом реформизма и оппортунизма в рабочем движении. Именно это последнее обстоятельство явилось главным, если не исключительным тормазом в развитии нараставшего революционного движения в период 1918—19 года, и было причиной, что капитал не только успел оправиться, но и перейти в наступление.

Тактика реформизма принесла для дела революции неизмеримый вред, не только задержав победу пролетариата и отдалив ее на некоторое время, но и заставив пролетариат принести новые неслыханные жертвы (результаты наступления капитала и мирового фашизма). Вот почему рабочий класс (по крайней мере, его все растущие революционные

[1]) „Красный Интернационал Профсоюзов“ № 2 февр. 1922 Стр. 172.

элементы) ведет свою борьбу на два фронта—против капитала и против реформистской профсоюзной бюрократии. И та и другая борьба нашли свое яркое отражение в движении фабрично-заводских комитетов.

Мы уже видели, что и революционное и реформистское течения в рабочем классе пытались сделать фабрично-заводские комитеты своим опорным пунктом, своей базой. Вопрос о подчинении завкомов союзам, о превращении их в профессиональные низовые ячейки превратился в принципиальный и важнейший вопрос революции: кто станет во главе борющегося пролетариата—революционно-социалистическое или реформистско-оппортунистическое крыло рабочего класса? Станут ли фабрично-заводские комитеты органами мирной экономической борьбы, классового сотрудничества и примирения с буржуазией, органом „производственной демократии“, осуществляющей социализм путем „органического внедрения социализма в капиталистическую систему“ или, наоборот,—фабзавкомы должны стать оружием революционной, классовой борьбы пролетариата за новые социалистическе формы производства, за политическую и экономическую диктатуру пролетариата?

Конкретные факты из истории развития борьбы завкомов и профсоюзов на Западе дают ответ на этот основной вопрос, хотя и не полный, но достаточно определенный.

Прежде всего Германия.

Борьба здесь между фабзавкомами и профсоюзной бюрократией приняла наиболее обостренные формы. Сначала борьба за влияние и даже за полное овладение советами предприятий. С помощью закона о фаб.-зав. советах в феврале 1922 года официально, с помощью съездов фабзавкомов (Советов предприятий), обработанных в надлежащем виде, реформистам удалось сначала превратить их в органы, подчиненные союзам.

Первый Всегерманский Конгресс Советов предприятий 5—7 октября 1920 г., первый общегерманский конгресс советов предприятий горной промышленности 6—7 ноября 1921 года, общегерманский съезд советов предприятий металлической промышленности 5—7 декабря 1921 года—на-

ходятся под влиянием реформистов. Правда, и речи самих вождей реформизма и предлагаемые ими резолюции звучат гораздо более революционно, чем когда бы то ни было, ибо иного рода речи и резолюции явились бы слишком резкими, а главное тактически вредными,—диссонансом в среде представителей от советов предприятий, настроенных активно и достаточно революционно.

И все же уже на октябрьском конгрессе фабзавкомов (советов) выступает часть представителей с мест с резкой оппозицией против официального курса, разоблачая соглашательскую физиономию проводившей этот курс профсоюзной бюрократии.

Открытая и активная борьба против нее начинается немедленно после конгресса. Первым начинает ее совет предприятий Берлина, не подчинившийся постановлениям конгресса и поведший борьбу с соглашателями из профсоюзов из-за овладения производством. Примеру Берлина последовали другие крупнейшие города Германии. Фабрично-заводские комитеты, тесно связанные с рабочими низами, замечают в рабочей массе глубокое недовольство оппортунистической политикой вождей профсоюзов и заостряют конфликт между рабочими массами и профсоюзной бюрократией. Рабочие выносят резкие резолюции протеста, вроде следующей, принятой трамвайными рабочими 17 ноября 1921 года: „Мы выражаем резкий протест против профсоюзов и их тактики. До сих пор мы не видели никакой положительной работы профсоюзов. Они ничем не проявили себя в борьбе с эксплоатацией пролетариата. В этот последний час мы заявляем вам, сытым и сидящим в мягких креслах: если вы хотите рабочим спасти хотя бы только жизнь, то ведите борьбу с ростовщиками и спекулянтами. Сделайте это не на словах, а на деле“ [1]).

Вместе с тем лозунг самостоятельности советов, преобразования их в революционно классовые организации—уже к концу 1921 года завоевывает половину всех предприятий Германии.

---

[1]) Бюллетень И. К. Кр. нт. Проф. № 4 1921 г. „Германский пролетариат накануне новых боев“.

Две тысячи берлинских фаб.-зав. Советов, в целях объединения революционного движения в среде фабзавкомов, постанавливают созвать общегерманский съезд фаб.-зав. советов и избирают для этой цели „комиссию шести", когда же профсоюзы объявили и конференцию и комиссию „незаконными", — по всей стране стали происходить местные конференции советов предприятий и массовые рабочие собрания, выносившие резолюции протеста и требования, аналогичные берлинским. Когда профсоюзы созвали в Берлине свою конференцию, где в большинстве были соц.-дем. фабзавкомы, все же и она вынесла постановление присоединиться к резолюциям конференции от 22 декабря. Таким образом, даже обычно послушные профсоюзам социал-демократические завкомы оказались под напором снизу революционнее и решительнее своих профессиональных вождей.

Естественно, что профсоюзы пытались всемерно дискредитировать развивающееся движение, изображая его как интригу коммунистов. С другой стороны, буржуазия, испуганная размахом движения, поторопилась призвать всех предпринимателей „бросить свою апатию и объединиться для борьбы с воинствующими советами".

Объединенными усилиями реформистов и буржуазии революционная попытка фабзавкомов была сорвана. Но ненадолго. Летом 1922 года в Германии возникает новое движение фабзавкомов, и на этот раз оно приняло небывало широкий, прямо стихийный характер. Это новое движение было вызвано чрезвычайно ухудшившимся экономическим положением Германии: ростом дороговизны, чудовищным падением марки, почти финансовым банкротством, безработицей и обнищанием масс. Рабочий класс, доведенный до последней степени отчаяния, доходил до эксцессов и разгрома магазинов и складов спекулянтов. С другой стороны он энергично принялся за „самооборону" более организованным порядком. В Берлине, по инициативе рабочих заводов Амби, 25 августа 1922 года состоялось собрание фабзавкомов, выработавшее требования по борьбе с дороговизной и избравшее комиссию из 15 человек для созыва об-

щегерманского конгресса фабзавкомов. На призыв, с которым обратилась комиссия ко всем завкомам Германии, немедленно и с громадным подъемом откликнулись решительно отовсюду. Даже широкие массы реформистских рабочих примкнули к движению, а на предварительной конференции фабзавкомов 10 сентября 1922 года почти 35% всех делегатов были представители социал-демократов и независимых, настроенных совсем революционно. Конференция избрала временную общегерманскую комиссию фабзавкомов из 25 человек, которая, несмотря на все препятствия со стороны Всеобщего Объединения Германских Союзов, объявившего, что все члены профсоюзов, участвующие в движении, будут исключены из союзов,—все же созвала 23—25 ноября 1922 г. общегерманский конгресс фабзавкомов.

Широкие рабочие массы горячо откликнулись и поддержали движение, собрав при помощи подписных листов, распространенных по всей стране, значительные суммы денег для организации конгресса. Правда, конгресс не мог, считаясь с объективной обстановкой, организовать немедленного революционного выступления, и это даже вызвало некоторое разочарование среди рабочих. Но все же резолюции конгресса, требующие создания рабочего правительства, установления контроля над производством и распределением продуктов и др. имели большое, революционизирующее массы, значение, объединив их вокруг завкомов и давши им боевые лозунги ближайших битв.

Что касается Англии, то победить консерватизм и реформизм, господствующий в английских профессиональных союзах, прочно подчинивших себе низовые рабочие организации,—здесь труднее, чем в какой-либо другой стране. Задачу борьбы с профсоюзными чиновниками взяли на себя, как мы видели, внесоюзные фабрично-заводские организации, комитеты заводских старост, производственные комитеты и т. п., организовавшие не только борьбу против предпринимателей, но и борьбу против союзных бюрократов. Первая общеанглийская конференция рабочих комитетов вынесла резолюцию по организационному вопросу, предлагающую полную перестройку союзных организаций

по производственному принципу, а также призывающую к решительной борьбе с профсоюзной бюрократией и их соглашательской политикой. „Созданный аппарат фабрично-заводских комитетов—гласила резолюция — должен быть средством борьбы с миром старого тред-юнионизма и с этой целью он должен обеспечить возможность замены реакционных вождей—вождями революционными. В тех случаях, когда вожди союза ведут революционную борьбу с капиталом, комитеты должны безусловно их поддерживать. В случае, если вожди оказываются реакционными, комитеты должны вести борьбу с ними. Мы должны отклонить и объявить непримиримую войну евангелию мира между классами и попыткам превращения профессиональных союзов в смешанные организации предпринимателей и рабочих". Впрочем, эта резолюция в значительной степени осталась только революционной декларацией, ибо движение было уже в 1920 г. ликвидировано. Но все же можно констатировать, что окончательно движение фабзавкомов не умерло. Наоборот, попав временно под власть реформистских профсоюзов, оно, под влиянием все растущего недовольства и ухудшающегося экономического положения рабочих масс, из-под этого влияния мало-по-малу освобождается и становится мощным фактором, революционизирующим движение пролетариата. Конечно, далеко не во всех странах дело обстоит именно так. Даже в Германии, где движение фабзавкомов наиболее сильно, оно все же еще не является решающей силой. Но главное там уже достигнуто: заводские комитеты из-под влияния реформизма вышли и даже представляют во многих случаях опорные пункты борьбы против реформизма. Движение это еще не может вести массы в бой против капитала, но оно представляет все растущую и уже сейчас довольно внушительную силу и все больше становится боевым штабом и центром будущих классовых битв.

Боевая и революционная роль фабрично-заводских комитетов на Западе, как и в России, очевидна. Но на западе борьба развивается в совершенно иных условиях и идет иными, часто сложными или неправильными путями, иногда на время задерживающими движение.

Красный Интернационал Профессиональных Союзов вполне оценил эту революционную и боевую роль фабрично-заводских комитетов и в ряде резолюций на первом и на втором конгрессах Профинтерна, на ряду с практическими, конкретными мероприятиями по проведению контроля над производством, по организации борьбы завкомов с проф. союзной бюрократией, и т. п. неизменно подчеркивал основную задачу фабрично-заводских комитетов,—организацию борьбы рабочего класса за политическую и экономическую власть, за создание социалистической фабрики.

Каждая фабрика и каждый завод с помощью фабрично-заводских комитетов должны стать крепостью пролетарской социалистической революции!

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I. Правительственные акты о фабрично-заводских комитетах.

Текст закона 10 июня 1903 года об учреждении старост в промышленных предприятиях.

(Устав о промышленном труде, Св. Зак., т. XI, ч. 2 изд. 1913 г.).

Ст. 202. В предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности, подведомственных губернским или областным присутствиям по фабричным и горнозаводским делам, фабричные, заводские и промысловые управления, с разрешения названных присутствий, имеют право, по предварительном распределении рабочих заведения или промысла на разряды, предоставлять этим разрядам избрать из своей среды кандидатов в старосты. Из числа избранных по каждому разряду кандидатов управление предприятия утверждает одного старостою данного разряда.

Ст. 203. Кандидатами в старосты не должны быть избираемы рабочие моложе двадцати пяти лет. От управления предприятия зависит назначить и более высокий наименьший возраст для кандидатов в старосты. Разряды (ст. 202), состоящие в большинстве из рабочих моложе установленного наименьшаго возраста, могут избирать кандидатов в старосты хотя бы из числа рабочих других разрядов того же заведения или промысла.

Ст. 204. Староста признается уполномоченным выбравшего его разряда (ст. 202) для заявления управлению предприятия, а равно учреждениям и должностным лицам, коим вверен местный надзор за благоустройством и порядком

в заведении или на промысле, о нуждах и ходатайствах разряда рабочих, его избравшего, или отдельных рабочих сего разряда,—по делам, касающимся исполнения условий найма, а также быта рабочих в данном заведении или промысле. Через старост передаются рабочим, как распоряжения управления предприятия и начальства, так и разъяснения по сделанным ими заявлениям.

Ст. 205. Отдельные рабочие не лишаются права ходатайствовать по делам, указанным в ст. 204, и лично, каждый за себя, не прибегая к старостам.

Ст. 206. Для обсуждения указанных в статье 204 дел старосте предоставляется собирать рабочих избравшего его разряда вместе и во время, по указанию управления предприятия, при чем староста наблюдает за сохранением должного порядка. Для обсуждения дел, относящихся к нескольким разрядам, собираются исключительно старосты этих разрядов.

Ст. 207. При ходатайстве о разрешении избрания старост управление предприятия (ст. 202) обязано представить составленные им правила о старостах. Правила эти утверждаются губернатором по докладу старшего фабричного инспектора или подлежащего окружного инженера, по принадлежности.

Ст. 208. В означенных в статье 207 правилах должны быть определены:

1) основания разделения рабочих заведения или промысла на разряды;

2) порядок избрания старост, как-то: способ подачи голосов, число голосов, обязательное для выбора кандидата, место и время подачи голосов, а равно число кандидатов в старосты, представляемых каждым разрядом на утверждение управления предприятия;

3) необходимые для кандидата в старосты возраст (ст. 203) и продолжительность службы рабочего в предприятии;

4) порядок освобождения старост от работ для исполнения их обязанностей;

5) срок полномочий старост и способ замещения их на случай болезни, отсутствия, ухода со службы в предприятии и по другим поводам;

6) прочие указания относительно старост, которые окажутся необходимыми по местным условиям.

Правила, по их утверждении, выставляются в мастерских, заведениях или на промысле.

Ст. 209. Старосты, не удовлетворяющие своему назначению, могут быть устраняемы от исполнения своих обязанностей распоряжением губернатора и до истечения срока, на который они были избраны.

Ст. 210. Главному по фабричным и горнозаводским делам присутствию предоставляется издавать, в развитие правил, изложенных в сей главе третьей, для руководства присутствий по фабричным и горнозаводским делам, фабричных инспекторов и окружных инженеров, а равно фабричных, заводских и промысловых управлений, инструкции, с соблюдением статьи 133 приложение к статьи 618[1] (по прод. 1912 г.) учреждений министерств.

Постановление Временного Правительства о рабочих комитетах в промышленных заведениях.

Временное правительство постановило:

1) В изменение и дополнение подлежащих узаконений утвердить нижеследующее положение о рабочих комитетах в промышленных заведениях:

1) Рабочие Комитеты учреждаются как в частных, так и в казенных промышленных заведениях всякого рода (фабрично-заводских, горных, горно-заводских, в строительном промысле и т. п.) с соблюдением правил, изложенных в нижеследующих статьях настоящего положения.

2) Рабочие комитеты могут учреждаться как для всего промышленного заведения, так и для отдельных его мастерских, цехов, отделов, промыслов, производств и т. п. Отдельные комитеты могут объединиться в главный комитет, согласно правил, устанавливаемых инструкцией.

Комитеты учреждаются или по предложению не менее одной десятой общего числа рабочих, от коих зависит из-

брание членов комитета, или по предложению администрации заведения.

3) Комитет состоит из членов, избранных рабочими заведения на основе всеобщего, не исключая женщин и несовершеннолетних, равного, прямого и тайного голосования.

4) Для действительности выборов требуется участие в них не менее половины всех рабочих всего заведения или данной мастерской, цеха, отдела, промысла, производства и т. п.

5) Список членов комитета сообщается для сведения администрации промышленного заведения.

6) Члены комитета могут быть увольняемы администрацией заведения лишь по постановлению примирительных учреждений. Устранение их до решения примирительного учреждения может последовать лишь с согласия комитета. При отсутствии постоянных примирительных учреждений вопрос разрешается путем третейского разбирательства.

7) Рабочий комитет вырабатывает инструкцию, определяющую состав, предметы ведения и порядок деятельности комитета. Инструкция предусматривает в частности: 1) число выборных по разрядам, цехам, отделам, мастерским и т. п. либо от всего промышленного заведения; 2) порядок избрания выборных и их заместителей (способ, место и время подачи голосов); 3) срок полномочий выборных и их заместителей; 4) порядок отозвания отдельных или всех выборных до истечения срока их полномочий; 5) порядок избрания председателя и других членов президиума комитета; 6) взаимоотношения отдельных комитетов, если таковые существуют, и между отдельными комитетами и главным комитетом промышленного заведения; 7) порядок сношений комитета с администрацией заведения; 8) условия и порядок освобождения выборных от работ за время исполнения ими их обязанностей; 9) основные права и обязанности выборных и другие постановления, которые окажутся необходимыми по местным условиям.

Выработанная комитетом инструкция подлежит утверждению общим собранием рабочих и по утверждении вывешивается в рабочих помещениях.

Примечание: При выборах первого рабочего комитета число членов комитета, порядок их избрания и сроки полномочий определяются общим собранием рабочих всего заведения или его мастерской, цеха, отдела, промысла, производства и т. п.,—по принадлежности.

8) Постановления, инструкции, определяющие взаимоотношения между комитетом и администрацией заведения, в частности, порядок сношений комитета с администрацией, условия и порядок освобождения выборных от работ на время исполнения ими их обязанностей, место и время выборов, предварительно обсуждаются в совместном заседании комитета и представителей администрации заведения и устанавливаются взаимным соглашением обоих сторон.

9) Предметами ведения рабочих комитетов являются: а) представительство рабочих перед администрацией заведения по вопросам, касающимся внутренних взаимоотношений между предпринимателями и рабочими, как-то: о заработной плате, рабочем времени, правилах внутреннего распорядка и т. п.; б) разрешение вопросов, касающихся внутренних взаимоотношений между рабочими заведений; в) представительство рабочих в их сношениях с правительственными и общественными учреждениями; г) заботы о культурно-просветительной деятельности среди рабочих заведения и о других мероприятиях, направленных к улучшению их быта.

10) Отдельные рабочие не лишаются права выступать в случаях, указанных в статье 9 (п. "а" и "б") лично, каждый за себя, не прибегая к комитету.

11) Комитет осведомляет рабочих о результатах выборов, о своей деятельности, о предстоящих собраниях и т. п. объявлениями, вывешиваемыми в рабочих помещениях.

12) Комитету предоставляется созывать собрания рабочих. Администрация заведения обязана отводить для собраний, созываемых комитетом, имеющиеся у него помещения или место.

13) С разрешения комитета или председателя собрания, в собрании могут присутствовать и отдельные лица (пред-

ставители профессионального союза, других рабочих комитетов и иные сведущие лица), не принадлежащие к составу рабочих заведения.

14) Собрания, созываемые комитетом, происходят по общему правилу, в нерабочее время.

15) служащие промышленного заведения могут либо учреждать самостоятельные комитеты, применительно к правилам, установленным в настоящем положении, либо по соглашению с рабочими, на одинаковых с ними основаниях, участвовать в избрании рабочих комитетов.

16) Все споры, возникающие между администрацией заведения и рабочими и служащими по применению настоящего положения, передаются по желанию одной из сторон, на рассмотрение примирительных учреждений.

17. Действие статей 202—210 Устава о промышленном труде (Св. Зак., т. II, ч. 2, изд. 1913 г.), а равно и всех изданных в развитие этих статей постановлений и распоряжений,—отменить.

Министр Председатель: Князь *Львов.*

Министр Торговли и Промышленности

А. Коновалов.

Управляющий делами Временного Правительства

Влад. Набоков.

23 апреля 1917 г.

Положение о рабочем контроле.

(Постановление Совета Народных Комиссаров 14 ноября 1917 г.).

1. В интересах планомерного регулирования народного хозяйства во всех промышленных, торговых, банковых, сельско-хозяйственных, транспортных, кооперативных, производительных товариществах и пр. предприятиях, имеющих наемных рабочих или же дающих работу на дом, вводится рабочий контроль над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия.

2. Рабочий контроль осуществляют все рабочие данного предприятия через свои выборные учреждения, как-то: заводские, фабричные комитеты, советы старост и т. п., при чем в состав этих учреждений входят представители от служащих и от технического персонала.

3. Для каждого крупного города, губернии или промышленного района создается Совет Рабочего Контроля, который, будучи органом Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, составляется из представителей профессиональных союзов, заводских, фабричных и иных рабочих комитетов и рабочих кооперативов.

4. Впредь до Съезда Советов Рабочего Контроля учреждается в Петрограде Всероссийский Совет Рабочего Контроля, в состав которого входят представители от следующих организаций: Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов—5; Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Крестьянских Депутатов—5; Всероссийского Совета Профессиональных Союзов—5; Всероссийского Центра Рабочей Кооперации—2; Всероссийского Бюро Фабрично-Заводских Комитетов—5; Всероссийского Союза Инженеров и Техников—5; Всероссийского Союза Агрономов—2; от каждого Всероссийского Союза Рабочих, имеющего менее 100.000 членов—1; от имеющих свыше 100.000—2; от Петроградского Совета Профессиональных Союзов—2.

5. При высших органах рабочего контроля учреждаются комиссии специалистов-ревизоров (техников, бухгалтеров и т. д.), которые высылаются как по инициативе этих органов, так и по требованию низших союзных органов рабочего контроля для обследования финансовой и технической стороны предприятия.

6. Органы рабочего контроля имеют право наблюдать за производством, устанавливать минимум выработки предприятия и принимать меры к выяснению себестоимости производимых продуктов.

7. Органы рабочего контроля имеют право контроля всей деловой переписки предприятия, при чем за сокрытие корреспонденции владельцы ответственны по суду. Коммерче-

ская тайна отменяется. Владельцы обязаны предъявлять органам рабочего контроля все книги и отчеты, как за текущий год, так и за прошлые отчетные годы.

8. Решение органов рабочего контроля обязательны для владельцев предприятий и могут быть отменены лишь постановлением высших органов рабочего контроля.

9. Предпринимателю или администрации предоставляется трехдневный срок для обжалования в соответствующий высший орган рабочего контроля всех постановлений низших органов рабочего контроля.

10. Во всех предприятиях владельцы и представители рабочих и служащих, выбранные для осуществления рабочего контроля, объявляются ответственными перед государством за строжайший порядок, дисциплину и охрану имущества. Виновные в сокрытии материалов, продуктов и в неправильном ведении отчетов и т. п. злоупотреблениях подлежат уголовной ответственности.

11. Районные (по пункту 3-му) Советы Рабочего Контроля разрешают все спорные вопросы и конфликты между низшими органами контроля, а также жалобы владельцев предприятий, и издают, сообразуясь с особенностями производства и местными условиями, инструкции в пределах постановлений и указаний Всероссийского Совета Рабочего Контроля и наблюдают за действиями низших органов контроля.

12. Всероссийский Совет Рабочего Контроля вырабатывает общие планы рабочего контроля, инструкции, издает обязательные постановления, регулирует взаимоотношения районных Советов Рабочего Контроля и служит высшей инстанцией для всех дел, связанных с рабочим контролем.

13. Всерос. Совет Рабочего Контроля согласует деятельность органов Рабочего Контроля со всеми другими учреждениями, ведающими делом организации народного хозяйства.

Положение о взаимоотношении между Всерос. Советом рабочего контроля и другими учреждениями, организующими и регулирующими народное хозяйство, будет издано особо.

14. Все законы и циркуляры, стесняющие деятельность фабричных, заводских и других комитетов и советов рабочих и служащих отменяются.

II. Уставы фабрично-заводских комитетов.

Устав Фабрично-Заводского Комитета.

(Проект, разработанный Центральным Советом Фабрично-Заводских Комитетов в 1918 году).

I. Задачи, состав и органы Фабрично-Заводской Организации.

1) Фабрично-Заводская Организация преследует нижеследующие цели:

а) объединение рабочих и служащих данного предприятия в их общественно-политических выступлениях, в их взаимных отношениях и в их отношениях к заводоуправлению.

б) осуществление рабочего контроля над производством данного предприятия.

в) проведение в жизнь распоряжений и мероприятий высших органов народного хозяйства.

2) В Фабрично-Заводской Организации участвуют все рабочие и служащие данного предприятия, без различия вероисповедания, расы, национальности, пола и возраста.

> Примечание: В Фабрично-Заводской Организации не могут принимать участия лица, входящие в состав администрации предприятий. (Это примечание не относится к выборной администрации национализированного предприятия).

3. Органами Фабрично-Заводской Организации являются:

а) общее собрание Фабрично Заводской Организации.

б) частичные собрания рабочих и служащих по отделам, мастерским и т. п., согласно Устава Фабрично-Заводской Организации данного предприятия.

в) Фабрично-Заводской Комитет данного предприятия.

г) специальные комиссии, учреждаемые Фабрично-Заводским Комитетом или выбираемые общим собранием Фабрично-Заводской Организации.

д) Комитеты отделов, мастерских и т. п., согласно Устава Фабрично-Заводской Организации данного предприятия.

II. Общее собрание Фабрично Заводской Организации.

4) Общее собрание является высшим органом Фабрично-Заводской Организации. Общее собрание полномочно разрешать все вопросы, касающиеся рабочих и служащих данного предприятия; ему подотчетны все органы Фабрично-Заводской Организации.

> Примечание: На заводах, где общее собрание по техническим причинам созвать невозможно—созывается делегатское собрание.

5) Общие собрания бывают регулярные и чрезвычайные. Регулярные общие собрания созываются в первую неделю каждого месяца для выслушания отчета за предыдущий месяц работы предприятия и утверждения денежных отчетов по докладу Фабрично-Заводского Комитета.

6) Общие собрания созываются Фабрично-Заводским Комитетом, по его постановлению или по требованию одного или нескольких по разрядных комитетов (по отделам, по мастерским и т. п.), по постановлению собрания одного из разрядов или по требованию одной пятой числа рабочих данного предприятия. В случае отказа Фабрично-Заводского Комитета созвать, при наличности указанных требований, общее собрание, оно может быть созвано в порядке частной инициативы.

7) Общее собрание действительно, если на нем присутствуют не менее половины всего числа рабочих и служа-

щих данного предприятия; если общее собрание не состоится за неприбытием достаточного числа рабочих, созываемое вторичное собрание действительно при всяком числе участников.

Примечание: Постановления общего собрания выносятся простым большинством голосов.

8) Постановления общего собрания обязательны для всех членов Фабрично-Заводской Организации.

9) Общие собрания созываются в нерабочее время; в экстренных случаях они могут состояться также и в рабочее время (о чем ставится в известность заводоуправление). Управление завода обязано отводить для созываемых собраний имеющееся у него помещение.

10) Порядок работ общего собрания (выбор президиума собрания, порядок его дня, способы голосования и т. п.) определяются самим собранием.

11) В общих собраниях могут участвовать с совещательным голосом, по приглашению Фабрично Заводского Комитета или самого собрания, не принадлежащие к составу рабочих и служащих данного предприятия сведущие лица и представители политических и экономических организаций рабочего класса.

12) Собрания по-разрядные (по отделам, мастерским и т. п.) собираются и действуют в пределах решений общих собраний, по нижеприведенным правилам.

III. О выборах Фабрично-Заводского Комитета.

13) Выборы членов Фабрично-Заводского Комитета производятся на основании всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права в обще-заводском масштабе.

14) Выборы производятся путем опускания избирательных бюллетеней (записок) в избирательные ящики, или другим способом; инструкция о производстве выборов должна быть выработана особо.

15) Техническая система выборов разрабатывается Фабрично-Заводским Комитетом (для первых выборов—спе-

циально выбранной на общем собрании Организационной Комиссией) и утверждается общим собранием.

16) Для наблюдения за правильностью выборов и для подсчета поданных голосов образуется контрольная комиссия, в которой должны быть представлены все участвующие в выборах группы. Протокол об избрании подписывается всеми членами комиссии, которым предоставляется вносить в протокол особое мнение по вопросу о правильности выборов.

17) В выборах Фабрично-Заводского Комитета имеют право участвовать и могут быть выбраны все рабочие и служащие без различия пола, возраста, национальности, расы и вероисповедания.

18) В Фабрично-Заводской Комитет ни в коем случае не могут быть выбираемы лица из состава администрации предприятия.

19) Для действительности выборов необходимо участие в них не менее половины общего числа рабочих предприятия.

20) Вместе с членами Фабрично-Заводского Комитета избираются также и их заместители, которые участвуют в заседаниях по приглашению Фабрично-Заводского Комитета с совещательным голосом и в порядке полученных ими на выборах голосов замещают отсутствующих и выбывших членов Комитета.

21) Члены Фабрично-Заводского Комитета выбираются на полугодичный срок, по истечении которого могут быть выбраны вновь.

22) Отдельные члены Фабрично-Заводских Комитетов и их заместители могут быть во всякое время отозваны своими избирателями.

23) Вопрос о назначении перевыборов отдельных членов Фабрично-Заводского Комитета может быть поднят соответствующим числу отзываемых членов числом рабочих, участвовавших в выборах всего Комитета (напр., если на выборах участвовало 1.000 рабочих и было выбрано 10 членов Фабрично-Заводского Комитета, перевыборов одного члена Фабрично-Заводского Комитета могут потребовать 100 рабо-

чих (1000:10), для проведения же перевыборов требуется постановление общего собрания.

24) Выборы по-разрядных Комитетов (по отделам, мастерским и т. п.) производятся на вышеприведенных основаниях.

25) Выборы членов Фабрично-Заводского Комитета производятся по следующему расчету:

	В предприят. с числом раб. и служ.					
От	60	до	100	— 3		человек.
„	100	„	500	— 5	— 7	„
„	500	„	1.000	— 9	— 11	„
„	1.000	„	3.000	— 11	— 13	„
„	3.000	„	6.000	— 13	— 15	„
„	6.000	„	10.000	— 15	— 20	„
Свыше	—	„	10.000	— 20	— 25	„

Примечание: Общим собранием Фабрично-Заводской Организации могут быть устанавливаемы отступления от этих норм сообразно местным условиям.

IV. Права, обязанности и функции Фабрично-Заводского Комитета.

26) Фабрично-Заводской Комитет является исполнительным органом Фабрично-Заводской Организации данного предприятия и, как таковой, постоянно ответственен за все свои действия и распоряжения перед общим собранием рабочих и служащих данного предприятия. Он обязан на каждом регулярном и чрезвычайном общем собрании, по первому требованию, дать подробный отчет о своей деятельности.

27) Фабрично-Заводской Комитет проводит в жизнь постановления общих собраний и следит за их выполнением.

28) Фабрично-Заводской Комитет руководит общественно-политическими выступлениями рабочих, согласовывая их с постановлениями политических организаций рабочего класса.

29) Фабрично-Заводской Комитет организует выборы рабочими и служащими представителей от данного предприя-

тия в С. Р. и С. Д., делегатские собрания и вообще во все учреждения, в которых необходимо иметь представительство от рабочих и служащих предприятия.

30) Фабрично-Заводской Комитет регулирует взаимоотношения служащих и рабочих:

а) между собою,

б) с заводоуправлением и

в) с правительственными и общественными учреждениями и организациями.

31) Фабрично Заводской Комитет является основной ячейкой Рабочего Контроля.

32) Фабрично-Заводскому Комитету предоставляется во всякое время право вмешательства в распоряжения и деятельность предпринимателя или администрации в случае, если эти распоряжения идут в разрез с жизненными интересами всего предприятия; он имеет право издавать, в случае подобных действий со стороны предпринимателей или администрации, а также в случае умышленного бездействия (саботажа), свои распоряжения, которые обязательны не только для рабочих и служащих, но и для администрации и предпринимателей; он имет право производить постоянный надзор за правильностью ведения книг и отчетов предприятия, за правильностью и целесообразностью его работ, делать в то же время ревизии и проверки книг и корреспонденции предприятия; он имеет право, совместно с администрацией, устанавливать внутренний распорядок предприятия, вводить установленные высшими органами расценки и т. д.

33) Все распоряжения и постановления органов Фабрично Заводского Комитета, согласные с волей общего собрания рабочих и служаших данного предприятия, а также с постановлениями высших органов Народного Хозяйства, обязательны для администрации и предпринимателей и должны ими неукоснительно проводиться в жизнь по истечении трехдневного срока, предоставляемого им для обжалования в высшие органы Народного Хозяйства, если они этими последними не отменяются.

34) Распоряжения и действия администрации или пред-

принимателя, касающиеся деятельности предприятия, не могут быть проведены в жизнь без ведома и согласия Фабрично-Заводского Комитета.

35) Фабрично-Заводской Комитет, в случае явного нежелания предпринимателя или заводоуправления вести свое предприятие в интересах всей страны, в случае умышленного саботажа и злостного расстройства производства или финансовой стороны предприятия, возбуждает перед высшими учреждениями Народного Хозяйства как местными, так и общегосударственными, вопрос о принудительных мерах против предпринимателя и заводоуправления, вплоть до секвестра предприятия, конфискации капиталов, в него вложенных, и представляет в эти органы по этому поводу свои соображения и планы.

36) Фабрично-Заводской Комитет исполняет все руководства и инструкции высших органов Народного Хозяйства, в проведении которых предприниматели и заводоуправления не имеют права чинить ему ни малейшего препятствия.

37) Фабрично-Заводской Комитет, являясь, таким образом, проводником в жизнь мероприятий высших государственных учреждений по народному хозяйству, отвечает перед государственной властью за строжайший порядок и целесообразность ведения работ предприятия, сообразно с нуждами всего трудового народа, а также за охрану имущества данного предприятия.

38) Деятельность Фабрично-Заводских Комитетов разбивается на следующие основные функции:

а) контроль над организацией производства,

б) контроль над снабжением предприятия необходимыми материалами,

в) надзор за обеспечением интересов труда рабочих и служащих данного предприятия.

А. Контроль над организацией производства.

39) Фабрично-Заводской Комитет в лице соответствующей этой функции Комиссии и ее Подкомиссий:

а) В области хозяйственно-технической:

1) устанавливает схему организации предприятия,

2) производит обследование технического оборудования и его использования,

3) определяет себестоимость выпускаемого продукта,

4) устанавливает инвентарь по книгам и следит за его сохранностью,

5) выясняет имеющиеся заказы и их распределение по мастерским и т. д.

б) В области финансовой:

1) выясняет периодически финансовое положение предприятия в данный момент, проверив по книгам актив и пассив баланса,

2) выясняет в каждый данный момент по книгам свободную наличность предприятия,

3) выясняет суммы, предстоящие к уплате и получению предприятием,

4) делает свои заключения по вопросам о наличности или отсутствии средств для ведения предприятия,

5) следит за правильностью расходования денег предприятия, за правильностью ведения книг и за корреспонденцией,

6) выясняет условия заключаемых договоров и поставок и в случае их несоответствия интересам предприятия приостанавливает их заключение впредь до решения высших органов Народнаго Хозяйства,

7) проверяет годовое заключение книг и распределение прибыли.

в) В области демобилизации:

1) устанавливает мешающие демобилизации препятствия.

2) определяет требующееся для демобилизации предприятия дополнительное оборудование и его стоимость,

3) выясняет при содействии высших органов Народного Хозяйства места для сбыта продуктов демобилизуемого производства,

4) выясняет способы получения новых заказов и ликвидации старых,

5) на основании всего этого разрабатывает совместно с администрацией план демобилизации, который вносит на пересмотрение высших органов Народнаго Хозяйства.

6) производит вызываемое демобилизацией перераспределение рабочей силы на данном предприятии.

Б. Контроль над снабжением предприятия небходимыми материалами.

40) В этой области Фабрично-Заводской Комитет через соответствующие Комиссии:

1) производит количественный и по возможности и качественный учет сырья и топлива на данном предприятии:

а) имеющихся в наличности,

б) потребных для нормального хода работ предприятия,

в) назначаемых распределительными органами,

г) поступающих на данное предприятие,

д) действительно потребляемых за определенный промежуток времени.

2) следит за регулярным поступлением означенных материалов и за их правильным и целесообразным распределением между отдельными частями предприятия,

3) заботится о получении этих материалов в случае их отсутствия,

4) следит за правильным и целесообразным потреблением означенных материалов,

5) следит за надежным хранением их,

6) следит за использованием обрезков и отрубков и вообще остатков и отбросов сырья и топлива,

7) следит за состоянием всех установок и оборудований, имеющих отношение к потреблению топлива,

8) следит за поступлением электрической энергии и ее расходованием и ведет точный ее учет.

В. Надзор за обеспечением интересов труда рабочих и служащих предприятия.

41) Фабрично-Заводской Комитет через Комиссию Труда и ее Подкомиссий:

а) В отношении внутреннего распорядка:

1) разрабатывает правила внутреннего распорядка предприятия,

2) производит прием и увольнение рабочих и служащих,

3) предоставляет и устанавливает отпуска рабочим и служащим,

4) отводит тех лиц администрации, которые не могут обеспечить нормальных отношений с рабочими,

5) дает свое разрешение на поступление на службу лиц заводоуправления.

6) производит нормировку рабочего времени,

7) разрешает на месте все мелкие конфликты между рабочими и заводоуправлением;

б) В отношении расценки труда:

1) проводит в жизнь выработанные высшими органами Народнаго Хозяйства тарифные ставки,

2) устанавливает в их пределах размеры заработной платы рабочих и служащих,

3) следит за строгим соблюдением этих ставок заводоуправлением,

4) устанавливает минимум выработки, где это технически возможно.

в) В отношении санитарно-гигиеническом:

1) надзирает за соблюдением общих правил санитарного содержания предприятия,

2) в связи с местными условиями, вырабатывает дополнительные правила по санитарному надзору за предприятием,

3) наблюдает за принятием заводоуправлением всех мер по обеспечению безопасности труда,

4) заботится о страховании рабочих от смерти, увечий, старости и т.д.

г) **В области культурно-просветительной:**

1) заведывает всеми существующими при предприятии учреждениями по улучшению быта и просвещения рабочих (яслями, приютами, клубами, театрами и т. п.),

2) принимает меры к созданию новых подобных учреждений и, вообще,

3) принимает все меры к повышению культурного уровня и классового самосознания рабочих и служащих (устройство лекций, бесед, митингов, политических выступлений и т. п.),

4) изыскивает для этих целей средства.

42) Все цифровые данные, установленные и собранные различными Комиссиями и Подкомиссиями Фабрично-Заводских Комитетов, препровождаются последними, по предварительной их обработке или сводке, в Статистические Отделы высших органов Народнаго Хозяйства, в виде ответов на выпускаемые последними анкеты и опросные листы.

43) Более детальные и обстоятельные инструкции и руководства по отдельным функциям рабочего контроля разрабатываются высшими органами Народного Хозяйства, при участии представителей соответствующих Комиссий отдельных предприятий.

V. Распределение функции фабрично-заводских комитетов.

44) Для разделения труда и большей успешности работ Фабрично-Заводской Комитет выделяет из своей среды 4 основных Комиссии (на крупных предприятиях или при обширности какой-либо функции контроля эти комиссии могут разбиваться на разные Подкомиссии):

1) Комиссию по организации производства,
2) Комиссию по снабжению предприятия сырьем,
3) Комиссию по снабжению предприятия топливом,
4) Комиссию труда.

Примечание 1. Комиссия по снабжению сырьем и топливом в предприятиях, которые мало или совсем не потребляют топлива, могут сливаться в одну Комиссию по снабжению предприятия необходимыми материалами.

Примечание 2. Кроме этих основных, могут быть выбираемы еще и другие Комиссии, какие Фабрично-Заводской Комитет в данное время и при данных условиях найдет необходимым создать для большей успешности своей работы (наприм., Комиссия по демобилизации промышленности и т. п.).

45) Предприятия с числом рабочих и служащих ниже 60-ти выбирают своего представителя в общий, объединяющий несколько подобных мелких предприятий одной отрасли и одного района, Контрольный Комитет, который производит контроль во всех объединенных предприятиях.

Примечание: Для большей успешности дела и сравнительно меньшей затраты сил и времени, желательно создавать подобные объединения и для предприятий с числом рабочих вообще ниже 100 (цифра эта в некоторых случаях может быть и повышена).

46) В отдельные Комиссии Фабрично-Заводских Комитетов могут быть кооптированы члены из технического персонала предприятия (инженеров, техников и т. п.), поскольку они не вошли в них по выбору на общем собрании рабочих и служащих. Им, в таком случае, предоставляется право совещательного голоса.

47) Все постановления Комиссий подлежат утверждению Фабрично-Заводского Комитета.

VI. Организация и распорядок Фабрично-Заводского Комитета.

48) Члены Фабрично-Заводского Комитета выбирают из своей среды президиум в составе председателя, секретаря, казначея и товарищей председателя, в числе установленном самим Фабрично-Заводским Комитетом или общим собранием. Права и обязанности президиума и его отдельных членов определяются инструкцией, выработанной Фабрично-Заводским Комитетом.

Примечание: Секретарем Фабрично-Заводского Комитета может быть приглашено лицо, пользующееся доверием Комитета.

49) Фабрично-Заводской Комитет имеет свою печать.

50) Постановления Фабрично-Заводского Комитета заносятся в протокол, подписываемый председателем, секретарем и одним из членов Комитета.

51) Фабрично-Заводской Комитет собирается периодически, в рабочее время, в дни, назначаемые самим Комитетом.

> Примечание: В промежутках между заседаниями устанавливаются очередные дежурства членов Фабрично-Заводского Комитета для приема заявлений рабочих и служащих и других дел.

52) Очередные заседания Фабрично-Заводского Комитета являются законными, если на них присутствуют не менее половины общего числа членов Комитета.

53) Экстренные заседания Комитета могут быть назначаемы председателем Комитета, или по заявлению одной трети всего числа членов Комитета.

54) На заседаниях Фабрично-Заводского Комитета могут быть приглашаемы сведущие лица, с правом совещательного голоса.

55) По-разрядные Комитеты (по отделам, мастерским и т. п.) руководятся инструкциями, выработанными Заводским Комитетом, применительно к вышеприведенным правилам. Все вопросы, не разрешенные на месте Комитетом отделов или мастерских, переносятся на обсуждение и решение Фабрично-Заводского Комитета.

56) О своих постановлениях Фабрично-Заводской Комитет осведомляет рабочих и служащих предприятия, как вывешиванием объявлений на видном месте, в рабочих помещениях, так, по более важным вопросам, посредством созыва общих собраний рабочих и служащих предприятия.

VII. Средства Фабрично-Заводского Комитета.

57) Фабрично Заводской Комитет отдельного предприятия получает на покрытие необходимых по делопроизводству расходов, а также и всех других неизбежных расходов по проведению контроля, средства от предпринимателя, Акцио-

нерного О-ва (или другого какого-либо учреждения, финансирующего данное предприятие), которые включаются в сметы и отчеты расходов по хозяйственной части предприятия. Заводоуправление должно предоставить Фабрично-Заводскому Комитету безвозмездно необходимые для его работ помещения с освещением, отоплением и необходимыми услугами.

58) Члены Фабрично-Заводского Комитета освобождаются от непосредственной работы в мастерской, конторе и т. п., на время, необходимое для исполнения обязанностей в качестве членов Фабрично-Заводского Комитета, с сохранением полного размера причитающегося им заработка.

Примечание 1. Члены президиума совершенно освобождаются от работ в мастерских и т. п.

Примечание 2. Сверхурочные работы Фабрично-Заводского Комитета и Комиссий не оплачиваются.

59) Для несения обязанностей членов Фабрично-Заводского Комитета не могут отвлекаться от своей непосредственной работы (в мастерских, конторах и т. п.) более 5 процентов всего числа рабочих в предприятиях, числом рабочих до 500 чел., более 3 процентов в предприятиях с числом рабочих и служащих до 1.000 чел., более 2 проц.— до 10 000 чел., и более 1 проц.—свыше 10.000 человек.

60) Члены Фабрично-Заводского Комитета, выбранные в высшие органы Народного Хозяйства, освобождаются от текущей работы в своем Фабрично-Заводском Комитете, с сохранением среднего заработка.

61) Оплата расходов Фабрично-Заводского Комитета производится предпринимателем или заводоуправлением по счетам, представленным Фабрично-Заводским Комитетом, за подписью председателя и секретаря с приложением печати Фабрично-Заводского Комитета.

62) Возникающие на этой почве конфликты разрешаются высшими органами Народного Хозяйства, куда предприниматель должен опротестовать предъявленные ему требования Фабрично-Заводского Комитета в 3-хдневный срок.

VIII. О Ревизионной Комиссии.

63) Для ревизии денежных и хозяйственных дел и отчетов Фабрично-Заводского Комитета общее собрание простым большинством голосов выбирает Ревизионную Комиссию, обязанную давать отчеты о производимых ею ревизиях общему собранию.

Положение о Фабрично-Заводских Комитетах.

(Утвержденное Всероссийским Центральным и Московским Советами Профессиональных Союзов в 1918 г. после слияния завкомов с профсоюзами).

1. Фабрично-Заводской Комитет является органом соответствующего производственного союза на местах.

Примечание 1. В предприятии может быть только один Фабрично-Заводской Комитет.

Примечание II. Служащие, занимающие административные посты (директора, заведующие и т. п.), не могут принимать участия в выборах и быть избранными в Фабрично-Заводской Комитет.

2. Фабрично-Заводской Комитет избирается на общем собрании рабочих и служащих на 6 месяцев, при чем по требованию правления данного производственного союза и по требованию более половины избирателей как отдельные члены Комитета, так и Комитет в целом может быть переизбран и ранее указанного срока.

Примечание I. В крупных предприятиях, где невозможно устроить общее собрание, Фабрично-Заводской Комитет избирается по отделам пропорционально количеству рабочих данного отдела, при чем все служащие данного предприятия на своем общем собрании выбирают пропорциональное количество представителей.

Примечание II. Порядок выборов (тайный или открытый) устанавливается избирательной комиссией

данного союза, которая руководит выборами, следит за правильностью подачи голосов, подсчитывает их и сообщает результаты.

3. В Фабрично-Заводской Комитет может быть избран всякий рабочий или служащий, состоящий членом производственного союза.

4. Численный состав пленума Фабрично-Заводского Комитета определяется соглашением производственного союза с Местным Советом Профессиональных Союзов.

От	50	до	150— 2	
,,	150	,,	300— 3	
,,	300	,,	500— 5	
,,	500	,,	1000— 7	Эту норму
,,	1000	,,	2000— 9	рекомендовать, как
,,	2000	,,	5000—13	примерную [1]).
,,	5000	,,	10000—17	
,,	10000	,,	15000—21	
,,	15000	,,	20000—25	

5. Для специальных заданий Фабрично-Заводской Комитет выделяет из своего состава специальные комиссии: контрольную, тарифную, культурную, продовольственную и т. п., функции которых определяются особыми инструкциями, издаваемыми Центральным Правлением Союза.

6. Для разрешения более неотложных вопросов, руководства и направления работ специальных комиссий, пленум Фабрично-Заводского Комитета избирает Президиум, состав которого пополняется председателями специальных комиссий.

7. Для выполнения текущей работы в Фабрично-Заводском Комитете освобождаются от работы члены Президиума и другие члены Фабрично-Заводского Комитета по норме, устанавливаемой соглашением между местным Правлением данного союза и местным советом Професс. Союзов.

§ 8. Члены Президиума, а равно и члены Фабрично-Заводского Комитета, постоянно работающие в нем, а также

[1]) Заменяется в уставе для каждого производственного союза установленной нормой по соглашению мест с Сов. Пр. Союзов.

лица специально приглашенные на постоянную работу при Ф.-З. К. оплачиваются за счет предприятия Союза, но не ниже действительной средней заработной платы той группы и категории, к которой принадлежит данное лицо.

Все остальные члены Фабрично-Заводского Комитета, временно занятые по делам Фабрично-Заводского Комитета в рабочее время, оплачиваются по действительному среднему заработку той группы и категории, в которой они состоят также за счет предприятия.

§ 9. Канцелярские расходы, а равно и расходы по содержанию аппарата Фабр.-Зав. Комитета оплачиваются предприятием согласно сметы, утвержденной местным Профессиональным Союзом совместно с Заводо-Управлением.

Задачи Фабрично-Заводского Комитета.

1. Фабрично-Заводской Комитет, как орган Союза, проводит в предприятии: в области экономической, регулирующей промышленность, охраны труда, культурно-просветительной и во всех иных областях своей деятельности все постановления Союзной Конференции, Правления Союза и других уполномоченных органов Союза, руководствуясь при этом постановлениями местных союзных объединений Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов, Высшего и Местных Советов Народного Хозяйства, Комиссариата Труда и декретами Советской власти.

2. Для осуществления этих задач Фабрично-Заводской Комитет.

а) принимает по постановлению Союза все меры к сплочению в одну производственную организацию всех рабочих и служащих данного предприятия;

б) проводит установленную производственным союзом среди рабочих и служащих строгую пролетарскую дисциплину;

в) следит за точным выполнением всех мер и постановлений Народного Комиссариата Труда, направленных к защите и охране труда, и изыскивает способы для облегчения условий труда;

г) наблюдает за выполнением предприятием всех установленных С. Н. Х. и производственным союзом мер, направленных к поднятию производительности и поддержанию нормального хода работ;

д) строго следит за точным и взаимным выполнением тарифного договора и нормальной производительности;

е) проводит в полном объеме рабочий контроль;

ж) принимает на себя заботу о снабжении рабочих и служащих предметами первой необходимости, в пределах постановления продовольственных органов, для чего входит в сношение с соответствующими организациями по устройству общественных столовых, потребительных лавок и т. п.

з) устраивает под руководством Союзов культурно-просветительные учреждения, при фабрике: школы, библиотеки, читальни, народные дома, детские дома, детские площадки, сады и проч.

Права Фабрично-Заводских Комитетов.

I. Фабрично-Заводской Комитет имеет право:

а) для поддержания рабочей дисциплины приводить в исполнение решения товарищеского суда и валагаемых им взысканий, согласно правилам распорядка и тарифного договора.

б) участвовать в приеме и увольнении рабочих и служащих согласно декрета о Биржах Труда и инструкции Союза.

Делопроизводство.

I. Заводской Комитет ведет протоколы своих заседаний, общих собраний по установленной профессиональным союзом форме и книге или тетради, которые подписываются секретарем и председателем Заводского Комитета; протоколы общих собраний подписываются секретарем и председателем собрания.

> Примечание: Комиссии ведут свои особые протоколы и Заводские Комитеты записывают только доклады представителей Комиссии на заседании Заводского

Комитета. Все более важные решения как Заводского Комитета, так и Общего Собрания выписываются и сообщаются Правлению Профессионального Союза. Все входящие и исходящие бумаги нумеруются и записываются по образцу, даваемому профессиональным союзом, а протоколы, циркулярные письма и прочие важные документы вшиваются в особую папку и хранятся в Заводском Комитете в ведении секретаря.

Ведомости об оплате членских взносов рабочими и служащими хранятся тоже в особой папке и по ней, согласно особой инструкции Заводского Комитета о регистрации членов, прописываются членские книжки, суммы отчисленного процента и делаются немедленные отметки в соответствующей клетке об уплате взносов, согласно установленного союзом образца (печать, марки и т. п.).

О всех денежных приходах и расходах ведется кассовая приходо-расходная книга, которую представляют для ревизии контролеру и членам Ревизионной Комиссии профессионального союза.

Представители конференции фабричных комитетов.

Члены Заводского Комитета, избранные на основании § § 2 и 3, являются представителями предприятий на союзной конференции Заводских Комитетов. Союзные Конференции Заводских Комитетов носят, главным образом, законодательный характер по управлению и определению общих задач профессионального союза, а для решения специальных вопросов созывается конференция соответствующих органов: контрольных, тарифных, культурно-просветительных и проч. Право голоса представляется Фабричному Комитету, согласно нормам, выработанным союзом.

Ревизионная Комиссия.

Для ревизии дел Фабрично-Заводского Комитета выбирается Ревизионная Комиссия в составе не менее трех представителей.

Мелкие предприятия.

Предприятия, насчитывающие менее установленного числа имеющих право избрать Ф. З. Комитет, вплоть до самой мелкой мастерской, выбирают по одному представителю, которые являются представителями союза по всем вопросам, касающимся рабочих мастерской или фабрики, обращаются к своему профессиональному союзу, собирают членские взносы, записывают поступающих на работу членов и пр.

> Примечание: Часы, занятые по использованию функций, требующих отлучки от работы, оплачиваются согласно пункту 8, абз. I. Мелкие предприятия объединяются вокруг отделения союза и на совместном собрании выбирают, согласно норме § 3, представителей в союзную конференцию.

Вся работа, возложенная согласно особой на этот предмет инструкции на Заводские Комитеты крупных предприятий по записи членов и взимания членского взноса для мелких предприятий, с количеством не менее установленного числа рабочих, имеющих право избрать Ф.-З. Комитет, производится по отделениям союза.

Положение о Фабрично-Заводском комитете, утвержденное ВЦСПС и НКТ в 1920 г. в период военного коммунизма.

1. Общие положения.

1. Фабрично-Заводской Комитет, объединяя рабочих и служащих по предприятиям, является первичным органом на местах соответствующего производственного союза.

2. В предприятии может быть только один фабзавком.

3. По постановлению правления уездного отделения мелкие однородные предприятия, расположенные одно от другого на небольшом расстоянии, могут избирать на основе прямой пропорции один общий для всех фабзавком.

2. Задачи Фабзавкома.

4. Фабзавком на основе настоящего положения ведет в предприятии всю союзную работу, определяемую и намечаемую как постановлениями высших союзных органов, так и общих или делегатских собраний рабочих и служащих данного предприятия.

> Примечание: Если решения общих или делегатских собраний противоречат постановлениям высших союзных органов, то в жизнь они фабзавкомом не проводятся.

5. В организационной области задачей фабзавкома является:

а) ведение работы по сплочению в единую производственную организацию всех рабочих и служащих данного предприятия путем организационных, агитационных и культурно-просветительных мероприятий, имеющих своею целью развитие классового самосознания рабочих и вовлечение их в работу по социалистическому строительству;

б) проведение установленной союзом пролетарской трудовой дисциплины, наблюдение за проведением в предприятии правил внутреннего распорядка, содействие организации дисциплинарно-товарищеского суда;

в) контроль за своевременным представлением в кассу союза членских взносов в порядке, установленном союзом;

г) представительство в различных учреждениях и организациях от имени рабочих и служащих предприятия.

6. В области организации производства фабзавком, не вмешиваясь в распоряжения и постановления заводоуправления и ни в коем случае не отменяя и не нарушая их:

а) наблюдает за выполнением производственных планов как по всему предприятию в целом, так и по отдельным цехам и отделениям;

б) участвует с совещательным голосом в обсуждении заводоуправлением всех важнейших вопросов производственной жизни предприятия;

в) участвует в работах заводоуправления в деле снабжения рабочих продовольствием и предметами первой необходимости в пределах постановлений продовольственных органов государства;

г) наблюдает за наймом и увольнением рабочих на основе положения об учете и распределении рабочей силы и нормального тарифного положения;

д) ведет учет всех рабочих, способных занимать административно-технические должности, списки которых с подробной характеристикой каждого кандидата периодически пересылаются в Правление Союзного органа;

е) представляет трудовые сводки и все сведения о ходе предприятия, устанавливаемые союзными органами;

ж) привлекает, по указанию комитета по трудовой повинности, рабочих и служащих к трудовой повинности в случае сокращения деятельности предприятия или во время стихийных бедствий (снеговых заносов, наводнения и т.д.).

> Примечание: Все свои заключения о состоянии предприятия и упущениях или неправильностях в деятельности заводоуправления фабзавком немедленно доводит до сведения высших союзных органов.

7. В области тарифно-нормировочной работы фабзавком:

а) организует выборы членов в Тарифно-Расценочную Комиссию от рабочих и служащих предприятия;

б) оказывает полное содействие в работе Тарифно-Расценочной Комиссии;

в) доводит до сведения высших союзных органов о всяких нарушениях в области проведения тарифа как со стороны Тарифно-Расценочной Комиссии, так и заводоуправления.

8. В области охраны труда:

а) следит за выполнением правил санитарно-гигиенического состояния предприятия и обеспечения безопасности труда;

б) разрабатывает дополнительные правила и постановления в этой области, проводя их через соответствующие союзные и государственные органы;

в) принимает участие в работах заводоуправления в деле обеспечения рабочих и служащих необходимой спец-одеждой, а также удовлетворительными жилищными условиями

г) согласует работу с инспекцией труда и оказывает ей всяческое содействие;

д) доводит до сведения высших союзных органов о нарушениях в области охраны труда и о всех несчастных случаях, имеющих место в предприятии.

9. В области культурно-просветительной фабзавком:

а) ведет работу по поднятию общего культурного уровня и политическому воспитанию рабочих;

б) проводит производственную пропаганду, для чего созывает специальные совещания и собрания, распространяет соответствующую литературу, устанавливает лекции, вывешивает на видных местах диаграммы и картограммы о состоянии производства, а также устраивает экскурсии на образцовые предп., и т.д., и т.д.;

в) организует библиотеки-читальни, клубы, общеобразовательные школы, детские сады, площадки и т. п.;

г) участвует в создании профессионально-технических курсов и школ, содействует осуществлению мероприятий Главпрофобра и т. д.;

> Примечание: В соответствующих случаях фабзавком входит в соглашение и контакт с местными органами Наркомпроса, Пролеткультами и т. д.

III. Конструкция фабзавкомов.

10. Фабрично-заводской комитет избирается на общем или делегатском (в крупных предприятиях) собрании всех рабочих и служащих данного предприятия сроком на шесть месяцев в количестве согласно следующей примерной норме:

Предприятия с количеством рабочих:

от .	30— 500	ф.-з.к.	3 ч.
» . .	500—1000	»	5 »
» . .	1000—5000	»	7 »
свыше 5000		»	9 », но не больше.

Примечание 1: Фабрично-заводской комитет в целом и отдельные его члены могут быть переизбраны по требованию не менее $^1/_2$ членов Союза, работающих в данном предприятии, или по постановлению высших союзных органов.

Примечание 2: Система выборов—закрытая или открытая—устанавливается общим собранием.

11. В крупных предприятиях, где по техническим условиям невозможно устраивать общее собрание, ф.-з. комитет по постановлению местного отделения или отдела союза избирается на собрании делегатов от отделений или цехов данного предприятия.

Примечание: Выборы делегатов, избираемых на общих собраниях цехов или отделений, производятся на началах строгой пропорции, по норме, установленной союзом.

12. В мелких предприятиях, насчитывающих до 30 чел., функции ф.-з. комитета несет избираемый общим собранием предприятия делегат.

Примечание: Делегат, являясь представителем рабочих и служащих предприятия: 1) по всем вопросам, касающимся рабочих данного предприятия, обращается к своему профсоюзу; 2) собирает членские взносы; 3) проводит постановления союза; 4) ведет организационно-просветительную работу и т. д.

13. В фабрично-заводской комитет может быть избран всякий рабочий и служащий данного предприятия—член союза, достигший 18 лет.

Примечание 1: Лица, не достигшие 18 лет, пользуются лишь правом выбирать, но не могут быть избранными.

Примечание 2: Административно-технические лица на общих основаниях могут избирать и быть избранными в фаб.-зав. комитет.

14. Выборное собрание считается правомочным, если на нем присутствовало не менее $^1/_3$ всех рабочих и служащих предприятия и если извещение о собрании, о его цели дне и месте было дано за три дня до собрания.

15. Списки выбранных в фаб.-зав. комитет рабочих и служащих представляются в правление союза в трехдневный срок со дня производства выборов для сведения и утверждения.

Примечание: В протоколе общего собрания должно быть указано число присутствующих на собрании, общее число рабочих и служащих предприятия, фамилии председателя и секретаря, фамилии предложенных кандидатов и число голосов, полученных каждым.

16. Для ведения и руководства всей текущей работы фаб.-зав. комитет с составом в 5 человек и выше выделяет из своей среды исполнительный орган—Президиум в составе 3-х человек.

17. Фабзавком распределяет между своими членами обязанности и избирает из своей среды председателя и секретаря.

Примечание: Если в фабзавкоме выделяется президиум, то выборы председателя и секретаря производится Президиумом.

18. Избранные члены фабрично-заводского комитета Президиума утверждаются вышестоящими союзными органами.

IV. Работа фабзавкома.

19. Фабзавком обсуждает и решает все вопросы союзно-организационные, хозяйственные, культурно-просветительные и т. д. в пределах своего предприятия и компетенции, определенной постановлениями высших союзных органов.

Примечание: Постановления фабзавкома могут быть отменены Правлением Уездного отделения или Губернского отдела.

20. Для исполнения стоящих перд ним задач фабзавком организует специальные комиссии: охраны труда, культурно-просветительную и т. д.

21. Фабзавком направляет работу комиссий, руководствуясь инструкциями и указаниями соответствующих союзных органов.

22. Фабзавком ведет сношения со всеми учреждениями и организациями по делам Комиссий.

Примечание: Только с союзными органами Комиссии могут сноситься непосредственно по делам, входящим в их круг деятельности.

23. Фабзавком может приглашать на свои заседания и на заседания комиссий сведующих лиц с правом совещательного голоса.

24. Фабзавком делегирует по требованию союзных органов представителей во все союзные и не-союзные органы из членов союза, работающих в данном предприятии.

25. Количество членов фабзавкома, освобожденных от работ по своей профессии для ведения работы в фабзавкоме, устанавливается согласно следующей норме.

От	30— 50	освобожд.	1 чл.	на 2 дн.	в неделю
»	50— 75	»	1 »	» 3 »	»
»	75— 100	»	1 »	» 4 »	»
»	100— 250	»	1 »	» все время.	
»	250— 500	»	2 »	» »	»
»	500—1000	»	3 »	» »	»
»	1000—2500	»	4 »	» »	»
»	2500—5000	»	5 »	» »	»

Свыше 5000—освобождается 5—6, по мере надобности, но не больше 7-ми.

Примечание: Делегат освобождается не больше, чем на 4 дня в месяц.

26. За свою деятельность фабзавком ответственен как перед своими избирателями, так и перед выше стоящими союзными органами, раз в месяц давая отчет общему или

делегатскому собранию рабочих и служащих данного предприятия и представляя по формам, установленным союзом, письменный отчет и трудовые сводки своему отделу или отделению.

27. Заседания фабзавкома происходят не реже одного раза в неделю в нерабочее время.

V. Общие и делегатские собрания.

28. Не реже одного раза в месяц в нерабочее время фабзавком созывает общие или делегатские собрания рабочих и служащих данного предприятия.

29. В круг деятельности общих или делегатских собраний входит:

а) заслушивание отчета завкома, специальных комиссий, а также представителей на союзных конференциях и в органах союза;

б) обсуждение вопросов союзной деятельности;

в) обсуждение вопросов быта рабочих, а также вопросов, связанных с проведением в предприятии союзной и производственной дисциплины и правил внутреннего распорядка;

г) заслушание докладов заводоуправления по вопросам организации производства и поднятия производительности труда;

д) выборы фабзавкома, комиссии, ревизионной комиссии, представителей на союзную конференцию, в Сов. Раб. и Кр. Деп. и т. д.

VI. Ревизионная комиссия.

30. Для ревизии дел и отчетности фабзавкома выбирается общим собранием данного предприятия ревизионная комиссия.

31. На основании наказа общего собрания ревизионная комиссия ведет ревизию финансовой деятельности завкома с точки зрения ее правильности и целесообразности, давая отчет о своей деятельности общему собранию и высшим союзным органам.

32. Члены ревизионной комиссии не могут занимать в завкоме никаких должностей.

33. Ревизионная комиссия избирается на шесть месяцев.

34. Помимо данной ревизионной комиссии, высшие союзные органы могут назначать специальные комиссии по обследованию деятельности фабзавкома.

VII. Средства заводского комитета.

35. Средства, необходимые фабзавкому для его деятельности, получаются им от предприятия по сметам, утвержденным союзом и механически включаемым в смету предприятия.

36. Оплата труда членов завкома, делегатов в мелких предприятиях, исполняющих функции завкома, освобождаемых от работы по своей профессии, согласно § 24 сего положения, равно как и оплата членов комиссий, производится из средств завкома по нормам, установленным Ц. К.

37. Поездки по делам фабзавкома оплачиваются из средств завкома и включаются в смету.

VIII. Делопроизводство фабзавкома.

38. Завком ведет протоколы своих заседаний и общих собраний по установленной союзом форме. Протоколы подписываются председателем и секретарем собрания.

39. Комиссии ведут свои протоколы, особые от заводского комитета, куда вписываются только доклады представителей комиссий на заседаниях завкома.

40. Копии всех своих протоколов фабзавком представляет в соответствующий союз.

41. Делопроизводство и счетоводство завкома ведутся по системе, устанавливаемой союзными органами.

42. Фабзавком обязан перед соответствующим союзом ежемесячной денежной отчетностью.

43. О своих постановлениях фабзавком осведомляет всех рабочих и служащих данного предприятия вывешиванием объявления на видном месте.

Настоящее Положение является нормальным. Ц. К. всех союзов на основании этого Положения перерабатывают действующие ныне и представляют их на утверждение ВЦСПС, после чего они приобретают законную и обязательную силу для всех государственных учреждений.

Председатель ВЦСПС *М. Томский.*

Нар. Ком. Труда. *В. Шмидт.*

Бюллетень ВЦСПС.
от 12 ноября 1920 г. № 7.

Положение о фабзавкомах и месткомах, утвержденное ВЦСПС в августе 1922 г. при новой экономической политике.

Общее положение.

1. В каждом предприятии, как в государственном, так и частном с количеством рабочих и служащих от 50 чел. организуется фабзавком или местком.

> Примечание: В предприятиях с количеством рабочих и служащих до 50 чел. избирается делегат, который несет функции фабзавкома.

2. В предприятиях ФЗК является основным (первичным) органом союза на местах.

3. В выборах ФЗК могут участвовать все рабочие и служащие предприятия, имеющие право быть членами союза, в члены же фабзавкома могут быть избранными только члены союза.

4. В одном предприятии может быть избран только один ФЗК.

5. Являясь проводником всех постановлений и директив высших союзных органов, ФЗК несет ответственность за всю союзную работу в предприятии и под'отчетен союзу и общему собранию.

> Примечание: Постановления общего собрания обязательны для ФЗК, если они не противоречат постановлениям союзных органов.

6. С санкции правления союза несколько мелких однородных близ расположенных предприятий, большинство ра-

ботников коих состоят членами одного и того же союза, могут объединиться и на основе прямой пропорции создать один общий для всех ФЗК (местком).

Задачи ФЗК (месткома).

7. Основной и непосредственной задачей ФЗК является защита интересов, забота об улучшении материального положения и быта рабочих и служащих, охрана труда, поднятие культурного и профтехнического образования. С этой целью ФЗК:

а) следит за выполнением администрацией всех норм по охране труда и социальному страхованию, за своевременностью выплаты заработной платы и внесением страховых взносов, высылает своих представителей в конфликтно-расценочную комиссию, заботится об улучшении условий труда, жилищных условий и пр.;

б) организует клубы, лекции, спектакли, распространяет приобретаемую литературу, содействует ликвидации безграмотности, организует школы и курсы профтехнического образования.

8. В области организации производства ФЗК, не вмешиваясь в распоряжения и действия администрации и ни в коем случае не отменяя и не нарушая их, ставит себе задачей:

а) участвовать в обсуждении госзаводоуправлением всех важнейших вопросов производственной жизни предприятия;

б) на госпредприятиях содействовать нормальному ходу производства;

в) устраивать доклады госзаводоуправления на всех общих делегатских и цеховых собраниях, знакомя их с ходом и состоянием производства;

г) участвовать в найме и увольнении рабочих и служащих, на основе заключенного коллективного договора или тариф-договора.

9. В области организационной задачей ФЗК является:

а) вовлечение рабочих и служащих предприятия в профсоюз;

б) развитие революционно-классового сознания рабочих и служащих;

в) проведение среди рабочих и служащих профессиональной и пролетарской дисциплины;

г) следить за аккуратным сбором членских взносов и представлением их в союз, согласно установленного союзом порядка;

д) представительствовать от имени рабочих и служащих в организациях и учреждениях, а также организовывать выборы от рабочих в разные учреждения и организации.

10) О замечаемых неправильных действиях и упущениях, а также о возникающих недоразумениях ФЗК доводит немедленно до сведения правления союза.

Конструкция фабзавкома.

11. ФЗК избирается на общем или делегатском собрании рабочих и служащих данного предприятия, сроком на 6 мес. в количестве, согласно следующей примерной норме:

Предприятия с количеством рабочих.

От	50	до	300	ФЗК	из	3 чел.
„	300	„	1000	„	„	5 „
„	1000	„	5000	.	„	7 „
Свыше . .	5000	„	—	„	„	9 „

Примечание: Вопрос о переизбрании до срока ФЗК в целом или отдельных его членов может быть поставлен на общем собрании по требованию не менее $^1/_3$ рабочих предприятия, или по постановлению правления союза.

12. В крупных предприятиях, где по техническим условиям невозможно устраивать общие собрания, ФЗК, по постановлению союза, избирается на общем собрании делегатов от отделений (цехов) данного предприятия.

13. Выборное собрание считается правомочным, если на нем присутствовало не менее половины всех рабочих и служащих данного предприятия и если извещение о собра-

нии, о его целях, дне и месте было дано за три дня до собрания отделению союза и рабочим и служащим предприятия.

Примечание: В случае отсутствия кворума, собрание назначается на другой раз и считается действительным при любом количестве присутствующих.

14. Состав ФЗК утверждается правлением союза.

15. Количество членов ФЗК, освобожденных от работ по своей профессии (специальности) для ведения работы в ФЗК, устанавливается по следующей норме:

От	30	до	50	чел.	освобожд.	1 чел. не более чем на 2 дня в нед.					
„	50	„	300	„	„	не более одного чел. на все время.					
„	300	„	1000	„	„	„	„	2	„	„	„ „
„	1000	„	5000	„	„	„	„	3	„	„	„ „
„	5000	„	—	„	„	„	„	5	„	„	„ „

Примечание: Для работы в конфликтно-расценочной комиссии освобождение представителей ФЗК производится помимо указанной нормы и предусматривается в коллективном договоре.

16. Освобожденные от работы члены ФЗК оплачиваются предприятием в размере среднего заработка своей квалификации, но не ниже своей тарифной ставки.

Работа фабзавкома.

17. Для выполнения стоящих перед ним задач ФЗК на крупных предприятиях может организовать комиссии по охране труда и культпросветительной работы, которыми он руководит и за работу которых он отвечает перед союзом и общим собранием.

Примечание: Работа комиссии производится в нерабочее время.

18. ФЗК и комиссии могут приглашать на свои заседания сведущих лиц с правом совещательного голоса.

19. ФЗК делегирует, по требованию союзных органов, пред-

ставителей во все союзные, хозяйственные и советские органы из членов союза, работающих на данном предприятии.

20. Не реже одного раза в месяц в нерабочее время ФЗК созывает общее собрание рабочих и служащих данного предприятия, делегатские же собрания созываются не реже одного раза в две недели.

Примечание: Для выборов в Совет Рабочих Депутатов, в орган социального страхования собрание может назначаться и в рабочее время.

21. Заседание ФЗК происходит не реже одного раза в неделю в нерабочее время.

22. Постановления ФЗК могут быть отменены правлением союза или общим собранием.

23. Общее собрание предприятия происходит с ведома правления союза.

Средства фабзавкомов.

24. Фабзавкомы, месткомы и заменяющий их делегатский институт содержатся за счет управления предприятием (учреждением).

25. Содержание определяется по смете, утверждаемой соответствующим профсоюзом в нижеуказанном размере:

а) для предприятий и учреждений с количеством работающих до 500 чел. не свыше 2% всей заработной платы работающих в данном предприятии.

б) От	500	чел.	до 1000	1½%
в) „	1000	„	„ 3000	1%
г) Свыше	3000	„	„ —	1½%

Примечание: Выплата производится по следующему расчету: от 500 до 1000—первые 500 получают—2%, вторые 500—1½%, от 1000—3000—первая—1000—1½%, остальные—1%, 3000—1%, свыше 3000—1½%.

26. Суммы на содержание фаб.-зав. месткома вносятся управлением предприятия (учреждения) в завком (местком) или заменяющему их делегату, каковые расходуются под контролем соответствующего профсоюза.

27. В означенные суммы входят все расходы по содержанию фабзавкомов и т. д., в том числе и расходы по оплате членов профсоюзов, постоянно работающих в данных органах.

28. Сверх сметы управление предприятием (учреждением) обязано предоставлять зав. фаб. местному вполне оборудованное помещение с освещением и отоплением.

Ревизия дел ФЗК.

29. Для ревизии деятельности ФЗК на общем собрании избирается ревизионная комиссия в составе 3-х лиц, сроком на 6 мес. Ревизионная комиссия не реже одного раза в м-ц проверяет деятельность ФЗК и свои доклады представляет на общих собраниях и в правление союза.

Секретарь ВЦСПС **М. Томский.**

Завед. Орготделом ВЦСПС **Антипов.**

Бюллетень ВЦСПС № 16.
15 сентября 1922 года.

III. О порядке проведения контроля.

Инструкция Всероссийского Совета рабочего контроля.

1. Органы рабочего контроля в отдельных предприятиях.

1. Контроль в каждом предприятии организуется или фабрично-заводским комитетом или общим собранием рабочих и служащих предприятия, которые выбирают особую контрольную комиссию.

2. Фабрично-заводский комитет может быть целиком включен в контрольную комиссию, в которую могут быть избраны также и техники и другие служащие предприятия. В крупных предприятиях представители служащих обязательно входят в контрольную комиссию. В крупных предприятиях часть членов контрольной комиссии выбирается от отделов и цехов, по одному от каждого.

3. Рабочие и служащие, не входящие в состав контрольной комиссии, могут входить в сношение с администрацией предприятия по поводу дел контроля только по прямому поручению и с предварительного разрешения контрольной комиссии.

4. Контрольная комиссия предприятия ответственна и дает отчет в своей деятельности как выше стоящему над нею учреждению рабочего контроля, под руководством которого она действует, так и общему собранию рабочих и служащих предприятия не реже, чем два раза в месяц.

2. Обязанности и права контрольной комиссии.

5. Контрольная комиссия каждого предприятия должна: 1) устанавливать количество имеющихся в предприятии разных нужных ему материалов, топлива, орудий производства, технических и рабочих сил по специальностям; 2) устанавливать, насколько обеспечено снабжение предприятия всем этим сравнительно с тем, сколько нужно для обычного хода работы в предприятии; 3) выяснять, нет ли опасности остановки или сокращения работы в предприятии и причины ее; 4) выяснять количество рабочих (по специальностям) и орудий производства, для которых может не быть работы, сравнительно с имеющейся и ожидаемой обеспеченностью предприятия материалами и топливом; 5) устанавливать меры для поддержания среди рабочих и служащих трудовой дисциплины; 6) наблюдать за соблюдением постановлений государственных регулирующих органов по закупке и сбыту товаров; 7) приостанавливать самовольный вывоз из предприятия машин, материалов, топлива и т. п., если это не разрешено органами регулирования хозяйственной жизни, и следить за сохранностью инвентаря; 7 — а) содействовать выяснению причин падения производительности и мер для ее повышения; 8) содействовать выяснению возможности использовать предприятие, полностью или частью, для какого-либо иного производства на мирное время и на какое именно, с выяснением, какие необходимы для этого переделки в оборудовании и изменения в составе рабочих, в какой срок могут быть выполнены переделки, что для этого нужно и каков вероятный размер изготовления продуктов при переходе к другому производству; 9) содействовать выяснению возможности расширения работ для потребностей мирного времени, путем введения трех смен или иным путем, с выснением жилищной возможности для дополнительного числа рабочих и их семей; 10) наблюдать за выполнением того размера выработки в предприятии продуктов, какой будет установлен органами государственного регулирова-

ния, а впредь до такого установления—какой нормален для данного предприятия при добросовестном отношении в его деятельности; 11) содействовать выяснению себестоимости производства по требованиям высшего органа рабочего контроля или государственных регулирующих учреждений.

6. Для владельца обязательны те решения контрольной комиссии, которые направлены к обеспечению для нее выполнения задач, перечисленных в предыдущих статьях. В частности, контрольная комиссия сама, или через уполномоченных, может: 1) просматривать деловую переписку предприятия, все книги и отчеты за текущий и прошлые годы; 2) осматривать все отделы предприятия, мастерские, склады, конторы и пр.; 3) присутствовать для информации на заседаниях органов управления и делать им заявления и запросы по всем вопросам, касающимся контроля.

7. Распорядительные права по управлению предприятием, его ходом и деятельностью остаются за владельцем. Контрольная комиссия не участвует в управлении предприятием и не несет на себе ответственности за его ход и деятельность, которая остается на владельце.

8. Контрольная комиссия не занимается вопросами финансирования предприятия и при возникновении таковых они передаются в государственные регулирующие учреждения.

9. Контрольная комиссия каждого предприятия может через стоящий над ним орган рабочего контроля возбуждать перед учреждениями государственного регулирования хозяйства вопрос о секвестре предприятия и других принудительных по отношению к предприятию мерах, но сама не имеет права захватывать предприятие и управление им.

3. Средства контрольной комиссии в отдельных предприятиях.

10. На расходы по деятельности контрольной комиссии владелец обязан отпускать не свыше двух процентов с суммы затраты данного предприятия на заработную плату, при

чем из этих двух процентов покрывается также потеря заработка членами ф.-з. комитета и контрольной комиссии, вследствие выполнения ими в рабочее время таких обязанностей, какие не могли быть выполнены ими в нерабочее время. Контроль над расходованием указанных средств принадлежит контрольно-распределительной комиссии профсоюза соответственной отрасли промышленности.

4. Высшие органы рабочего контроля.

11. По отношению к контрольной комиссии каждого отдельного предприятия ближайшим стоящим на ней высшим органом контроля признается контрольно-распределительная комиссия профессионального союза той отрасли промышленности, к какой относится данное предприятие. Все постановления контрольной комиссии отдельного предприятия могут быть обжалованы в контрольно-распределительную комиссию соответственного профессионального союза.

12. Не менее половины членов контрольно-распределительной комиссии избирается собранием контрольных комиссий (или их делегатов) всех отдельных предприятий данной отрасли промышленности. Это собрание созывается правлением профессионального союза, при чем остальные члены выбираются правлением, либо делегатским, либо общим собранием профессионального союза. В число членов контрольно-распределительных комиссий могут быть избраны также инженеры, статистики и другие полезные для ее деятельности лица.

13. Правлению союза принадлежит право направлять и ревизовать деятельность контрольно-распределительной комиссии и подчиненных ей контрольных комиссий отдельных предприятий.

14. Контрольная комиссия отдельного предприятия является исполнительным органом контрольно-распределительной комиссии своей отрасли промышленности и обязана согласовать свои действия с ее постановлениями.

15. Контрольно-распределительная комиссия профессионального союза имеет право самостоятельно созывать общее собрание рабочих и служащих каждого предприятия и требовать перевыборов контрольной комиссии отдельного предприятия, а также делать представления органам государственного регулирования хозяйства о временном закрытии предприятия или увольнении полностью или частью занятых в нем лиц, в случае неподчинения рабочих предприятия ее постановлениям.

16. Контрольно-распределительная комиссия осуществляет контроль за всей отраслью промышленности в данной местности в целом и, в зависимости от нужд какого-либо предприятия в топливе, материалах, орудиях производства и т. д., помогает ему по возможности получать это из запасов других работающих или остановившихся предприятий данной отрасли промышленности; если нет иного пути, делает представления в государственные регулирующие учреждения о сохранении производства одних предприятий для поддержки других, или о размещении рабочих и служащих закрываемых временно или окончательно предприятий среди других предприятий данного производства, или о других подходящих мерах для предотвращения закрытия и остановки предприятий и для обеспечения правильной деятельности предприятий, согласно плану и постановлениям государственных регулирующих органов.

Примечание: Контр.-распр. комиссии издают технические инструкции для контрольных комиссий отдельных предприятий своей отрасли промышленности, применительно к ее техническим особенностям. Инструкции эти ни в чем не должны противоречить настоящей инструкции.

17. Все постановления и действия к.-р. комиссии могут быть обжалованы в Совет Рабочего Контроля данной местности.

18. Расходы по деятельности к.-р. комиссий каждой отрасли промышленности покрываются за счет остатков от взносов отдельных предприятий (ст. 17) и в равной доле государства и соответственных профессиональных союзов.

19. Местный Совет Рабочего Контроля разбирает и разрешает вопросы, общие для всех или нескольких к.-р. комиссий данной местности, и объединяет их деятельность согласно указаниям Вс. С. Р. К.

20. Каждый Совет Рабочего Контроля должен издать для рабочих и служащих подведомственных ему предприятий обязательные правила трудовой дисциплины.

21. Местный Совет Рабочего Контроля может создавать при себе совет экспертов-экономистов, статистиков, инженеров и других полезных его деятельности лиц.

22. Всероссийский Совет Рабочего Контроля может поручить всероссийскому или областному профессиональному союзу какой-либо отрасли промышленности образовать областную или всероссийскую к.-р. комиссию для данной отрасли промышленности. Положение о такой областной или всероссийской к.-р. комиссии, выработанное союзом, должно быть утверждено Всероссийским Советом Рабочего Контроля.

Инструкция, выработанная самостоятельно на местах.

Краткая инструкция и порядок выборов в цеховые и фабрично-заводский комитеты Шайтанского завода *).

Цеховые комитеты.

1) Цеховые комитеты составляются исключительно из представителей только самих рабочих или же из лиц служебного и технического персонала, выбранных самими рабочими.

2) Число членов цехового комитета намечается в зависимости от числа рабочих, находящихся в цехе, а также и в зависимости от хода работ цеха (демобилизующиеся и перестраиваемые цеха—больше, настроенные и работающие меньше), но не должно быть меньше трех человек. В отдельно приложенной схеме № 1 организации рабочего контроля Шайтанскому заводу указано число членов во всех цеховых комитетах завода.

3) Члены цехового комитета выбираются на общем собрании рабочих всего цеха открытым голосованием (поднятием рук). К выбранным членам намечаются также на общем собрании кандидаты в числе, определяемом общим собранием. Каждый член цехового комитета должен обязательно быть членом профессионального союза рабочих.

---

*) Разработана в 1918 году ф.-з. комитетом Шайтанского завода Екатеринбургского района.

4) Внутренний распорядок работы в цеховом комитете, а также выбор президиума производится самим цеховым комитетом, намечаются и очереди постоянных дежурств членов цехового комитета по сменам.

5) Все неважные вопросы обыденной жизни цеха разрешаются дежурным членом цехового комитета, более важные всем цеховым комитетом, еще более важные общим собранием рабочих всего цеха, совместно с цеховым комитетом, а иногда и с представителем от фабрично-заводского комитета. Самые же сложные вопросы передаются на разрешение всего фабрично-заводского комитета или же на общее собрание рабочих всего завода.

В случае же нерешения вопроса и на общем собрании рабочих всего завода, вопрос передается на разрешение Областного Совета фабрично-заводских Комитетов Урала.

6) Цеховые комитеты ведают всем внутренним распорядком жизни в цехе. Следят через цеховую администрацию за своевременной доставкой сырья и топлива, за правильной отвозкой изготовляемого продукта, за состоянием инструмента и рабочих механизмов и вообще за всем, что делается в цехе.

Изыскивают способы увеличения производства и постановки его на должную высоту. Ведают всею бухгалтерскою отчетностью цеха и выясняют себестоимость изготовляемого продукта.

Все сведения о ходе работ в цехе, бухгалтерскую отчетность и все предположения об организации работ, цеховые комитеты направляют в фабрично-заводской комитет и ведут вообще тесную связь во всем с фабрично-заводским комитетом.

8) Для разработки и выяснения некоторых специальных вопросов цеховые комитеты приглашают сведущих лиц или из служащих, или со стороны с правом совещательного голоса.

9) Члены цехового комитета оплачиваются заводоуправлением по среднему заработку за предыдущее время, причем все последующие увеличения заработной платы в цехе отражаются в одинаковой степени и на них.

Фабрично-заводский комитет.

1) Число членов фабрично-заводского комитета намечается в зависимости от количества работы, совершаемой фабрично-заводским комитетом во все время, имея в виду поднятие рабочего контроля на должную высоту, а следовательно, и возможно высокую организацию производства.

В настоящее время, как видно из приложенной схемы № 1 организации рабочего контроля в Шайтанском заводе, число членов фабрично-заводских комитетов равно 9 человек.

2) Фабрично-заводский комитет составляется из представителей рабочих, счетно-хозяйственных и технических служащих, входящих в таковой на пропорциональных основаниях. В силу местных условий пропорциональность представительства может и не быть соблюдаема. Как видно из приложенной схемы № 1 рабочего контроля, рабочим на фабрично-заводском комитете предоставлено 6 мест, а служащим счетно-хозяйственным и техническим 3 места.

3) Выборы представителей от рабочих в фабрично-заводский комитет производятся на конференции цеховых комитетов всего завода, открытым голосованием, при чем обращается главное внимание на работоспособность и сознательность каждого выбираемого, а затем уже на принадлежность его к тому или иному цеху. Каждый член фабрично-заводского комитета должен быть членом профессионального союза.

Представители из счетно-хозяйственных служащих и технического персонала выбираются на общем собрании данной корпорации.

4) Лица, занимающие высшие административные посты (управляющий, управитель, бухгалтер, его помощник, секретарь и заведующий отделом), не пользуются ни активным, ни пассивным избирательным правом.

5) Право отвода отдельных членов фабрично-заводского комитета принадлежит соединеному собранию представителей от Совета рабочих и солдатских депутатов, представителей от фабрично-заводского комитета, представителей

профессионального союза рабочих и от профессионального союза счетно-хозяйственных и технических служащих. При чем норма представительства одинакова для всех этих организаций.

6) Вопрос о перевыборах всего состава фабрично-заводского комитета решается общим собранием рабочих и служащих всего завода. Общее собрание считается правомочным тогда, когда на собрание явится не менее $^2/_3$ всего количества рабочих, занятых в предприятии. Общее собрание может быть созвано по желанию $^1/_5$ части всех рабочих предприятия, представивших свои подписи на мотивированном заявлении.

7) Фабрично-заводский комитет выбирает из своей среды председателя, его заместителя, секретаря и казначея.

8) Фабрично-заводский комитет работает постоянно в полном составе и по характеру работы разбивается следующим образом, см. приложен. схему № 2. Для постоянных работ по разрешению всех вопросов, возникающих в цехах и не могущих быть разрешенными, выбирается рабочее бюро из двух человек, дежурящих в фабрично-заводском комитете, не отлучаясь цельный день.

В следующие смены или же в ночное время в фабр-зав. комитете обязательно должен быть один дежурный член фабр.-зав. комит., дежурящий по очереди. Все остальные члены фабр.-зав. комит. разбиваются на две основные комиссии: 1-я по производству и 2-я по снабжению. В промежутке между ними работает статистическая комиссия, систематизирующая и обрабатывающая все материалы, поступающие из цеховых комитетов и направляющая их в ту или иную основную комиссию. Основные комиссии в свою очередь разбиваются по характеру работ на следующие подотделы:

Под'отдел организации производства.

Комиссия по производству:

П/отдел демилитаризации (если завод нуждается в таковом).

Под'отдел сырья.

Комиссия по снабжению:

Под'отдел топлива.

В будущем при организации ячейки органа Совета Народного Хозяйства (Совет Рабочего Контроля), из Совета фабр.-зав. комитета выделяются два члена, входящих в С. Н. Х.

9) Все незначительные вопросы, возникающие в цеховых комитетах, разрешаются рабочим бюро фабр.-зав. комитета. Более важные вопросы—пленумом фабр.-зав. комитета, еще более важные—общим собранием рабочих всего завода.

Вопросы, не решенные и в этой последней инстанции, передаются на разрешение в Областной Совет Фабр. Зав. Комитетов Урала.

10) Фабрично-заводский комитет не менее чем один раз в две недели созывает конференцию цеховых комитетов, перед которой делает отчет о своей деятельности.

В случае экстренных и важных вопросов, собрание конференции может быть созвано и раньше указанного срока.

11) Члены фабрично-заводского комитета оплачиваются из средств заводоуправления средним заработком или жалованием за предыдущее время, при чем все последующие увеличения заработной платы отражаются в одинаковой степени.

При командировках по делам завода члены фабр.-зав. комитетов получают суточные и проездные из средств заводоуправления на равных основаниях со всеми.

12) В круг непосредственного ведения фабр.-зав. комитетов входят:

а) контроль над составом администрации и отвод тех лиц, которые не могут обеспечить нормальных отношений с рабочими или непригодны по техническим соображениям (см. § 2 нормальной инструкции фабр.-зав. комитета);

б) контроль над производством продуктов, рабочим инструментом, средствами производства и т. д.;

в) контроль над распределением, куплей, продажей, хранением и заготовкой сырых материалов, топлива полуфабрикатов и продуктов (без разрешения фабр.-зав. комитета никакой отпуск материалов и изделий из заводов не может быть допускаем);

г) контроль над финансовой стороной предприятия: фабр.-

зав. комитет должен быть точно осведомлен о финансовом состоянии предприятия и о всех мероприятиях в этом отношении. (Всякая выдача денег должна быть обязательно заверена фабр.-зав. комитетом).

д) Проведение в жизнь постановлений регулирующих учреждений (комитета снабжения при Областном Комиссариате), согласуя свою деятельность с общим хозяйственным планом.

13) Как фабр.-зав. комитету в целом, так и отдельным членам его, уполномоченным на то фабр.-зав. комитетом, представляются для обозрения все документы административным, коммерческим и техническим управлением. Фабр. зав. комитет может требовать всевозможные справки и от заведующих отделами предприятий. Фабр. зав. комитету открыты для обозрения и испытания все служебные отделы предприятия и все заводские оборудования.

14) Для разработки и выяснения некоторых специальных вопросов фабр.-зав. комитетом приглашаются сведущие лица из состава служащих предприятия, или же со стороны с правом совещательного голоса.

15) Решение органов рабочего контроля обязательны для владельцев, служащих и рабочих предприятий и могут быть отменены лишь постановлением высших органов рабочего контроля. Границы полномочия контрольных органов определяются „положением о рабочем контроле“, по декрету Совета Народных Комиссаров.

16) Фабрично-заводским комитетом все сведения о ходе работы предприятия и все предложения об организации работ направляются в Областной совет фабр.-зав. комитетов Урала. И вообще, фабр.-зав. комитет ведет по возможности тесную связь с указанным центральным органом.

17) Фабр.-зав. комитет на свои особенные нужды может обкладывать предприятие особым налогом, сообразно числа рабочих и служащих занятых в предприятии. Часть этих обложений отсылается в Областной Совет Фабр. Зав. комитетов Урала. В настоящее время постановлено отчислять в Обл. Сов.-Фабр. Зав. Комит. Урала по 5 коп. с каждого человека, занятого в предприятии.

18) В области защиты профессиональных интересов рабочих, цеховые и фабр. комитеты являются исполнительными органами профессиональных союзов и выполняют их решения.

19) По местным условиям, там, где нет еще организации профессиональных союзов, или же организация таковых слаба, фабр.-зав. и цеховые комитеты берут на себя функции таковых (пр. союзы), но стараются всеми силами, чтобы скорее построить эти организации и передать им свои функции, выполняемые лишь по необходимости.

20) Фабр.-зав. и цеховые комитеты должны стараться строго разграничивать свои функции—контрольная деятельность и организация производства—от функции профессиональных союзов, к которым относятся:

а) прием и увольнение рабочих,

б) распределение и перераспределение рабочей силы,

в) определение нормы заработной платы и норм выработки изделий,

г) определение продолжительности рабочего дня, в зависимости от характера производства,

д) защита труда вообще, а подростков и женщин в частности.

21 Фабр.-заводские и цеховые комитеты должны все время проводить среди рабочих завода мысль, что все рабочие должны быть по возможности членами профессионального союза, при чем на завод могут быть принимаемы лишь те рабочие, которые состоят или же вступают в профессиональный союз.

22. Профессиональные союзы там, где они организованы, должны давать общее руководство и направление деятельности фабр.-зав. комит. в области контроля и, в целях большей связи с ними, включать в состав своих делегатских собраний представителей фабр.-зав. комитетов.

23. Всякие изменения и дополнения настоящей инструкции, без отклонения от общего духа основной инструкции Областного Совета Ф.З.К. Урала, должны рассматриваться и утверждаться на конференции цеховых комитетов.

Положение об управлении национализированными предприятиями *).

§ 1. О ближайшем органе высшего управления.

Под ближайшим органом высшего управления в настоящем Положении подразумевается либо Областной, либо Высший Совет Народного Хозяйства, в зависимости от того, какому из этих органов подчинена данная отрасль производства или данное предприятие, специальной инструкцией Высшего Совета Народного Хозяйства.

§ 2. Фабрично-заводские управления.

На каждом заводе, фабрике, руднике и т. п., перешедших в собственность Республики, образуется фабрично-заводское управление.

Две трети фабрично-заводского управления назначаются Областным Советом Народного Хозяйства или Высшим Советом Народного Хозяйства (если предприятие непосредственно подчинено центральному правлению), при чем Совет Народного Хозяйства имеет право предоставить Областному (Всероссийскому) Профессиональному Объединению выдвигать половину кандидатов.

Одна треть членов управления избирается профессионально-организованными рабочими предприятия.

Фабрично-заводское управление должно включать в свой состав одну треть специалистов из числа технических и коммерческих служащих.

Список членов фабрично-заводского управления по конструировании его и избрании председателя представляется на утверждение ближайшего органа высшего управления.

> Примечание 1. Ближайший орган высшего управления имеет право, если в этом встречается необходимость, назначать в фабрично-заводское управление национализированного предприятия своего пред-

---

*) Разработано первым Всерос. Съездом Сов. Нар. Хозяйства.

ставителя, который получает право решающего голоса и право приостанавливать решения фабрично-заводского управления, противоречащие общественным интересам, перенося одновременно приостановленное решение на рассмотрение ближайшего органа высшего управления.

Примечание 2. В экстренных случаях, когда фабрично-заводское управление какого-либо предприятия обнаруживает полную неспособность справиться с возложенной на него задачей, ближайший орган высшего управления национализированными предприятиями имеет право, по соглашению с центральным областным профессиональным объединением, назначить управление предприятия.

§ 3. Главное управление комбинированного (сложного) предприятия, состоящего из нескольких географически-разделенных производственных единиц.

Для предприятий комбинированных (сложных) образуются кроме фабрично-заводских управлений для каждой отдельной производственной единицы, главные управления, расположенные предпочтительно в главном центре предприятия.

Главные управления образуются на основании тех же норм и правил, какие применяются для предприятий простых, изложенных в § 2.

Фабрично-заводские управления отдельных производственных единиц, входящих в состав сложного предприятия, подчинены главному управлению. Эти фабрично-заводские управления строятся на основании общих норм и правил, изложенных в § 2.

§ 4. О сроке полномочий фабрично-заводских и главных управлений национализированными предприятиями.

Члены фабрично-заводских и главных управлений национализированных предприятий избираются на срок в шесть месяцев. Досрочное переизбрание управления допускается

лишь с согласия ближайшего органа высшего управления национализированными предприятиями.

§ 5. Права и обязанности фабрично-заводского управления простого предприятия и главного управления предприятий сложных.

Управление вырабатывает подлежащие рассмотрению в ближайшем органе высшего управления смету предприятия, производственный план, план расширения и переоборудования предприятия и план снабжения; вырабатывает правила внутреннего распорядка; собирает материалы о себестоимости и о нормах оплаты рабочей силы; назначает высших ответственных заведующих технической и коммерческой частью всех предприятий и утверждает их для отдельных производственных единиц, входящих в состав сложного предприятия, наблюдает за выполнением заведующими смет и планов, утвержденных соответствующей инстанцией, заботится об устройстве материального быта рабочих и служащих предприятия. Управление представляет отчеты о своей деятельности и о положении предприятия ближайшему органу высшего управления национализ. предприятиями в назначенные последним сроки.

§ 6. Права и обязанности фабр. заводоуправления отдельной производственной единицы, входящей в состав сложного предприятия.

Фабрично-заводское управление вырабатывает сметы и планы для отдельных производственных единиц, входящих в состав сложного предприятия. Оно представляет эти сметы и планы, а равно и кандидатуры ответственных заведующих технич. и коммерческой частью этих единиц на рассмотрение и утверждение главного управления. Оно наблюдает за выполнением ими утвержденных главным управлением смет и планов, оно заботится об устройстве материального быта рабочих и служащих данной производственной единицы, но подотчетно главному управлению.

§ 7. Технический и коммерческий персонал предприятия.

Высшие ответственные заведующие назначаются для предприятий простых фабр.-заводскими управлениями, для предприятий сложных их главными управлениями. Ответственные заведующие технической и коммерческой частью отдельных производственных единиц сложного предприятия назначаются фабрично-заводскими управлениями этих единиц.

Ближайший орган высшего управления (областное или центральное управление) национализированными предприятиями имеет право отвода кандидатов в высшие ответственные заведующие и право назначения в экстренных случаях своих кандидатов.

Главное управление сложного предприятия утверждает ответственных заведующих, избранных фабрично-заводскими управлениями отдельных производственных единиц сложного предприятия.

§ 8. Высшие органы управления национализированными предприятиями.

В составе Обл. Советов Нар. Хоз. образуются органы управления предприятиями по отраслям производства. Эти органы (областные правления национал. предприятий) образуются из кандидатов, избранных на совместных конференциях представителей фабрично-заводских управлений в области и представителей областных профессиональных производственных объединений и утвержденных Област. Сов. Нар. Хоз. В состав областного правления делегируется не менее одного представителя областн. профессион. объединений и не менее одного представителя В. С. Н. Х. В составе Высшего Совета Народного Хозяйства образуются центральные управления национализиров. предприятий. Члены таких правлений избираются на совместных общероссийских конференциях представителей фабрично-заводских управлений и представителей общероссийских профессиональных объединений и утверждаются Высшим Советом

Народного Хозяйства. В состав центрального правления делегируется не менее одного представителя от областных правлений данной отрасли производства.

§ 9. Права и обязанности областного правления национализированных предприятий.

Областное правление производит сводку представленных ему фабрично-заводскими управлениями смет и планов в областную смету и планы, с подробным разделением по отдельным предприятиям, и представляет их на утверждение центрального правления, представляет на рассмотрение того же органа проекты скал твердых цен и тарифов оплаты труда в предприятиях Республики, вырабатывая их вместе с профсоюзами; ведет общий учет произведенным товарам, принимает по уполномочию центрального правления заказы, выполняет распределение товаров по нарядам, данным из центра, ведет снабжение предприятий средствами производства по нормам, утвержденным центральным правлением, меняет состав сложных предприятий, целиком расположенных в пределах области, выделяет из них в случае необходимости отдельные производственные единицы и образует новые производственные объединения, имеет право отвода кандидатур высших ответственных заведующих технической и коммерческой частью предприятия и назначения в экстренных случаях своих кандидатов в управления национализиров. предприятий и имеет право посылать в эти управления своих представителей, руководит деятельностью фабрично-заводских управлений, объединяет и согласует ее, имеет право приостановить всякое их решение, представляет отчеты центральному правлению в назначенные последним сроки.

§ 10. Права и обязанности центрального правления национализированных предприятий.

Центральное управление рассматривает, утверждает или изменяет областные сметы, производственные планы, планы расширения и переоборудования и проч., сводит их в об-

щероссийскую смету и планы, поступающие на окончательное утверждение общих исполнительных органов В. С. Н. Х, вырабатывает совместно с профессиональным центром общероссийские скалы твердых цен и тарифы заработной платы в предприятиях Республики, поступающие на окончательное утверждение общих исполнительных органов В. С. Н. Х., производит сводку поступивших заказов, распределяет заказы по районам производства, дает наряды на получение произведенных товаров, закрывает предприятия, убыточные или дурно оборудованные, изменяет состав сложных предприятий, расположенных в пределах двух или более областей, выделяет из них в случае необходимости, отдельные производственные единицы и образует новые межобластные производственные объединения, руководит деятельностью областных правлений, объединяет и согласует ее, может приостановить всякое решение областного правления, представляет отчеты общим исполнительным органам Высшего Совета Народного Хозяйства в назначенные им сроки.

§ 11. Права и обязанности центрального правления национализированных предприятий и Высшего Совета Народного Хозяйства, в случае, если отрасль производства (предприятие) непосредственно подчинена В. С. Н. Х.

В случае, если данная отрасль производства или данное предприятие подчинены В. С. Н. Х., Центральное правление национализированных предприятий принимает на себя все права и обязанности, принадлежащие областному правлению, а В. С. Н. Х. принимает на себя все права, принадлежащие Областному Совету Народного Хозяйства.

Примечание: Надзор за деятельностью фабрично-заводских управлений всех предприятий, в том числе и подчиненных непосредственно В. С. Н. Х., входит в обязанность Областных Советов Народного Хозяйства, которые в случае принятия каким-либо управлением решений, явно вредных для общественных интересов, имеют право приостанавливать такие

решения, представляя одновременно вопрос на окончательное разрешение Высшего Совета Народного Хозяйства.

§ 12. Об управлении бывшими казенными заводами.

Управление бывшими казенными заводами в течение двух месяцев со дня издания настоящего положения должно быть преобразовано на основании норм и правил, изложенных в настоящем положении.

Библиография.

В основу работы легли те общие и периодические издания, которые были найдены в кабинете по рабочему вопросу социалистической Академии, в Истпрофе ВЦСПС и Истпарте ЦКРКП, а также архивные материалы, которые оказались в государственном архиве (старосты и рабочая группа Воен. Пром. Ком.), и в архивах Одесского Истпарта, Петроградского и Екатеринбургского Союзов металлистов (главным образом, о фабзавкомах периода революции).

Более полный список литературы, вообще, по рабочему вопросу:

1. Систематический указатель литературы по профессиональному движению до революции 1917 г. Вып. I. состав. С. Раппопорт и Р. Якуб. Изд. ВЦСПС. М. 1913 г. 62 стр.

2. Указатель литературы по профессиональному движению рабочих, состав. В. В. Святловский, Пг. 1917 г.

3. Материалы для библиографии профессионального движения „Вестник Труда“ №№ 1—2, 3, 4—6, 9 за 1921 г. состав. Берлин.

4. Обзор литературы по истории рабочего класса и рабочего движения в России. Литература, появившаяся в 1917—21 г., состав. Б. Павловым, „Вестник Труда“ № 4—6, 1921 г. Изд. ВЦСПС.

5. Материалы по библиографии Октябрьской революции, состав. М. Берлин, „Вестник Труда“ № 10—11, 1921 г.

6. Указатель русской литературы по положению рабочего класса, сост. С. Каплун, „Вестник Социалистической Академии“ кн. III, Гос. изд. М. 1923 г.

7. Рабочее движение до 1892 г. „История России в XIX в.“, вып. 32 изд. Гранат.

I. Литература по рабочему вопросу, профессиональному и революционному рабочему движению, использованная в работе.

А. Общая литература.

1. Архив истории труда в России, изд. Петрог. ГСПС. I—VI кн. 1922—23 г.
2. Айнзафт. Зубатовщина и гапоновщина, изд. ВЦСПС. 1923 г.
3. Балицкий. Фабричное законодательство в России.
4. Б—ов и Ф. Дан. Рабочие депутаты I Гос. Думы.
5. Бухарин. Классовая борьба и революция в России. М. „Коммун.“ 1919 г.
6. Варзар. Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895—1905 г., СПБ. 1905 г.
7. Вебб. Теория и практика трэд‘юнионизма, пер. Ильина.
8. Григорьевский. Полицейский социализм в России (что такое зубатовщина), изд. 1906 г. СПБ.—74 стр.
9. Гриневич. Профессион. движение рабочих в России, 2-ое изд. РИО ВЦСПС, М. 1922 г. 215 стр.
10. Дементьев. Фабрика, что она дает населению и что она берет у него, изд. 2-е Сытина, М. 1897 г. стр. 256.
11. Ельницкий. История рабочего движения в России, I и II т. Пг. 1919 г.
12. Ленин. Собр. соч., т. XIV, т. XV.
13. Лунц. Фабричное законодательство в России „Образов.“ 1906 г. III, IV.
14. Каменев. Между двумя революциями, изд. Гос. Изд. 1923.
15. Л. Каплун. История проф. движения рабочих печатного дела в г. Харькове, 1882—1917 г.
16. Каутский. Движущие силы и перспективы русской революции.
17. Колокольников (Дмитриев), изд. практики проф. движения в России, изд. „Освобожд. труда“, Одесса. 1917 г.
18. Колокольников, П. (К. Дмитриев), Профессион. движение и союзы в России, изд. СПБ. „Кн. дело“, 1909 г.—384 стр.
19. Кольцов, Д. Рабочие в 1905—7 г., сб. „Обществен. движен. в России в начале XX в.“, т. II, ч. I. СПБ. 1908 г. 156 стр.
20. Л. Мартов. Пролетарская борьба в России, изд. Глаголева, 1906 г.
21. Л. Мартов. Развитие крупной промышленности и рабочее движение до 1892 г., История России в XIX в., изд. Гранат. т. VI, гл. X стр. 114—162.
22. Материалы Военно-Промышлен. Комит. 1916 г. М.
23. Маевский. Канун революции. Изд. П. К-та с.-д., П. 1918 г.
24. Милюков. История Второй русской революции, 1922 г.
25. Писелович, Л. Н. История фабрич.-зав. законодательства Российской империи, СПБ.

26. Озеров, И. Х. Нужды рабочего класса в России (записка, поданная Витте в 1902 г.), изд. Сытина. М. 1905 г.—64 стр.
27. Озеров, И. Х. Политика по рабочему вопросу в России, М. 1905 г.
28. Пажитнов, К. Положение рабочего класса в России, изд. „Нов. Мир". СПБ. 1906 г.
29. Пажитнов. Некоторые итоги и перспективы в области рабочего вопроса в России, СПБ. 1910 г. 97 стр.
30. Пестрежский. Рабочий вопрос в России, изд. Берлинского Ун-та, 1922 г.
31. Плеханов. Русский рабочий в революционном движении, изд. Малых.
32. Поссе, В. Русские стачки, вып. IV, СПБ., 1917 г.
33. Прокопович, С. Н. К рабочему вопросу в России, СПБ. 1905 г. 208 стр.
34. Промышленность и торговля в законодат. учреждениях 1913—14 г. (Доклад VIII очеред. С'езду представ. торговли и промышленности).
35. Рабочий ежегодник, т. I—1906 г.
36. Родзянко. Госуд. Дума и февральская 1917 года революция, Р/Д, 1919 г.
37. Рязанов. Международный пролетариат и война, сб. статей 1914—1916 г. (стр. 85—теория и практика гвоздевщины).
38. Сборник статей Лунца, М. 1909 г.
39. Святловский, В. Профессиональное движение в России, изд. Пирожкова, СПБ. 1906—406 стр.
40. Святловский, В. Современное законодательство о проф. рабочих союзах, изд. „Начало", СПБ. 1907 г.—130 стр.
41. Суханов. Записки о революции т. I—VI, 1922 г.
42. Таль, Л. С. Очерки промышленного права.
43. Тигранов. Горнозаводские товарищества в 1897—1901 г., СПБ. 1903 г.
44. Троцкий. Война и революция, изд. Гос. изд. 1923. т. I и II.
45. Туган-Барановский, М. Н. Русская фабрика в прошлом и настоящем, 3-ье изд. СПБ. 1907 г. 512 стр.
46. Труды съезда промышлен. и торговли М. 1915 г.
47. Труды комиссии по изучению дороговизны, сб. под ред. Чупрова.
48. Финн-Енотаевский. Современное хозяйство России, изд. Семенова, СПБ. 1911 г. 527 стр. (гл. XII и XIII).
49. Фалькнер. Послевоенная конъюнктура мирового хозяйства, Гос. изд. 1922 г.
50. Шляпников. Канун 1917 г. Гос. изд. 1922 г.
51. Шляпников. Семнадцатый год. Гос. изд. 1923 г.
52. Яковлева, К. Материалы по статист. труда, отд. статист. Наркомтруда, вып. 8, М, 1920 г,
53. Эринг Рихард. Организация современного фабричного предприятия, изд. ВЦСПС. М. 1922—75 стр.

Б. Специальная литература о фабричных и рабочих комитетах и комиссиях до революции 1917 года.

1. Геркнер. Рабочий вопрос, вып. I. Рабочие комитеты (стр. 189—191), есть указатель литературы о рабочих комитетах за границей.
2. Ю. Ларин. Рабочие нефтяного дела (из быта и движения 1903—8 г). (Устав рабочей комиссии, деятельность рабочих комиссий в промыслах и заводах).
3. Колокольников (К. Дмитриев). Профессиональное движение и союзы в России (фабрично-заводское представительство). 363 стр. (и 365—371).
4. Материалы об экономическом положении и профессиональной организации Петербургских рабочих по металлу, СПБ. 1907 г. (о деятельности заводских комиссий металлистов).
5. И. Х. Озеров. Политика по рабочему вопросу (об институте старост).
6. И. Х. Озеров. Фабричные комитеты, или как рабочие могут добиться лучших условий труда. (Фабричные комитеты и коллективный договор), М. 1906 г.
7. Л. А. Рин. О совещании с нефтепромышленниками.
8. Святловский. Законодательство о профес. раб. союзах (зубатовские организации, институт старост, рабочие товарищества).
9. Святославский, В. Профессиональные рабочие союзы и учреждения, ими созданные, 3-ье изд., СПБ. 1908 г. „Рабочие комитеты“, стр. 26. (с приложением литературы о рабочих комитетах за границей).
10. А. Б. Скаржинский. Забастовки и рабочие сотоварищества (о зубатовских рабочих комитетах и институте старост).
11. Фреезе, Генрих. Конституционный строй на фабриках (рабочие комитеты), М. 1906 г. или другое изд. под назв. „Опыт рабочего представительства“.
12. Шер, В. В. История проф. движения рабочих печатного дела в Москве, изд. „Наука“ в Москве, 1911 г.—475 стр. (о деятельности автономных комиссий печатников).
13. Шиппель. Профессиональные союзы рабочих (о рабочих комитетах в Германии).

II. Борьба труда с капиталом внутри фабрики до революции 1917 года.

Общий обзор сделан, гл. обр., по материалам рабочей хроники, корреспонденции с фабрик и заводов и хроники рабочего движения из следующих журналов и газет:

1. „Рабочее Слово“, орган Одесского комитета и Южно-РУС группы с.-д. за 1901—1902 годы.

2. „Южный Рабочий“, орган раб. движения юга России за 1922 год.
3. „Красное Знамя“, изд. с.-д. (Женева) за 1902 г. (письма с фабрик и заводов России).
4. „Пролетарское Дело“, изд. с-д. Одесса, 1902 г.
5. „Искра“ за 1902, 1903, 1904 и 1905 гг.
6. Сборник статей: „Искра“ за 2 года, сост. Дан.
7. „Освобождение“, с.-д. (загран. изд.) за 1905 г. (письма из Петербурга).
8. „Народная газета“, СПБ. 1907 г.
9. „Печатное дело“, 1907 г. Москва (Локауты, экономический террор, хроника борьбы с хозяевами № 10—30).
10. „Жизнь печатника“, СПБ. 1907 г. (общий обзор экономической борьбы).
11. „Голос печатника“, СПБ. 1907 г. (письма наших делегатов).
12. „Голос печатника“ СПБ. 1909 г. (конфликты рабочих с предпринимателями).
13. „Печатное дело“, СПБ. 1911—1912 г. (стремление рабочих к организации).
14. „Новое печатное дело“, СПБ. 1911 г. (забастовочное движение рабочих) и 1913 г. (профес. движение и право организации).
15. „Ткач“, орган союза текстильщ. СПБ. за 1906 г. (вести с фабрик).
16. „Вестник рабочих и работниц волокнист. пр-ва, СПБ. 1907 г. (рабочая жизнь).
17. „Текстильное дело“, 1907 г., СПБ. (корреспонденции).
18. „Станок текстильщика“, СПБ., 1908 г. (письма с фабрик).
19. „Голос жизни“, орган раб. текстильщ. Москва. 1910 г. (по Московским фабрикам).
20. „Надежда“, орг. раб. метал., СПБ. 1908 г. (местная хроника).
21. „Единство“, орг. раб. метал., СПБ. 1908 г. („последние расчеты“, местная хроника за 1910 г.).
22. „Рабочий по металлу“, СПБ. 1906 г. (хроника рабочего движения).
23. „Профессиональный Вестник“. СПБ. 1907—1908 г.
24. Торгово-промышленная газета, СПБ, 1905—1907 годы.
25. Горнозаводский листок, Х. 1905—6 г.

III. Фабричные старосты и фабричные комитеты до революции 1917 г.

(Из периодической печати).

1. Зубатовская конституция, „Рабочая мысль“ № 15, 1902 г. газ. петерб. рабоч., орган СПБ. К-та союза борьбы за освобожд. раб. класса.
2. Как они изворачиваются (Секретная записка Витте о стачках и рабочих союзах), „Красное Знамя“, изд. союза РЦС. с.-д., Женева, 1902 г., ноябрь.

3. Конкуренция (Зубатовский проект о рабочих комитетах). Там же.
4. О фабричных старостах, „Искра“, 1903 г., № 46, 49.
5. О причинах возникновения закона 1903 г. „Искра“, 1904 г., № 74.
6. Отношение партии к зак. 1903 г. „Искра“, 1903 г., № 56.
7. Отношение рабочих к зак. 1903 г. „Искра“, 1903 г., № 57.
8. О заводских комиссиях, стихийно возникших в 1905 г. „Музей содействия труда“, 1906 г., вып. I, стр. 21.
9. Положение о фабричных депутатах, выработанное союзом печатников в 1905 г. Там же, стр. 24.
10. О рабочих комиссиях, возникших стихийно, „Рабочий союз“, 1906 г., № 9 (СПБ), стр. 5.
11. О возникновении рабочей комиссии на Харьковском паровозостроит. зав. Выборы депутатов, первые заседания избранного комитета, „Союз“, Харьков, 1906 г., № 2, стр. 6—7.
12. Резолюция Харьк. паров. завода о рабоч. комис. „Соц.-демократ.“, 1905 г., № 5.
13. Комиссия по рабочему вопросу при Моск. бирж. комитете, „Соц.-демокр.“, 1905 г., № 6.
14. Свобода стачек и союзов в министерских проектах (о союзах и рабочих комитетах), „Соц.-дем.“, 1905 г., № 8.
15. Опыты соглашения рабочих с предпринимателями (заводские комитеты и депутатские советы), „Проф. союз“, 1906 г., №№ 14, 15, 16.
16. Положение о фабричных депутатах, „Проф. союз“, 1906 г., № 16—17.
17. Протоколы общих собраний депутатов различных профессий, „Бюл. Музея содействия труду“, 1905 г., № 1—16.
18. Типографский совет депутатов, там же.
19. Извлечение из протоколов собр. депутатов, „Музей содействия труду“, „Материалы по профессиональному движению“, 1906 г., № 1.
20. Исторический документ (об отношении хозяев к депутатам), „Печатник“ № 2, М. 1906 г.
21. Положение о рабочих уполномоченных в графических предприятиях. „Печатник“ № 8, М. 1906 г.
22. Инструкция уполномоченным. Там же.
23. Об уполномоченных. Там же.
24. Положение о рабочих депутатах в типо-литографии, выработ. Моск. союзом владельцев типо-литографий, „Голос печатника“ № 1, проф. орган раб. печ. дела, СПБ, 1906 г., 19 августа.
25. Организованная буржуазия и организованные рабочие, „Голос печатника“ № 12, 16 ноября, 1906 г.
26. Проект резолюции о фабрично-зав. комитетах, „Профессионал“, журнал Моск. бюро профсоюзов, 1907 г., стр. 19.
27. Об уполномоченных „Печатное дело“ № 13, М. 1907 г., 26 января.
28. Из жизни одной типографии (проект положения о депутатах типогр. Вурче), „Печ. дело“ № 20, 1907 г., 16 марта.
29. Фабричная организация, „Печ. дело“ № 28, М. 1907 г., 2 июня.

30. Текст правил внутреннего распорядка в печатн. завед. г. Петербурга, выраб. смешан. комиссией представителей обществ владельцев и рабочих, „Жизнь печатника“, СПБ, 1907 г., 14 сентября. (Приложение к № 12.)
31. Автономия и выборные, „Жизнь печатника“ № 11, СПБ, 1907 г., 1 сент.
32. Несколько слов о наших выборных, „Жизнь Печатника“ № 8, 20 июня, 1907 года.
33. По поводу собрания выборных. Протокол собрания выборных, „Голос печатника“ № 4, СПБ, 1907 г., 24 февраля.
34. Автономия в цифрах, „Печатн. дело“ № 4, СПБ, 1908 г., 27 января.
35. Инструкция уполномоченным (профсоюзным), „Печатное дело“ № 6, 28 апреля, 1909 г.
36. О заводских старостах, „Единство“ № 10, СПБ, 1909 г. (орган мет.).
37. О заводских старостах, „Единство“ № 11, 1909 г.
38. О фабричных организациях (о старостах и фабричных комитетах), „Станок“ № 3, СПБ, 1908 г., 4 апреля (орган текстильщиков).
39. Борьба рабочих за свои гражданские права (за конституцию) на фабрике бр. Леонтьевых „Вестник рабочих и работниц волок. произ.“ № 1, 7 февраля 1907 г., СПБ.

IV. Рабочее движение в период войны, рабочие группы при воен.-пром. комитетах. Институт старост.

(Из периодической печати).

1. Наша победа, „Социал.-демокр.“ № 48, 1915 г., СПБ.
2. Выборы старост, фальсификация рабочего представительства, „Соц.-демократ“ №№ 53, 56, 58, 1915 г., СПБ.
3. Рабочие и военно-промышленные комитеты, „Наш голос“ № 3, 6, 7, 1915 г., СПБ.
4. Рабочая хроника времени войны, „Наше печатное дело“, СПБ. за 1914, 1915 и 1916 гг.
5. К отсутствию рабочих организаций, „Наше печатное дело“ № 2, 3, 26 сентября, 1915 г.
6. На Петроградских фабриках. Хроника. „Текстильщик“ № 1, декабрь 1915, СПБ.
7. Дороговизна и заработная плата, „Текстильщик“ февраль — март 1916 г., № 2—3, СПБ.
8. Тяжелые дни (экономическое и правовое положение рабочих), „Наше печатное дело“ № 30—36 (июнь—ноябрь, 1916 г.).
9. Из истории закона о фабр.-зав. старостах. О фабричных старостах, „Голос печатного труда“ № 1, 15 ноября, 1916 г., М.

10. Борьба за крепостное право (о введении всеобщей рабочей повинности). Еще о закрепощении. Положение рабочих, „Голос печатного труда“ № 1 (3), 30 января, 1917 г.
11. По вопросу о военно-промышл. комитетах, „Путь“ № 1, 1916 г., СПБ
12. Опасные симптомы (Уральская и Моск. группы Б.-П. к-тов), „Путь“ № 1, 1916 г., СПБ.
13. Письмо рабочей группы о Военно-промышл. комитетах. Там же.
14. Об институте старост. „Путь“ № 2—3, 1916 г.
15. О стачечном движении (хроника). Там же.
16. 1) Об отношении к закону о трудовой повинности в Германии, 2) о деятельности Пермской рабочей группы, 3) корреспонденция с яковлевского стекольного завода, Тверской губ., „Путь“ № 4, 1916 г.
17. Известия Моск. Военно-промышл. комит. за 1916 г.
18. Мобилизация труда, „Наше дело“ № 5—6.
19. Экономическое обозрение 1916 г. Пг. № 1, Маслов „Запросы жизни“ № 2. Рабочий состав и заработная плата.

V. Фабрично-заводские комитеты в период революции 1917—22 г.

А. Литература.

1. Как организовать заводский рабочий комитет:
   1) объяснительная записка к закону о рабочих комитетах,
   2) законы 23 апреля 1917 года,
   3) примерный устав заводского комитета, изд. Отд. Труда Московского Совета Р. Д. Москва, 1917 г.
2. Инструкция фабзавкомам и делегатам. Орехово, 1917 г.
3. Левин, В. М. Фабрично-заводские комитеты рабочих. Изд. Петрогр. Комит. с.-р., 1917 г., 18 стр.
4. Памятная книга рабочего. Сборник статей под редак. Ежова, стр. 80: А. Далин „ф.-зав. комитеты“. Изд. „Книга“, 1918 г.
5. Первая рабочая конференция фабзавкомов, СПБ., 1917 г. Изд. Ц. С. фаб.-зав. комит. 61 стр.
6. Положение о фаб.-зав. комит., утвержденное Всерос. Центр. и Моск. Сов. проф. союзов. Изд. ВЦСПС, М., 1918 г., 7 стр.
7. Положение о фабричных комитетах. Изд. ВЦСПС, М. 1919 г.
8. Положение о фаб.-зав. комит. и о коллективах служащих. Изд. Одесского ГСПС, 1919 г., 16 стр.
9. Положение о фаб.-зав. комит. Изд. Одесского ГСПС, 1921 г., Всеук Гос. изд.
10. Положение о фабзавкоме. Изд. Татарского совпрофа, Казань, 1921 г., 15 стр.

11. Положение о фабзавкомах в государственных и частных предприятиях, Самара, 1922 г., 12 стр.
12. Положение о фаб.-зав. комитетах и месткомах в частных и арендных предприятиях, о финансировании фабзавкомов трестированной промышленности, о порядке взыскания членских взносов с натурзаработка (сборник узаконений и распоряжений), изд. „Творческие дни“, Ярославль, 1922 г., 8 стр.
13. Постановление Врем. Прав. о рабочих комитетах в промышленных предприятиях и заведениях, ПТГ, 1917 г.
14. Протоколы 4 конференции фаб.-зав комитетов и профсоюзов г. Москвы, 1919 г. Изд. Ц. С. Проф. Союзов.
15. Проект инструкции для комиссий Труда при фабзавкомах, 1918 г.
16. Устав заводского комитета рабочих. Изд. Сытина, 1917 г., М., 8 стр.
17. Устав фаб.-зав. комитета, утв. II конференцией фаб.-зав. комитетов г. Петрограда и его окрестностей 7—12 августа, 1917 г., с предисловием Ц. С. фаб.-зав. комитетов. Изд Ц. С. фаб.-зав. ком., Петроград, 1917 г., 8 стр.
18. Устав фаб.-зав. рабочих комитетов г. Одессы с воззванием ко всем рабочим и служащим. Изд. Центр. Сов. фаб.-зав. комитетов города Одессы, 1917 г., 6 стр.
19. Фин, Л. Фабрично-заводские комитеты в России. Краткий очерк их возникновения и деятельности. Изд. Р.И.О. ВЦСПС, М., 1922 г.
20. Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов № 1—2 и № 3—4 (меньш. изд.), СПБ, 1918 г.

Б. Периодическая печать.

Деятельности фаб.-заводских комитетов целиком посвящен журнал „Новый путь“ ,орган Цен. Сов. фаб.-зав. ком., Петроград, 1917—1918 гг.

Кроме того, о фаб.-зав. комитетах имеется много материала, в виде статей, инструкций, циркуляров, отчетов о конференциях и т. п. в журналах и газетах всех направлений. Исчерпать этот материал здесь невозможно. Мы ограничились выборкой из оказавшихся наиболее доступных газет и журналов (главным образом, Петрограда, Москвы, Урала, Украины).

1. Проект положения о фабзавкомах, принятый на заседании президиума ВЦСПС (с поправками и дополнениями Всер. Сов. Союза Текстильщиков), „Профессион. Вестник“, орган Всер. Сов. Проф. Союзов № 11—12 (19—20). 15/VIII—1918 г.
2. Исполнительный Комитет Совета Профессиональных Союзов (г. Одессы) и фабрично-заводских комитетов „О циркуляре г. Вагнера о фаб.-зав. комитетах“, „Южный Профессиональный Вестник“, орган Совета рабочих Профессиональных Союзов г. Одессы № 6, октябрь 1918 г., стр. 15.

3. Резолюция Исполнительного Комитета (проф. союзов г. Одессы) о законопроекте Мин. Труда (Вагнера), о фабр.-завод. комит. Там же, стр. 15—16.
4. Наказ фабрично-заводским комитетам по охране Труда, „Вестник Труда", ежемес. орган ВЦСПС № 9 (12) сент. 1921 г., стр. 21—37.
5. Фабзавкомы в московских текстильных предприятиях к маю 1919 г. „Проф. движение" № 11, 1919 г.
6. Козлов. О завкомах „Проф. движ.", 1919 г., № 29—33. М.
7. Завельский. „О работе фабр.-зав. комитетов", „Бюллетени проф. движения", Омск, 1920 г., № 9, стр. 34.
8. Козловский. „О завкомах" (к пересмотру объема и рамок деятельности завкомов в национализированных предприятиях). „Профессион. движение", 1919 г., № 42, стр. 1—2.
9. Фабрично-заводский комитет, „Профес. движение", 1920 г., № 13. Передовая.
10. „Заводские комитеты", „Одесские Извест. С. Р. Д." № 20, 30 апреля 1917 г.
11. Рабочие комитеты. Соглашение между С. Р. Д. и комитетом владельцев о рабочих комитетах. Инструкция рабочим комитетам. „Одесск. Изв. С. Р. Д." № 35, 19 мая, 1917 г.
12. Собрание заводских старост. Тоже, № 55, 13 июня.
13. Фабрично-заводские комитеты (проект устава). Тоже, № 67, 27 июня.
14. Проект устава Центр. рабочего комитета. Тоже, № 69.
15. Проект устава для фабрично-заводского комитета. Тоже, № 90.
16. Анкеты одесских промышленников (об уставе фаб.-зав. ком.). Тоже, № 118.
17. Фабрично-заводские комитеты и их значение. Тоже, № 144.
18. Собрание фабзавкомов (Наказ делегатам на Всероссийскую конференцию фабзавкомов 10 октября, 1917 г.). Тоже, № 153—154.
19. Проект инструкции, выработанный ЦСФЗК. Тоже, № 205.
20. О созыве конференции фаб.-зав. комитетов, „Правда" № 65, Петрогр., 7 июня, 1917 г.
21. О первой конференции фаб.-зав. комит., „Правда", 15—24 июня, 1917 г.
22. Ко всем фаб.-зав. комитетам о так наз. „Революционном центре фаб.-зав. комитетов".
23. Обращения Цен. Сов. фаб.-зав. комитетов ко всем фабзавкомам, (№ 81—84, „Правда"), 1917 г.
24. Постановление Петрогр. Сов. Раб. Деп. и О-ва заводчиков и фабр. об организации фаб.-зав. ком., „Правда" № 7, 12 марта, 1917 г.
25. Конференция представителей фаб-зав. ком. заводов Артиллер. Ведомства, „Правда" № 28, 9 апреля, 1917 г.
26. Общегородская конференция фаб.-зав. комитетов г. Москвы, „Извест. Моск. С. Р. Д." № 120, 25 июня, 121.
27. Закон 23 апреля—резолюция Моск. конференции фабзавкомов, „Изв. М. С. Р. Д." № 123.

28. Циркуляры Временного Правительства о фаб.-зав. комитетах, „Изв. М. С. Р. Д.“ № 152 и 167, 1917 г.
29. Заявление комиссара Мин. Труда Моск. прав. района о толковании промышленниками закона 23 апреля о фаб.-зав. ком. и циркуляров к нему, „Изв. М. С. Р. Д.“ № 179.
30. 2-я общегородская конференция фабзавкомов г. Москвы, „Изв. М. С. Р. Д.“ № 186—191.
31. О фабрично-заводских комитетах (изменения, выработанные конференцией фабзавкомов г. Москвы к закону 23 апреля).
32. Конференция фабзавкомов метал. промышл. 23 ноября, 1917 г. Изд. М. С. Р. Д. № 214.

VI. Фабрично-заводские комитеты в хозяйственном строительстве в период 1917—22 годов.

(Рабочий контроль, вопросы национализации промышленности, регулирование и управление производством, трудовая дисциплина, участие в хозяйственной жизни и т. п.).

А. Литература.

1. Б. Ф. Рабочий контроль. Практические указания по ведению рабочего контроля в промышленных предприятиях, изд. Самарск. губ. Совета, Самара, 1918 г., 15 стр.
2. Кактынь. Единый хозяйственный план и единый хозяйств. центр. М. 1920 г.
3. Лурье (Ю. Ларин). Трудовая повинность и рабочий контроль.
4. Ларин. Производственная пропаганда и советское хозяйство на руб. 4 года, Госизд., М. 1920 г., 48 стр.
5. Лозовский. Рабочий контроль. СПБ, 1918 г., 100 стр.
6. Милюков. История Второй Русской революции, т. I (гл. V, уступки демагогам пролетариата).
7. Милютин. Народное хозяйство Сов. России, изд. ВСНХ, М. 1920 г.
8. Ногин. Хозяйственные органы и профсоюзы.
9. О рабочем контроле, изд. Максимал., вып. I.
10. О роли профсоюзов в производстве (доклады на 8 съезде Совет. Раб. 30 дек. 1920 г.), изд. ВЦСПС, М., 1920 г., 80 стр.
11. Плетнев. О рабочем контроле, 1918 г.
12. Положение и правила о рабочем контроле, изд. Бюро Моск. О-ва типолитографов, М., 1918 г., 23 стр.
13. Прилежаев. Задачи рабочих в контроле и организации производства, изд. „Революц. Мысль“, СПБ, 1917 г.
14. Производственная пропаганда, сборн. под ред. Григорука, Украинск. Госизд., Киев, 1921 г., 64 стр.

15. Производственная пропаганда, офиц. матер. Ц.Б. ВЦСПС, вып. I, изд. Южбюро ВЦСПС, Х., 1920 г., 25 стр.
16. Прокопович. Народное хозяйство в дни революции, изд. Сов. Всер. кооп., 1918 г.
17. Инструкция фабзавкомам и месткомам об организации производственных комиссий для проведения работы по произв. пропаганде, Госизд., М., 1921 г., 8 стр.
18. Практическое руководство по рабочему контролю низшим органам рабочего контроля, изд. Сов раб. контроля центрального промышл. района, 1918 г.
19. Регулирование промышленности, изд. ВСНХ, М. 1918 г.
20. Степанов, И. И. От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии, М., 1918 г.
21. Серебровский. Управление заводскими предприятиями.
22. Фролов, К. И. Инструкция по рабочему контролю, изд. Сов. раб. контроля, М., 1918 г.
23. Цыперович. Синдикаты и тресты в России, изд., 1919 г.
24. Швиттау. Революция и народное хозяйство в России 1917 г., изд. Центр. кооп. из-ва, Лейпциг, 1922 г. (глава восьмая „Труд"), стр. 37—8.

Б. Периодическая печать.

Целиком посвящен вопросам рабочего контроля журнал „Рабочий Контроль", изд. Цен. Сов. раб. контр., 1918 г., и вопросам народного хозяйства после национализации—орган ВСНХ „Народное Хозяйство", за 1918—19 годы, Москва, изд. ВСНХ.

1. Самодисциплина трудящихся. Статья. „Профессиональный Вестник". орган Всерос. Сов. Проф. Союзов № 5—6 (13—14), 20/IV—1918 г. стр. 5—6.
2. Поднятие производительности труда (заседания ВЦСПС, 23—III, 31—III и 3—IV 1918 г.). Там же, стр. 11.
3. Резолюция, принятая на заседании ВЦСПС 3—IV 1918 г., специально посвященном вопросу „О трудовой дисциплине". Там же, стр. 11.
4. Национализация производства и Профессиональные союзы. „Профессиональный Вестник" № 11—12 (19—20), 15—VIII 1918 г., стр. 3—4.
5. Н. Глебов. Рабочий и государственный контроль. „Проф. Вестн." № 3 (29), март 1919 г., стр. 11—13.
6. Н. Глебов. Рабочий контроль. „Проф. Вестн." № 1 (27), 20 января 1919 г., стр. 7—11.
7. Глебов, Н. Рабочий контроль в национализированных предприятиях. Там же, стр. 28.
8. Гарви, П. Регулирование экономической борьбы. „Южный Профес. Вестн.", орган Сов. Раб. Проф. Союзов, г. Одесса, № 6, октябрь 1918 г., стр. 1—4.

9. Астров. Поднятие производительности труда. Там же, стр. 4—6.
10. Козелев, Б. „Проф. союзы и строительство народого хозяйства“. Статья в юбелейном номере—октябрь 1917 г.—октябрь 1918 г., „Проф. Вестника“, орган ВЦСПС, стр. 23—23.
11. А. А. Богданов. „О планомерности в контроле над производством“. Статья в журн. „Сибирский Горнорабочий“, изд Областного объединения проф. союзов горнорабочих Зап. Сибирп, № 2, 12 апреля 1918 года, стр. 2—3.
12. Егоров, К. О расценочно-конфликтных комиссиях „Проф. Движение“. Двухнедельник Моск. Губ. Сов. Проф. Союзов № 3, февраль 1923 г., стр. 24—25.
13. Томский, М. Милитаризация труда. „Вестн. Труда“, ежем. орган ВЦСПС № 1, октябрь 1920 г., стр. 20—25.
14. Гр. Бычков. „Профсоюзы и хозяйственный фронт“. Там же, стр. 25—30.
15. А. Гуревич. Производственная пропаганда и союзы. Там же, стр. 70—74.
16. А. Гольцман. Дисциплина труда. „Вестн. Труда“, ежемес. орган ВЦСПС № 1—2 (4—5), январь—февраль 1921 г., стр. 45—54.
17. Б. Борьян. Рабочий контроль (1917—1921), „Вестн. Труда“ № 10—11 (13—14), октябрь—ноябрь 1921 г., стр. 29—41.
18. Рабочий контроль и северная концессия. „Проф. Движение“ № 1, 1919 г.
19. О государственном контроле. То же, № 2, 1919 г.
20. Рабочий и государственный контроль. То же, № 4, 1919 г.
21. Рабочий и государственный контроль. То же, № 6, 1919 г.
22. К вопросу о регулировании промышленности. „Проф. Вестн.“ 1917 г., № 8.
23. Рабочий контроль над производством. Конференция фабричных комитетов рабочих по обработке волокнистых веществ. „Ткач“ № 3, 3 января 1918 г.
24. Можно ли регулировать текстильную промышленность по фабрикам. Там же.
25. Начало ликвидации выборных объединений. „Печатник“, Моск., № 1—2, 26 января 1919 г.
26. За той же китайской стеной (о нажиме фабзавкомов на рабочих). Там же.
27. За китайской стеной (о национализации предприятий). „Печатник“ Моск., № 3—4.
28. О прикреплении рабочих и служащих к местам. Там же.
29. Что же дальше. „Вестн. Всер. союза раб. печатн. дела“ № 2, 18 апреля 1918 г.
30. Жгучие вопросы рабочего движения, „Народное Хозяйство“ 1919—III.
31. Чубарь. Роль Центрального Совета фабрично-заводских комитетов в организации Высшего Совета Народного Хозяйства“. „Народное Хозяйство“ № 11.

32. В. Шмидт. Профсоюзы и ВСНХ. Там же.
33. Оболенский. Из первых дней ВСНХ. Там же.
34. Ларина. У колыбели. Там же.
35. Чубарь. Октябрьские дни 1917 г. Там же.
36. Рудзутак. Год диктатуры пролетариата в текстильной промышленности. Там же.
37. Доклад Вейнберга. Организация управления национализированными предприятиями. Труды I Всер. съезда СНХ 26 мая, 4 июня 1918 г.
38. Арский. О рабочем контроле. Там же.
39. а) Роль заводских цеховых комитетов,
б) Контроль над производством, Одесск. губ. конф. металлистов, „Одесские Изв. С. Р. Д." 157, 1917 г.
40. Наступление промышленников. Тоже, № 166, 25 октября.
41. Контроль над промышленностью (общегор. конфер. ф.-з. к.) То же, № 179, 9 ноября.
42. Положение о рабочем контроле, принятое ВЦИК.
43. Контроль над производством. „Одесск. Изв. С. Р. Д." № 2 194.
44. Демократизация производства. То же, № 196.
45. Контроль над производством. „Южн. Проф. Вестн.", январь 1917 г., Одесса.
46. Инструкция Ц. Сов. ФЗК по финансовому контролю. „Новый Путь", орган Ц. Сов. ФЗК Петрограда и окрестностей № 1—2, 15 октября, 1917 г.
47. О рабочем контроле (тезисы Милютина). Рабочий контроль и его осуществление. Декрет о рабочем контроле. То же, № 3—4, 1 декабря 1917 г.
48. Essay: Зактынь. От рабочего контроля к организации и регулированию производства. То же, № 1—2 (5—6) 14 января 1918 г.
49. Проект инструкции к положению СНК о рабочем контроле, выработанный Ц. С. ф.-з. к. Декрет о ВСНХ. Положение о районных и местных СНХ. См. там же.
50. Вопросы рабочего контроля. О государственном контроле. Инструкция по рабочему контролю, выработанная Всер. Сов. раб. контроля. „Рабочий Контроль", орган Сов. раб. контроля Центр. промышл. области № 1, 23 февраля 1918 г.
51. Рабочий контроль и организация народного хозяйства. То же, № 3. 15 апреля 1918 г. Экономическая политика ВСНХ. Национализация производства. Экономическая программа. То же, № 4, 1 мая 1918 г.
52. Тарифная работа кожевенного производства. „Голос Кожевенника" № 1, 1—15 августа 1917 г.
53. Они наступают. Московская стачка. Ко всем рабочим России. То же, № 2—3, 1917 г.
54. К московской стачке. Хроника московской стачки. То же, № 4—5.
55. Резолюция о регулировании производства. „Изв. М. С. Р. Д." № 122.

56. Дволайцкий. Фабзавкомы и регулирование производства. То же, № 123.
57. Рабочий и государственный контроль. „Проф. Вестн." № 3, март 1919 г.
58. Трудовая повинность, ст. Рубина. „Изв. М. С. Р. Д." № 191.
59. Экономическая борьба раб. класса (резол. Моск. С. Р. Д. 19 октября) „Изв. М. С. Р. Д." № 193, 21 октября 1917 г.
60. О рабочем контроле. „Изв. М. С. Р. Д." № 201, 1 ноября 1917 г.
61. Рабочий контроль и задача союзов. „Изв. М. С. Р. Д." № 207.
62. Контроль над производством. „Изв. М. С. Р. Д." № 211.
63. Капиталисты за работой. Почему нужен контроль над производством. „Правда" № 90, 1917 г.
64. Рабочий контроль. „Правда" № 92.
65. Идут наперерез. „Правда", 20 мая 1917 г.
66. Разруха и пролетарская борьба с нею. „Правда" № 73, 17 июня 1917 г.
67. Три линии, ст. Глебова. „Правда" № 75.
68. Съезд по борьбе с локаутом в текстильн. промышл. „Правда" № 89.
69. О рабочем контроле. „Правда" № 199 и 206, 1917 г.
70. Осинский. Строительство социализма. „Нар. Хоз." № 3, март 1919 г.

VII. Фабрично-заводские комитеты и профессиональные союзы в период 1917—1922 гг.

А. Общая литература.

1. Арский, Р. Профессиональные союзы, 1918 г., 36 стр.
2. Андреев. Профессиональные союзы в 1921—22 году. Изд ВЦСПС, М. 1922 г.
3. Бухарин. Новая экономическая политика и профсоюзы. „Вестн. Агитации и Пропаганды", 1922 г., гл. I.
4. Зиновьев. Партия и профсоюзы в Сов. России. Госизд., Пг. 1920 г., 90 стр.
5. Итоги и перспективы проф. движения, сборн., изд. ВЦСПС, М., 1922 г.
6. Крайзель. Из истории профдвижения Харькова 1917 г., изд. Южбюро ВЦСПС, Харьков, 1921 г.
7. Лозовский. Проф. союзы в Сов. России, изд. ВЦСПС, М., 1920 г. стр. 64.
8. Лозовский. Октябрьская революция и профессиональные союзы, изд. Всепрофжел., М., 1919 г., 16 стр.
9. Лозовский. Профсоюзы и Октябрьская революция (итоги пятилетней борьбы), статья в сборн. ЦКРКП „За 5 лет", изд. „Красная новь", М., 1922 г.
10. Лисс, А. Профессион. союзы и частные предприятия, изд. Главполитпросвета, М., 1922 г., 34 стр.

11. Никулихин. Новые принципы проф. движения, изд. „Прибой", 1918 г, 1? стр.
12. Новые задачи профсоюзов (сборн. руководящ. материалов для партработников), изд. МКРКП, М., 1922 г., 77 стр.
13. Новые задачи профсоюзов, сборн. статей. Госизд, Саратов, 1922 г., 86 стр.
14. Новые пути профдвижения, сборн. статей, изд. ВЦСПС, М., 1922 г. 119 стр.
15. Тилецкий. Петроградское профессиональное движение в 1917—18 гг., изд. Петр. Сов. Проф. Союзов. Пг., 1918 г.
16. Профессиональное движение, сборн. „Красная Москва 1917—1920 гг.", изд. МСР и КД. М., 1920 г.
17. Розенбург. Революция и рабочее движение, сборн. „Год русской революции", 1917—18 г., изд. „Земля и Воля".
18. Рязанов. Задачи профсоюзов до и в эпоху диктатуры пролетариата. Госизд., М., 1921 г., 68 стр, 2-е изд. „Моск. Раб." под названием „Профсоюзы и диктатура пролетариата", М., 1922 г., 103 стр.
19. Сарабьянов. Революция и профессиональные союзы, изд. „Мир" 1917 г. 31 стр.
20. Татаринов. История профессионального движения в Воронежской губ. изд. Воронежск. ГСПС, 1921 г.
21. Томский М. Очерки профессион. движения в России, изд. ВЦСПС, М. 1920 г.—80 стр.
22. Томский М. Профессиональные союзы на новых путях, изд. Главполитпросвета, М. 1922 г.—45 стр.
23. Федотов. Рабочий вопрос в свободной России, изд. „Нар. Право", М. 1917 г.
24. Цыперович. Наши профсоюзы за 4 года, сборн. „Красный Петроград, 4 годовщина Октябрьской революции", Госиздат, Пг. 1921 г.
25. Цыперович. Задачи профессионального движения, изд. Петрогр. Сов. Проф. союзов, Пг. 1918 г., 74 стр.
26. Чернов В. Основные вопросы пролетарского движения, изд. п. с.-р. СПБ. 1918 г.
27. Шиппель. Проф. союзы рабочих.

Б. Периодическая печать.

1. М. Томский. „Год пролетарской революции". Статья в „Профессиональном Вестнике", орган ВЦСПС. Юбилейный номер—октябрь 1917 г.—Октябрь 1918 г.
2. Н. Глебов. „Деятельность профессиональных союзов до и после октября 1917 г.". Там же, стр. 6—10.
3. Г. Мельничанский. „Профсоюзы Москвы и Октябрьская революция". Там же, стр. 14—16.

4. Год проф. движения. Провинция. Урал. „Проф. Вестник“ орган ВЦСПС № 17—18. 20/XII—1918 г, стр. 28—29.
5. Яков Фин. „Рабочие и продовольственный вопрос“, статья в „Проф. Вестнике“ орган ВЦСПС № 9—10 (17—18) 29/VI—1918 г., стр. 10—11.
6. Е. Шатан. „Рабочее законодательство на Украине“. Статья в „Южн. Профессиональном Вестнике“, орган Одесского Совета рабоч. проф. союзов фабрично-заводских комитетов, № 5, май 1918 г., стр. 10—12.
7. Прокофьев. „Профессиональные союзы и фабрично-зав. комитеты“. Там же, стр. 12—13.
8. Лебединская. Обзор деятельности Совета (профсоюзов). Там-же стр. 15—16.
9. Слияние Советов (профсоюзов). Там же, стр. 17—18.
10. Неслуховский. „Профсоюзы и заводские комитеты“. Статья из „Сибирского Горнорабочего“, изд. Областного объединения проф. союзов горнорабочих Зап. Сибири, № 2—12 апреля 1918 г., стр. 4—7.
11. „Профсоюзы и фабрично-заводские комитеты“. Там же, стр. 13—14.
12. О взаимоотношениях между проф. союзами и рудничными комитетами. „Сибирск. Горнорабочий“, изд. Обл. объедин. проф. союзов горнорабочих Зап. Сибири № 4—30 (17) апреля 1918 г., стр. 15.
13. Цыперович, Г. „Красные профсоюзы Петрограда за 5 лет пролетарской революции“. „Вестник Профсоюзов“, ежемесячный орган Сев.-Зап. Областного бюро ВЦСПС и Петрогубпроф. совета, № 2—5 ноября 1922 г., стр. 6—8.
14. В. Яроцкий. „Великий Октябрь и профсоюзы“. Там же, стр. 9—13.
15. В. Рабинович. „5 лет деятельности союза металлистов“. Там же.
16. Лозовский. „Профсоюзы в эпоху диктатуры пролетариата“. „Международное рабочее движение“. Бюллетень Временного Международного Совета Проф. и Произв. союзов № 3, март 1921 г., стр. 8—17.
17. Андреев. Очередные задачи союзов. „Вестник Труда“, ежемесячный орган ВЦСПС, № 1 октября 1920 г., стр. 6—7.
18. Н Глебов. Основные задачи профсоюзов. То же, № 3, декабрь 1920 г., стр. 3—13.
19. В. Коссиор. „О ближайших задачах профсоюзов“. „Вестник Труда“, ежемес. орган ВЦСПС, № 1—2 (4—5) январь-февраль 1921 г., стр. 3—19.
20. Андреев. Профсоюзы за 4 года пролетарской революции. „Вестник Труда“ № 10—11 (13—14), октябрь 1921 г., стр. 3—16.
21. Б. Козелев. Октябрь и союзы. Там же, стр. 16—29.
22. М. Томский. „Новые задачи союзов“. „Вестник Труда“ № 1 (16), январь 1922 г., стр. 3—13.
23. М. Лурье (Ларин). „О рабочем договоре“ „Проф. Вестник“ 1917 г. № 5—6, 1 ноября.
24. Из деятельности ВЦСПС. „Проф. Вестник“ 1917 г., 10/XII, № 7.
25. Организация союза рабочих волокнистого производства Сев. промышленн. района. „Ткач“, СПБ. № 1, ноябрь 1917 г.

26. История нашего тарифа (по нашим фабрикам, хроника). То же, № 2—20 декабря 1917 г.
27. На распутьи. „Вестник Всерос. союза раб. печатн. дела“ № 2. СПБ. 18 апреля 1918 г.
28. Проф. движение в 1918 г. (о профсоюзах и фабр.-зав. ком.). То же № 1 - 15 января 1919 г.
29. Обвинители и обвиняемые. То же, № 4—20 апреля 1918 г.
30. Андреев. Профсоюзы и фабзавкомы. „Вестник Проф. Союз. Урала“ № 2—3 1918 г.
31. „Профсоюзы и Сов. власть“. „Новый Путь“. Петроград 1919 г. I—II.
32. „Профсоюзы и их отношение к органам Сов. власти“. Там же.
33. Сарабьянов. „Диктатура пролетариата и профсоюзы“. „Народное Хозяйство“ 1921 г. I - II.
34. Наши настроения. (О взаимоотношениях с фабзавкомами). „Южный Проф. Вестник“ январь 1918 г. Одесса.
35. О слиянии фабзавкомов с профсоюзами „Новый Путь“, орган Ц. Сов. Ф. З. К Петрограда и окрестностей № 1—2 (5—6), 14 января 1918 г.
36. Профсоюзы и фабзавкомы. Резолюция 16 февраля 1918 г. на заседании Петроградского Сов. Проф. Союз. о слиянии с фабзавкомами. „Вестник Проф. Союз.“ № 1—4 мая 1918 г. орган Петрогр. Сов. Проф.-Союзов.
37. Резолюция общегородской конференции фабзавкомов о взаимоотношениях с профсоюзами. „Изв. Московск. С.Р.Д.“ № 122.
38. Резолюция о рабочем законодательстве. То же, № 189.
39. Проф. строительство и ф.-з. к. „Проф. Вестник“ № 1—2, 1 сентября 1917 г.
40. Заводские комитеты и проф. движение, ст. Глебова, „Правда“ № 70. 14 июня 1917 г.

VIII. Конференции и съезды фабзавкомов, профсоюзов, хозорганов.

А. Отдельные издания.

1. Первая областная конференция рабочих по обработке волокнистых веществ Московск. промышлен. района. М 1907 г.
2. Вторая конференция проф. союзов, доклады и протоколы. СПБ. 1906 г.
3. Конференция союза раб. по металлу—о борьбе с локаутами („Проф. Вестник“ № 4—5, 1907 г.).
4. Областная конференция текстильщиков центральн. района („Проф. Вестн.“ № 10, 1907 г.).
5. Иваново-Кинешемский областной съезд проф. союзов 17 сентября 1918 г., изд. Ив.-Вознес. ГСПС, 1918 г.

6. Протоколы Учредительного съезда металлистов 1918 г.
7. Протоколы I Всерос. съезда проф. текстильщиков, изд. 1918 г. 103 стр.
8. Вторая Всероссийская конференция союза раб. печ. дела 14—21 декабря 1917 г., состав, постановления и резолюции, изд. Всерос. Союза раб. печатного дела, 1918 г. М. 64 стр.
9. Первая рабочая конференция фаб.-зав. комитетов, изд. Центр. Сов. фаб.-зав. ком. Пг. 1917 г. 61 стр.
10. Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов, Пг. 1918 г. № 1—2 и № 3—4 (меньш. изд.).
11. Протоколы 4 конференции фаб.-зав. комитетов и проф. союзов г. Москвы, изд. ВЦСПС, М. 1919 г.
12. Широкая конференция фаб.-зав. комитетов, правлений союзов и пленума МГСПС 28—29 октября 1921 г., Гос. изд. М. 1921 г. 89 стр.
13. Третья Всеросс. конференция проф. союзов, резолюции, изд. Пг. 48 стр. 1917 г.
14. Отчет Всерос. Центр. Совета Проф. Союзов (за июль—декабрь), стенограф. отчет., изд. ВЦСПС, М. 1918 г. 99 стр.
15. Первый Всерос. Съезд Проф. Союзов. 14 января 1918 г., стеногр. отчет, изд. ВЦСПС. М. 1918 г. 38 стр.
16. Отчет ВЦСПС за июль—декабрь 1918 г., изд. ВЦСПС. М. 1919 г 99 стр.
17. Очередные задачи проф. союзов (организ. вопрос, тариф, трудовая дисциплина), первое циркулярн. письмо В. Ц. Сов. проф. союзов изд. ВЦСПС, М. 1918 г. стр. 88.
18. Второй Всерос. съезд проф. союзов 10—25 января 1919 г., стенограф. отчет, Гос. изд. М. 1921 г.
19. Резолюции Всерос. конференций и съездов проф. союзов, под ред. и с предисловием Цыперовича, изд. Петроград. ГСПС, Пг. 1919 г.— 102 стр.
20. Третий Всерос. съезд проф. союзов 6—13 апреля 1920 г., стенограф. отчет, изд. ВЦСПС, М. 1920 г.
21. Пятая Всерос. конференция проф. союзов 2—7 ноября 1920 г., стенограф. отчет, изд. ВЦСПС, М. 1921 г.
22. Чрезвычайный Всевос. съезд проф. союзов 17—25 мая 1921 г. стенограф. отчет, изд. ВЦСПС. М. 1921 г.
23. Бюллетень расшир. пленума ВЦСПС (20—24 октября 1921 г.), изд. Р.И.О. ВЦСПС, М. 1921 г.
24. Бюллетень II пленума ВЦСПС, февраль 1922 г., изд. ВЦСПС. М. 1922 г.
25. Стенографич. отчет 5 Всеросс. съезда проф. союзов с 17—22 сентября 1922 г., изд. ВЦСПС, М. 1922—544 стр.
26. Труды I Всерос. Съезда Сов. Нар. Хоз. 26 мая—4 июня 1918 г. изд. ВСНХ, 1918 г.
27. Труды II Всерос. Съезда Сов. Нар. Хоз. 19 декабря—27 декабря 1918 года (стенограф. отчет), изд. ВСНХ. М.

Б. Из периодической прессы.

1. 4 я Всероссийская конференция профессиональных союзов в Москве 1918 г. 12—17 марта „Профессиональный Вестник" орган ВЦСПС № 5—6 (13—14) 20/IV—1918 г. стр. 12 (хроника).
2. Резолюция, принятая конференцией по докладу т. Томского „Профсоюзы и Комиссариаты Труда" Там же, стр. 13.
3. 2-я Ярославская Губернская конференция профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов 12—15 марта, 1918 г. Там же стр. 20.
4. 4-я Московская общегородская конференция фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов. „Профессиональный Вестник" орган № 11—12 (19—20). 15/VIII—1918 г., стр. 14—16 (хроника).
5. Резолюция, принятая на 4-й Московской конференции фабрично-зав. комитетов и проф. союзов по вопросу о политической забастовке, по продовольственному вопросу, об организации Красной Армии, о союзной и трудовой дисциплине. Там же.
6. Конференция фабрично-зав. комитетов Союза текстильщиков Москов. Области. Там же, стр. 19.
7. Конференция фабрично-заводских комитетов в Серпухове „Проф. Вестник" орган ВЦСПС № 17—18 20/XII—1918 г., стр. 31.
8. Экономический съезд центральной промышленной области. Там же.
9. Рабинович М. 2-й общесибирский съезд углекопов „Сибирский горнорабочий" изд. областного объединения проф. союзов горнорабочих Зап. Сибири № 2—12 апреля 1918 г., стр. 7—13.
10. Общесибирский съезд углекопов в Иркутске. Резолюция съезда. Там же, стр. 20—23.
11. Конференция рудничных комитетов Анжерско-Судженского и Кузнецкого районов. „Сибирский горнорабочий" изд. обл. объедин. проф. союзов горнорабочих Зап. Сибири № 4—30 (17) апреля 1918 г. стр. 15.
12. Общегородская конференция фаб.-зав. ком. Москвы „Печатник" орг. Моск. пр. раб. печ. дела № 4, 8 сентября 17 г.
13. Областная конференция фабзавкомов и профсоюзов металлистов и горнорабочих. Резолюция о слиянии „Вестн. Проф. Урала".
14. Губ. съезд фабзавкомов и союза металлистов (в Одессе) „Одесск. Изв. Сов. Раб. Деп." № 170 28 октября, 1917 г.
15. Резолюции III конферен. фабзавкомов (в Петрограде) „Новый Путь" орган Цен. Сов. фабзавкомов Петрограда и окрестностей № 1—2 15 октября, 1917 г.
16. V конференция фабзавкомов в Петрограде. То же № 3—4.
17. III конференции контрольных комиссий „Рабочий контроль" орган Сов. Раб. контроля Центр. пром. области № 3 15 апреля, 1918 г.
18. О Всероссийском съезде кожевенников „Голос кожевенника" № 1 1—15 августа, 1917 г.

19. Общегородская конференция фабзавкомов „Изв. МСРД“ № 120 121, 124.
20. Обращение ко всем фаб.-зав. ком. от орг. бюро по созыву Всероссийской конференции. То же № 182.
21. Областная конференция металлистов (резолюция фаб.-зав. ком.). То же № 185.
22. 2 общегородских конференции фаб.-зав. ком. То же № 186—8.

Фабрично-заводские комитеты и рабочий контроль за границей.

1. 2-й Конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет стр. 389—440. Изд. Коминтерна 1921 г.
2. I-й Международный Конгресс Профинтерна. Стенографический отчет. Изд. Пресс-Бюро конгресса 3—19 июня, 1921 г.
   1) Доклад Цыперовича о рабочем контроле.
   2) Доклад Геккерта о фабрично-заводских комитетах.
   3) Доклад Лозовского. Организационный вопрос.
3. Лозовский, А. Программа действий Красного Интернационала Профсоюзов. М. 1921 г. Изд. Ком. Инт. Профсоюзов.
   1) стр. 15—о фаб.-зав. комитетах.
   2) стр. 27—захват фабрик и заводов.
   3) стр. 54—контроль над производством.
4. Варга, Е. и Лозовский. Мировой кризис. Задачи и тактика профсоюзов. М. 1921 г. изд. Ком. Инт. Профсоюзов.
5. Лозовский, А. Задачи и тактика профсоюзов М. 1921 г. Изд. Профинтерна.
6. Ледер, З. Профессиональное движение в Германии со времени революции М. 1921 г. Красный Инт. Профсоюзов.
7. Спектатор. Проблема социализации в Германии М. 1921 г. изд. ВСНХ.
8. Юзефович, И. Очерки профессионального движения Польши. М. 1922 г.
9. Цыперович и Геккерт. Рабочий контроль и фабрично-заводские комитеты (речи и резолюции I конгресса Профинтерна).
10. Смит, М. Классовая борьба в современной Англии. Изд. Профинтерна 1922 г.

Профсоюзы и фабзавкомы за границей.

(Из периодической печати.)

1. Б. Козлов. Горе железной пяте (Зарницы социалистической революции в Англии). Статья в „Профессиональном Вестнике“ орган ВЦСПС № 13—14 (21—22) 25/IX—1918 г., стр. 4—7.

2. Антонов, Н. „Новая программа Германских профессиональных союзов (о рабочих комитетах в Германии), статья там же стр. 7—9.
3. А. Эндерле „Фабзавкомы в Германии и их роль в движении последнего времени“ „Проф. движ.“ Двухнед. Моск. губ. Сов. Проф союзов № 4—5 март, 1923 г., стр. 18—21.
4. „Международное рабочее движение“. Двухнед. орган Всер. Центр. Сов. Проф. союзов под ред. А. Лозовского № 1—2 май, 1920 г.
5. То же № 3—4 июнь, 1920 г.
6. „Международное рабочее движение“. Бюллетень Временного Международного Совета проф. и производственных союзов. № 1 январь, 1921 г. Моск.
7. Конар, Ф. „Советы предприятий в Германии“ тоже № 2 февраль 1921 г. стр. 32—36.
8. Г. Мерфи - „Новые фазы развития революционных производственных комитетов в Англии“. Тоже № 4 апрель, 1921 г., стр. 5—9.
9. С. Гальперин. „Вопрос о рабочем контроле во Франции“. Тоже № 4 стр. 24—27.
10. Тоже № 5—6 май—июнь, 1921 г.
11. Красный Интернационал профсоюзов. Орган Исполнительного Бюро Красного Профинтерна № 1 (24) января, 1923 г. Москва.
12. Тоже № 2 (25) февраль 1923 г.
13. А. Чекин. „Фабричные и рабочие комитеты в России и за рубежом“. „Вестник Труда“. Ежемес. орган ВЦСПС № 1 октябрь, 1920 г. стр. 94—100.
14. Дж. Мерфи. „Внесоюзные организации в Англии“. Там же, стр. 100—108.
15. Яроцкий. „Германские сдвиги“ „Вестник Труда“ № 1 (16) стр. 82—88.
16. Г. Германдзе. „Гильдейский социализм в Англии“. Там же, стр. 88—109.
17. Борьба капитала с рабочими организациями, Кр. Инт. Проф. № 1—2 1922 г.
18. Германский пролетариат накануне новых боев, Бюллетень И. К. Кр. Интер. Проф. № 4—1921 г.
19. Что обещали дать и что дали германские реформисты на I конгрессе Советов предприятий „Бюлл. Кр. Ин. Проф.“ № 2—3 1921 г.
20. Знаменательная конференция, Бюл. № 4 24/I—1922 г.
21. I Общегер. конгресс фаб.-зав. советов горн. пром. Бюл. № 5—1921 г.
22. I Общегерм. конгресс советов предпр. Красн. Инт. № 10.

Материалом для характеристики движения фабзавкомов на Западе послужила гл. обр. хроника из английских, немецких и французских газет и журналов, составленная информ. Бюро Профинтерна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“.

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ. ★ МОСКВА.

Либкнехт. Политические заметки.
„ О молодежи.
Маркс К. Критика Готской программы.
Постгейт. Рабочий Интернационал.
Поль Луи. Будущее социализма.
Ческис. Гоббс и современный материализм.
Энгельс. Бакунисты за работой.
„ Крестьянский вопрос во Франции и Германии.

II. Серия агитационная:

Агитсборник. К неделе беспризорного и больного ребенка.
Антонов-Овсеенко. Строительство Красной Армии в революции.
Баратов. Наша Красная Армия.
Бубнов. Партия капиталистической реставрации.
Быстрянский. Борьба за богатства мира.
Вардин, И. Политические партии в русской революции.
„ Партия меньшевиков и русская революция.
8-ое марта. Тезисы и материалы к международному дню работниц.
Глонти. Советская и меньшевистская Грузия.
12-ое марта. Годовщина февральской революции. Тезисы и материалы.
Дроздов. Как царско-дворянское правительство обирало крестьян.
Зиновьев. Единый рабочий фронт.
Как проводить агиткампанию в политпросвет. учреждениях. Сборник.
Кантор. Кому нужна национальная рознь.
Кольцов. Паункарэ—Война.
Кон, Ф. IV Конгресс Коминтерна.
Красный, Ю. Польский фашизм.
Лозовский. Ближайшие задачи Красного Интернационала Профсоюзов.
„ Они и мы против войны.
Мещеряков, Вл. Партия с.-р. ч. I и II.
Мещеряков, Н. Л. На переломе. (О русской эмиграции).
Митрофанов. На идеологическом фронте в деревне.
Обвинительные речи на процессе с.-р. (по стенограмме).
Процесс эсеров. Речи защитников 2-й группы эсеров: Бухарина, Членова, Кона, Биненко и речи подсудимых 2-ой группы: Дашевского, Семенова, Коноплевой и др.

Радек. Октябрьская революция и ее место в истории.
Раковский. Кукуруза—наш спаситель.
Сборник. Беспартийные массы и партия коммунистов.
Сборник статей. На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией.
Сборник. На борьбу с последствиями голода.
„ Партия меньшевиков и деникинщина.
Стеклов. Партия с.-р.
Тимирязев. Наука в Советской России (за 5 лет).
Флеровский. Октябрьская революция и НЭП.
Шмераль. Чехо-словаки и с.-р.
Яковлев. Деревня, как она есть.

III. Серия антирелигиозная:

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Браун В. Христианство и коммунизм.
Беркова. Гольбах I и II издание.
Брикнер. Страдающий бог в религиях древнего мира. Предисловие и примечание Е. Ярославского.
Брихничев. Патриарх Тихон и его церковь.
Вилла. Религия в свете науки.
Даенсон. О боге и черте. Памфлет.
Древс. Миф о Христе. т. I.
Комсомольская пасха. Сборник.
Комсомольское рождество. Сборник.
Лафарг. Происхождение и развитие понятия души.
Лукин. Революция и церковь.
Обрезание, его социальное и религиозное значение. По Лафаргу.
Плеханов Г. В. О религии. (Три статьи).
По Лафаргу. Сказание об Адаме и Еве.
„ Сказание о непорочном зачатии.
Розенов. Против попов. ч. I, в. I, 2, 3.
Степанов И. Мысли о религии. I и II издание.
„ О правой и неправой вере. Об истинных и ложных богах.
„ О таинстве св. причащения.
„ Задачи и методы антирелигиозной пропаганды.
„ О душе, о загробной жизни, о боге и бессмертии.
„ Очерк развития религиозных верований.
Струмилин. Бог и свобода.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

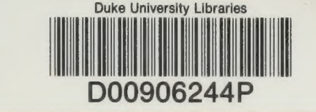
Москва, Изд. „КРАСНАЯ НОВЬ“ при Главполитпросвете.

Торговый сектор Издательства:

Москва, Милютинский пер., д. 22, кв. 43.

Экспедиция Издательства:

Сретенка, 8.

Duke University Libraries
D00906244P